ХРЕСТОМАТИЯ по ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ХРЕСТОМАТИЯ по ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Западная Европа

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

Составили
*Л. А. МИХАЙЛОВА, К. Г. ТАРАСОВ,
Н. А. ДЛИН*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Министерства Просвещения РСФСР
МОСКВА · 1959

Михайлова Людмила Алексеевна
Тарасов Константин Георгиевич
Длин Николай Александрович
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Редактор *И. П. Смирнова*
Редактор карт *К. А. Андреева*
Художественный редактор *М. Л. Фрам*
Технический редактор *Н. Н. Махова*
Корректор *Н. И. Котельникова*

* * *

Сдано в набор 5/VII 1958 г. Подписано к печати 30/X 1958 г. 60×92[1]/[16]. Печ. л. 21,5 + вкл. 0,5. Уч.-изд.л. 23,11 + вкл. 0,43. Тираж 22 тыс. экз. А09676.
Заказ № 2071.
Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

* * *

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Цена без переплета 6 р. 90 к.
Переплет 1 р. 50 к.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Хрестоматия содержит материал по физической географии Западной Европы. Она предназначается как пособие для учителей шестых классов средних школ и частично может быть использована при изучении разделов природных условий стран Западной Европы в VIII классе.

В хрестоматию вошли статьи, иллюстрирующие особенности природных условий отдельных частей Западной Европы. Весь материал сгруппирован по трем основным ландшафтным областям: Северная, Средняя и Южная Европа, как это сделано в курсе «Физической географии Западной Европы» Б. Ф. Добрынина (Учпедгиз, 1948). Такое построение, по мнению составителей, облегчит подбор материала, необходимого учителю по той или иной части программы.

При отборе статей в основу был положен принцип использования таких источников, которые освещают природные особенности различных ландшафтов, а в некоторых статьях отдельные явления природы (извержения вулканов Исландии, образование карстовых пещер, современное состояние альпийских ледников и др.).

Составители стремились отобрать такой материал, который, характеризуя природные условия, вместе с тем отражал бы жизнь и деятельность человека и его влияние на природу. Поэтому почти все статьи в той или иной степени показывают современный облик ландшафтов, сильно измененных человеком. Включено также несколько статей, посвященных европейским столицам. Составители полагают, что эти статьи помогут получить более полное представление об изучаемых странах.

Для хрестоматии были использованы статьи, опубликованные в печати главным образом за последние несколько лет, фактический материал в них основывается почти исключительно на личных впечатлениях авторов. Часть фотографий публикуется впервые и принадлежит одному из составителей — К. Г. Тарасову.

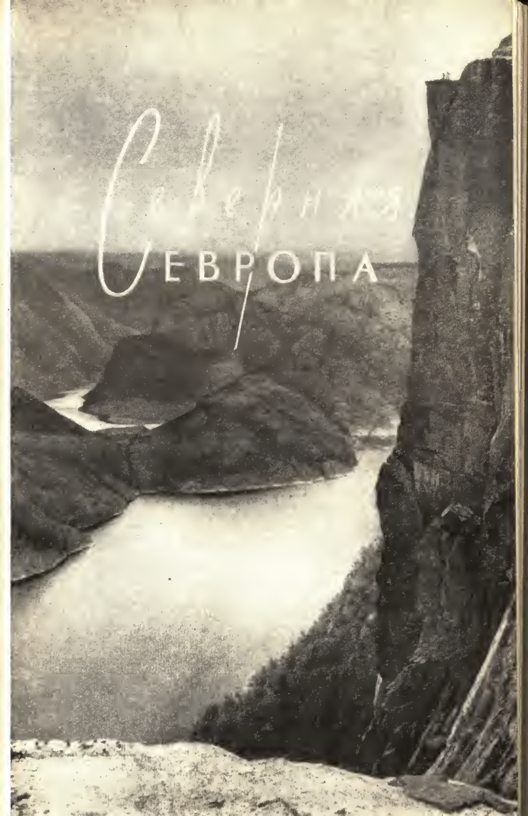
В хрестоматию включен материал, который или полностью может быть использован непосредственно на уроках (чтение, пересказ), или в школьных географических кружках. Несколько статей («Современные тектонические движения Британских островов» и др.) посвящены специальным научным вопросам и рассчитаны на учителей.

Ряду статей предшествуют пояснительные тексты, даваемые петитом, подписи под фотографиями, а также карты и схемы.

В тех случаях, когда статьи подвергались переработке или скомпанованы из нескольких источников, перед фамилией автора поставлено: «По В. Николаеву», и т. п.

Материалы по физической географии в хрестоматию подбирали Л. А. Михайлова и К. Г. Тарасов; статьи по городам Западной Европы подобраны Н. А. Длином.

Все критические замечания и отзывы по хрестоматии просим направлять по адресу: Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Учпедгиз, редакция географии.

Северная
Европа

АРХИПЕЛАГ ШПИЦБЕРГЕН

С. Михайлов

Архипелаг Шпицберген лежит между 75° 28′ и 80° 48′ с. ш. Острова архипелага возвышаются на подводном пороге, разделяющем котловины Гренландского и Норвежского морей.

Рельеф островов гористый. Горы, созданные каледонской складчатостью в начале палеозойской эры, представляют собой горстовые глыбы, приподнятые по линиям разломов, происходивших в последующие геологические эпохи. Глыбовые массивные хребты разделены между собой впадинами грабенов, в которых сохранились толщи морских и континентальных отложений. Наибольший интерес среди них имеют каменноугольные пласты верхнепалеозойского, мезозойского и третичного возраста.

В периоды накопления каменных углей природные условия Шпицбергена резко отличались от современных. В каменноугольную эпоху низменности островов были покрыты густыми зарослями лепидодендронов и каламитов, в меловом периоде на них произрастали гинкговые леса, в третичный период — субтропические широколиственные леса. Климат островов был жарким и влажным.

Самый важный каменноугольный бассейн — третичного возраста — занимает южную часть Западного Шпицбергена, где угли залегают на пространстве от Ис-фьорда до мыса Южного. Запасы их оцениваются в 5 млрд. *т*.

В четвертичный период архипелаг подвергался двукратному оледенению, в настоящее время имеет ледяной покров «шпицбергенского» типа, т. е. такой, который не полностью скрывает гористый рельеф. Ледники заполняют

Архипелаг Шпицберген

долины, перетекают из одной долины в другую по низким перевалам, образуют местами небольшие поля и щиты, но самые высокие вершины гор поднимаются из-под ледяного покрова в виде острых и зубчатых гребней. Мощность льдов непостоянна, но, видимо, не превышает 200 *м*.

Наибольшую площадь ледники занимают на островах Северо-Восточная Земля и Западный Шпицберген. Льды достигают океана, обрываются вдоль берегов крутыми стенами (Восточный лед на Северо-Восточной Земле) и сползают в фьорды, расчленяющие побережье.

В настоящее время ледники находятся в стадии отступания, особенно активно происходящего на западе острова Западный Шпицберген, где проходит теплое течение.

Острова Шпицберген лежат в зоне тундры, растительность которой обладает рядом характерных особенностей. Отсутствие деревьев в тундре объясняется явлением «физиологической сухости» растений, т. е. недостатком влаги, получаемой растениями за короткий (1—3 месяца) вегетационный период. Причина «физиологической сухости» заключается в том, что грунтовые воды в промерзлой почве остаются холодными и плохо усваиваются корневой системой, следовательно, воды, которую должны получать древесные растения, недостаточно. Поэтому в тундре растут только мхи, лишайники, многолетние травы, кустарники и кустарнички. Корневая система их

Ледники у северного побережья Шпицбергена

проникает лишь в самый поверхностный слой почвы, оттаивающий летом (не глубже 15 *см*). Многие растения в защиту от испарения имеют опушенные стволы и листья, стелющиеся и подушковидные формы.

Приводимая ниже статья может быть использована при изучении зоны тундры Западной Европы, а также для иллюстрации колебаний климата в течение геологических эпох на примере каменноугольных залежей островов.

* *
*

С борта корабля, приближающегося к южной оконечности Шпицбергена, еще издали видны остроконечные вершины, по которым острова получили свое название[1].

Свыше половины всей площади архипелага занимает большой остров — Западный Шпицберген. Вторым по величине является остров Северо-Восточная Земля. Южнее расположены острова Баренца, Эдж и масса мелких островков, объединенных одним названием «Тысяча островов». Длинный узкий пролив отделяет от Западного Шпицбергена Землю Принца Карла, также входящую в состав архипелага. Общая площадь Шпицбергена — 65,5 тыс. *кв. м,* архипелаг принадлежит Норвегии.

В дни, когда остроконечные вершины островов закрыты легкой дымкой тумана, издали кажется, что перед вами выступают контуры башен средневекового города. Но вот туман рассеивает-

[1] Шпицберген — по-голландски «Острые горы».

Ледники залива Ланг-фьорд на острове Шпицберген

ся, и вы видите мрачные вершины, столообразные возвышенности, долины и ущелья, круглый год заполненные ледниками. Местами ледники, медленно сползающие с гор, образуют у побережья уступы прозрачно-голубого льда.

Острова Северо-Восточная Земля, Карла, Баренца и Эдж ныне почти сплошь покрыты льдами. Под ледниками находится до 60 тыс. *кв. м* всей площади архипелага.

Близко к западному побережью самого большого острова, Шпицбергена, подходит западношпицбергенская ветвь теплого Северо-Атлантического течения. Она проникает в глубь фьордов и таким образом согревает удаленные от моря островные районы. В феврале средняя температура в Ис-фьорде —12,6°, а в самый теплый месяц (июль) достигает +5,5°.

Как только стает снег и наступит беззакатный полярный день, склоны гор в этих районах покрываются красочными коврами растительности. Первыми появляются из-под снега мхи, лишайники и ложечная трава, перенесшая суровую зиму в листьях и бутонах под снежным покровом. Ложечная трава по вкусу напоминает салат и широко употребляется в пищу жителями архипелага. Немного позднее зацветают горечавка, зеленоватые метелки черемицы, желтые лапчатники, голубые соцветия незабудки, полярный мак, подушечки лиловатой шпицбергенской гвоздики. Распускаются листья и на карликовой березе и полярной иве, о которых говорят: «Ходишь по лесу, а леса не видишь». Даже на значительных высотах снежники окрашиваются в слабо-розовый цвет — это появляются не различимые простым глазом водоросли.

Совсем иная картина на восточной стороне Западного Шпицбергена. Здесь вдоль берегов проходит холодное восточношпицбергенское течение. Только на южных склонах в самые

«жаркие» месяцы появляются небольшие пятна мхов да зацветает полярный мак.

С наступлением весны воздух оглашают неугомонные птичьи голоса. Архипелаг — излюбленное место знаменитых птичьих базаров. На прибрежных скалах гнездятся люрики, чистики, кайры, морские чайки, моевки, глупыши, топорики, дикие утки, лебеди, гуси и другие птицы, в том числе крупная и хищная чайка «бургомистр».

Животный мир архипелага небогат. В прошлом на островах водились громадные стада оленей. В конце XIX в. охота на этого зверя была «модным» видом спорта. Сейчас олени почти полностью истреблены.

Изредка острова посещает «хозяин льдов» — белый медведь. Водятся на островах и голубые песцы. Из морских млекопитающих здесь много тюленей и морских зайцев. Воды, омывающие западную часть Западного Шпицбергена, богаты тресковыми и камбаловыми рыбами.

Главное богатство архипелага — высококачественный каменный уголь. Общие запасы его определены в несколько миллиардов тонн. Мощные пласты угля свидетельствуют о том, что Шпицберген — ныне страна голых скал, снега и льда — в прошлом был покрыт пышными лесами. По сохранившимся в пластах угля отпечаткам листьев, ветвей и семян и по остаткам ихтиозавров, минозавров и других гигантских животных ученые установили, что климат архипелага был когда-то жарким и влажным.

СЕВЕРНЫЙ БАСТИОН ЕВРОПЫ

По *С. Орловскому* и *А. Коптеву*

Скрылся за скалистыми берегами город Гаммерфест [1], город рыбаков, в котором почти все население занято ловлей или продажей рыбы. Окрестности Гаммерфеста — пустынны и унылы; вокруг города теснятся голые зубчатые скалы, не оживляемые ни рощами, ни зелеными полями. Но теплое Северо-Атлантическое течение омывает берега, и климат здесь такой, что редко случаются морозы больше 12°.

Наш пароход пробирается между бесчисленными островами к конечной цели нашего путешествия — мысу Нордкап, врезающемуся в воды Северного Ледовитого океана.

Нордкап, или Северный мыс, представляет собой оконечность пустынного острова Магерёйя. В летние месяцы сюда часто приезжают туристы в надежде увидеть не заходящее полуночное солнце. Но постоянные туманы и дожди окутывают Нордкап серой пеленой; ясные, безоблачные дни выдаются редко.

---

[1] Гаммерфест расположен на острове Квалёйя (70° 40′ с. ш.).

Самая северная оконечность Западной Европы — мыс Нордкап

Однако каменистый остров бывает поразителен и величав даже в серенькую, ненастную погоду. Когда темные тучи спускаются совсем низко, когда бушует и пенится океан и грозно бьется о подножие каменной стены Магерёйи, тогда темные скалистые бока Нордкапа в мрачном величии вырисовываются над морем, точно крепость, созданная для того, чтобы отражать приступ волн.

Здесь все мрачно и серо; даже летом все напоминает о страшных зимних бурях, об ужасных снежных метелях, которые гуляют над горами. Снег и вода забираются в трещины гранитных обрывов, замерзают там, расширяясь, раскалывают камень, и глыбы гранита тяжело падают в море; бешено вздымаются волны, грохот падения далеко раздается вокруг. Так медленно разрушает вода крепкие утесы, которые на первый взгляд кажутся вечными...

Несмотря на поздний час, никто из пассажиров не уходил в каюты: всем хотелось скорее увидеть грозные скалы Нордкапа. Нам удивительно повезло с погодой: солнце сияло во всем бле-

ске своего величия и висело над краем горизонта прочно и, казалось, недвижимо, несмотря на то что время приближалось к полуночи.

Наконец, приближаясь к острову, мы ясно увидели выдающуюся на север огромную скалу, разрезанную трещинами от основания до вершины на три колоссальных мыса высотой до 300 *м*. Они выступали вперед не по одной линии: далее всех выдавался средний мыс, который собственно и называется мысом Нордкап и лежит под 71°10′ с. ш.

Обогнув все три мыса, наш пароход зашел с северо-восточной стороны в небольшую защищенную бухту. Якорная цепь загрохотала, и мы остановились... Немедленно были спущены шлюпки, и пассажиры, несмотря на поздний час, съехали на берег.

Чтобы взобраться на Нордкап, нужно в течение нескольких часов подниматься по крутому, извилистому пути. В защищенных местах вдоль тропинки растут березы и стелющиеся кустарники. Но березы здесь, далеко за полярным кругом, не поднимают своего стройного ствола, а прижимаются к земле, чтобы найти у нее защиту от полярных ветров. В середине июля здесь появляются даже цветы — желтые лютики, фиалки, нежные анемоны, незабудки. Но они быстро расцветают и отцветают, и снова только скудная зелень трав скрашивает ложбины.

Подъем все продолжается, ноги скользят по камням, поросшим мхом; острые осколки загромождают тропу.

Взобравшись, наконец, наверх, мы увидели перед собой огромное каменистое нагорье, почти совершенно плоское. Его пересекали быстрые ручьи, во всех направлениях виднелись озера, на которых плавали белые, причудливых форм льдины. В западинах между невысокими холмистыми грядами белел снег.

Несколько километров мы шли по этой каменистой пустыне. Лишь кое-где серый камень оживлялся пятнами травы и низким, прижатым к земле кустарником.

Наконец мы достигли северного предела Европы — северной оконечности Магерёйи, маленькой площадки на вершине крутосклонного Нордкапа. Волны бьются и пенятся у его подножия; страшно и жутко заглянуть с края обрыва вниз, в бездну... Впереди, на севере, на востоке и на западе, расстилается безбрежный Северный Ледовитый океан. С высоты он кажется гладкой темно-синей скатертью; только нагнувшись вниз, можно увидеть длинные гребни волн. Они рядами бегут к скалам и разбиваются белой пеной. Глухой шум, доносящийся до нас, говорит о том, что океан волнуется.

Суровое величие океана и этой последней каменной твердыни Европы производит глубокое впечатление. Когда ни увидишь Нордкап — в ясный ли летний день или в холодную зимнюю ненастную ночь,— все равно никогда не забудешь этого посещения.

МРАЧНЫЙ СОГНЕ

С. Орловский

Фьорды и фьельды представляют собой наиболее типичные элементы рельефа Скандинавского полуострова. Фьорды, расчленяющие крутые западные и южные берега Норвегии,— классический пример ледниковых долин, затопленных морем. Для них характерны обрывистые высокие склоны с висячими долинами, большая длина при небольшой ширине, невыработанные продольные профили, в которых впадины чередуются с поперечными порогами — ригелями. Троги образовались в результате переуглубления ледниками четвертичного периода речных долин, большая часть которых заложилась по тектоническим трещинам.

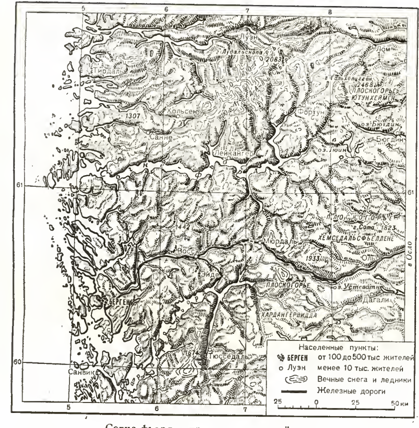
Фьельды — выравненные или слабоволнистые поверхности на вершинах Скандинавских гор, лежащие на разных уровнях, остатки третичного и более древнего пенеплена каледонского складчатого фундамента нагорья, приподнятого и раздробленного в конце третичного периода. Над фьельдами поднимаются лишь немногие столовые массивы или скалистые гребни, сложенные плотными породами, главным образом кристаллическими.

Фьельды занимают самую большую площадь в южной части гор, где образуют ряд высоких массивов, расчлененных глубоко вдающимися с запада вершинами фьордов и верховьями речных долин, направляющихся к востоку. Наибольшей высоты среди них достигает массив Ютунхеймен, имеющий широкое основание, лежащее на высоте 1200—1600 *м*, над которым на 500—1000 *м* поднимаются венчающие его горы с острыми вершинами и крутыми клонами, изъеденными ледниковыми карами. Верховьями Согне-фьорда от Ютунхеймена отделяется крупный массив Юстедальсбре, из-под ледяного покрова которого поднимается лишь одна вершина — гора Лудальскопа (2083 *м*).

В четвертичный период Скандинавский полуостров пережил три ледниковые эпохи — миндельскую, рисскую и вюрмскую. В рельефе наиболее четко сохранились следы второго оледенения. Оно покрывало нагорье сплошным ледниковым панцирем, ледники переуглубили речные долины, преобразовали их в троги, на фьельдах выпахали впадины, ставшие впоследствии озерными котловинами. Во время вюрмского оледенения, менее мощного, самые высокие вершины нагорья приобрели альпийский характер рельефа, созданный каровыми ледниками, разъедавшими их склоны. На юге полуострова оледенение оставило мощные пласты моренных отложений, предохранивших поверхности фьельдов от эрозионного расчленения, затронувшего лишь их краевые части.

Общая площадь современного оледенения Скандинавских гор около 5000 *кв. км*. Главная масса льда сосредоточена в его южной части, вблизи западной окраины, в условиях более океанического, влажного климата. Особенно крупные скопления льдов лежат в верховьях фьордов Согне и Хардангер. Большая часть ледников представляет собой ледяные купола — обширные плосковершинные скопления льда, полностью скрывающие рельеф подстилающей поверхности. Кроме них, встречаются ледники чисто скандинавского типа — фирновые поля, от которых начинаются многочисленные долинные ледники, а также ледники альпийского типа (особенно в массиве Ютунхеймен). Ни один из ледников не достигает уровня моря, хотя некоторые из них спускаются очень низко.

Особенностью растительного покрова западных склонов Скандинавских гор является отсутствие лесов в нижних частях склонов, занятых до высоты 500 *м* формацией верещатников — кустарников и кустарничков, часто вечнозеленых, цветущих летом и в начале осени красивыми красными и фиолетовыми цветами. Высказываются мнения, что вересковая формация — вторичная и существовала до сведения приморских хвойных и березовых лесов как кустарниковый ярус. Лишь в немногих местах в глубинах крупных фьордов встречаются небольшие участки смешанных лесов с примесью широколист-

Согне-фьорд с прилегающими районами

венных пород (липа, вяз, дуб, бук). Эти леса — реликтовые, сохранившиеся от более теплой послеледниковой эпохи, чем современная.

Пояс хвойных лесов — сосновых и еловых, сменяющий вересковые заросли, поднимается в горы до высоты около 900 *м*. Леса растут в верховьях троговых долин фьордов, по склонам речных долин — в местах, защищенных от воздействия влажных океанических ветров. Верхнюю границу леса образует пояс березового криволесья, заканчивающийся на высоте около тысячи метров ниже уровня моря. Выше начинается горная тундра, в которой преобладают кустарники, мхи и лишайники.

* * *

Ни один из фьордов Норвегии не может сравниться с Согне-фьордом по длине и глубине. Он вдается в глубь Норвегии на 220 *км*, его ветви далеко проникают в глубь страны, а воды достигают глубины 1244 *м*[1].

[1] При такой длине и глубине средняя ширина Согне-фьорда 6—8 *км*.

Согне-фьорд

Дорога в Согне-фьорд из города Бергена может быть и по морю и по горным дорогам.

Вход в Согне-фьорд со стороны моря великолепен. Грозные скалы стоят при входе, а дальше высятся ледники Юстедальсбре. Фьорд уходит в глубь страны между двумя стенами обнаженных гор; только внизу, у подножия их, зеленеют поля и рощи и мелькают дома.

Но еще лучше ехать к Согне-фьорду из Бергена по железной дороге, а потом добираться до него на лошадях. Таким образом вы увидите чудесную горную страну, отделяющую воды Хардангера от вод Согне; вы будете любоваться железной дорогой, проложенной по страшным кручам смелыми норвежскими инженерами [1]; и хотя у вас голова закружится от глубоких пропастей, у края которых мчится поезд, но вы все же останетесь довольны, посетив один из лучших уголков Норвегии.

---

[1] Железная дорога, соединяющая Берген с Осло, поднимается на фьельды на высоту до 1,3 *км* и на протяжении 200 *км* проходит по Скандинавским горам, минуя по пути 178 тоннелей.

Фьельды Скандинавского нагорья

Все здесь прекрасно и удивительно.

Горы, долины между ними, зеленые пастбища, голубые озера, ручьи и потоки, низвергающиеся по камням водопадами, а главное — бодрый, сухой воздух нагорья... Если выдастся солнечный день, путешествие это будет восхитительно. Свежий воздух весь пропитан запахом сосны и горных трав, потому что в долинах и по склонам гор множество сосновых лесов и отличных пастбищ.

Но дорога между сосновыми лесами и пастбищами скоро кончится. Горы сдвигаются, лесов становится меньше, и вот лошади поднимаются по крутому подъему и останавливаются.

Вы готовы вскрикнуть от удивления.

Перед вами пропасть. Глубокое ущелье сжато между горами, и в нем течет Неро-фьорд — южная ветвь Согне-фьорда. Дорога вьется по крутому склону то вправо то влево. Чем ниже спуск, тем печальнее долина Неро-фьорда. Небо видно только над го-

Хандангер-фьорд

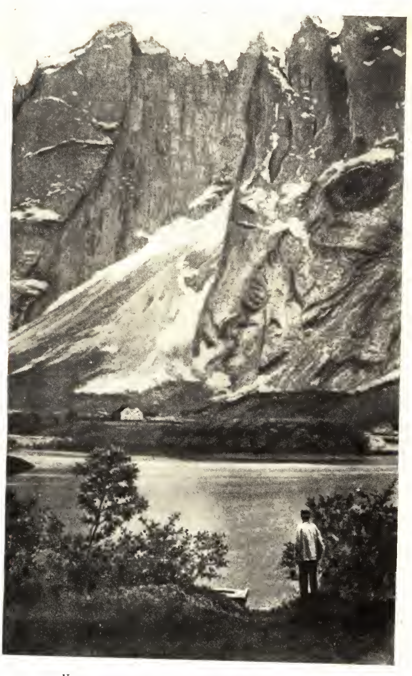
ловой, а справа и слева высятся скалистые стены гор. Солнце зимой никогда не освещает эту долину.

На дне долины чувствуется, что горы словно давят вас, будто вы находитесь на дне колодца. Ширина фьорда у основания — менее километра.

Согне-фьорд оставляет тоже впечатление сурового величия. Он протекает среди высоких гор, во все стороны от него отходят ответвления, и что-то глубоко грустное охватывает душу, когда видишь это сочетание камня и воды.

Особенно мрачны воды и берега Согне-фьорда в ненастье, когда темные тучи несутся над горами, заволакивают вершины и кидают холодные черные тени на воду.

Когда едешь на пароходе или на лодке по Согне-фьорду, то горы, заходя одна за другую, как будто закрывают проезд. Но едешь дальше, горы раздвигаются, и вдали опять появляются новые вершины. Час за часом залив уходит все дальше. По берегам его кое-где видны деревушки, усадьбы. Как редко видят они солнышко! Есть такие узкие лощины, куда луч солнца не попадает месяцами.

У подножия крутых склонов норвежских фьордов
расположены рыбачьи поселки

Тронтхейм-фьорд. Его выровненные прибрежные участки используются для земледелия

Если Согне-фьорд суров и величествен днем, то тем более поражает он, когда едешь по его глубоким водам в светлую летнюю ночь.

Здесь, на севере, летние ночи похожи на сумерки. В бледном свете ясно можно различить вереницы гор, но они словно дальше и выше, чем днем, они окутаны в серый туман и вдали сливаются с небом.

Там, где кончаются последние ветви Согне-фьорда, тянутся высочайшие нагорья: на востоке поднимается нагорье Ютунхеймен, что значит «жилище великанов», где высятся величайшие горы Норвегии, из которых одна имеет высоту 2468 *м* [1].

Если вы подниметесь туда и окинете взором с этих высот Ютунхеймен, то увидите до самого горизонта одни лишь снежные и суровые скалы. Ютунхеймен — царство вечных льдов и голого черного камня.

От этого нагорья северной веткой Согне-фьорда отделяется другое, западное плоскогорье — Юстедальсбре. Ледник Юстедальсбре, окруженный и местами прорезанный скалами, самый большой в Норвегии: он занимает площадь 855 *кв. км.*

Толщина ледяной брони местами достигает 300 *м.* От нее спускаются по южному склону длинные потоки льда, висящие по склонам гор. В глубинах лед имеет темно-синий или зеленоватый цвет; сверху он белый, зернистый, перемешанный с камнями и песком. Из ледника местами вытекают потоки талых вод. Они стремятся вниз по склонам и несут с собой камни, глину, песок.

---

[1] Гора Гальхёпигген — высшая точка Скандинавского полуострова.

Посреди ледника находится великолепное озеро Дуэн, которое наполняет глубокую расщелину между льдами. Оно большое, ярко-синего цвета, по нему плавают пароходы. Со всех сторон его окружают блестящие ледяные горы. Во многих местах на берегу ледяные потоки висят по склонам и готовы сорваться и полететь вниз. Когда такой кусок ледяного потока оборвется и соскользнет с крутизны в воду, тогда в горах раздается как бы глухой ропот: грохот растет, растет, и наконец вся окрестность наполняется гудением и оглушительными раскатами.

Мрачен и суров фьорд Согне; но еще суровее ледники Юстедальсбре и мертвые пустынные нагорья Ютунхеймена.

СКАЗ О НОРВЕЖСКОЙ СЕЛЬДИ

Кьелль Вальдерхауг

Норвегия — страна рыбаков и мореходов. Почти со всех сторон она омывается морем, ее береговая линия общей протяженностью в 2700 *км*. Свыше десятой части населения кормится рыболовством и мореходством.

В 1950 г. норвежские исследователи морей доказали гипотезу одного норвежского ученого, выдвинутую еще в 1873 г., что фактически «домом» норвежской весенней сельди является морская область, лежащая между Норвегией, Шотландией и Исландией.

Сочетание практической сметки и смелости рыбаков с систематическими исследованиями ученых дало блестящие результаты. В 1956 г. на ловле сельди у норвежского побережья от Кристиансунна до Ставангера было добыто 12,6 млн. гектолитров. Этого количества хватило бы, чтобы подать селедку за обедом всему населению земного шара...

К берегам Норвегии на банки приходит множество рыбы метать икру или питаться планктоном, который особенно богат весной и осенью в прибрежных водах.

В декабре сельдь собирается громадными косяками к северу от Фарерских островов и ловится в этот период на холодной стороне той линии, которая отделяет арктические воды от вод Атлантического океана. Сельдь движется по восточноисландскому арктическому течению примерно в 100 морских милях[1] от норвежского побережья. Здесь косяки останавливаются на неделю — вероятно, для того, чтобы привыкнуть к температуре атлантических вод, потом «прорывают фронт», направляясь к берегу. Косяки движутся со скоростью от 25 до 40 морских миль в сутки, держась сначала вместе. Но в норвежских прибрежных водах косяки расходятся в разные стороны. Ночью рыбаки по

[1] Одна морская миля — около 1,8 *км*.

эхолоту регистрируют «вуаль» из сельди на больших площадях. Утром косяки сходятся, а в сумерках снова расходятся.

Все эти сведения о странствованиях сельди добыты норвежскими исследователями моря. Они подтверждены опытом норвежских и русских рыболовов, работающих в районе Фарерские острова — Исландия — Норвегия.

* *
*

Эти, быть может, несколько сухие данные о ловле зимней сельди вдоль западного побережья Норвегии, конечно, далеко не все, что составляет наш сказ, который можно было бы озаглавить «Серебряные копи моря».

За свою долю в богатых сокровищах моря борются 25 тыс. норвежских рыбаков. Но во много раз больше число людей, которые ежегодно с волнением ждут результатов лова,— ведь вся экономика побережья во многом зависит от этого! Среди этих людей не только семьи рыбаков, но и многочисленные рабочие рыбных заводов. Вдоль всего побережья расположилось 60—70 крупных предприятий. Они перерабатывают 70—80% улова и экспортируют его в виде рафинированных масел и сельдяной муки. Несколько сот фабрик ждут сельди для засолки и отправки на иностранные рынки. Ежегодно солят до 700 тыс. гектолитров.

Советский Союз уже давно является крупным рынком для норвежской сельди, а после войны стал основным ее покупателем: за последние годы экспорт в СССР составлял 400—500 тыс. бочек.

В холодильниках, оборудованных по последнему слову техники, сельдь замораживают для экспорта в другие страны, главным образом в Великобританию и Германию.

Весь сбыт сельди идет через кооперативную организацию рыбаков, основанную 30 лет назад. Сельдь сбывается ежегодно по гарантированным ценам. Кооперативы рыбаков имеют в своем распоряжении также несколько крупных, по-современному оборудованных заводов. Рыбакам обеспечен прием улова, когда суда прибывают в гавань. Другое дело — обеспечить сам улов. Погода, различные биологические и океанографические причины, влияющие на размер сельдяных косяков, на выбор мест для метания икры,— все это влияет на ход и исход лова. Какие-нибудь несколько дней со штормами и снежным туманом могут причинить большие потери.

* *
*

Вот приближается время лова. Когда даст о себе знать сельдь? Какова будет погода? Все охвачены волнением ожида-

ния. На берегу это называют «сельдяной лихорадкой». Так бывает особенно к концу декабря, когда морские суда отправляются на разведку косяков. Нащупали ли суда сегодня что-либо? Каким курсом идут косяки? Когда можно их ждать у берега? Это волнует и молодых и старых, рыбаков и рабочих по разделке сельди, предпринимателей и судовладельцев.

В больших сельдяных гаванях суда стоят наготове. В порту Олесунн вырастает целый лес мачт; там можно, не замочив ног, переходить между причалами с судна на судно. В эти напряженные дни люди сидят за радиоприемниками и без устали ловят сообщения с моря.

И вот приходит известие, что косяки находятся на пути к берегу. В несколько минут эта новость облетает все порты, все дома. Огромный флот отправляется в море. В кино во время сеансов, в залах ресторанов то и дело передаются по радио вызовы: рыбаки такие-то должны прибыть на свои суда немедленно.

Сельдь идет!

Проходит несколько часов — и в гаванях не остается ни одного судна. Плавучий город отправился на место лова, и несколько недель подряд сети и невода будут забрасываться в «серебряные копи» моря.

Сельдь кишмя кишит в глубине, время от времени она выходит на поверхность единой движущейся массой, такой огромной и мощной, что суда буквально поднимаются на миллионах черных сельдяных спин.

Уже в следующую ночь приходят сообщения о первом улове. Суда перекликаются друг с другом по радио, кто-то просит помочь отбуксировать добытую сельдь, кто-то хвалится крупным уловом, несутся жалобы о неводах, прорванных невиданным множеством сельди...

Что поделаешь, сказ о сельди — это сказ не только о морских богатствах. Не всякому рыбаку под силу вовремя поднять на борт из глубины моря живые сельдяные массы. Но самое тяжкое — это гибель людей. Бывают случаи, когда гибнет весь экипаж судна, но бывает и так, что несколько лет подряд рыбацкая Норвегия не переживает подобных трагедий.

Спасательная служба сейчас организована хорошо: метеорологи дают точные сведения о погоде, и семьи рыбаков могут не бояться за ушедших в море. Но все же и теперь несчастья возможны.

Все норвежские сказы, как правило, оканчиваются так: «Снип, снап снуре! Вот и сказу конец». Желание всех норвежцев — чтобы сказ о сельди у нашего побережья никогда не кончился.

НА ПОДСТУПАХ К СТОКГОЛЬМУ

Е. Н. Лукашова

Своеобразны берега Северной Европы. Сложенная в основном древними кристаллическими породами, она сравнительно недавно, всего 15—16 тыс. лет назад, перекрывалась мощными ледниками. Ледники сползали со Скандинавских гор и на запад, в воды Атлантического океана, и на юго-восток, выстилая область Балтийского моря. В крутых склонах Норвегии они расширяли и углубляли долины, преобразуя их в так называемые троги. На равнинах Швеции и Финляндии ледники выпахивали углубления в трещинах, шлифовали выступы скал. После отступления ледников в троги вторглись воды океана, превратив их в глубокие извилистые заливы — фьорды, столь характерные для норвежского побережья; по ним длина береговой линии Норвегии равна 27 тыс. *км,* а по прямой — 4,5 тыс. На равнинах остались покровы донной морены, песчаные гряды наносов подледниковых вод, тысячи озер и отдельные скалистые холмы с пологим склоном, обращенным в сторону былых наступавших ледников, и крутым — в противоположную. Это «бараньи лбы», возвышающиеся над затопленными низменными берегами в виде бесчисленных островков — шхер. Шхеры сопровождают и берега Норвегии, где насчитывается свыше 150 тыс. островов, скудно покрытых лишь низкорослым вереском, и побережья Швеции и Финляндии. Особенно многочисленны залесенные здесь шхеры при входе в Ботнический залив между Финляндией и Швецией. Ниже приводится отрывок из путевых записок географа, посетившего шхерное побережье Швеции во время рейса теплохода «Победа» вокруг Европы в июне 1956 г.

* *
*

Весь день 28 июня, миновав ночью Датский архипелаг, теплоход «Победа» идет вдоль юго-восточного побережья Скандинавии открытыми водами Балтики. Тяжелые темно-серые дождевые облака, через которые не пробивается ни один луч солнца, окрашивают море в мрачные свинцовые тона. Холодный северо-восточный ветер заставляет забывать о середине лета. Он срывает резкие белые гребешки с массивных волн, и лишь в их изогнутых стенках можно различить зеленоватый оттенок воды. Бортовую качку в 3—4 балла уже никто не замечает: за три недели плавания к ней привыкли. В широких окнах ресторана в верхнем этаже теплохода попеременно появляются или угрюмое по-октябрьски небо, или неспокойное море, как будто на несколько минут окна превращаются в рамы картин художника-мариниста. В читальном салоне на дневном киносеансе полно желающих насладиться теплом и более веселым зрелищем, чем неуютная Балтика.

Под вечер вдоль правого борта медленно и монотонно проплывает западный берег острова Готланд. Тянется плоская полоса суши, почти черная в сумерках от деревьев и кустарников, среди которых лишь иногда проглядывают светлые пятна известняков на береговых обрывах. Но в бинокль оживает краснокры-

Типичный ландшафт Западной Норвегии →

ший Висбю[1] с радиомачтой, высоким маяком и черными остриями колоколен. Становится оживленней и в море. То и дело снуют пароходики, поддерживающие связь между Готландом и полуостровной Швецией. Но вот вечерняя мгла поглощает и этот кусочек «твердой земли» и сливает воедино мрак неба и моря.

Я ложусь с твердым намерением встать как можно раньше, чтобы не прозевать вход в шхеры. Но когда, проснувшись в 4 часа 30 минут утра и натянув на себя все имевшиеся теплые вещи, я выскакиваю на палубу,— наш теплоход уже давно лавирует среди россыпи островов. Несмотря на свою громоздкость, «Победа» тихо скользит по спокойной, прозрачной воде в предрассветных голубовато-серых сумерках. Вместо безбрежного моря, справа и слева, впереди и сзади, куда ни кинь взор, возвышаются как бы уснувшие синевато-зеленые лесистые острова. Они надежно защищают от волн и ветра межшхерные проливы. Через некоторое время на востоке блеклые, светло-розовые и палевые отсветы зари сначала разливаются по небу, подкрашивая тонкие слоистые облака, затем отражаются в воде, превращая ее в мерцающий перламутр, потом первые лучи солнца падают на деревья ближних островов. У меня с школьных лет укоренилось не совсем правильное представление о шхерах. Я знала, что шхеры — это затопленные морем «бараньи лбы» — окатанные древним ледником выступы плотных пород, слагающих Фенно-Скандию. И казалось, что у ее побережья и должны быть рассеяны бесчисленные голые отшлифованные скалы. А мы плывем среди шхер, заросших лесом настолько, что редко удается различить в его густой зелени выпуклые глыбы темно-розовых и серых гранитов. Лишь самые крохотные и низкие островки, затопляемые приливами, сложены кристаллическими породами. Как в старом запущенном парке, разбросаны живописные куртины. Но вместо дорожек, аллей и лужаек между островами пролегают извилистые проливы и каналы, вдаются узкие тупички или полукруглые заливы. Темную хвою нарядных елей подчеркивает яркая зелень берез, серебристая листва осин, плотная опушка кустарников, сползающих к самой воде. На крутых уступах, изогнув ствол и впиваясь змеевидными корнями в малейшие расщелины, уцепились раскидистые сосны.

Только успеешь проводить взглядом один островок, всмотреться в одну излучину, угадывая, что это — пролив или залив, как появляются новые сосновые мысы, новые плесы и архипелаги. Внимание ненадолго приковывают силуэты белых лебедей, равнодушно качающихся на волнах, порождаемых «Победой». А за это короткое время успевают смениться и острова и заливы.

Богатая оттенками, но все же однообразная гамма зелени изредка нарушается красным пятном остроконечной черепичной крыши или коричневатыми деревянными строениями рыбацких

[1] Главный город и порт Готланда.

селений, приютившихся в глубине причудливо разветвленных заливов. Почти под прямым углом мы сворачиваем с водной дороги, пролегающей параллельно берегу полуострова, и «углубляемся в сушу» на северо-запад, к Стокгольму. И справа и слева горизонт уже неотступно скрывает темная гряда леса, все у́же становятся проходы между островами, на которых все больше появляется зелени. Теперь они иногда напоминают клумбы. Почти на каждом островке умудрился пристроиться небольшой деревянный домик, окруженный цветником, увитый плющом и розами; у маленьких причалов слегка покачиваются две-три лодочки. Это дачи «на воде» обитателей Северной Венеции, как недаром называют Стокгольм. Невольно вспоминаешь и образное название норвежских шхер — шхергор, что означает «сад шхер». На островах покрупнее поднимаются двух-, трехэтажные здания с расчищенными перед ними спортивными площадками. Это летние детские лагеря. Нелегко выбрать правильный путь в затейливом лабиринте похожих друг на друга проливов, отличить один остров от другого. Наша «Победа» еще глубокой ночью была предусмотрительно встречена опытными шведскими лоцманами на внешних рубежах шхер. Без их помощи не обходится ни одно крупное судно.

Все чаще резким диссонансом врезаются в мирный ландшафт шхер округлые белые громады нефтехранилищ и бензобаков с неизменной ярко-красной маркой американской фирмы ESSO или грязно-серые железобетонные укрепления, охраняющие подступы к столице Швеции.

Но вот появляются фабричные корпуса, заводы, доки верфей с ржавыми остовами или свежевыкрашенными бортами ремонтируемых кораблей, длинные коробки зданий и черные отвалы угольных складов; все это смыкается на скалистых обрывах берегов; теперь слева можно легко рассматривать оголенные «бараньи лбы», на которых возвышаются многоэтажные, однообразно прямоугольные громады новых пригородов Стокгольма. Их разделяют все те же узкие проливы. В утренние часы еще подняты металлические конструкции разводных мостов, еще неподвижны шеренги ажурных причальных кранов, и лишь крикливые чайки оживляют спящий городской ландшафт. Справа в центр столицы вдвинул свои залесенные холмы остров Дьюрхольмен[1] с народным парком-музеем Скансен. Мы швартуемся напротив, у неширокой площадки под уступами скал. А впереди вырисовываются острые шпили церквей и общественных зданий, башни замков, высокие и строгие серые дома, новые каналы и острова шхер, на которых и расположен Стокгольм[2].

---

[1] Хольмен — по-шведски — остров.

[2] Стокгольм стоит на четырнадцати островах, между озером Меларен и Балтийским морем.

2-2

СТОКГОЛЬМ

По *Э. Жибицкой, Н. Кривенко, М. Соколову*

Если Рим лежит на пологих холмах, а столица Голландии — на тенистых берегах каналов, то Стокгольм вознесен над морем на заросшие зеленью скалистые острова. Прохладная вода Балтики и пресного озера Меларен омывают в общей сложности четырнадцать островов, и по их крутым склонам поднимаются вверх живописные кварталы Стокгольма. Широко раскинувшийся город по всем направлениям прорезан водными протоками. Воды вокруг так много, что кажется, будто Стокгольм переживает сильное наводнение. Шведы недаром называют свою столицу «Северной Венецией».

Море и скалы — без них трудно представить себе Стокгольм. Стокгольм стоит на граните и сам построен из гранита. Вероятно, не так уж много городов на свете, где над вполне современной улицей нависают вдруг тяжелые глыбы гранита и специальные металлические сетки предохраняют прохожих от случайных обвалов; городов, где на один кадр фотографической пленки можно заснять одновременно и кусочек мшистой скалы, и многоэтажное здание с броскими буквами рекламы, и флаг иноземного корабля. Характерно для шведской столицы и обилие чаек: их так же много здесь, как в других городах голубей.

Улицы Стокгольма бесконечно петляют, кружат и в конце концов приводят на набережную или к мосту, перекинутому с одного острова на другой. Вдоль набережной — старые, потемневшие за долгие годы дома. Очень много памятников: шведские короли и прославленные полководцы прошлого властно держат за железную узду позеленевших от времени и непогоды коней... Шведы любят и чтут старину, они старательно берегут все то, что напоминает им о прошлом народа.

В городе много зелени. Лесами покрыты даже шхеры, заслоняющие город от Балтийского моря.

В Стокгольме проживает около 800 тыс. жителей, а вместе с пригородами — более миллиона. Это главный политический и финансовый центр Швеции, столица шведских монополий, город торговцев и чиновников, но это также и крупнейший промышленный центр страны. В столице и ее пригородах сосредоточено свыше 25% всего машиностроения Швеции. В городе много крупных предприятий пищевой, швейной, обувной и полиграфической промышленности. Промышленные предприятия рассеяны по всему Стокгольму. В центральной, плотно заселенной части города находятся лишь те из них, которые не требуют большой территории, главным образом полиграфические и швейные. Крупные фабрики и заводы расположены на периферии, чаще всего вдоль пристаней — ближе к месту получения сырья и отправки готовой продукции на экспорт.

Стокгольм в то же время и крупнейший железнодорожный узел страны: он связан электрифицированными магистралями с Гётеборгом, Мальмё, с Северной Швецией и Норвегией. Морской порт Стокгольма занимает второе место по грузообороту в стране после Гётеборга.

Ядро современного Стокгольма — старый город — находится на центральном островке пролива, связывающего Меларен с Балтикой. Старый город с его островерхими крышами, узкими улочками, где с трудом может пройти машина, представляет собой типичный уголок средневековой Европы.

В течение нескольких столетий Стокгольм помещался на этом островке. Затем он стал разрастаться и занял северное и южное предместья — Нормальм и Седермальм. Еще в конце прошлого века старый город был деловым и административным центром столицы, а Нормальм — жилым районом. Но в старом городе становилось все теснее, и деловой центр распространился также на примыкающую к старому городу часть Нормальма. Здесь находятся королевский дворец и риксдаг (парламент), банки, биржи, судоходные и страховые компании. Банки вытеснили отсюда почти все магазины. Лучшие магазины сосредоточены теперь на Дротнинггатан — самой оживленной улице Стокгольма.

Теснота застройки характерна для всего города. В нем нет просторных площадей, улицы узки. Однако здания большей частью невысоки, чаще всего встречаются трех- и четырехэтажные дома.

Улицы Стокгольма слишком узки для современного пассажирского транспорта. К тому же они запружены трамваями, автомобилями, троллейбусами, мотоциклами, что создает большую напряженность движения, особенно в часы «пик». Очень распространен в городе также велосипедный транспорт. Проезд в трамвае дорог. Выгоднее приобрести собственный велосипед.

На Нормальме между деловым центром и лесным массивом, опоясывающим город с востока, находятся кварталы, населенные буржуазией. Для своей резиденции она выбрала лучшую часть города — сравнительно невысокую и ровную, больше других районов испытывающую смягчающее влияние Балтики. Здесь много парков и скверов.

Парк Дьюршгарден — одна из достопримечательностей столицы — занимает всю восточную часть города, включая остров Дюрхольмен. В прошлом здесь был охотничий парк шведских королей. Сейчас на острове находится музей скандинавского быта, где представлены образцы крестьянских домов из различных областей Швеции с характерной для них домашней обстановкой. Здесь можно увидеть также растения и животных, типичных для отдельных провинций. На этом же острове находится картинная галерея, инженерная и музыкальная академии, учительский институт, библиотеки, исключительный по богатству экспонатов Северный музей, представляющий быт, этнографию и кустарное искусство скандинавских стран.

В Васасатене — районе к северо-западу от делового центра — проживает мелкая буржуазия, преимущественно мелкие торговцы, а также чиновники. В этом районе находится университет, где во второй половине прошлого века читала лекции Софья Ковалевская — выдающийся русский математик.

ДВЕ НЕДЕЛИ В ШВЕЦИИ

Г. Кублицкий

Швеция занимает равнинно-холмистую южиую часть Скандиавии и восточный склон Скандинавского нагорья, лежащие в области Балтийского докембрийского щита, сложенного гранитами, гиейсами и кристаллическими сланцами. В южной Швеции выделяются с юга на север три ландшафтных района: полуостров Сконе, возвышенность Смоланд и Озерный район.

Ландшафты Сконе имеют много общего с ландшафтами Средней Европы. Рельеф полуострова холмисто-равнинный, холмы высотой до 200 *м* сложены гранитами, выступающими из-под осадочных толщ крутосклонными грядами северо-западиого простирания. Климат Сконе мягкий, морской. Зимние температуры колеблются около 0° (вдоль юго-западной окраины полуострова проходит нолевая изотерма), летние — около +17°; осадков выпадает до 600—700 *мм* в год. Почвы полуострова плодородные, бурые лесиые, сформировавшиеся на богатых известью моренных суглинках. Естественная растительность — дубово-буковые леса и верещатники, типичные для приатлантических среднеевропейских районов,— сохранились лишь иа склонах гранитных холмов, на равнинах же сведены под распашку.

Возвышенность Смоланд — сводовый выступ докембрийского фундамента Балтийского щита (средняя высота 150—200 *м*), раздробленный по краям радиальными тектоническими трещинами, по которым заложились речные долины, углубленные ледниками в четвертичный период. На вершиие Смоланда сохраиился платообразный характер древнего рельефа, много озер и болот, широко распространены песчаные флювиогляциальные наносы. Климат возвышенности более холодный и влажный, чем Сконе (осадков выпадает до 1000 *мм*), почвы подзолистые, песчаные или каменистые, малоплодородные; широко развиты торфяники, верещатники, на востоке встречаются иебольшие массивы смешанных лесов, хвойио-широколиственных (ель, дуб, липа, ясень, клен и др.).

Озерный район занимает область опускаиия Балтийского щита по сложной системе тектонических разломов. На поверхности повсюду распространены моренные отложения, почти везде перекрытые послеледниковыми песчано-глинистыми морскими и озерными осадками. В рельефе выделяются обширные тектоиические впадины, углублениые ледииками, заиятые озерами Венерн, Веттерн, Меларен и Ельмарен, окружающие их широкие равнины и невысокие холмистые гряды. Климат района — переходный между морским и континентальным; средние температуры января —3, —3,5; устойчивый снежный покров держится от 40 до 50 дней; средние температуры июля превышают 16°; осадков выпадает около 500 *мм*. Почвы подзолистые; наиболее плодородные приурочены к глинисто-песчаным равнинам, окружающим озера. Смешанные хвойно-широколиственные леса почти не сохранились от порубок.

Восточный склон Скандинавского иагорья широкими уступами спускается к низменному побережью Ботнического залива и пересечен поперечными долинами рек, использующими тектонические разломы, углубленные доледниковой эрозией и ледииками четвертичного периода. Реки имеют иевыработанные профили. На равнинах уступов они текут с иебольшими уклонами и часто разливаются в широкие озеровидные расширения. Примером может

быть озеро Сильян в среднем течении реки Даль-Эльв, одной из крупнейших рек Швеции. При спусках с уступа на уступ течение рек становится бурным, порожистым, в этих местах реки обладают большими запасами гидроэнергии.

Климат восточного склона Скандинавского нагорья находится под влиянием континентального воздуха умеренных широт, формирующегося в Восточной Европе, и арктического воздуха, вторгающегося в зимнее время года с северными и северо-восточными ветрами. Средние температуры января снижаются от —2° на 60° с. ш. до —12° на широте полярного круга; абсолютный минимум на севере района достигает —30, —40°, средние летние температуры — около +13, +15°. Осадков выпадает от 500 до 1000 *мм*, причем большая их часть приходится на летнее время года.

Восточный склон нагорья лежит в зоне хвойных лесов и подзолистых почв, развитых на моренных отложениях. Леса сосновые (на песчаных почвах), еловые (на глинистых) часто прерываются торфяниками, которых особенно много на севере Швеции.

Когда я очутился на юге Швеции — полуострове Сконе, мне стало казаться, что давным-давно я уже бывал здесь, на этой распаханной равнине с редкими купами деревьев.

Между полями пшеницы и сахарной свеклы тут и там видны черепичные, изредка соломенные крыши, серые стены сараев и хлевов, образующие вместе с домом четырехугольник хутора. Коровы пасутся за изгородями, сложенными из камня: лес здесь дорог. На пригорке машет крыльями ветряная мельница, поодаль — другая. Крестьянин поднимает зябь плужком, в который запряжена пара гнедых. По влажным пластам пашни прыгают не грачи, а чайки: море совсем рядом.

Полуостров Сконе — главная житница Швеции и южные морские ворота страны.

Мальмё, Ландскруна и Хельсингборг — типичные портовые города на берегу пролива Эресунн, отделяющего южную Швецию от Дании. Дорога из Мальмё в Хельсингборг пробегает недалеко от берега пролива, мимо небольших рыбацких поселков и курортных местечек. Наш автобус быстро катит по отличной дороге. Во встречном потоке автомашин часто мелькают «Победы» и «Москвичи». Очень приятно видеть здесь этих «земляков», завоевавших у шведов, как нам говорили, славу недорогих, долговечных, удобных машин.

Равнины Сконе кончаются севернее Хельсингборга.

Немного мы познакомились и со Смоландом — одним из ландшафтов[1] южной Швеции, совсем непохожим на Сконе. Смоланд — бесплодная, каменистая возвышенность, на которой шумят хвойные леса и голубеют чистые озера. Города тут маленькие, небогатые, за исключением одного Йёнчёпинга, знаменитого своими спичечными фабриками: именно отсюда и пошла по всему миру шведская спичка.

---

[1] Ландшафты — исторические провинции, возникшие во время существования отдельных феодальных владений. Ландшафты в таком понимании и сейчас часто фигурируют в шведской географической литературе. (Примечание автора.)

Севернее линии смоландских городков и деревень начинается средняя Швеция — область главных промышленных центров. Стокгольм и Гётеборг как бы стягивают к себе в два пучка линии железных дорог, морских путей, каналов, шоссе. Здесь трудится две трети всех рабочих страны и производится большая часть ее промышленной продукции. Гётеборг по числу жителей — около 400 тыс. человек — уступает только Стокгольму.

К северо-востоку от Гётеборга, в сторону Стокгольма, распростерлась низменность. В ее каменистых впадинах сверкают бесчисленные озера, которыми Швеция вообще богата: они занимают около 9% ее территории. Тут плещет волной Венерн — третье по величине озеро Европы, уступающее только нашим Ладожскому и Онежскому. Оно принимает тридцать рек, а уходит из него одна Гёта-Эльв — сердитая, порожистая, многоводная [1].

От Гётеборга к Стокгольму протянулась «голубая лента Швеции» — старинный Гёта-канал с десятками крохотных шлюзов [2]. Он пересекает вторую после Сконе житницу Швеции — лен [3] Скараборг, где пейзаж состоит из неба и полей овса.

Несколько дней мы знакомились со шведской столицей Стокгольмом и затем отправились на север. Автомобильная дорога № 13 (в Швеции они все занумерованы) ведет нас через упландские равнины и университетский город Упсала. За Упсалой некоторое время тянулась равнина с озерами, заросшими камышом. Мы проскочили несколько маленьких городков и пересекли реку Даль-Эльв. Потом на горизонте засинели горы. Совсем исчезли дубы, пошел редкий сосняк. Начались земли Даларны, края шведских легенд и песен.

Под вечер стал моросить нудный осенний дождь. Сквозь его серую кисею просвечивали заводские трубы. Отблеск пламени висел над домнами. Это металлургические заводы Бурленге, одного из новых городов Даларны.

Ночевали мы в Фалуне. Город славился раньше медными рудниками. Медь очень ценилась в Европе. Теперь здешняя земля отдала все, что имела. Рудники заброшены и служат приютом для летучих мышей.

Утром мы поехали дальше на север. В горах еще таяли туманы. Густо-синие, с пепельным грозовым оттенком тучи клубились в небе. Неожиданно мы увидели сверху, с горы, свинцовое озеро Сильян. Оно казалось бескрайним, к нему теснились густые хвойные леса. Красные искорки черепичных крыш тлели в их темной зелени.

---

[1] Гёта-Эльв впадает в пролив Каттегат; в ее устье находится город Гётеборг.

[2] Канал был построен в 1832 г. Он соединяет озера Венерн и Веттерн с Балтийским морем и через реку Гётте-Эльв соединяет Балтийское море с проливом Каттегат. Длина канала 420 *км*.

[3] Лен — единица административного деления Швеции. (Примечание **автора.)**

Петляя вдоль изгибов северного берега Сильяна, дорога вошла в самый настоящий бор — беломошник. Мне показалось вдруг, что я вовсе не в Швеции, а где-то в Сибири, в родных таежных местах. Те же сосны, мягкий ковер мхов и хвои, грибные полянки, похрустывающий валежник, крик журавлей в бледно-голубом небе...

Наш автобус после долгого подъема в гору остановился возле бревенчатой туристской хижины, на перевале, открытом ветрам. Раздвинулись необозримые дали. Лесной прибой шумел внизу. Озера отражали небо. За туманной чертой горизонта угадывался Норланд [1]— редконаселенный север страны, ее главная лесосека и богатейшая кладовая железных руд. Там селения далеки друг от друга, жизнь сурова, и кочевники — саами — все еще ютятся в чумах, прикрытых пластами торфа.

У ФИНСКИХ ЛЕСОРУБОВ

С. Смирнов

Тот, кто хоть раз видел Финляндию, не может не назвать ее страной камня, леса и воды. Чрезмерное обилие камня и воды приносит жителям Финляндии немалые трудности. Но когда речь заходит о третьей части финляндского ландшафта — лесе, то финны с уважением именуют его «зеленым золотом».

Чтобы понять, насколько метко это название, следует напомнить, что Финляндия не располагает многими необходимыми полезными ископаемыми. На ее территории нет ни угля, ни нефти, не хватает ряда металлов, а с их нехваткой связано отсутствие собственного производства многих видов машин. Финляндия — страна северная, и поэтому она не имеет ни своего каучука, ни своего хлопка. Сельское хозяйство страны, несмотря на все усилия, не может полностью обеспечить население даже хлебом и сахаром.

Все это приходится ввозить из других стран, а за ввозимые товары надо платить. Но чем? Золота в Финляндии мало, за последние 80 лет его было добыто немногим более 500 *кг*.

И вот здесь-то приходит на выручку «зеленое золото» — лесные богатства страны. Лес покрывает примерно 70% всей площади Финляндии. В Финляндии создана хорошо развитая деревообрабатывающая и бумажно-целлюлозная промышленность. Вывоз леса и продукция деревообрабатывающей промышленности составляет уже в течение многих лет примерно четыре пятых доходов Финляндии.

---

[1] Норланд — северная часть Швеции. (Примечание автора.)

Финляндия — страна «тысячи озер» и густых хвойных лесов

Как и всякое природное богатство, «зеленое золото» надо добыть. Этим делом занимаются финские лесорубы. Очень большая для страны с четырехмиллионным населением армия тружеников леса (в зимнее время доходит до 100—150 тыс. человек) создает основу экономики Финляндии.

По всей Финляндии в лесах, среди стройных сосен и пушистых елей, можно встретить, как их здесь называют, «лесные хижины». Это жилища лесорубов, расположенные в районах лесоразработок. Во всех районах страны лесные хижины выглядят в основном одинаково. Это состоящий из двух-трех секций барак, оборудованный внутри двухэтажными деревянными нарами, поделенными на «гнезда», рассчитанные на одного человека каждое. Посредине

барака — длинные деревянные столы и скамьи. Пара больших обтянутых железом печей поддерживает тепло. Имеется и небольшая кухня.

Неподалеку от барака — конюшня для лошадей. Встречаются автомашины, оборудованные специальными лебедками для погрузки бревен, но их немного; основная масса заготавливаемого зимой леса отвозится на лошадях к ближайшему месту сплава и остается там до большой весенней воды, которая и доставляет лес к лесным баржам портовых городов.

Днем лесные хижины пусты. В них застанешь только женщин-стряпух, но как только стемнеет, в барак начинают стекаться их основные обитатели. У наружной стены вырастает длинный частокол лыж: для лесорубов лыжи — не спортивный инвентарь, а средство передвижения.

Лесорубы одинаково и, надо сказать, чрезвычайно легко одеты. Обычно на лесорубе клетчатая куртка из грубой шерстяной материи и серые брюки-галифе, на ногах — сапоги с загнутыми вверх носками (на них хорошо держатся лыжи); на голове теплая кепка или столь распространенная в Финляндии лыжная фуражка; руки в больших, чаще всего самодельных рукавицах из кожи или брезента.

Характер одежды подсказывается опытом: она наиболее удобна для работы в лесу.

Внешний облик лесоруба дополняет висящий на боку финский нож. Это не оружие. «Финки» здесь — рабочий инструмент и предмет первой бытовой необходимости. Выстругать ли новое топорище, нарезать ли хлеб, починить ли прохудившийся сапог — повсюду финский лесоруб пускает в ход свой «пуукко», которым он владеет артистически.

Лесоруб уходит в лес и возвращается в лесную хижину со своими орудиями производства — пилой и чрезвычайно удобным, острым, как бритва, финским топором. Орудия производства — свои в буквальном смысле этого слова: каждый нанимающийся на работу лесоруб приобретает их на собственные средства и вместе с ними кочует с одной лесоразработки на другую. Более совершенные орудия валки леса встречаются сравнительно редко.

Труд финских лесорубов производит огромное впечатление. Это действительно большие мастера своего дела. Не видно ни одного лишнего движения, не слышно ни одного лишнего слова. Под их пилами и топорами одна за другой падают стройные сосны, и вскоре повсюду в лесу вырастают сверкающие красно-желтыми красками штабеля готовых бревен — очередной и немалый вклад лесорубов в благосостояние своей страны.

Лесорубы — это часть рабочего класса Финляндии, стоящая на трудном производственном посту, часть ее трудового народа — трудолюбивого и талантливого созидателя богатств своей страны.

Реки Финляндии используются для сплава леса

ХЕЛЬСИНКИ

По *А. Мясникову, А. Борисову* и др.

Столица Финляндии Хельсинки расположена на холмистом полуострове, окруженном с трех сторон водами Финского залива. Берега его изрезаны живописными бухтами и окаймлены десятками шхер. Над южной частью города поднимается так называемая Обсерваторная горка со зданием обсерватории. Отсюда в солнечную погоду открывается прекрасная панорама улиц, многочисленных садов, портовых сооружений, кораблей и светло-голубых просторов Финского залива. И сразу бросается в глаза отличительная черта Хельсинки — преобладание прямых линий в планировке города. Большинство улиц, словно по стрелке компаса, вытянулись с севера на юг, пересекаясь под прямым углом рядом поперечных улиц.

Город очень молод — только в XIX в., когда Хельсинки стал столицей, началось быстрое превращение его из деревянного полугорода-полусела в город, построенный из камня и железа. Этим собственно и объясняется, что финская столица удивительно правильно и строго распланирована.

В районе Обсерваторной горки расположены буржуазные кварталы с комфортабельными жилыми домами, большими магазинами и правительственными учреждениями. В этой части города много зелени. Здесь расположен большой парк Кайвапуйсто и Ботанический сад. Везде асфальт, прекрасные гранитные набережные.

Промышленные предприятия сосредоточены в северо-восточной части города, где живет рабочий люд Хельсинки. В рабочих кварталах Хельсинки мало зелени, улицы, мощенные булыжником, застроены серыми коробками домов.

Одна из достопримечательностей финской столицы — Беличий остров. Он расположен в Финском заливе, неподалеку от города. На этом острове находится этнографический парк. Здесь можно посмотреть типы крестьянских дворов с домашней утварью, одеждой и орудиями труда. Вот тесная, обветшалая изба бедняка в одно окошко. Рядом — огромная родовая изба. Первый этаж без окон, они имеются только во втором. Изба предназначена для целого рода — не семейства, а именно рода. Такие избы — остаток родового быта — сохранились в Финляндии до сих пор.

Беличий остров в миниатюре воспроизводит финскую природу в ее девственном виде. Здесь есть и скалы, и озера, и леса. Нет ни одной расчищенной аллеи или искусственно проложенной дороги. В воскресные дни Беличий остров — одно из любимых мест отдыха.

Хельсинки — крупный промышленный центр. Заводы его выпускают самые различные изделия, но особенно велико значение Хельсинки как центра машиностроения и судостроения. Здесь находится самый крупный в стране завод энергомашиностроения и один из крупнейших судостроительных заводов страны.

Большое значение имеет Хельсинки как транспортный узел Финляндии и как ее крупнейший порт. На долю его приходится примерно половина всего товарооборота внешней торговли. Через Хельсинки в Финляндию прибывают в больших количествах минеральное топливо, сырье, полуфабрикаты, промышленные изделия, продовольствие, а вывозятся главным образом промышленные изделия. В Хельсинки начинается одна из важнейших железнодорожных магистралей страны, связывающая столицу с крупным промышленным центром, Темпере, и несколько автомобильных дорог. Авиалинии соединяют Хельсинки с другими городами Финляндии и со столицами ряда европейских государств, в том числе с Москвой.

ЗЕМЛЯ, РОЖДЕННАЯ ВУЛКАНАМИ

Г. Кьяртанссен

Обычно принято считать, что извержения вулканов несут с собой только разрушения и смерть. Но есть и другая сторона у этого явления природы.

Большой остров в Атлантическом океане, Исландия, обязан своим возникновением вулканам. Они начали действовать в последнюю геологическую эпоху — кайнозойскую, 60—70 млн. лет назад.

Вулканические силы продолжают создавать остров и сейчас. Но исключительно быстрыми темпами работают в Исландии и разрушительные силы: у берегов прибой в Атлантическом океане сильнее, чем у берегов континентов. Суровый климат, большое количество осадков, постоянная смена мороза и оттепели приводят в Исландии к быстрому разрушению горных пород и сильной эрозии почвы.

Громадные массы льда, сползающие с вершин гор, несут с собой огромное количество камней.

В Исландии существует около 130 вулканов, действовавших после ледникового периода, то есть за последние 10—15 тыс. лет. Однако эту цифру нельзя считать точной, так как во многих районах вулканы расположены настолько близко друг к другу, что чрезвычайно трудно установить, что считать одним вулканом и что — несколькими. Сколько было вулканов, действовавших в ледниковый период и раньше, вообще установить трудно, потому что они впоследствии были очень сильно разрушены или уничтожены ледниками. Лавы создают характерную особенность ландшафта Исландии. Наиболее древние из них — это гладкие, округленные скалы, поверхность которых обтесана ледниками. Таковы многие известные вулканы мира.

В Исландии преобладают щитовидные[1] и трещинные вулканы, которые редко встречаются в других местах.

[1] Щитовидные, или щитовые (по И. С. Щукину), вулканы возникают при извержениях центрального типа, т. е. при излиянии лавы из узкого канала,

Щитовидный вулкан — это правильно очерченный купол, обычно с большим круглым кратером на вершине. Такой вулкан состоит из базальтовой лавы, которая вытекла из основного вершинного кратера или из более мелких «паразитических» кратерных отверстий на склонах и образовала вулканическую гору. Относительная высота исландских щитовидных вулканов колеблется от 100 до 800 *м*. Ни один из вулканов этого типа не действовал со времени заселения страны (с конца VIII в.).

Зато активны так называемые трещинные вулканы (их двадцать)[1]. К этому типу относятся почти все вулканы, действовавшие после заселения страны.

Извержение трещинного вулкана Лаки в 1783 г. было самым бурным и разрушительным в мире. Невысокая гора Лаки находится на южной стороне пустынной возвышенности, занимающей всю среднюю часть Исландии. Ее не считали вулканической. Но однажды ясным весенним утром 1783 г. на поверхности Лаки земная кора дала трещину, и с северо-востока на юго-запад почти по прямой образовалась щель длиной в 30 *км*. На всем этом протяжении из нее извергалась лава. Она текла огромными потоками, пробивавшими себе путь к руслам рек. Самый длинный (в 62 *км*) поток лавы достиг населенной низменности. Дома и поля были сожжены и похоронены под застывшей каменной массой. Такое большое количество лавы не выбрасывали еще вулканы в исторический период. Ее объем исчисляется 12 *куб. км*.

Однако самые большие разрушения причинила не лава, а базальтовые обломки различной величины, которые выбрасывались из вулканической трещины и падали дождем с большой высоты. Наиболее крупные обломки скапливались по краям щели, и она в основном была ими засыпана. На ее месте возникло около ста вершин с кратерами. Более легкие частицы — пемза и пепел — были унесены ветром на большое расстояние. Так, вулканическая пыль Лаки попала на Британские острова, в Скандинавию и Германию.

Пеплом была засыпана большая часть южной Исландии, пастбища были уничтожены. Начался падеж скота от флюорозиса — болезни, которая вызывается заражением травы и сена вулкани-

---

ведущего от магматического очага на земную поверхность. Вулканы этого типа всегда сложены базальтовыми лавами, очень жидкими, подвижными, растекающимися далеко от центра извержения тонкими слоями. Наращивание одного слоя застывшего базальта на другой и приводит к образованию невысоких куполовидных вулканов с очень пологими склонами (до 6—8° крутизны) и большим радиусом основания.

[1] Трещинные вулканические извержения известны в настоящее время, кроме Исландии, лишь в немногих местах земного шара (на Северном острове Новой Зеландии и некоторых других островах). Они представляют собой наиболее активную форму проявления вулканизма; в прошлые геологические эпохи происходили в колоссальных масштабах и привели к излиянию на земную поверхность огромного количества базальтовых лав, слагающих, кроме Исландии, Колумбийское плато в США, часть Деканского нагорья, Патагонии, Армянского нагорья и Сибири.

ческим пеплом, содержащим фтор, и выражается сильной деформацией костей и зубов у животных. В связи с падежом скота в стране начался голод. Погибла почти одна четвертая часть населения.

Характерны для Исландии вулканы, похороненные подо льдом, так называемые субгляциальные. Самый известный из них — Катла. Во время их извержения ледники постепенно растапливаются. Огромные массы воды, льда и лавы несутся по равнине к морю. Извержение субгляциального вулкана считается одной из самых страшных катастроф, совершающихся в природе в настоящее время.

Наиболее известный вулкан в Исландии — Гекла. Он находится в 110 *км* к востоку от Рейкьявика, вблизи от наиболее населенного района страны. Это трещинный вулкан, имеющий конусообразную форму. Щель проходит по хребту горы.

Трещинные вулканы Исландии, как правило, извергаются редко, а поэтому они невысоки. Но Гекла является исключением. Она действовала много раз и с течением времени превратилась в довольно высокую гору. Во время последнего извержения (1947—1948 гг.) высота ее увеличилась с 1447 до 1500 с лишним метров, но в связи с тем, что края кратера разрушились, вновь стала несколько ниже и сейчас достигает 1495 *м* над уровнем моря.

За исторический период произошло около пятнадцати крупных извержений Геклы из главной трещины и несколько более мелких из параллельных трещин, расположенных вдоль склонов горы. Геологические исследования показывают, что до извержения в 1104 г. Гекла «отдыхала» в течение нескольких сот лет.

О первых действиях Геклы мы имеем только отрывочные данные из древних исландских источников. В середине века слух о ней шел по всей Европе: ее считали «вратами в ад», так же как Везувий и Этну. За последние столетия сведения о Гекле становились все более подробными и верными благодаря массе замечательных дневников, которые вели очевидцы, главным образом крестьяне близлежащих селений.

Только за последним извержением Геклы ученые вели наблюдение день за днем. Оно началось в ночь на 29 марта 1947 г. слабым сотрясением земли, замеченным лишь немногими. В 6 часов 40 минут утра из вершины Геклы поднялся коричнево-черный столб. Вдруг гора треснула, и из трещины на всем протяжении стала выбрасываться черная масса пепла вибрирующими взрывными движениями. Вскоре после 7 часов столб уже достиг высоты почти в 30 *км*! Дул сильный северный ветер, и столб отклонился к югу. Град камней и вулканического песка обрушивался на районы к югу от Геклы. Можно себе представить, как было страшно, когда в солнечное утро вдруг совершенно потемнело и с неба с оглушительным шумом начали падать песок и пепел. Через полтора часа снова стало светло, пепельно-песчаный дождь прекратился. Земля

оказалась покрытой слоем пепла и песка толщиной в 10—15 *см.* У подножия вулкана этот слой достигал метровой толщины. Тонкие частицы вулканического пепла были выброшены над морем сначала в южном, затем в восточном направлениях. Эта пыль была обнаружена впоследствии даже в Финляндии.

Огромные массы воды от растаявших снегов Геклы и мелких ледников скатывались со склонов горы. Общий объем этой воды был исчислен в 3 млн. *куб. м.*

Днем извержение стало менее бурным. Некоторые участки вулканической щели перестали действовать, возникло несколько кратеров. Из них особенно эффективными были два: один на вершине горы, второй — на ее западном склоне. Они продолжали выбрасывать пепел, отравлявший пастбища и поля близлежащих поселков.

Во второй половине мая истечение лавы из кратера на вершине горы прекратилось. Зато она продолжала течь из западного края трещины, которая получила название кратера Лавы. Кратер изменял форму и несколько раз перемещался вдоль трещины, выше или ниже по склону. Он напоминал огромный источник, с той разницей, что содержимым его являлась не вода, а огненный расплав и раскаленные камни. Лава вытекала из него рекой по склонам горы. В темноте ее было видно на расстоянии до 100 *км.* Она казалась оранжевой светящейся полосой. У подножия горы поток растекался по старым слоям лавы, лишенным растительности.

Всю зиму продолжал действовать кратер на склоне горы. Наконец в конце апреля 1948 г. извержение закончилось. Оно продолжалось тринадцать месяцев.

В последующие годы из новых кратеров Геклы выделялся в большом количестве пар и в нескольких местах отлагалась чистая сера. Это явление продолжается здесь кое-где и поныне.

Почти одновременно с прекращением извержения лавы начал распространяться поток вредоносных или непригодных для дыхания газов.

Основным компонентом этих газов была углекислота. Чистые источники, вытекающие из застывшей лавы, обогатились углекислотой. Питьевая вода получила неприятный привкус из-за растворенных в ней газов и минералов.

В тихую погоду, в особенности по ночам, смесь тяжелых газов заполняла все углубления в почве. Таким образом возникали во многих местах невидимые газовые «озера».

Овцы, песцы и множество птиц «тонули» в таких «озерах». Эти опасные места обнаруживали при помощи горящих факелов. Огонь угасал немедленно, приходя в соприкосновение с поверхностью «озера». Наиболее опасные места были обнесены колючей проволокой. Осенью извержение углекислоты прекратилось, но питьевая вода в ближайших к Гекле хуторах по-прежнему содержит углекислоту, хотя в меньшей степени.

В СТРАНЕ ЛЕДНИКОВ, ВУЛКАНОВ И ГЕЙЗЕРОВ

По *Кейльгаку* и *А. Хачатуряну*

Мы в самолете и летим над Атлантикой на высоте около четырех тысяч метров. Над нами холодное весеннее небо, под нами ватные клочья облаков, сквозь которые изредка проглядывает поверхность океана.

Суров и неспокоен в эту пору года Атлантический океан. Северные ветры пригоняют с Гренландского моря пловучие льды. Впрочем, лед не мешает движению кораблей, ибо в этих широтах он встречается не сплошной массой, а в виде отдельных раздробленных льдин.

Через несколько часов на севере стали вырисовываться крутые черные скалы, обрывистые берега, изрезанные глубокими фьордами. Это Исландия. Некоторое время самолет летит над пустынным побережьем. Среди скал и снежных полей не видно ни одного поселка. Наконец под крылом появляется россыпь домиков, кое-где среди них торчат шпили колоколен. У причалов порта — несколько пароходов. Мы в Рейкьявике — столице Исландии.

За две недели, проведенные в Исландии, мы, естественно, не имели возможности подробно ознакомиться со страной, но тем не менее много узнали о ней и совершили несколько интересных экскурсий.

В далеком геологическом прошлом Исландия составляла одно целое с Гренландией и Европой. Ныне это второй по величине (после Великобритании) остров в Европе, общей площадью в 103 тыс. *кв. км*. Обитаема примерно только пятая часть, а обрабатываются лишь 7 тыс. *кв. км*.

Сложена Исландия древними кристаллическими породами, покрытыми базальтовыми лавами и другими вулканическими продуктами.

Исландия — один из крупнейших на земле очагов активного вулка́низма. С вулканами и вулканической деятельностью связаны горячие источники — водные и грязевые. Общее число их по всей стране, как говорят, достигает 100 тыс. Самый большой горячий фонтан Исландии называется Большой гейзер, от него и произошел термин «гейзер».

В одну из экскурсий мы посетили Большой гейзер у подошвы «Горы горячих ключей», к югу от ледника Ланг-Ёкуль. Рядом с гейзером, на вершине совершенно плоского холма, сплошь состоящего из кремнезема, находится еще около пятидесяти горячих источников. Среди них самым интересным является Штроккр. Так же, как из Большого гейзера, из него эпизодически извергаются фонтаны горячей воды.

Вокруг Большого гейзера образовался пологий конус из кремнистого туфа, высотой около 5 *м*. Взобравшись на край ко-

нуса, мы увидели перед собой почти круглый бассейн, наполненный горячей водой; сквозь нее, посередине бассейна, был ясно виден уходящий вертикально вглубь канал, через который происходят извержения.

Извержения Большого гейзера происходят через неопределенные промежутки времени к величайшей досаде посещающих его туристов. Последнее извержение произошло дней за шесть до нашего приезда, и, как нам сказали, в ближайшие сутки не было надежды увидеть новое.

Оставалось одно утешение — Штроккр. Штроккр не имеет никакого конуса. Его канал углубляется в землю в виде широкой трубы, облицованной кремнистым туфом. В трубе на глубине 2 *м* кипит и клокочет вода. Штроккр обладает одним замечательным свойством, выгодно отличающим его от Большого гейзера и других источников: в нем можно вызвать искусственное извержение, что мы и не преминули сделать, воспользовавшись советами и указаниями проводников.

Мы нарезали около дюжины кусков дерна, сбросили их все разом в кипящую воду и стали сосредоточенно ожидать знаменитого явления. Но наше терпение подвергалось жестокому испытанию. Лишь через 40 минут вода внезапно поднялась почти до верха трубы, и едва мы успели отбежать шагов на пятнадцать, как извержение началось.

Из глубины Штроккра послышались глухие удары, и вслед за каждым из них вверх на 30—40 *м* взлетал фонтан воды. Порой она бессильно падала обратно, но новый мощный толчок сейчас же снова выбрасывал ее высоко вверх. Густые облака пара окружали водяной столб и еще более усиливали грандиозность зрелища. К сожалению, вода была совершенно черной от брошенного нами дерна, но без этого мы не получили бы извержения. Весь дерн был выброшен обратно в виде груды перепутанных корешков и мелкозема. Все удивительное явление продолжалось три минуты.

Когда извержение прекратилось, мы приблизились к окраине Штроккра и увидели, что в отверстии, ведущем вглубь, почти совсем пусто. Разглядывая его, мы поняли, почему можно произвольно вызывать извержение. Это отверстие, имеющее вначале форму трубы, суживается книзу, образуя воронку, которая на глубине 6 *м* имеет не более одной трети метра в поперечнике. Если ее закрыть, то пары, образующиеся при кипении воды, лишены свободного выхода и скапливаются под землей до тех пор, пока нарастающим давлением пара пробка и вода над ней не будут выброшены вверх с огромной силой.

Вернувшись в Рейкьявик, мы еще раз обратили внимание на то, что бросилось нам в глаза при первом знакомстве с городом: в нем нет дымовых труб. Вся отопительная система снабжается горячей водой гейзеров, поступающей в столицу по трубам за несколько километров. Город «дымящейся бухты» — так

Отопление бань горячими источниками на острове Исландия

назвали будущую столицу первые переселенцы-норвежцы более тысячи лет назад, увидев пары многочисленных горячих источников, поднимающихся над берегами.

Исландия означает в переводе «Ледяная страна». Этот остров не только вулканический, но и ледяной. В настоящее время ледниками покрыто около 13 тыс. *кв. км*, т. е. больше 12% территории Исландии. Самый большой ледник Исландии, шириной в 90 *км* и длиной в 150 *км*, находится в юго-восточной части острова. Называется он Ватна-Ёкуль. Ледники простираются почти сплошным массивом с запада на восток, на 300 *км*, покрывая южную и центральную часть острова.

Наиболее крупные ледники Исландии относятся к типу ледяных куполов (см. петит на стр. 14.), кроме них, встречаются долинные или альпийские ледники, а также «ледники одиночных гор», покрывающие изолированные вулканические конусы.

В Исландии выделяются три зоны оледенения: северная, центральная и южная. В северной зоне ледники сосредоточены

главным образом на полуострове между Скага-фьордом и Эйяфьордом. Оледенение развито здесь не очень сильно ввиду сравнительной сухости холодного климата. В центральной зоне оледенение гораздо более значительно. В нее входят гигантские ледяные купола Ланг-Ёкуль и Ховс-Ёкуль, площадь каждого из них около 13 тыс. *кв. км.* К южной зоне оледенения относятся ледниковые купола Мирдальс-Ёкуль (1000 *кв. км*) и Ватна-Ёкуль (8800 *кв. км*), из-под их ледяных покровов поднимается множество вулканических вершин, среди которых вулкан Хваннадальсхнукур (на юго-восточной окраине Ватна-Ёкуль) является высшей точкой острова (2119 *м*). От краев ледниковых куполов спускаются мощные долинные ледники, оканчивающиеся на южных склонах на высоте ниже 100 *м* над уровнем моря.

Население Исландии сосредоточено преимущественно в прибрежных областях. Центральная часть острова — это царство камня, льда и лавы.

Влажный климат и обилие ледников — причина многоводности рек. Те из них, которые образуются от таяния ледников, по цвету своему подобны «молочным рекам», но берега у них не «кисельные», а каменные — черные или буро-серые. Все реки Исландии имеют быстрое течение и множество живописных водопадов. У некоторых водопадов высота падения более 60 *м*. Во время весенних оттепелей и летнего таяния льда в горах реки бурно разливаются и часто наносят немалый ущерб фермерскому хозяйству, смывают дороги, сносят мосты.

«Легче пройти по ледникам Ватна-Ёкуль,— говорят исландцы,— чем перебраться летом через стремительные потоки воды».

Много в Исландии и озер. Некоторые из них — в кратерах потухших вулканов. Самое большое озеро — Тингвадлаватн — находится западнее Рейкьявика. На нем сооружены гидростанция и водонапорная установка.

Крутые и обрывистые берега Исландии изрезаны глубокими фьордами, которые образуют хорошо защищенные естественные гавани. Кое-где вдоль берега тянутся песчаные низменности.

Южные берега острова омывает теплое течение Ирмингера. Оно отепляет всю южную и западную части острова. Зато с севера к берегам Исландии подходит холодное Восточно-Гренландское течение, приносящее к побережью полярные льды.

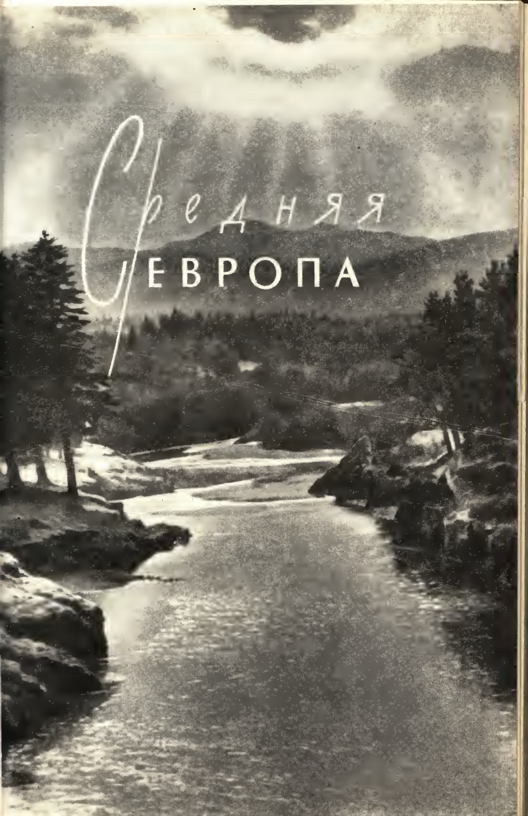
Влияние течения Ирмингера сказывается на климате, который значительно мягче, чем в расположенной по соседству Гренландии.

В прошлом на острове, в защищенных долинах южного побережья, были хорошие леса, но все они сейчас истреблены. Остались лишь редкие кусты можжевельника. Внутренние вулканические плоскогорья — это лишенные растительности пустыни. Карликовые березы и «камнеломка» — единственное украшение этой бесплодной земли.

С течением веков в трещинах лавы и в углублениях скал образовался тонкий слой почвы, который можно использовать под посевы. Но таких земель на острове очень мало, и исландцы дорожат каждым клочком. Картофель и шведский турнепс — основные культуры, которые растут на крохотных огородиках жителей острова. В последние годы фермеры достигли некоторых успехов в выращивании овощей в парниках, используя для отопления воду горячих источников.

Основной отраслью народного хозяйства Исландии является рыболовство. Прибрежные воды страны изобилуют различными сортами рыбы — прежде всего знаменитой исландской сельдью, треской, палтусом. Нам рассказывали, что на одного жителя Исландии приходится около трех тонн выловленной рыбы в год. В общем экспорте страны рыба и рыбная продукция составляют 96%. По величине улова рыбы Исландия занимает третье место в Европе (не считая Советского Союза).

Исландия — самая редконаселенная страна в Европе: средняя плотность — 1,2 человека на 1 *кв. км.* Из 160 тыс. жителей острова около трети проживают в Рейкьявике. Кроме Рейкьявика, в Исландии насчитывается всего десяток городов. Население большинства из них не превышает 3—4 тыс. человек.

Средняя
Европа

ФАРЕРСКИЕ ОСТРОВА

В. Похлебкин

Если сложить вместе все острова и островки, составляющие Фарерский архипелаг, то получится территория, равная половине европейского государства Люксембург[1]. Но несмотря на небольшие размеры архипелага, его можно найти даже на очень старых картах, насчитывающих несколько сот лет. По этому можно судить, что острова издавна привлекали внимание мореплавателей и географов. Самое название — Фареры или Овечьи — им дали более тысячи лет назад норвежцы.

Поселившиеся здесь еще в VII в. ирландцы развели овец, но затем вынуждены были покинуть острова из-за частых нападений викингов. Около 70—80 лет острова оставались ненаселенными, и на них расплодились бесчисленные стада одичавших овец. Когда на архипелаге поселились норвежские колонисты, эти овцы вместе с землей стали их достоянием.

Но не «пушистое золото» — овечья шерсть — было главной причиной того, что островами стали интересоваться многие го-

[1] Площадь архипелага равна 1399 *кв. км.*

сударства Европы, а положение их на морской дороге — у одного из выходов в Атлантический океан. Фарерские острова, принадлежащие с конца XIV в. Дании, лежат на пересечении путей, ведущих из Скандинавии и Англии к Исландии.

Архипелаг вытянут в меридиональном направлении и напоминает клин, обращенный острием к югу. На крайнем юге клин оканчивается одиноким островом Мункен (монах). Скала с характерными очертаниями издали оповещает моряков о том, что они подплывают к Фарерам.

Архипелаг состоит из 18 населенных, сравнительно больших островов и множества мелких необитаемых островков, скал и шхер. Мелкие островки имеют вид исполинских столбов, круто подымающихся из моря, со сглаженными, словно срезанными гигантским ножом вершинами. Часто это просто глыбы базальта и туфов, окруженные кольцом темных водорослей. На других островках зеленеют травы, мхи, кустарник. Они нередко используются как летние пастбища: пастухи подплывают на лодках, влезают на островки с помощью веревок и на веревках же поднимают туда овец.

С севера на юг отвесные, словно обрубленные берега островов постепенно сменяются более пологими, а их поверхность становится все ровнее и ниже. Самые крупные острова — Стрёмё и другие — представляют собой каменистые плоскогорья с обрывистыми берегами, причудливо изрезанными множеством заливчиков и фьордов.

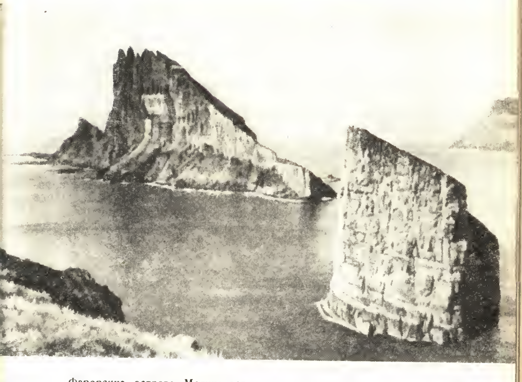
Береговая линия архипелага необычайно велика по сравнению с площадью островов. Проливы, разделяющие их, иногда так узки, что кажутся щелями, на дне которых клокочет море.

Фареры — вулканического происхождения. Однако за все историческое время там не было отмечено никаких проявлений вулканической деятельности. Теперешние острова, по-видимому, представляют собой остатки обширного плато, образовавшегося вследствие разлива лавы; сам вулкан находился на значительном расстоянии от этого места. В свое время на месте архипелага был, видимо, один большой остров[1]. Движение земной коры, ветер и бурное море раздробили его на множество больших и малых кусочков.

Море в районе Фарер чрезвычайно неспокойно, и его разрушительная работа здесь особенно заметна. Прибойная волна, обладающая тут значительной силой, выдалбливает в отвесных берегах ниши и углубления. В разрушительной работе ей помо-

---

[1] Фарерские острова сложены базальтовыми лавами, залегающими на каледонском складчатом фундаменте. Излияния лавы происходили в третичный период и были следствием расколов, расчленивших древнюю докембрийско-каледонскую сушу, существовавшую в Северной Атлантике. Вместе с Исландскими, Оркнейскими и Шетландскими островами они представляют собой сохранившиеся от общего погружения участки.

Фарерские острова. Мелкие острова архипелага имеют вид крутых базальтовых столбов с плоскими или зубчатыми вершинами

гают обломки скал, которые играют роль как бы метательных снарядов.

Непрерывной и неустанной работе моря обязаны своим происхождением многочисленные обширные пещеры и гроты на побережье Фарерских островов. На некоторых участках побережья входы в пещеры расположены так близко друг от друга, что вблизи напоминают пролеты моста, а издали кажутся каменными кружевами, окаймляющими основание острова. У самого моря есть такие огромные пещеры, что туда свободно заходят довольно большие суда. Ряд береговых пещер уходит далеко под острова, теряясь там в бесконечных лабиринтах. А один из маленьких островков — Нольсё — пробит насквозь узким тоннелем.

Горы на Фарерских островах возвышаются одна над другой уступами, образуя так называемые фьельды. Их сглаженные поверхности покрыты тонким слоем земли. Летом на них местами зеленеет трава, растут мох и вереск. Зимой ненадолго выпадает снег.

Острова во всех направлениях прорезаны глубокими и узкими долинами, разделяющими отдельные группы гор. Долины — полукруглой формы, у которых одна сторона открывается к морю, а остальные замкнуты горами, фарерцы называют их «донышками», или «чашками». С верхнего края «чашки» по склону со ступеньки на ступеньку сбегают ручьи, образуя водопады.

На Фарерах много маленьких, но глубоких горных озер.

Повсюду — и в долинах и высоко на фьельдах — на поверхность выходят источники с холодной ключевой водой. Только на острове Эстерё имеется теплый ключ с постоянной температурой воды +19°С.

Вода и скалы, скалы и снова вода: море, ручьи, озера, водопады — вот основной пейзаж Фарер. Лишь два с небольшим процента территории пригодно для посевов травы и посадки картофеля. Светло-зеленые пятна «полей» выделяются на темных склонах холмов. В самых низких местах слой почвы иногда достигает двух-трех метров, а чем выше местность, тем он становится тоньше; вершины фьельд почти совершенно голые.

На островках исстари стоят деревянные дома, но лес здесь всегда был привозным. В то время как на континенте на широте Фарер шумит тайга, здесь единственные представители древесного царства — мелкие кустарники и карликовые деревца.

Погода на Фарерах сырая и крайне непостоянная: каждую минуту можно ждать бури и шторма. Землю заволакивают густые туманы, и дождь идет почти ежедневно. В Торсхавне[1] из 90 зимних дней 81 день идет дождь. Почти два месяца в году над островами стоят непроницаемые туманы — мьорки, как их здесь называют. Самый продолжительный туман держится 20 часов, а самый короткий исчезает не ранее чем через 5 часов.

Бури на островах очень часты. Циклоны, идущие с запада, поднимают огромные волны, которые, сталкиваясь в узких проливах, создают гибельные водовороты.

На островах насчитывается до 140 видов морских птиц. Они гнездятся всюду на побережье и особенно на маленьких необитаемых островках.

Летом маленькие скалистые островки, окруженные несметными тучами чаек, кайр, гагар и гаг, кажутся погруженными в волнующийся молочный туман. А шум, производимый взмахами крыльев, бывает слышен по ветру за несколько километров.

---

[1] Главный город Фарерских островов расположен на восточном побережье острова Стрёмё.

В СТОЛИЦЕ НА ТЕМЗЕ

По *С. Образцову* и *В. Николаеву*

Ночью пароход вошел в устье Темзы и, пользуясь начавшимся приливом, стал медленно подниматься вверх по реке. То тут, то там мелькали огоньки бакенов и встречных судов. На берегах виднелись неясные очертания портовых кранов, освещенных газовыми голубыми лампами. У береговых причалов стояли небольшие суда.

На протяжении 60 *км* от устья Темзы до Лондона на берегах реки непрерывной цепью тянутся доки и склады. Здесь принимаются и грузятся суда, хранятся и сортируются товары. Когда начинается прилив, большие океанские суда поднимаются вверх по реке и входят через специальные шлюзы в доки. Здесь поддерживается постоянный уровень воды, и судам не страшен отлив.

Через лондонские доки проходит треть импорта и больше четверти всего экспорта Англии. Сюда поступает зерно из Канады, Австралии и США, мясо из Аргентины, Австралии и Новой Зеландии, молочные продукты из Дании, Голландии и Бельгии, чай — из Индии и Цейлона, хлопок из США и Египта, нефть и нефтепродукты из Ирана и Венесуэлы и многие другие товары со всех концов земного шара. Ввозится в Лондон сырье, а вывозятся полуфабрикаты, готовые товары и оборудование.

Из порта направляемся в город. Лондон не похож ни на Нью-Йорк, ни на Берлин, ни на Париж. Это не только большой, но и очень своеобразный город. Из конца в конец на поезде метрополитена его нельзя пересечь даже за час. Город очень большой по площади, но совсем невысокий. Большинство домов трех- и двухэтажные. Восьми- и десятиэтажных домов, вероятно, процентов пять, а дома выше десяти этажей встречаются исключительно редко.

Многие районы, кварталы и даже улицы Лондона настолько непохожи друг на друга, что кажутся принадлежащими к разным городам, разным странам или разным эпохам. Непохожи друг на друга не только районы, но и составляющие их кварталы или улицы, которые различаются между собой профессией живущих или работающих там людей, их национальностью, степенью их богатства или бедности. Есть довольно большой район, в котором живут главным образом железнодорожники. Есть очень красивые старинные переулочки и дворики, которые, вероятно, надо было бы назвать «Кварталом правосудия». На табличках у подъездов домов этого квартала можно прочитать фамилии чуть ли не всех крупнейших юристов Лондона. В окнах магазинов выставлены тысячи книг в кожаных переплетах. Это английские законы, изданные за сотни лет. Тут же продаются белые судейские шарики из конского волоса и черные средневе-

ковые мантии, одним словом — все необходимые атрибуты современного английского суда.

Есть улицы, где сосредоточено множество различных ресторанов — греческих, турецких, армянских, французских, итальянских и др. А есть улица Флит-стрит; на ней и в соседних переулках находятся редакции крупнейших газет Англии.

В районе Сохо живет много людей, приехавших в Англию со всех концов света: итальянцы, французы, греки, индусы, китайцы и т. д.

Но как бы ни были характерны для Лондона все эти кварталы и улицы, больше всего определяют лицо города и его историю районы, которые носят название Сити, Ист-энд и Уэст-энд.

Сити — это административно-финансовый центр. В лондонском Сити находится и резиденция лорда-мэра, и Фондовая биржа, где сотни дельцов покупают и продают скромные на вид бумажки, дающие право на барыш от производства меди, сахара, чая и самолетов, угля, нефти и других товаров. В Сити помещаются главные конторы крупнейших пяти банков, контролирующих бо́льшую часть капиталовложений всей Великобритании. Здесь находятся банкирские дома Ротшильдов, отделения американских, французских, итальянских и голландских банков.

Дома в Сити нельзя назвать ни современными, ни старинными. В большинстве своем это массивные, мрачные темные здания, построенные во второй половине XIX в. Идя по Сити, вспоминаешь героев Диккенса. О них напоминают здесь не только здания, но даже одежды тех, кто работает в учреждениях Сити. Узенькие брючки в полоску, черный короткий пиджак, высокий крахмальный воротничок, котелок, усы и длинный зонтик с изогнутой ручкой — таковы их неизменные атрибуты.

Ежедневно, кроме воскресений, к девяти часам утра сотни тысяч служащих черными ручейками текут от станций метро, приезжают на красных двухэтажных автобусах и автомобилях самых новейших или старых марок и расходятся по конторам, банкам, акционерным обществам и оптовым фирмам Сити. Днем в этом в сущности маленьком районе сосредоточивается около 2 млн. людей. Вечером все покидают Сити. Постоянно живет здесь не более 10—12 тыс. человек.

Уэст-энд когда-то был западной окраиной города. Сейчас это фактически его центр. Здесь в шикарных особняках живет лондонская буржуазия. На улицах много цветов, перед каждым подъездом обязательно растут розы, пионы или астры.

В Уэст-энде сосредоточены музеи, лучшие театры и кино, мюзик-холлы, рестораны и самые дорогие отели, много великолепных магазинов. Улицы здесь самые шумные, самые яркие и людные. Если у вас есть деньги, можно купить все, что только

Лондон. Вестминстерское аббатство. На башне городские часы «Большой Бен»

изготовляет Великобритания, и многое из того, что производит Франция, Италия, Америка, Австралия.

К Уэст-энду примыкают крупные парки Лондона. В этих парках нет увеселений: ни каруселей, ни «американских горок», ни кривых зеркал. Это в полном смысле слова парки отдыха. Все гуляющие в парках чувствуют себя непринужденно. Группами и в одиночку они бродят, сидят и лежат на траве. Некоторые из них загорают. По широким дорожкам парков изредка проезжают всадники—мужчины и женщины — в спортивных костюмах. Хотя чаще всего лошади прокатные, а не собственные, но удовольствие это не из дешевых, и поэтому относительно социального положения всадников гадать не приходится: это богатые люди.

В прудах парков плавают лебеди. Лебедей много во всех парках английских городов. По традиции они считаются неприкосновенной собственностью английской королевы. Много в парках также диких уток, голубей и других птиц.

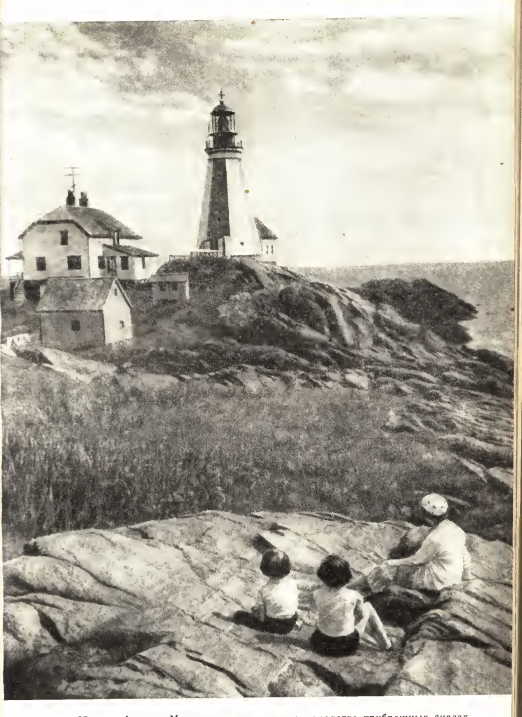
Среди лондонских парков самый большой Гайд-парк, который является особенно популярным среди лондонцев. В его северо-восточной части, у мраморной арки, обычно устраиваются публичные митинги.

На широкой полукруглой асфальтированной площадке нередко одновременно выступает более двух десятков ораторов различных партий и организаций. Кто тут только не выступает! Здесь можно встретить евангелистов, католиков, фашистов, лейбористов и т. д. Однако возле ораторов стоят полисмены, которые наблюдают за порядком и записывают имя выступающего и его адрес. Нам рассказывали, что некоторые из ораторов-коммунистов, слишком резко выступавшие по адресу правительства, вдруг оказывались уволенными с работы, а устроиться на работу вновь им было очень трудно.

К северу от Гайд-парка раскинулся один из красивейших парков Лондона — Хемпстед-Хис, к которому прилегают Хайгейтское кладбище, где похоронен вождь рабочего класса всего мира Карл Маркс. К его могиле, окруженной живыми красными розами, ведет узкая тропинка. Каждый день по ней проходят десятки людей, приезжающих со всех концов мира, чтобы возложить на могилу Маркса венок.

Ист-энд — восточная окраина города. Это большой пролетарский район, населенный главным образом фабричными и заводскими рабочими, докерами, кустарями.

В Ист-энде мало парков и даже скверов. Зато здесь много так называемых «доходных домов», построенных еще во времена Диккенса, которые сами лондонцы окрестили «трущобами». Когда ходишь по лабиринтам узких черных дворов, низких арок, темных железных лестниц, то кажется, что из-за угла появится тоненькая фигурка Давида Копперфильда...

Южная Англия. Маяк на опасных для судоходства прибрежных скалах

На магистралях Ист-энда большинство магазинов торгует дешевыми товарами, а в лавочках старьевщиков продаются подержанные вещи. Нередко попадаются дома, над входом в которые висят три позолоченных шара. Это ломбард.

Вечером, когда на город спускается сырой туман, на улицах Лондона можно услышать печальную музыку. На перекрестке наигрывает какую-то мелодию старик-скрипач. Он стоит под тусклым газовым фонарем и, встречая грустным взглядом прохожих, ожидает подаяния. Нищенство в Англии запрещено законом, но нищенствовать, сохраняя вид, что трудишься, разрешается.

ПОЕЗДКА В ШОТЛАНДИЮ

К. Чапек

Чешский писатель К. Чапек описывает живописные картины природы Шотландии, ландшафты которой начинаются за невысокими горами Чивнот-Хилс, отделяющими Шотландию от Англии.

Шотландия — наиболее возвышенная и гористая часть Великобритании. Почти всю ее занимают Северо-Шотландское нагорье и Южно-Шотландская возвышенность, разделенные низменностью Мидлендс — полосой тектонического опускания.

Шотландия, как и большая часть Великобритании, лежит в зоне каледонских складчатых структур, сглаженных длительной денудацией, раздробленных в третичный период.

Северо-Шотландское нагорье сложено главным образом кристаллическими и метаморфическими докембрийскими и нижне-палеозойскими породами, Южно-Шотландская возвышенность — осадочными нижне-палеозойскими свитами, среди которых главную роль играет древний красный песчаник нижнего девона. В Мидлендсе, во впадине древнего заложения сохранились толщи песчаника и продуктивные пласты каменноугольного периода, с которыми связаны важные для Шотландии месторождения каменных углей (Клайдский бассейн).

Сбросы и разломы, раздробившие каледонские структуры в третичный период, имели главным образом направление с северо-востока на юго-запад. По ним произошли крупные опускания участков суши, в результате чего возник грабен пролива Минч, отделяющий на северо-западе от Шотландии Гебридские острова, Гленморская впадина, разделившая Северо-Шотландское нагорье на северную, более низкую часть, и высокие Грампианские горы, в которых находится высшая вершина Великобритании — гора Бен-Невис (1343 *м*). Были обновлены также древние разломы, по которым в палеозойскую эру был опущен Мидлендс.

Разломы, особенно активные на западе Шотландии, сопровождались мощными излияниями базальтов. На острове Скай, во Внутренних Гебридских островах, базальты слагают побережье на протяжении 150 *км* и обрываются к морю с высоты около 300 *м*. Выветривание базальтов привело к выделению в нижних частях их толщи гигантских колонн и столбов шестигранной формы, разрушаемых у оснований сильным прибоем. Широкой известностью пользуется выработанная морскими волнами Фингалова пещера на острове Стаффа, лежащем западнее острова Малл в группе Внутренних Гебрид.

Огромное влияние на рельеф и ландшафты Шотландии оказали четвертичные оледенения, в результате которых самые высокие вершины нагорий были сглажены и отшлифованы толщами льда, а тектонико-эрозионные до-

лины были преобразованы в троги. Нижние отрезки троговых долин, особенно на западном побережье, были впоследствии затоплены морем и создали чрезвычайно характерное для западной Шотландии фьордовое побережье.

Климат Шотландии — океанический, очень влажный. Шотландия лежит на пути циклонов, проходящих с Атлантического океана; на западных наветренных склонах горных массивов выпадает до 3000 *мм* осадков в год, солнечных дней мало, часто туманы. Погода повсюду неустойчива; зимой на нагорьях выпадает снег, летние дни — прохладные и ветреные.

Оледенение уничтожило леса умеренного типа, существовавшие в Шотландии в начале четвертичного периода. После отступления ледников из Европы в Англию, а оттуда — в Шотландию по суше, существовавшей на месте проливов Ла-Манш и Па-де-Кале, мигрировали сосна и береза. Сосновые и березовые леса в настоящее время здесь сильно вырублены, как и на всем острове, но местами еще одевают склоны долин, поднимаясь по ним до высоты 600—700 *м*. Вершины нагорий покрыты верещатниками и торфяниковыми пустошами.

* *
*

А теперь на север, на север! Бегут мимо графство за графством. В одном коровы лежат, в другом стоят, кое-где пасутся овцы, кое-где лошади, а порой видны только вороны. Появляется серое море, скалы и болота, исчезают живые изгороди, и вместо них тянутся каменные заборы. Каменные заборы, каменные деревни, каменные города; за рекой Твид[1] — каменная страна...

Если бы я был поэтом, я написал бы стихи о шотландских озерах, овеянных шотландским ветром и орошенных ежедневным шотландским дождем: в них говорилось бы о синих волнах, о вереске, папоротнике и задумчивых тропинках; и я умолчал бы, что все эти задумчивые тропинки повсюду обнесены забором... Что же, приходится рассказать суровой прозой, как здесь красиво: голубовато-лиловое озеро между голыми скалами — это озеро Лох-Тэй[2], и каждая долина называется Глен, каждая гора — Бен, и каждый человек — Мас; озеро голубоватое и спокойное, ветер колет искрами, косматые черные и рыжие бычки пасутся на лугах; черно-смоляные ручьи и скалы из баллад, пустынные, поросшие травой и вереском. Как все это описать?..

Неси меня, «Королева озер», по седым гребням синего озера Тэй, между пустынных скалистых берегов, которые уходят в небеса, попеременно угощая меня то дождем, то солнцем; неси меня, чистенькое суденышко, по блестящему шелку озера Тэй.

Неси меня, почтовый поезд, по самым зеленым из зеленых долин, по долинам, где растут узловатые деревья, где бурлят пенистые речки, где пасутся овцы с длинным руном, неси меня

[1] Река Твид берет свое начало на Южно-Шотландской возвышенности, впадает в Северное море.

[2] Лох-Тэй — озеровидное расширение в верхнем течении реки Тэй; между хребтами Грампианских гор. Река Тэй впадает в залив Фёрт-оф-Тэй, в Северное море.

Реки Шотландии текут в узких, каменистых долинах

по долинам северного изобилия. Подожди, серебряная осина, постойте, кудрявый дубок, черная сосна и густая ольха...

Над купами зелени — темно-синие горы, долины с рыжими коровами, светлая и темная листва, блестящие озера и северная прелесть березок; без конца голые, скалистые куполы гор, обрывы, лощины, ущелья и горные склоны, поросшие рыжим вереском; северная красота лугов, березовые рощицы, а на севере — на севере блестит, как стальной клинок, морская гладь...

На север, в черные горы, в глубь страны с пыхтеньем неси меня, поезд...

...Никогда я еще не видел такого мрачного, унылого края: на каждом шагу лысые скалы, высокие и страшные; ничего, кроме хилых березок, а вот и их уже нет, в черной воде торфяных болот плавают лишь клочья водорослей, называемых бородой святого Иоанна; а еще дальше и этого нет — одни камни, поросшие жесткими кустами ситника.

Вересковые пустоши служат пастбищами для овец

Тучи ползут по серым лысым скалам, моросит холодный дождь, туманы поднимаются над черными камнями и открывают темное ущелье, унылое, как вой собаки. Миля за милей — ни души, ни жилья, а если и промелькнет домик, то тоже из серого камня, как и скалы вокруг, и стоит он один-одинешенек на протяжении многих миль. На озере нет рыбаков, на речке — мельницы, на пастбище — пастухов, на дорогах — путников. Только в более плодородных долинах пасутся шотландские быки с длинной, косматой шерстью; они стоят под дождем или лежат в болоте; поэтому, вероятно, и обросли они такой щетинистой шерстью...

А у шотландских овец настоящие плащи из шерсти и на мордах — словно черные маски; никто не пасет этих овец, только тянется каменная стена по пустынному краю, указывая на присутствие человека: «Вот до этой стены и простирается мое пастбище».

И вот, наконец, так пустынно, что не видно ни стад, ни знаков собственности, стоит только полуразрушенный домишко и развалившаяся изгородь в бурой, поросшей мохом, пропитанной влагой тундре.. Нигде ни дерева, ни кустика, одни только

Бен-Невис — самая высокая вершина Шотландии

холодные озера, хвощ и папоротник, бурый вереск без конца да черный камень, чернильно-темные склоны гор, изрытые серебряными нитями стремительных горных речек, черная слякоть торфяных болот, мрачные, туманные ущелья между лысыми пиками горных вершин, и снова озеро с бурыми водорослями, водная гладь без птицы, страна без людей...

А теперь меня везут в долины... На межах мелькают желтые искорки сурепки, по выветрившемуся граниту стелются искривленные хилые березки; черный ручей стремительно прыгает в долину... Вот уже сосновые леса, пурпуром расцветают рододендроны и краснеет наперстянка; березы, кедры, дубы и ольха — северная глушь: папоротник по пояс и девственные заросли можжевельника; солнце прорывается сквозь облака, и вот внизу плещется море, глубоко врезавшееся в горные склоны.

КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ НАВОДНЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Д. М. Брандт

В осенние и особенно зимние месяцы общее внимание неоднократно привлекают сообщения о катастрофических наводнениях в прибрежных районах Западной Европы, снегопадах в горах, влекущих за собой большие бедствия для населения предгорных селений, или же необычайно сильных похолоданиях в местах, где обычно средние температуры держатся выше 0° (Франция и другие страны). Эти грозные явления природы объясняются тем, что на фоне многолетних типичных циркуляционных процессов, характерных для осенне-зимних месяцев, могут быть значительные отклонения.

Обычно зимой из разрастающегося Исландского минимума над северной Атлантикой с западными и юго-западными ветрами в Западную Европу поступает морской воздух умеренных широт, влажный, прогретый над теплым Северо-Атлантическим течением. Вблизи побережья он встречается с относительно холодным континентальным воздухом, формирующимся над охлажденной сушей. В полосе соприкосновения этих воздушных масс, на линии полярного фронта между 60 и 40° с. ш., развивается активная циклоническая деятельность, с которой связана основная масса осадков, выпадающих на большей части Западной Европы. Вторжение морского воздуха, получающего большие запасы тепла над Северо-Атлантическим течением, обусловливает теплые зимы и очень постепенное нарастание континентальности климата по направлению к востоку.

В некоторые годы западный и юго-западный перенос воздушных масс отличается особенной правильностью и постоянством. Зимы тогда бывают «нормальные» — мягкие, малоснежные и безморозные. В другие годы, напротив, равномерное поступление атлантических воздушных масс нарушается частыми вторжениями арктического или континентального полярного воздуха или же — морского тропического воздуха из области смешанного к югу Азорского максимума.

Следует отметить, что в последние годы наблюдается заметное усиление общей циркуляции атмосферы, что, по мнению ряда советских ученых, связано с повышением солнечной активности, в частности с пятнообразованием на солнце. Оно приводит к тому, что учащаются столкновения теплых и холодных воздушных течений, стремящихся выровнять атмосферное давление и температуру воздуха над земной поверхностью.

При этом наступают сильные и устойчивые похолодания, обильные снегопады, бури и ураганы, особенно в осенние и зимние месяцы, связанные с оживлением циклонической деятельности на полярном или арктическом фронтах, и, с другой стороны, бесснежные и исключительно теплые и солнечные дни.

Тема «Наблюдения за погодой в Западной Европе» может быть предложена для доклада на школьном географическом кружке. Кроме выдержек из приводимой статьи М. Брандта, материалом для нее могут послужить периодически появляющиеся заметки в газетах и статьи в журнале «Природа» и др.

* *
*

В ночь на 1 февраля 1953 г. в Северном море разразился шторм небывалой силы, перешедший затем в ураган. Временами скорость ветра превышала 30 *м* в секунду. Буря продолжалась несколько суток. Шквальный ветер буквально вздыбил воды южной части Северного моря и обрушил их на прибрежные районы Голландии, Бельгии и юго-восточной Англии, затопив обширные территории, нанеся колоссальный ущерб хозяйству этих районов, вызвав многочисленные жертвы среди населения.

Непосредственной причиной урагана явилась встреча циклона с антициклоном. Сильнейший циклон, шедший от южного побережья Исландии к берегам Европы примерно вдоль 60-й параллели по линии Фарерские острова — Шетландские острова, сместился затем на юго-восток и столкнулся над южной частью Северного моря с антициклоном, двигавшимся из района Канады к берегам Англии.

Дополнительным неблагоприятным фактором послужило то, что высокие приливы совпали с ураганным ветром, который нагнал в южную часть Северного моря массу воды. Наконец, огромную роль сыграло плохое состояние защитных сооружений, призванных предохранить от наводнений низменные побережья прилегающих к Северному морю стран.

Северное море — самое мелководное, не считая Азовского, из всех омывающих Европу морей. Его можно сравнить с гигантским блюдцем или мелкой тарелкой. Средняя глубина его не превышает 100 *м*. В его особенно мелководной южной части изобата 20 *м* проходит на расстояния десятков километров от берега. У побережья Голландии море имеет всего несколько метров глубины, а во время отлива местами обнажаются большие площади морского дна, так называемые ватты.

Приливы и отливы здесь полусуточные, т. е. надвигаются и отступают дважды в сутки. Величина наибольшего прилива у голландских берегов относительно невелика — не превышает 3 *м*. Кроме того, в зависимости от силы и направления ветра возможны так называемые нагоны воды от 2 до 3 *м* и сгоны до 2 *м*. Иногда нагоны достигают 3—4 *м* и более. Поэтому впадающие сюда реки имеют искусственные берега и зашлюзованы. В открытые протоки приливные волны проникают очень

Реки Голландии во время больших разливов широко затопляют прилегающие местности

далеко[1]. Из-за нагонов воды во время штормов неоднократно случались наводнения: реки текли вспять, разливались и вместе с морем затопляли прилегающие низменные участки.

Шторм, начавшийся вечером 31 января, ночью перешел в ураган. Поднятые им огромные валы со страшной силой обрушились на побережье, прорвали предохранительные дамбы и плотины, а в ряде мест перевалили через них и затопили обширные густонаселенные территории в прибрежных районах Нидерландов, юго-восточной Англии, Бельгии и на крайнем севере Франции.

В Нидерландах от наводнения пострадало все западное побережье от острова Тессел[2] до бельгийской границы, протяженностью свыше 200 *км*.

---

[1] Например, приливы Темзы проникают вплоть до Лондона, расположенного в 60 *км* от устья этой реки.

[2] Остров Тессел — самый южный в группе Западно-Фризских островов, лежит перед входом в залив Зейдер-Зе.

Наибольший ущерб был причинен юго-западной части страны. Многие острова и ряд небольших городов оказались полностью затопленными, железнодорожное сообщение было прервано, подача газа и электричества прекращена, телеграфная и телефонная связь нарушена.

Сильно пострадал от наводнения город Роттердам — второй по величине город страны и крупнейший в Западной Европе морской порт. В нем были затоплены многие жилые дома, судостроительные верфи, центральная электростанция, нефтеочистительные заводы и т. д. Порт был залит толстым слоем масла и нефти и фактически бездействовал. Нарушилась подача газа и воды (водонапорная станция была залита соленой морской водой). Большие разрушения вода произвела в крупном промышленном центре Дордрехте и в других городах.

Все дома в низко расположенных районах юго-запада оказались под водой, которая продолжала прибывать сквозь проломы в дамбах, местами шириной до 100 *м*. На острове Тессел были снесены шлюзовые ворота, и морская вода затопила весь остров; положение уже 1 февраля было объявлено «почти безнадежным».

Вечером 1 февраля снова повторился высокий прилив. Весь день 2 февраля продолжал бушевать шторм. Море залило несколько островов; на небольших островах, Воорн и Путтен, расположенных к юго-западу от Роттердама, положение было поистине ужасным. На эти районы приходится подавляющее число человеческих жертв.

2 февраля стало известно, что вода, прорвавшись сквозь бреши в дамбах и плотинах, в ряде пунктов проникла на 65 *км* в глубь страны. Глубина потока доходила до 9 *м*.

Только 3 февраля ветер утих, и в некоторых местах вода отступила.

В результате наводнения в Нидерландах погибло 1400 человек. Свыше 50 тыс. человек было эвакуировано из затопленных районов. Обширные площади пашен были засолены. Около 700 тыс. человек, а по неофициальным данным — более миллиона, т. е. свыше 10% всего населения страны, в той или иной степени пострадало от наводнения. Общий ущерб от наводнения составил более 3 млрд. голландских гульденов, т. е. около трех пятых годового государственного бюджета страны.

В Англии это наводнение было одним из самых сильных за всю ее историю. На всем юго-восточном побережье, от залива Хамбер[1] до устья Темзы, обветшалая система заградительных сооружений была прорвана в сотнях мест. В одном только

---

[1] Залив Хамбер — эстуарий реки Уз. На левом берегу Хамбера расположен порт Гулль (Халл).

графстве Эссекс[1] в системе защитных дамб и плотин имелось 280 больших и малых прорывов.

Утром 2 февраля из Лондона были сообщены следующие подробности затопления острова Ханви, расположенного в устье Темзы:

«Трагедия острова Ханви началась в ночь на 1 февраля, когда волны высотой с дом со всей силой обрушились на морскую плотину. Они пробили огромные бреши в плотине, и мощные потоки воды хлынули на остров. Деревянные строения разрушались, как карточные домики. В течение немногих часов остров был почти полностью затоплен».

В Тилбери (также устье Темзы) в результате наводнения был разрушен самый крупный в Европе нефтеперегонный завод. На восточном побережье Англии не было ни одного населенного пункта, не пострадавшего от наводнения. Много населенных пунктов полностью снесено с лица земли. Воды Темзы залили многие улицы рабочих районов Лондона. Под водой оказалась территория в 250 тыс. акров (100 тыс. *га*).

С утра 2 февраля войска и флот приступили к спасению людей с затопленного восточного побережья Англии. Около 50 тыс. человек остались без крова и размещались в казармах, в гостиницах и частных домах, находящихся на некотором расстоянии от побережья. У многих из этих людей пропало все имущество. Пропало без вести более 3 тыс. человек, число жертв превысило 300 человек. В затопленных районах погибло много скота.

В Бельгии больше всего пострадал район протяженностью в 60 *км*, расположенный между Остенде и голландской границей. В Остенде, Антверпене и других городах были размыты улицы и сотни домов залиты водой... В районе порта Антверпен Шельда вышла из берегов и потоки воды залили внутреннюю часть города. Было повреждено много бензо- и нефтехранилищ. Вплоть до 7 февраля угрожающее положение сохранилось в польдерах провинций Западная Фландрия и Антверпен, а в прибрежных районах многие селения все еще находились под водой. По сообщениям печати, в Бельгии погибло 20 человек, тысячи людей остались без крова, а причиненные стране убытки исчисляются сотнями миллионов франков.

Во Франции шторм и наводнение произвели гораздо меньшие разрушения, охватив лишь небольшой район побережья у Дюнкерка и Кале. Здесь не было человеческих жертв, но сотни людей были эвакуированы из низменных частей района, затопленных морем, устремившимся через две большие бреши в дамбе. Порт Дюнкерк был закрыт для больших судов. Ущерб, нанесенный районам Дюнкерка и Кале, оценивается во много миллионов франков.

---

[1] Графство Эссекс находится восточнее Лондона, на левобережье эстуария Темзы.

Чем же объяснить, что, несмотря на наличие естественных преград — дюн и столь, казалось бы, внушительных искусственных сооружений, морю все же удалось прорвать пояс всех этих преград?

Отвечая на этот вопрос, следует отметить, что полоса дюн повсюду выдержала наступление моря: разбушевавшимся водам не удалось ни прорвать дюнные цепи, ни перевалить через них.

Искусственные же сооружения — дамбы, плотины, шлюзы — во множестве мест были прорваны, и устремившаяся сквозь эти проломы и бреши, а в ряде мест поверх этих преград вода залила прибрежные низины. Система искусственных заградительных сооружений оказалась несовершенной.

Однако многие плотины и шлюзы, которые были в хорошем состоянии, добротно построены и вовремя отремонтированы, справились с бешеным натиском моря и устояли.

Это позволяет утверждать, что на основе современных знаний, используя последние достижения науки и техники, безусловно можно создать такие защитные сооружения, которые действительно оградили бы эти страны от моря или по крайней мере позволили бы избежать столь трагических последствий шторма и наводнения.

Для этого следовало заблаговременно ассигновать достаточные средства, чтобы укрепить и отремонтировать, а кое-где и перестроить обветшалые дамбы и другие предохранительные сооружения. Сделано это не было. Было допущено граничащее с преступлением пренебрежение интересами страны и народа как в Англии, так и в Голландии и Бельгии.

ПО ДАНИИ

По *В. Никитину, М. Косову* и др.

Датчане, говоря о своей стране, обычно упоминают, что, помимо Ютландского полуострова, их родина включает пятьсот островов, из которых только сто с небольшим постоянно обитаемы.

Море ежечасно вторгается в существование датчан, следы вековечной непрерывной борьбы суши и моря встречаются в Дании повсюду. Во время сильной бури в 1825 г. на северо-западе Ютландии прибой прорвал высокий вал песчаных дюн, растянувшийся вдоль всего западного побережья полуострова, и соединил Северное море с Лим-фьордом, глубоко вдающимся в северо-восточный берег. Таким образом, северная часть Ютландии стала островом.

На северо-западе Ютландии, далеко в море, одиноко стоит высокая скала Скарреклит. Когда-то она также составляла часть берега. Таких скал немало и у северных берегов Дании.

На западном побережье можно наблюдать и следы созидательной работы моря. Намывая пересыпи и косы, оно образует естественные дамбы, за которыми возникают лагуны. По некоторым таким дамбам — косам — проложены дороги, и человек по сухопутью продвигается ныне там, где некогда шумело неугомонное море.

Характерный пейзаж северной Ютландии — набегающие равномерной чередой на прибрежные пески морские волны, несколько дальше холмистые моренные гряды — следы бывшего здесь оледенения. За ними, к югу, лежат обширные вересковые пустоши. Человек давно ведет здесь борьбу с природой, при помощи различных мелиоративных мероприятий отвоевывает у нее полосы зыбучих песков и пустошей.

Прихотливо расположенные моренные гряды протягиваются также и вдоль восточного побережья полуострова. На юго-востоке в сушу довольно глубоко вдаются своеобразной формы бухты — длинные, неразветвленные, с крутыми берегами, то узкие, то довольно широкие. Датчане называют их «фэрды». Считают, что фэрды представляют собой затопленные морем ложбины подледниковых водных потоков.

Остальная часть Дании, и материковая и островная, также почти повсюду — всхолмленная, но низменная страна. Самый «высокий» из холмов имеет всего 172 *м*.

Это не значит, однако, что датский пейзаж монотонен. Отнюдь нет! Даже зимой он приветлив и разнообразен. Из 43 тыс. *км* общей площади ее территории 2400 тыс. *га* (63%) обрабатываются, 390 тыс. *га* (9%) заняты лесами, 540 тыс. *га* (13%) не обрабатываются, а пустоши, дюны, зыбучие пески и болота занимают 15% территории.

Эти несколько цифр не хуже любых описаний говорят о том, насколько человек освоил природу. Поездка на автомашине по густой сети шоссейных дорог сразу создает картину страны старой культуры и неутомимого трудолюбия. Аккуратные фермы, небольшие, очень чистые села окружены зеленью и тщательно возделанными полями; много лугов, причем большинство из них искусственные; изредка на пригорке маячит старая ветряная мельница; часто попадаются буковые и хвойные рощи.

Датчане любят зелень и ценят ее. После вырубки лесов, когда страна лишилась почти всего своего зеленого убора, уже в конце прошлого века начались посадки леса; большинство нынешних хвойных лесов посажено человеком. Села и городки, а также довольно часто попадающиеся помещичьи усадьбы и мелкие пищевые предприятия обязательно обсажены деревьями; повсюду много садов. Можно проехать десятки километров, и ландшафт все время носит на себе следы векового упорного человеческого труда.

Положение Дании на полуострове и ряде островов заставило жителей много и долго потрудиться над установлением связи

между отдельными частями страны. Одна из характерных особенностей датских дорог — большое количество мостов, пересекающих частые речки и даже проливы. Отдельные мосты достигают больших размеров. Через пролив Малый Бельт ведет, например, мост, связывающий Данию с островом Фюн. Этот мост имеет двойное назначение: по нему проходят две колеи железной дороги и полотно для автотранспорта. Длина его более километра. Другой, Сторстремский мост соединяет острова Зеландию и Фальстер. Длина его достигает 3211 *м*.

Большое значение имеют также пароходное сообщение и паромы. Пароходы и паромы беспрерывно курсируют через пролив Большой Бельт от Ютландии к острову Зеландия, где находится главный город страны — Копенгаген. Большой Бельт зимой обычно не замерзает, но изредка, в среднем через два-три года, это случается, и тогда паромное сообщение приостанавливается недели на две-три. Нарушение связей между столицей и Ютландией причиняет датчанам много хлопот. Суровая зима — это почти блокада для Зеландии и других островов Датского архипелага.

Впрочем, чаще зима бывает мягкой и короткой под влиянием дующих почти круглый год юго-западных ветров, несущих теплое дыхание Северо-Атлантического течения. Дожди чередуются с мокрым снегом и туманами. Датчанам не каждый год удается покататься на коньках, а тем более — на лыжах. Но для спортсменов искушение настолько неодолимо, что независимо от того, выпал снег или не выпал, наиболее рьяные лыжники ежегодно устраивают соревнования по прыжкам с трамплина. Если своего снега нет, то его привозят из Норвегии. Рассказывают, что для таких соревнований достаточно шести вагонов снега.

Зато и лето никогда не бывает особенно жарким. Много серевьких, туманных дней, почти постоянно дуют сильные ветры. Осадков выпадает довольно много, они распределены сравнительно равномерно по всем временам года.

Несмотря на все это, в Дании никогда нельзя сказать заранее, какая будет через несколько часов погода; меняется она иногда по нескольку раз в сутки. Датчане шутят, что самая подходящая тема для разговоров у них — погода и самый употребительный вид одежды — дождевой плащ.

КОПЕНГАГЕН

По *С. Полянову, В. Никитину* и др.

Под крылом самолета то и дело мелькают разбросанные на голубой глади моря черные точки рыбацких и сторожевых судов. Потом голубая равнина почти незаметно сменяется зеленой, и мы с удивлением замечаем, что летим уже над Зеландией (по-датски Шелланд) — большим датским островом, расположенным

у входа в Балтийское море. Остров пересекают тонкие ленты шоссейных дорог. Ближе к черным квадратам пашен видим группы из желтых, красных, синих домиков. Проходит несколько минут, и перед нами раскрывается панорама столицы Дании — Копенгагена.

Название Копенгаген означает «Торговая гавань». Город, остроконечные зеленые крыши которого высоко тянутся в небо, существует как торговая гавань с середины XVI в. С воздуха особенно легко оценить преимущества этой глубоководной гавани, лежащей на берегу пролива Эресунн (Зунд), на пути из Балтики к шведским берегам. Большие суда останавливаются прямо у городских набережных Копенгагена.

В юго-восточной части Копенгагена расположен так называемый «старый город». Здесь большей частью узкие кривые улицы, сохранилось много старинных зданий. В Христиансхавене, старинном рабочем квартале, родился активный борец за мир и демократию, крупнейший датский пролетарский писатель Мартин Нексе.

В центре старого города находится окруженный каналами замковый остров (Слотсхолмен) с дворцом Христиансборг. Именно здесь в XII в. был построен замок, защищавший рыбачий поселок и первую примитивную торговую пристань. В настоящее время в обширных аппартаментах дворца Христиансборг размещается парламент, министерство иностранных дел, верховный суд, а также парадные залы для приемов и банкетов. Недалеко от дворца Христиансборг у набережной Гамельстранд расположен рыбный рынок, считающийся одной из достопримечательностей города. Существует он с незапамятных времен. Торговки в белых чепцах и широких передниках сидят рядами на низких табуретах и продают с открытых лотков всевозможную рыбу, доставляемую на рынок прямо на лодках. В этом же районе находится музей известного датского скульптора конца XVIII и начала XIX в.— Торвальдсена. Музей помещается в красивом двухэтажном здании, похожем на греческий храм. В нем собраны в подлинниках и копиях почти все работы Торвальдсена, а также коллекции ценных гравюр и картин, завещанных Торвальдсеном городу.

Внимание туристов в старом городе также неизменно привлекает Королевская площадь, где, как и много сотен лет назад, ежедневно происходит церемония смены дворцового караула. В полдень, под звуки горнов и флейт, под дробь барабана и звон медных тарелок солдаты королевской гвардии в высоких медвежьих шапках совершают неизменный ритуал торжественных построений.

В прошлом Копенгагену приходилось не раз отражать набеги морских пиратов, нападения и осаду шведов и англичан. Чтобы защищаться от врагов, жители строили вокруг города оборонительные сооружения. Весь старый город окружен высокими зем-

ляными валами, сохранившимися до наших дней и превращенными ныне в тенистые бульвары.

В новой части города — прямые, широкие асфальтированные улицы, застроенные домами обычного западноевропейского типа. Здесь много больших магазинов, ресторанов, кафе, кинотеатров. Уличное движение здесь довольно большое. Характерная особенность его — неимоверное количество велосипедистов. Сами датчане в шутку называют свою столицу «городом велосипедистов». На многих велосипедах к рулю прикреплены багажники для различной поклажи. Овеянный свежим морским ветерком, Копенгаген кажется идиллически спокойным и счастливым городом, но это только кажется... У контрольного пункта по учету безработных Копенгагена всегда толпятся измученные люди в истрепанных плащах, аккуратных, но очень заношенных пиджаках. У некоторых на руках дети. Это безработные, которые обязаны ежедневно по утрам отмечаться на контрольном пункте, иначе они не получат жалких грошей пособия. Голод толкает людей на путь нищенства. Но просить подаяние в Дании официально запрещено. Поэтому на улицах Копенгагена часто можно встретить людей в ветхой, многократно заштопанной одежде, торгующих спичками. Тот, кто покупает у них спички, никогда не берет сдачи. В вагоне метро бедно одетый человек играет на аккордеоне. У входа в парки нередко можно встретить стариков с букетами увядших цветов. Им дают мелочь, цветов никто не берет,— они необходимы нищим для соблюдения декорума. Полисмен к ним не придерется: торговать цветами не запрещено.

Не очень легка и жизнь датчан, имеющих работу. Цены на продовольствие, плата за квартиру и другие коммунальные услуги очень высокая.

НИЗКАЯ ЗЕМЛЯ

По *Е. Радаковой* и др.

Когда самолет пересекает границу Нидерландского королевства, с высоты видишь зеленые прямоугольники земли, порой окрашенные красным крапом тюльпанов, окруженные голубой каемкой каналов. Каналы всюду! Они проложены параллельно железнодорожным и шоссейным путям, они прорезают вдоль и поперек города Голландии, они являются венами и артериями страны. Каждый фермер очерчивает границы своих владений, подобно замкам феодальных баронов, рвом, через который перекинут мост, связывающий ферму с внешним миром.

Каналы нужны для осушения страны, так как Голландия — страна низкой земли, что и является буквальным переводом слова Нидерланды. Вся прибрежная часть страны — более 30% всей территории — лежит ниже уровня моря, которое веками

рвалось на штурм городов и селений. В этих районах живет 60% населения.

Чтобы понять, как могут жить люди в такой стране, как она существует, надо знать, что они создали ее сами — своими руками. Это победа человека над водой, торжество его труда над дикой силой природы.

Было время, когда страна была почти необитаема. Громадные озера, болота и леса сплошь покрывали ее. Море бушевало, ветер нагонял волны; они поднимались высоко и накатывались на низкий берег, затопляли его. Еще чаще бывало, что ветер, нагнав воду в устья рек, так высоко поднимал их уровень, что они выходили из берегов и еще больше затопляли низменную местность на громадное пространство.

Вода спадала, но и без того мокрая земля обращалась теперь в море грязи, куда не смела проникнуть нога человека.

Дожди, почти вечный туман, страшный ветер с моря да рев волн — вот что было в Нидерландах, когда туда явились первые обитатели.

Они делали насыпи и холмы из земли, чтобы предохранить себя от наводнений и разливов. Застигнутые водой, они подолгу жили на этих холмах, как на островах архипелага, затерянного среди бушующего моря. Прежде всего им надо было защититься от моря: здесь оно было самым злым врагом человека.

И вот жители решили поднять берега, чтобы волны не могли перебрасываться через них. Для этого они начали строить насыпи вдоль побережья — плотины. Но как укрепить эти насыпи, чтобы бурные волны не размывали их?

Для этого сначала вбивались громадные сваи в несколько рядов. Между сваями прибивались бревна сплошными стенами, а в промежутки между ними наваливался хворост и песок с соломой, камни. В Нидерландах камня нет и громадные глыбы его пришлось привозить из соседних стран. Самые столбы или сваи нередко сплошь обивались гвоздями с большими головками, чтобы шашень[1] не протачивал дерева.

Кроме деревянных свай и бревен (главным образом дубовых) впоследствии стали употреблять железные балки, а кое-где укладывали даже стальные и броневые плиты.

В некоторых местах возводились двойные и тройные (резервные) линии защитных насыпей, на случай прорыва морем внешних плотин. Для того чтобы уменьшить силу прибоя, впереди плотин, перпендикулярно им, на некотором расстоянии друг от друга построили большое число волноломов. Они разрезают надвое каждый накат воды и уменьшают силу удара волн, сталкивая их попарно между собой.

Теперь почти все берега Нидерландов огорожены такими плотинами: сплошной полосой они протягиваются вдоль откры-

[1] Шашень — моллюск-древоточец.

того и плоского северного и северо-западного побережья; в других местах они соединяют между собой цепочки песчаных дюн, образующих как бы естественные защитные валы. Ширина плотин достигает 100 *м*, а высота 6—8 и даже 15 *м*. Плотины простираются в длину на 3 тыс. *км*, что равно расстоянию от Москвы до Томска.

Народ Нидерландов знает, какая беда грозит ему, если море разрушит плотины. Просочится вода в одном месте, прогниет одна плотина,— гибель грозит всей стране, если вовремя не заметить этого: грозная морская стихия сделает свое дело.

И действительно, не раз в течение веков в Нидерландах случались страшные катастрофы. Так, в 1282 г., во время страшной бури море прорвало плотины и, соединившись с лежащим у берега озером Флево, образовало огромный залив Зейдер-Зе.

Очень сильное наводнение произошло в Голландии совсем недавно, в феврале 1953 г.[1].

Большие бедствия первоначальным жителям Нидерландов причиняли озера. Сильные ветры с моря, частые проливные дожди так поднимали в них воду, что она выходила из берегов, затопляла окрестности, а нередко и большие города.

Надо было раз навсегда покончить с этими беспокойными соседями. Сделали насыпи на берегах озер, а от них провели каналы к морю. Потом на берегах озер установили ветряные мельницы и стали выкачивать с их помощью воду в каналы, откуда она стекала в море. Когда на помощь мельницам пришли паровые машины и насосы, дело пошло скорее. Таким образом осушили сорок пять озер.

«Мы их выпили»,— говорят в Нидерландах удивленному путешественнику, когда вместо озер, обозначенных на старинных планах и картах, он видит тучные пастбища.

Так в 40-х годах прошлого века осушили большое Хаарлемское озеро. Оно имело около 40 *км* в окружности, и ветер поднимал на нем настоящие волны. Приступили к его осушению после одного наводнения, от которого чуть не погиб город Амстердам. На берегу поставили три громадных паровых насоса. Они день и ночь качали воду, и через три года от Хаарлемского озера не осталось и следа...

Можно было бы подумать, что голландцы живут в постоянном страхе перед угрозой наводнений и что этот страх сковывает людей, накладывает отпечаток на их жизнь.

Но ни в первые минуты, когда мы приземлились на голландском аэродроме, ни позже, в шумных современных городах или в тихих провинциях,— нигде мы не замечали никаких проявлений страха перед стихией.

Мы видели, как, перегородив плотиной устье залива Зейдер-Зе, люди мощными насосами выкачивали из него воду, отвоевы-

---

[1] См. статью «Катастрофическое наводнение в Западной Европе».

Голландия. Ветряные мельницы

вая у моря новые участки плодородной земли. Этот большой залив уже стал пресноводным озером, которое все дальше и дальше отступает от берегов, обнажая плоские и низменные равнины с плодородными илистыми грунтами, так называемые «марши». На дне залива было найдено множество разнообразных предметов: останки потерпевших кораблекрушения судов, корабельная утварь, древние, как сам народ, живущий на этих берегах, орудия труда, глиняная посуда, пушки, монеты различных стран. Все эти предметы собраны в специальном музее, созданном на одном из бывших островов залива. Еще недавно вокруг острова плескалась вода, а теперь раскинулись ровные, как поле стадиона, польдеры — так называются распаханные марши.

В редкий для Голландии погожий солнечный день мы отправились из Гааги в экскурсию по стране. Мы ехали по нешироким, плоским, как стол, голландским шоссе, покрытым то серым асфальтом, то красноватой брусчаткой, среди аккуратно возделанных полей, среди зеленых лугов, по которым бродят тучные коровы. По дороге то и дело встречаются ветряные мельницы, столь характерные для голландского пейзажа. Всего в стране

насчитывается около двух тысяч ветряных мельниц самой разнообразной формы.

Голландцы очень любят свои мельницы. Здания их стараются делать понаряднее: деревянные части покрывают резьбой; каменные или кирпичные мельницы аккуратно выбелены, а ставни окон выкрашены в яркие цвета. По большим праздникам мельницы обвивают гирляндами цветов, вывешивают на них национальные флаги, картонные изображения солнца и звезд...

Прямые полосы каналов, окаймленных низким кустарником, лежат несколько выше уровня зеленой равнины. Выше лугов и пашен лежат в Голландии и реки, так как благодаря своему спокойному течению они наносят большое количество ила. Их также пришлось оградить плотинами в защиту от разливов, наступавших после дождей. От нагона воды с моря устья рек заперли шлюзами. Точно ворота, два раза в сутки запираются эти шлюзы от морских проливов. Шлюзы и насосные станции построены также вдоль всех каналов и рек и во многих местах на равнинах. Они отводят излишек воды из почвы, а также поддерживают необходимый уровень воды в каналах и реках.

По водным дорогам рядом с шоссе, но выше нас движутся лодки, груженные сеном, снопами и охапками ярких цветов.

Голландия — страна цветов, цветоводство — одна из важных отраслей ее сельского хозяйства. Много цветов выращивается на экспорт.

Голландцы с большим вкусом украшают цветами свое жилище, высаживают их в парках, на берегах каналов, перед домами. Бросается в глаза, что цветы посажены в очень приятном сочетании красок с окружающей зеленью.

Поселок Алсмер — один из центров цветочного хозяйства страны, поставляющей семена и цветы во многие страны Европы. Большие оранжереи, огромные поля, сплошь покрытые тюльпанами, гладиолусами, гвоздиками, гортензиями и другими цветами; цветы на фасадах всех домов, букеты в деревянных башмаках на заборах, богатая выставка цветов и цветочная ярмарка — все это поражает обилием красок самых различных оттенков и ароматом.

Незабываемое впечатление производит ежегодная выставка тюльпанов в Кейкенхофе. Одни из них похожи на крупные белоснежные лилии, другие — на пышные, нежные пионы. Здесь тюльпаны ярко-красные, розовые, лиловые, черные, сине-сиреневые, с красиво изрезанными лепестками, тюльпаны, по окраске и форме напоминающие перья птиц. Они так и называются — «Красный попугай» и «Синий попугай». Лепестки белых тюльпанов оканчиваются ажурным рисунком в виде плетеных кружев...

Мы ехали по маленькой, отвоеванной у моря стране и думали о том труде, который вложили голландцы в свою землю. Мы вспоминали также популярную в стране шутливую поговорку: бог создал весь мир, кроме Голландии,— ее создали сами голландцы.

ОСТРОВ ХИДДЕНЗЕ

О. Кибальчич

Северная равнина Средней Европы протягивается на 1200 *км* вдоль побережий Северного и Балтийского морей. Так как большая часть этой низменной равнины входит в пределы Германии и Польши, то ее иногда называют Германо-Польской низменностью. На западе она простирается на территорию Голландии, а на востоке соединяется с Русской равниной.

По ряду особенностей природных комплексов в Германо-Польской низменности выделяется область Балтийского поморья, занимающая всю польскую и восточно-германскую часть побережья Балтийского моря к востоку от Ютландии. Данная физико-географическая область сохранила следы длительного и сравнительно недавнего пребывания ледника, деятельность которого отразилась в характере рельефа, почвенного покрова и речной сети.

В начале четвертичного периода на Поморье надвинулся Скандинавский ледник. Близость Скандинавских гор — главного очага четвертичного оледенения Европы — обусловила широкое развитие ледниковых отложений, достигающих местами мощности до 100 и даже 200 *м*.

По отступлении ледника Балтийский бассейн пережил стадии холодного Йольдевого моря, пресноводного Анцилового озера и вновь соленого Литоринового моря, воды которого частично затопили устье Одры и других рек. При этом часть суши отделилась, образовав острова Рюген, Хиддензе и многие другие. В последующей стадии развития Балтийского моря, в связи с отсутствием приливов и накоплением речных наносов Одры, Вислы и других рек, на побережье усилились аккумулятивные процессы: образование песчаных кос, дюн, превращение заливов в лагуны.

В приведенном ниже очерке рассказывается об одном из прибрежных островов Балтийского поморья.

* *
*

Чтобы попасть на остров Хиддензе, надо сойти в Штральзунде со скорого поезда Берлин — Засниц и пересесть на пароход.

Сначала пароход плывет по неширокому Штральзундскому проливу. Слева и справа, на расстоянии не более одного километра, тянутся почти параллельно Мекленбургское побережье и берег Рюгена — самого крупного острова Германской Демократической Республики.

Выйдя из пролива, пароход берет курс прямо на север. Плоский рюгенский берег отодвигается все дальше к горизонту. Острова Хиддензе еще не видно, но о его приближении свидетельствует появление чаек.

Вот показалась узкая полоса земли, это песчаная коса, южная оконечность острова.

Затем появляются немного отступившие от берега моря маленькие домики многочисленных курортных местечек.

* *
*

Из башни огромного маяка на вершине моренного холма виден весь остров. Ширина его нигде не превышает 2,5 *км*.

Подобно Северо-Фризским островам, защищающим от моря Ютландский берег, Хиддензе, вытянутый почти меридионально,

служит для северо-западного побережья Рюгена естественной защитой от частых здесь штормов.

Огонь маяка Хидензе виден далеко в море. Он помогает найти дорогу кораблям и рыбацким лодкам, застигнутым в море бурей.

А бури здесь бывают сильные! Вся мощь штормовой волны обрушивается на западный наветренный берег. Не случайно большинство рыбацких деревень было построено на восточном берегу, а западное побережье почти не заселено.

О разрушительной силе моря свидетельствует описанный подробно в географической литературе случай, происшедший в 1872 г. Во время бурного прилива здесь была размыта песчаная перемычка шириной в 250 *м*. В настоящее время место прорыва защищено каменной дамбой.

Только по этой дамбе и можно попасть на косу. Здесь, как и в некоторых других пустынных местах острова, организован птичий заповедник. С наступлением весны воздух оглашается неугомонными голосами чаек, а также уток, гусей и другой водоплавающей птицы. Находит тут укрытие и важное промысловое животное — тюлень.

С другой крупной песчаной косой — причлененной к Хидензе на северо-востоке и медленно растущей к югу, связана дальнейшая геологическая судьба острова. Многие ученые считают, что в будущем конец второй косы сомкнется с полуостровом Буг, который относится уже к Рюгену, и Хидензе таким образом перестанет быть островом.

Южная половина косы часто заливается соленой морской водой. Поэтому из растений здесь встречаются только солянки.

Жители острова заняты главным образом рыболовством и обслуживанием отдыхающих.

Крупное значение имеет промысел сельди и трески.

В прошлом ловом сельди, который ведется в открытом море, занимались преимущественно крупные рыбопромышленники с материка, владевшие баркасами, моторными лодками и большими сетями.

На своих старых парусниках рыбаки Хидензе не решались выходить в открытое море. В прибрежных водах маленькими сетями, вершами, а нередко и удочками они ловили треску и угрей.

Низкие скупочные цены на рыбу не давали возможности рыбакам выбиться из нужды. Многие из них были постоянными должниками крупных рыбопромышленников и скупщиков.

В настоящее время правительство Германской Демократической Республики, в соответствии с осуществляемой им программой подъема благосостояния трудящихся, оказывает рыбакам большую помощь.

Делается все, чтобы облегчить рыбакам их тяжелый промысел. Строятся новые суда, вводятся усовершенствованные мето-

ды лова, основанные на новейших достижениях науки и техники. Рыбаки Хиддензе освоили недоступный для них прежде промысел сельди в открытом море. Добытая рыба скупается государством по твердым устойчивым ценам, которые гораздо выше прежних.

Изменилась и судьба курортов острова. Первые курорты возникли здесь в конце XIX в. Чистый морской воздух, открытые просторы и величественное зрелище заходящего прямо в море солнца привлекали сюда богатых туристов. Рядом с лачугами рыбаков возникали роскошные виллы, отели и рестораны.

Теперь на курортах острова отдыхают труженики из всех частей Германской Демократической Республики. Здесь можно увидеть металлургов из Фюрстенбера-на-Одере, наборщиков из Лейпцига, судостроителей из Штральзунда.

Так изменилась жизнь маленького острова у побережья Балтийского моря.

НА БЕРЕГАХ СЕВЕРНОГО МОРЯ

По *Трегеру* и *Заху*

Своеобразную картину представляет Северное (Немецкое) море. Здесь нет того сверкающего великолепия красок, того чудного голубого цвета воды, который поражает на Средиземном море. Мрачное, серое, почти постоянно волнующееся, расстилается оно перед вашими взорами; редко-редко поверхность его бывает спокойна; только поросшая жидкой травой высокая плотина или сверкающий на солнце белый песок дюн окаймляют его широкий берег.

Это вечно шумящее, бурное море постоянно размывает свои берега. Вдоль всего северо-западного побережья Германии, от Голландии до Дании, тянется цепь островов различной величины, от больших, на которых стоят города и местечки, до маленьких. Эти острова — часть материка, омытая морем, которое и теперь продолжает свою разрушительную работу; разрушение берега шло бы еще гораздо быстрее, если бы у моря не нашелся упорный и сильный противник — человек; как и в Голландии, здесь низкий берег защищен от вторжения моря высокими плотинами.

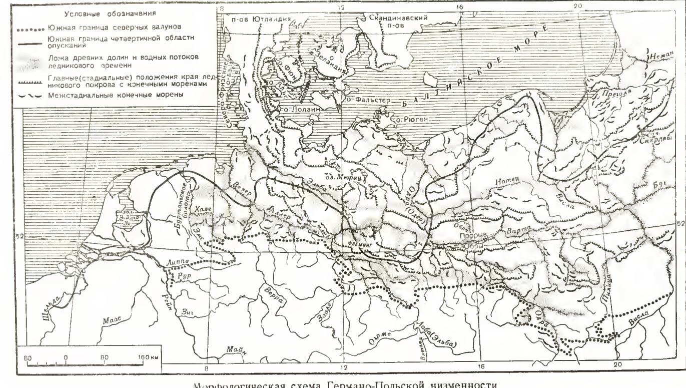
Дважды в сутки, во время отлива, море уходит далеко от берегов, оставляя наполовину сухим широкое пространство между берегом и островами, и дважды в сутки оно вновь возвращается к берегам и бьется о них с удвоенной силой. Прилив в Северном море достигает 1—1,5 *м* высоты и настолько поднимает воду в устьях рек, что в них могут входить большие морские суда.

Широкие пространства между материком и островами, обнажающиеся во время отлива, носят название ваттов. При высо-

Гряды дюн на побережье Северного моря

кой воде неопытный глаз не отличит их от открытого моря: так же волнуется здесь морская поверхность, и по ней бегут к берегу серые волны. Во время отлива обнажаются большие площади желтого песка, который блестит на солнце, как серебро; вблизи берега и островов песок окрашен в серый цвет от примеси ила; там и сям между этими плоскими песчаными мелями разбросаны углубления различной величины и формы, наполненные водой. Часто они соединяются между собой в целые реки, по которым быстро бежит к морю вода, унося с собой песок. Местные жители, прирожденные рыбаки и мореходы, вся жизнь и деятельность которых зависит от знания моря, даже в высокую

Морфологическая схема Германо-Польской низменности

воду они могут безошибочно определить, где находятся мели и более глубокие места. Кроме того, все глубокие места, все проливы и искусственные каналы между мелями обставлены вехами из березовых стволов с привязанными к верху пучками ветвей, что значительно облегчает сообщение между берегом и островами. Во время отлива, особенно при восточном ветре, жители часто переходят по твердому песчаному дну с одного острова на другой и даже иногда с острова на берег; однако такой переход не всегда безопасен.

Во время прилива кое-где видны небольшие лодки; это рыбаки или охотники за тюленями отправляются на промысел; иногда покажется дымок парохода, совершающего рейсы между островами и берегом. Пароходы эти плоскодонные, и путь их следования всюду обставлен вехами. На низких островах (галлигах), не защищенных плотинами, на самом высоком месте стоят домики с амбарами и помещениями для скота. Зимой, когда разыгрываются бури, жители этих домиков часто сидят в течение месяцев на своих островах, совершенно отрезанные от побережья страны.

Летом такие зеленеющие галлиги кажутся оазисами в пустыне, особенно во время прилива, когда все кругом покрыто водой. Мирно зеленеют лужайки, с которых ветер приносит аромат цветов; на лужайках виден пасущийся рогатый скот и овцы с белой шерстью. А какое оживление летом на берегу такого островка! Серые морские петушки и морские сороки с красными ногами, морские ласточки и чайки снуют по берегу и строят свои гнезда на кучах песка, ила, которые возвышаются среди водорослей и целых груд раковин. От всего этого скопища птиц воздух над ваттами наполняется разноголосым криком. Морские ласточки неподвижно висят в воздухе, подстерегая рыбу; внезапно одна из них падает вниз, погружается в воду и летит потом с добычей на берег, куда уже возвращается с удачной охоты целая стая чаек.

В общем жизнь на галлигах однообразна и проста. Ни одного источника пресной воды на галлигах нет; поэтому обитатели галлиг собирают дождевую воду, стекающую с крыш, в особые, выложенные камнем водоемы; скот утоляет свою жажду из небольших прудов.

Деревьев совсем нет на галлигах. В садиках, расположенных на юг от дома, удается развести овощи, а иногда и ягодные кустарники. Фруктовые деревья не погибают лишь тогда, когда они хорошо защищены от холодных ветров.

Осенью, когда в воздухе свежеет и по небу бегут разорванные облака, на галлигах появляются стаи перелетных птиц, преимущественно диких гусей, которые неделями остаются на галлигах. Иногда слышатся крики пролетающих лебедей, сливающиеся с шумом моря и гулом далекого прибоя. Круглый год на

галлигах господствует западный ветер; летом он смягчает здешний климат и делает его более здоровым, зато осенью и зимой это самый злой враг человека, преследующий его даже в собственном доме.

Наконец, приходит и мороз, но неспокойное море долго не хочет покрываться льдом. Когда наступит затишье и ватты покроются льдом, прилив еще раз взламывает лед, нагромождает его у островов и окружает галлиги причудливыми ледяными башнями. После этого замерзает и море между галлигами и превращается в одну гладкую ледяную поверхность.

Занесенные снегом галлиги имеют совсем пустынный вид. Смолк шум моря, и граница между морем и землей исчезла. Среди однообразной белой равнины только поднимаются снежные холмы галлиг; ни деревца, ни кустика, ничего, что указывало бы на присутствие жизни. Но «много снега — много сена», как говорит обитатель галлиг. Тающий снег наполняет его водоемы и пруды, а также вымывает из почвы соль, которая летом вместе с морской водой пропитала почву.

БРАНДЕНБУРГСКАЯ ВЕНЕЦИЯ

А. Бенеславский

Земля Бранденбург, находящаяся в пределах Германской Демократической Республики, расположена в средней части Германо-Польской низменности и обладает хорошо развитой гидрографической сетью. Ее пересекают такие крупные реки, как Эльба и Одер с их многочисленными притоками — Шпрее, Хафель и др. Большинство перечисленных рек имеет типичные для речной сети данной области зигзагообразные долины с чередованием продольных и поперечных отрезков. Продольные долины — «прадолины» — широки и унаследованы от ледниковой эпохи. Обычно они простираются в направлении стока талых вод ледника на запад и северо-запад. Поперечные — меридиональные долины современных рек — являются сравнительно молодыми; отступающие льды открыли рекам более близкий путь к морю. Некоторые участки древних продольных ложбин — «прадолин» — покинуты современными реками, и их понижения часто занимают заболоченные участки, которые используются населением для устройства многочисленных каналов между реками.

* * *

Ранним утром сельский почтальон с сумкой, набитой корреспонденцией, отправляется в деревню Леде. Ему не приходится шагать по пыльной дороге или трястись в бричке. Прямо у почты он прыгает в широкую плоскодонную лодку, берет двухметровый шест и, ловко отталкиваясь, едет развозить письма и газеты. И вот он уже на главной «улице» Леде — длинном канале, тянущемся между рядами домов. Почти в каждом дворе — затон, где стоят лодки, плавают утки и гуси.

Болото в долине реки Шпрее

Доставив корреспонденцию, почтальон тем же путем возвращается обратно. Навстречу ему попадаются крестьяне, везущие в лодке сено. А вот женщина, которой понадобилось повидать соседку напротив, прыгает в лодку и направляет ее в противоположный затон. В лодке же возвращаются из школы ребятишки.

И так в течение целого дня в Леде, как и в других расположенных поблизости деревнях и даже городках, лодка является самым необходимым видом транспорта. Зимой ее сменяют сани и коньки.

Этот своеобразный район лежит к юго-востоку от Берлина, в верховьях реки Шпрее. Местность здесь низменная, слегка болотистая, пересеченная густой сетью речек, протоков, рукавов. Это следы блужданий Шпрее по равнине среди болот.

Почти весь район площадью около 500 *кв. км* был когда-то сплошь покрыт лесом. Отсюда и его название — Шпреевальд («Лес на Шпрее»).

Жители Шпреевальда любят рассказывать легенду, повествующую об истории их родных мест. В старые времена, когда Германия была раздроблена на сотни мелких княжеств, гер-

цогств и королевств, местными землями правил властолюбивый, спесивый феодал. Его чрезвычайно раздражало, что саксонские, силезские и богемские купцы провозят через его владения товары беспрепятственно, не платя пошлины. Принудить же могущественных соседей к уплате пошлины он не мог.

Властитель Шпреевальда разрешил таможенную проблему довольно необычно. Он приказал на месте всех дорог в его владениях выкопать каналы, и соседи были вынуждены или совершать большой объезд вокруг района, или перегружать свои товары на челны и за это платить пошлину.

Шпреевальд — в основном сельскохозяйственный район. Лишь в городках Люббене и Люббенау работают небольшие заводы, выпускающие консервы из овощей и фруктов. На всю Германию славятся огурцы из Люббенау, напоминающие наши нежинские (на банках с огурцами даже делается пометка: «Изготовлено по русскому образцу»).

Живописная природа Шпреевальда или, как его часто называют в Германии, Бранденбургской Венеции, привлекает в этот район множество экскурсантов. Сюда приезжают жители германской столицы и других городов страны, иностранцы.

Вы проходите через тенистый сквер, примыкающий к небольшой площади, и оказываетесь на берегу канала. К пристани привязаны прогулочные гондолы — пятнадцати-, двадцатиместные плоскодонные лодки с тупым носом и кормой.

Экскурсантов усаживают в гондолу, затем в нее прыгает гондольер с неизбежным шестом, и прогулка начинается. Лодка скользит по спокойной воде вдоль берегов, поросших кустарником и деревьями, по «улицам» местных деревень.

После прогулки по воде устраивается привал на прибрежном лугу. Густая, высокая трава располагает к отдыху. Лишь самые неугомонные занимаются сбором ягод, главным образом малины, которой здесь очень много. Неплохо и выкупаться, хотя любителям понырять тут не развернуться: мест глубже метра почти нет.

Под вечер экскурсия возвращается в Люббенау. Редко кто из посетителей Шпреевальда вернется домой, не купив на память открытки с видами «Венеции» или какого-либо другого сувенира.

БЕРЛИН

По *Л. Опацкому* и *А. Мясникову*

Берлин, столица Германии, возник на путях германского проникновения на восток Европы. Он зародился на месте маленьких славянских деревушек, расположенных на заболоченной низине. Возникшие в этих местах немецкие селения Кельн и Берлин получили в первой половине XIII в. городские права, а в начале XIV в. слились в единый город.

Берлин. Центральная часть города.

На ранней стадии большую роль в жизни Берлина играли водные пути сообщения. Берлин расположен на небольшой судоходной реке Шпрее, вблизи впадения ее в Хафель — правый приток Эльбы. Таким образом, Берлин расположен в центре водных путей, соединяющих его с Гамбургом и другими городами на Эльбе, а далее, по Средне-Германскому и другим каналам,— с Руром и на востоке — с Верхней Силезией.

Став королем Пруссии, курфюрст Бранденбургский Фридрих III значительно расширил в XVIII в. свою столицу, включив в черту города ряд его предместьев.

Еще быстрее рос город в эпоху капитализма.

Поэтому значительная часть города построена в духе вкусов разбогатевших буржуа и прусских юнкеров. Это нашло свое отражение в пышном, зачастую безвкусном великолепии зданий, в обилии военных памятников, отражавших империалистические устремления, характерные для господствующих классов германской империи.

Почти все площади и центральные улицы Берлина «украшены» памятниками деятелей официальной Германии. Виднейшие представители науки и искусства — Вагнер, Гёте, Шиллер и другие — удостоены более скромных памятников.

Во внешнем облике Берлина преобладают строгие правильные линии планировки, сочетающиеся с сероватыми тонами строений, что придает городу однообразие и унылость, которые чувствуются даже на самых парадных улицах.

Центральная часть Берлина крестообразно пересекается двумя улицами: с севера на юг — Фридрихштрассе, с запада на восток — Унтер-ден-Линден, на которой расположен ряд министерств, Академия художеств, дворцы, университеты, публичная библиотека.

В северо-восточной части Тиргартена, между Кенигсплац и набережной реки Шпрее, находится здание рейхстага, на котором 30 апреля 1945 г. советские войска водрузили знамя победы.

Промышленные кварталы, первоначально расположенные вдоль Шпрее, перемещаются постепенно к северу, вдоль рельсовых путей. На запад от них вырос настоящий заводской город — Сименсштадт.

К западу от реки Хафель сосредоточен ряд военных заводов и фабрик.

На берегах озера Тегель также вырос целый ряд крупных промышленных предприятий военного значения.

Особое место занимают предприятия электротехнической промышленности, по уровню развития которой Берлин занимает первое место в стране.

В северо-западном заводском районе Берлина располагаются машиностроительные и военные заводы, среди которых большое место занимают авиационные.

Берлин — крупнейший железнодорожный узел, к нему сходятся пятнадцать железнодорожных линий, среди которых — магистрали, ведущие на Варшаву, Вильнюс и Брест, Кёльн, Париж, Лейпциг, Мюнхен, Рим, Вену, Триест и другие европейские города.

ПОЛЬСКАЯ БАЛТИКА

По *Я. Макаренко*

Морское побережье Польши протянулось почти на 500 *км*. Оно располагает тремя крупными морскими портами: Гданьском, Гдыней и Щецином, а также рядом других, меньших, но имеющих огромное значение для прибрежного судоходства и морского рыболовства.

ГОРОД, ГДЕ СТРОЯТСЯ КОРАБЛИ

Быстроходный катер несет нас в глубь Гданьской бухты. Входим в рукав Вислы — Ленивку. Слева встают изрытые окопами холмы Вестерплятте — легендарного полуострова, на котором горстка польских патриотов оказала в 1939 г. упорное сопротивление гитлеровцам. Слева расстилается Гданьск, подступающий широкими зелеными улицами к самой реке. Причалы и пристани порта тянутся почти на 40 *км*. Пройдя через канал, катер входит в товарную гавань. Над пристанями поднимаются огромные свежевыкрашенные серые пакгаузы, элеваторы, эстакады. По линиям портового железнодорожного узла проходят длинные составы с углем. На мачтах развеваются флаги многих стран: советские, китайские, шведские, норвежские. Одни суда берут польский уголь, с других, в частности шведских, разгружают железную руду, третьи наполняют трюмы солью. Напряженный труд кипит и на верфи. Гигантские плавучие доки, многочисленные цехи, где идет строительство кораблей, служебные здания, а также подступающие вплотную к верфи склады тянутся вдоль бухты на многие километры. Здесь заняты тысячи рабочих. На гданьской верфи построены первые отечественные корабли. Польша не имела в прошлом опыта кораблестроения. Единственные верфи, существовавшие до войны в Гдыне, находились в руках иностранных акционеров и использовались преимущественно для ремонта судов.

Гданьск—древний город. Торгово-рыбацкое поселение Кданцз впервые упоминается в источниках конца X в. Лежит город при впадении в море реки Вислы. Во всех направлениях его пересекают многочисленные рукава, реки и каналы.

Если посмотреть на город сверху, в глаза бросятся многочисленные шпили и высокие готические башни старинных зданий. Разрушенные во время войны ценные архитектурные и исторические памятники сейчас восстанавливаются. Но Гданьск не просто восстанавливается,— большая его часть строится заново. На месте оставленных войной руин возводятся многоэтажные дома, прокладываются широкие улицы и магистрали.

В ГДЫНЕ

В 20 *км* от Гданьска находится другой крупный польский морской порт — Гдыня. Это самый молодой порт на Балтике. Ему всего 34 года. Порт был сооружен в годы, когда Гданьск был объявлен версальскими устроителями мира вольным городом Данцигом, в котором Польше принадлежала небольшая гавань на полуострове Вестерплятте. На пустынном песчаном берегу, где стояла раньше небольшая рыбацкая деревушка, руками польских людей были вырыты огромные бассейны, возведены сотни больших и малых портовых сооружений, построен мол, оградивший искусственную бухту от морских волн.

Гдыня живет жизнью большой европейской гавани. Как и в Гданьске, у причалов толпятся корабли разных стран — и пассажирские и грузовые. Много тут и рыболовных судов.

Гдыня — главный рыболовный порт Польши.

Из гавани беспрерывно отправляются в море рыбацкие шхуны. Впервые в истории страны польские рыбаки ходят на дальний морской лов рыбы, иногда до Ледовитого океана.

До войны в Польше была лишь одна морская школа — в Торуни. Сейчас в стране несколько морских учебных заведений. В Гдыне открыта высшая школа морской торговли.

В угольной гавани стоит несколько иностранных судов, ожидающих погрузки. Уголь поступает сюда из Силезии по железной дороге, связывающей Сталиногруд с Гдыней. А вот большие холодильники. Из Гдыни в ближайшие города отправляется мороженая рыба.

Капитан порта рассказывает нам о жизни города, его прошлом.

Когда кончилась война, говорит он, порт был мертв. Фашисты постарались разрушить все, что только можно. В развалинах лежали все портовые сооружения, механизмы представляли собой кучи искареженного железа, вход в бухту был перегорожен затопленными кораблями. Сейчас порт живет полнокровной жизнью.

Порт гавани объединяется в одно административное целое с портом Гданьска. Оба они восстанавливаются и развиваются по общему плану.

ЩЕЦИН

Из окон вагона еще не видишь очертаний города, еще нельзя окинуть взглядом закрытые густым лесом берега бухты, но уже все говорит о приближении к большому морскому порту.

Щецин находится в устье Одры, воды которой вливаются в Щецинский залив. Город стоит высоко над бухтой, как бы смотрясь в ее зеркальную поверхность.

Щецин — красивый город. От круглых, словно вычерченных циркулем площадей лучами идут во все стороны прямые, чистые улицы с многоэтажными домами.

Городские власти проявляют большую заботу о зеленых насаждениях. Вдоль тротуаров ровными линиями тянутся липы. В июле, когда деревья цветут, в воздухе стоит густой запах меда. На улицах очень много цветов. В скверах и на бульварах всегда людно.

Щецин — крупный промышленный и культурный центр. Здесь находятся реконструированный металлургический завод, предприятия машиностроительной, химической, деревообрабатывающей и пищевой промышленности.

В городе несколько высших учебных заведений: торговая академия, медицинский институт, высшая инженерная школа, высшая морская школа. Тут находится одна из лучших в стране библиотек, несколько театров и кинотеатров. Город растет и хорошеет. Все здесь говорит о счастливом созидательном труде польского народа.

Ожил, разросся и Щецинский порт. Здесь, как и всюду в городе, оживленная стройка. Учащенно бьется пульс верфи.

Отстроен заново элеватор, один из крупнейших в Европе. Сооружен гигантский механический погрузчик угля. Расширилась железнодорожная сеть. Проложено много километров новых дорог, сокративших путь к причалам. Построен огромный новый бассейн, предназначенный для приема больших океанских судов.

Порт оснащен мощными кранами и транспортерами. Уголь поступает сюда из Силезии дешевым водным путем — по системе каналов и реке Одре.

В Щецинском порту есть так называемая беспошлинная чехословацкая гавань. Отсюда отправляются за границу чехословацкие суда. Здесь производится перегрузка импортных товаров, поступающих в Чехословакию морем. Благодаря этому дружественная Польше республика тоже имеет выход к морю.

НА РЕКЕ ВИСЛЕ

По *Н. Пантюхину*

Висла берет начало на северных склонах Карпат. Так как в Карпатах нет постоянных ледников, то характер питания Вислы связан с таянием снегов и осенне-весенними дождями. Межень на реке наступает в феврале, а резкое повышение уровня — в апреле и продолжается до июня — июля, когда заканчивается таяние снегов на самых высоких вершинах Карпат. Ниже впадения Сана Висла становится уже равнинной рекой с максимальным расходом воды в начале весны (март). В целом режим средней и нижней Вислы мало чем отличается от режима крупных рек Русской равнины — Волги, Дона, Днепра и др.

В Карпатах верховья Вислы и ее притоков протекают в глубоких каньонах

* *
*

Наш пароход медленно плыл вниз по реке. Он делал петли среди отмелей, подходил то к правому, то к левому берегу, иногда замедляя свой ход.

Варшава с ее ажурными мостами через Вислу давно уже скрылась за поворотом реки, но на правом, пологом берегу еще виднелись новые цехи автозавода в Жерани, огромные экскаваторы, настойчиво вгрызавшиеся в землю, автомашины, груженные строительными материалами. На реке у берега несколько землечерпалок прочищали фарватер.

Медленно плывут нам навстречу берега с разбросанными на них селениями и густыми лесами.

В зеленых зарослях прячутся бывшие дворцы польских магнатов, ныне дома отдыха и санатории. Прекрасные пляжи на реке — любимое место отдыха трудящихся Варшавы. Живописен левый берег Вислы. Леса, перелески, снова леса...

— Какой контраст с правобережьем, не правда ли? — заметил мой спутник, польский научный работник.— Разве такими должны быть луга у многоводной Вислы? — он показывает на правый берег с его скудными лугами. И, словно отвечая на свой вопрос, продолжает: — Сорок миллиардов кубометров воды ежегодно уносит Висла в море. Сорок миллиардов! Воды реки могут дать миллионы киловатт-часов электроэнергии, оросить огромные площади.

Мы подъезжаем к Бухнину — одному из наиболее труднопроходимых мест на Висле. Капитан сам взялся за руль и провел пароход, минуя мели.

* *
*

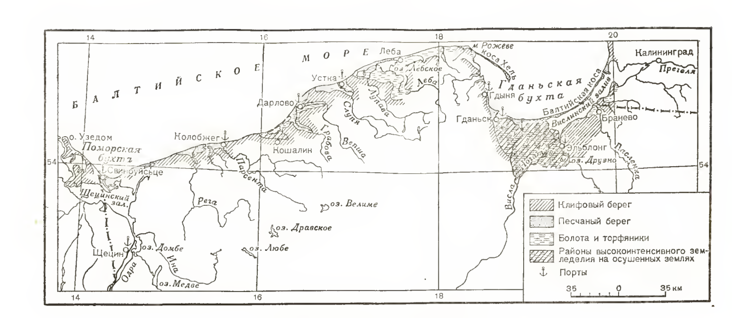
Модлин. Поросшие плющом крепостные стены отражаются в водах реки, которая после песчаных перекатов и мелководья раскинулась тут спокойной гладью.

Здесь в Вислу впадает Буг. Мы уже представили себе, как, должно быть, замечательно плыть полноводной рекой до самого Балтийского моря, но капитан разочаровывает нас.

— Только на двенадцать километров хватит такой воды,— говорит он.

Идем вдоль правого, пологого берега; по нему тянутся мощные дамбы. Вдали виднеются широко раскинувшиеся луга, на которых пасется скот. Завиваясь воронками и увлекая за собой песок, Висла уходит здесь от неприветливо встречающего ее берега.

— Вы понимаете, какую опасность представляет здесь река в период паводка? — спрашивает мой спутник. И рассказывает о наводнении, которое было здесь в 1934 г.

Прибрежные районы польской Балтики

Разбушевавшаяся река залила в те дни сотни прибрежных сел, а многие из них и совсем снесла. Наводнения угрожали людям каждый год, каждую весну.

При народном правительстве старые, ветхие дамбы были укреплены и реконструированы, однако они не являются еще надежной защитой от наводнений. Не преодолены еще на Висле и затруднения для речного транспорта. Ил и песок, наносимые рекой, постоянно образуют подле дамб такие наносы, что пароходам, пока они не выберутся на водный простор, приходится непрерывно идти зигзагами от берега к берегу. Такова пока Висла.

— Мы подсчитали,— говорит капитан, принимающий участие в нашем разговоре,— что на протяжении одного километра в среднем пароход шесть-семь раз направляется от одного берега к другому. Значит, от Варшавы до Гданьска — примерно две-три тысячи раз. Можете представить, как это усложняет и удлиняет путь!..

* *
*

Недалеко от моря Висла разветвляется. Точно устав преодолевать песчаные отмели и биться о крутые берега, воды ее лениво растекаются по двум рукавам. Левый рукав реки так и назван — Ленивка, но и правый, Ногат, по которому сейчас идет наш пароход, не может похвастаться быстрым течением. Он весь в шлюзах.

Вот на высоком берегу виднеется замок. Сколько мы уже видели древних полуразрушенных крепостных стен, остатков замков и других укреплений, построенных в далеком средневековье по берегам Вислы, но это особый замок, Мальборк — древняя столица крестоносцев, опора их господства на польских землях. Время пощадило замок: мощные стены, высокие башни, поднимающиеся мосты над рвами сохранились до наших дней. Сейчас Мальборк превращен в музей.

Мы находимся в Жулавах — низменной дельте, значительная часть которой лежит ниже уровня моря [1]. Здесь до сих пор сохранились древние, почти сравнявшиеся с землей «охранные» валы, при помощи которых население этих мест некогда пыталось оградить свои земли от вторжения соленой морской воды. В XV—XVI вв. тут стояли ветряные двигатели, приводившие в

---

[1] Дельта Вислы представляет собой большой треугольник площадью около 1000 *кв. км*. Пять-шесть тысяч лет назад Висла впадала в море там, где сейчас находится город Тчев. Поднятие суши и заполнение мелководного залива речными наносами отодвинуло море от города на 30 *км*.

Дельта пересечена густой сетью проток и ответвлений, население построило здесь много дамб и каналов. Эта местность в Польше называется Жулавы или Польская Голландия.

движение примитивные водоотливные сооружения. В эпоху электричества двигатели стали более совершенными. Изменилась и система «охранных» валов, рвов и отводных каналов, которые строили целые поколения.

В 1952 г. оградительные валы были укреплены камнем, а во многих местах — и бетоном. Специальные дозоры следят за состоянием воды.

Правый рукав Вислы, Ногат, медленно вливается в Вислинский залив. Голубое бездонное небо отражается в его спокойных водах, почти наглухо отгороженных от моря густо заросшей лесом песчаной косой.

МАЗУРЫ

По *Я. Макаренко*

Северная равнина Средней Европы богата озерами, причем в основном они расположены в полосе более молодого и ярко выраженного моренного ландшафта. Почти все озера равнины являются наследием ледниковой эпохи; они занимают котловины между моренными холмами и обычно бывают подпружены моренами. Гряды конечных морен Мазурского поозерья тянутся к востоку от Вислы тремя цепями, соединяющимися в окрестностях города Оструды. Моренные холмы, покрытые смешанными лесами, достигают высоты 200—300 *м*. Так, юго-восточнее города Оструды расположена возвышенность Горбатые Мазуры с вершиной Шеска Гура (312 *м*).

Форма и величина озер довольно разнообразны. Наряду со множеством мелких есть и очень крупные. Одно из самых больших озер — озеро Снярдвы в Мазурах — имеет площадь 106 *кв. км* и глубину 25 *м*.

* * *

В четырех-пяти часах езды по шоссе, ведущему на север от Варшавы, расположен один из удивительно живописных и своеобразных уголков Польши. Это старинные польские земли — Вармия и Мазуры.

Взор приезжего привлекают здесь крутые, отороченные березовыми рощами и темными борами холмы, небольшие, мелькающие меж перелесков деревни и местечки с чешуйчатыми черепичными крышами строений, старинные замки, возделанные поля, пышные пастбища. Но, пожалуй, самое примечательное, что бросается здесь в глаза, это озера. Тут их свыше тысячи. Они разбросаны среди лесов, полей и лугов, обрамлены зеленой рамкой густых тростников и кустарников.

На пути в Ольштын — центр Мазуры — мы познакомились с местным краеведом. Много интересного рассказал он нам об этом «крае тысячи озер».

А разговор наш, естественно, и начался с озер, которые то и дело возникали перед нами и исчезали, сверкая на солнце свинцово-серебристой поверхностью своих почти всегда спокойных вод.

— Озера здешние,— рассказывал краевед,— ледникового происхождения. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на

их рисунок. Многие из них вытянуты с севера на юг, все довольно глубоки и пресноводны. Площади многих озер — таких, например, как Снярдвы и Мамры,— измеряются сотнями квадратных километров.

На их берегах выросли санатории и туристические базы для трудящихся, устроили свои базы многочисленные рыболовецкие артели, обосновались охотничьи хозяйства. По своим огромным ресурсам рыбы и дичи, отметил краевед, это богатейший в стране край. Здесь встречаются и пудовая щука, и судак, и угорь. А о птице, такой, как утка и гусь, и говорить не приходится, так ее тут много.

Много и охотно рассказывал краевед о природных условиях края.

Поверхность Мазур, говорил он, представляет холмистую равнину моренного происхождения, которая с приближением к Балтийскому морю постепенно опускается. Значительных рек на мазурских и варминских землях сравнительно немного. Здесь протекают правые притоки Вислы.

Климат здесь умеренный. Если о польском климате принято в народе говорить, что у него не четыре, а шесть времен года, включая «предвесенье» и «поосенье», то эта его особенность сильнее всего ощущается на мазурских и варминских землях вследствие их близости к морю. В течение зимы на этих землях бывают и частые оттепели, и жгучие морозы. Летом земледелие чаще страдает от избытка дождей, чем от их недостатка.

Мазуры — один из богатых лесами районов страны. Леса занимают тут более пятой части территории. Немало здесь заповедных, необыкновенно красивых, девственных пущ. Янгсборская пуща лишь немногим уступает по своим размерам известной Беловежской пуще. Растут здесь ель, сосна, бук, граб, дуб, береза, ольха. В лесах водится много зверей, в том числе кабаны и косули. Нередко встречаются и лоси.

Беднее эти земли ископаемыми: здесь нет ни угля, ни железной руды; зато они богаты торфом.

Неизгладимое впечатление произвели на нас мазурские и варминские озера. Они тянутся одно за другим, и каждое из них красиво по-своему. Крутые берега заросли купами кустарников, высоким тростником. В воде, на мелких местах, зеленеют широкие листья и коробочки отцветших желтых кувшинок и белых водяных лилий. Посреди озер то тут, то там поднимаются высокие, покрытые ясенями и буками острова.

Множество уток, гусей покрывает их хрустальную водную ширь. Спугнутые выстрелом охотника, птицы тучами поднимаются вверх и, сделав два-три круга, снова садятся как ни в чем не бывало на подернутую рябью водную гладь.

Побывали мы и на известном Лебедином озере. Незаметно подобравшись к нему, мы увидели у его противоположного берега десятки спокойно плавающих белых грациозных птиц.

В густых лесах Мазурского поозерья

Озеро это, несколько лет назад объявленное заповедным,— единственный в Польше водоем, где лебеди гнездятся в естественных условиях.

Озера Снярдвы и Мамры похожи скорее на моря — так высоко поднимает здесь ветер большие волны.

Замечательны эти земли и каналами, которые проходят через многие озера и связывают южные районы этого края с Балтийским морем. Мы побывали на двух наиболее известных из них — Эльблонгско-Острудском и Мазурском.

Эльблонгско-Острудский канал построен в 1860 г. Протяженность его — 80 *км*. Он сравнительно мелководен. Этот канал имеет пять шлюзов-лестниц.

Мазурский водный путь, разделяющийся на шесть более мелких каналов, построен еще в XVIII в. Ввиду того что он быстро засорился, его забросили. Путь не действовал до 1849 г., когда были проведены работы по его углублению и построен новый канал, соединяющий небольшой городок Пиш с озером Снярдвы.

В северо-западной части Мазур, в окрестностях Эльблонга, расположены земли, называемые Жулавами. Уровень поверхности находится здесь на два, а в некоторых местах даже и на три метра ниже уровня Балтийского моря. Реки и многочисленные каналы, протекающие по Жулавам в искусственно проложенных руслах, постоянно угрожают наводнениями. Чтобы избежать их, здесь построены крупные насосные станции, которые способны перекачать в течение нескольких часов всю воду из одного канала в другой. Население ведет день и ночь неустанное наблюдение за поведением рек и каналов. Для этого созданы специальные сторожевые команды.

Во время войны было взорвано на Жулавах большинство насосных станций, плотин и дамб, вода затопила огромнейший плодородный район. В течение двух лет Жулавы представляли собой гигантское озеро, среди которого поднимались красные маковки черепичных крыш и черные кроны погибших деревьев. Свободному польскому народу оказалось под силу решение такой сложной задачи, как осушение Жулав. Сейчас Жулавы — один из цветущих районов новой Польши.

Гидротехнические сооружения в Жулавах представляют сложный, оснащенный современной техникой механизм.

Огромный Вислинский залив, омывающий эти земли с севера, отделен от Балтийского моря длинной песчаной косой, тянущейся от Гданьска в направлении Калининграда. Эта коса защищает побережье от воздействия моря. Она охраняет его от поступления излишних морских вод, «гасит» ударную силу прибоя, предохраняя тем самым поднимающиеся вдоль моря прибрежные земляные валы от разрушений. Польские инженеры сейчас задумываются над тем, как осушить Вислинский залив, чтобы превратить его дно в плодородные поля.

В БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩЕ

По *Я. Макаренко*

Почти вся территория Польши в прошлом была покрыта девственными лесами, но начиная с XIV в. на польских землях производилась усиленная вырубка и раскорчевка лесов. В результате площадь намного сократилась.

От первобытных лесов некогда монолитной зоны смешанных лесов в ряде мест сохранились так называемые пущи — большие лесные массивы однородного или смешанного состава. К их числу принадлежит широко известная Беловежская пуща, западная часть которой находится в Белостокском воеводстве в Польше, а восточная — в СССР.

Пущи — сохранившиеся островки дикой природы — имеют большое значение для науки, в частности для краеведения. Научные работники ведут здесь учет природных ресурсов, изучают биологические особенности растений и животных. В пущах, в том числе и в Беловежской, проводятся наблюдения над последними представителями уже исчезнувших в других местах Европы животных: зубров и тарпанов.

В заповедниках ежегодно сотни студентов проходят учебную практику.

* * *

Леса, синея на горизонте зубчатой кромкой, подступают почти вплотную к Белостоку. Но Беловежская пуща начинается далеко южнее города.

Вдоль шоссе, ведущего в Беловежскую пущу, лежат среди перелесков многочисленные хутора и деревни с бревенчатыми, обычно крытыми соломой хатами.

Автомобиль в этом районе — явление редкое, и у самого шоссе спокойно и важно, не обращая никакого внимания на проезжих, расхаживают чернокрылые аисты. Здесь можно увидеть и пугливую косулю, и черномазого кабана, а нередко и целое кабанье стадо.

Глаз замечает на пути в пущу то лесопилку, то смолокуренный завод, то колесную мастерскую. Местная промышленность, основой существования и сырьевой базой которой является лес, давно восстановлена заботливыми руками трудового народа. Строительная страда, охватившая всю страну, докатилась и сюда, в лесные дебри. То тут, то там видны новые постройки.

У Беловежской пущи нашу машину останавливает лесник. Он предупреждает:

— Просим соблюдать тишину. Такой порядок у нас. Животные наши любят покой. Машины здесь ходят со скоростью двадцать километров в час. А пользоваться сигналом строго запрещено...

Величавая прелесть девственной, вечно живой природы заповедника очаровывает сразу же, как только вступаешь в его пределы. Высоко-высоко над головой поднимаются, шумя вершинами, косматые ели, среди них белеют чеканные стволы милых русскому сердцу берез, раскачиваются под ветром стройные клены. Несколько шагов,— и картина меняется: появляются словно вылитые

из старинного серебра могучие вязы, высокие липы, тонкоствольные ольхи, ильмы и грабы. В стороне поднялись далеко в небо зеленые кроны соснового бора, а за ним плотной стеной встали дубы-великаны с толстыми, узловатыми сучьями и необычайно густой листвой.

— Дубы у нас в тридцать-сорок метров высоты, а сосны и ели и того больше — до пятидесяти метров,— говорит нам лесник.— Их не обхватить, взявшись за руки, и троим.

Деревья, переплетаясь сучьями, образуют гигантский шатер, и в пуще стоит постоянный полумрак. Лучи солнца с трудом пробиваются сквозь густые ветви лесных великанов.

На дорогу вышел из кустов стройный, точно выточенный из камня олень, уставился красивыми фиолетовыми глазами на никелированный радиатор нашей машины, потянул дрожащими ноздрями воздух и, сделав прыжок, мгновенно исчез в лесной чаще.

* *
*

Через несколько минут мы въехали в Беловежу — центр польского государственного заповедника, крохотный, но весьма живописный, построенный почти исключительно из дерева городок. Тут находятся управление заповедника и филиал Польского института по исследованию жизни леса.

У выкрашенного желтой краской уютного деревянного домика, увитого диким виноградом, нас встретил профессор Ян Карпинский, директор заповедника, седеющий человек в больших очках.

— Как тихо вы ни ехали,— сказал он нам улыбаясь,— а я все-таки давно уже узнал о вашем прибытии.

— Каким образом, профессор?

— Очень просто. Есть у меня незаменимые вестовые, мои лесные пернатые друзья.— Профессор указал на возбужденно чирикавших на сосне серых пичужек.— Эти птички реагируют на любой шум в лесу. Они-то и доложили мне первыми о вашем прибытии,— смеется профессор.

Профессор Карпинский прожил в Беловежской пуще более двадцати лет и прекрасно ее знает. Он исследователь и биограф пущи. Вышедшая недавно в Варшаве принадлежащая перу профессора монография дает обстоятельное описание богатейшего и разнообразного растительного и животного мира заповедника.

В далеком прошлом пуща была значительной частью лесного массива, простиравшегося от Буга до Балтийского моря, от Днепра до Одера. Реки, разливаясь весной вместе со своими притоками, создавали серьезную угрозу населявшим их берега животным. Звери могли жить спокойно только на водоразделе между Бугом, Наревом, Неманом и Припятью, где на относительно возвышенных частях раскинулись лесные дебри Беловежской пущи. Спасаясь от

Зубры в Беловежской пуще

губительных паводков, здесь находили надежное убежище многие лесные обитатели, в том числе редчайшие представители животного мира: туры, зубры, тарпаны (дикие лошади), лоси и многие другие животные.

В летописях достоверно указывается на изобилие в дебрях Беловежской пущи туров, зубров и лосей, а также на то, что жившее здесь литовское племя ятвягов промышляло как охотой на этих крупных зверей, так и «бортничеством» — добычей меда диких пчел из дупел деревьев.

Из года в год зверей в пуще становилось все меньше. В 1627 г. был убит последний тур, позднее почти вывелись и дикая лошадь — тарпан.

На долгое время пуща была превращена в место варварской охоты — сначала польских королей, а затем и русских царей. За одну охоту здесь истреблялись сотни зубров.

В период первой мировой войны представители немецкой военщины за короткое время истребили всех зубров. Часть животных была вывезена в Германию.

В 1918 г., когда в соответствии с Версальским договором Беловежская пуща отошла к Польше, в ней не оказалось ни одного зубра.

Лишь спустя десять лет с небольшим, в 1929 г., польское правительство по баснословной цене (80 тыс. довоенных злотых за каждое животное) купило в Германии трех (своих же в прошлом) зубров.

В 1939 г. в пуще насчитывалось 16 зубров.

— Когда я возвратился в Беловежскую пущу в 1944 г., после освобождения польской территории Советской Армией,— рассказывает профессор Карпинский,— я увидел, что бесценные сокровища пущи расхищены или уничтожены.

* *
*

После установления новой польско-советской границы Беловежская пуща была объявлена советским и польским правительством государственным заповедником. В современных границах заповедник занимает площадь, равную почти 130 тыс. *га*. Из них в пределах демократической Польши находится 56 тыс. *га*, остальная часть — на территории СССР.

Теперь Беловежская пуща стала народным достоянием, подлинно государственным заповедником. Вся работа в ней построена на строгих научных основах.

В польской части заповедника открылся филиал научно-исследовательского института по изучению жизни леса.

Десять зубров из польского заповедника были переданы в заповедник Советского Союза в обмен на лосей.

Сильно вырос и пополнился в пуще за последние годы ее животный мир. Тут теперь водятся наравне с зубрами и лоси, и тарпаны, олени и косули, кабаны и волки, медведи, рыси, барсуки, лисы, куницы, выдры, горностаи и многие другие лесные звери.

Каждую зиму, как только выпадет снег, профессор Карпинский проводит по первопутку учет зверей. В один и тот же день по всем просекам, стежкам и дорогам заповедника проходят лесники и егери, умеющие «читать» следы зверей так же хорошо, как музыкант читает ноты. Собранный в результате «переписи» зверей материал обобщается, и, таким образом, устанавливается ежегодный прирост обитателей заповедника.

Все более разнообразным становится в Беловежской пуще и ее пернатое население. Здесь можно встретить постоянных ее аборигенов — орла, белую полярную сову, тяжеловесного глухаря, тетерева, рябчика, куропатку, журавля, черного аиста, вальдшнепа,

бекаса, много певчих птиц, а также множество перелетной водоплавающей птицы.

Беловежская пуща — это единственный в Европе крупнейший массив смешанного леса, сохранивший свой девственный, первобытный характер и свойственную ему фауну. Это единственное место в мире, где в естественных условиях живут чистокровные зубры.

* *
*

Государственный заповедник в польской части Беловежской пущи состоит из четырех основных отделений: зубровника, лосятника, питомника тарпанов и ботанического сада.

У входа в зубровник, окруженный вековыми деревьями, нас просят вытереть ноги о коврик, пропитанный формалином. В обширном, обнесенном толстыми досками вольере — деревянная вышка, построенная для обозрения зубровника. Отсюда хорошо видна расположившаяся в тени, под навесом кормового сарайчика семья зубров. Ее возглавляет гигантский бык по кличке Плица. Это огромное, почти в два метра высотой животное с темно-гнедой шерстью, мощной грудью и крутой, поросшей густым подшерстком шеей. Ноги у быка стройные и сухие, голова большая, красиво очерченная, с бородкой и тонкими, изогнутыми внутрь рогами.

Заметив людей на башне, Плица издает тревожный звук, и семья его — четыре коровы — мгновенно сбивается в кучу, загородив своими тушами трех тонконогих телят. Спустя еще несколько минут бык становится во главе своего стада и отводит его за косматые ели, подальше от человеческих глаз.

В зарослях густого ельника мы замечаем семью другого быка, по кличке Плято. Зубры далеко от наблюдательной башни, и вожак не выражает никакого беспокойства.

Лоси тоже помещаются в обширном вольере.

Поднявшись на наблюдательную вышку, мы увидели у кормушки огромнейшего, серо-стальной окраски лося-самца с мощными, красиво разросшимися рогами; на поляне паслась лосица, а под раскидистым дубом, в прохладной тени, лежал лосенок.

* *
*

В питомнике тарпанов всюду много кормушек с душистым сеном и колодцев со студеной ключевой водой.

Тут нет специальных башен для наблюдения. Тарпаны — животные очень доверчивые, и приблизиться к ним можно почти вплотную.

Тарпаны значительно меньше обыкновенной лошади, но крупнее лошади Пржевальского. Масти они саврасой. У них черная стоячая грива. Вдоль спины, от холки до крупа, проходит черная узкая полоса.

Среди тарпанов встречаются экземпляры, которые несколько отличаются от своих сородичей. У них характерная горбоносая маленькая головка с черными подпалинами, ярко выраженные черные кольца на ногах, а по всему телу проступают «яблоки». Весной эта лошадь сбрасывает шерсть и становится белой, как кипень. Польские ученые считают, что эта лошадь ближе к тем тарпанам, которые когда-то обитали в Беловежской пуще, и внимательно ее изучают.

Зубры, лоси и тарпаны живут зимой в пуще под открытым небом. Зима в пуще сравнительно мягкая, снежный покров неглубокий, и животные копытами легко достают себе из-под снега корм. Питаются они и корой деревьев. Егери подкармливают их запасенным с лета овсом, желудями, свеклой и морковью. Во время снежных буранов животные укрываются под навесами сараев-кормушек.

* *
*

Появились в пуще и бобры. Протекающие здесь тихие, заросшие кувшинками и другими водорослями лесные речки — Наревка, Гвожна и Орлянка — представляют прекрасные места для поселения бобровых семей.

В Беловежской пуще есть и ботанический сад. В нем собраны представители лесов самых различных широт земного шара.

В музее заповедника представлен весь богатейший и разнообразный животный и растительный мир пущи.

Мы уезжали из Беловежи поздно вечером. Проплыли над лесами и растаяли серебряные звуки горнов егерей, вышедших в ночной обход.

ВАРШАВА

По *С. Образцову, П. Глушакову* и др.

Варшава, столица и крупнейший город Польши, расположена у пересечения реки Вислы многочисленными дорогами, соединяющими Восточную и Центральную Европу.

Большая часть города лежит на возвышенном левом берегу Вислы, район Праги расположен на более низком — правом берегу реки.

Варшава — древний город. Первым поселением, на месте которого позднее, в XII в., выросла Варшава, был торговый пасад Свенторский. В XII в. этот пасад разросся и превратился в типичный средневековый город с узкими, извилистыми улицами, рыночной площадью в его центре и высокими крепостными стенами, окружающими город. В XVI в. во время пожара в Кракове сгорел Вавельский замок, король и его приближенные переселились в

Восстановленная из руин центральная часть Варшавы — площадь Конституции. Фото *К. Г. Тарасова*

Варшаву, ставшую столицей государства. С этого времени город значительно расширяется, возникают все новые и новые кварталы, строятся огромные, роскошные замки.

На рубеже XIX и XX вв. в Варшаве вырастают кварталы новых многоэтажных домов европейского типа, строятся промышленные предприятия. Но вместе с новыми кварталами в городе сохраняются и старые средневековые кварталы, где в домах, лишенных самых элементарных удобств, жила городская беднота.

Во время второй мировой войны захваченная гитлеровцами Варшава была превращена в груды камня и пепла. На левом берегу Вислы было уничтожено около 85% всех городских зданий. Лишь Прага была спасена благодаря стремительному наступлению Советской Армии.

После окончания войны польский народ, взявший власть в свои руки, почти заново выстроил город. Теперь, когда мы любуемся красивыми, полными жизни улицами Варшавы, невольно восхищаемся тем поистине титаническим трудом, который вложен варшавянами и всей страной в возрождение города. Продолжает расти и строиться Варшава и сейчас.

Удивительное зрелище представляет Варшава, когда смотришь на нее со стороны Праги. За быстрой и широкой, редко замерзающей Вислой поднимаются сотни новостроек, сверкают белоснежной чистотой стен огромные жилые дома и дома государственных учреждений. Вот новая магистраль «Восток — Запад». Это первенец восстановления Варшавы. Магистраль пролегла через весь город, соединив восточную и западную окраины. Вдоль нее поднялись прекрасные дома, разбиты сады и скверы. Улица Новый свет по желанию жителей восстановлена в таком виде, какой она имела раньше. Взору предстает ряд белых уютных домов, фасады которых украшены скромными, но запоминающимися архитектурными деталями.

Восстановлены и созданы заново новые жилые районы: Мокатов, Жолбиж, Коло, Муранов, Горохов.

Район Старое Място представлял собой хаос узеньких, беспорядочно разбросанных уличек со старыми полуразрушенными домиками, в которых ютилась городская беднота. Во время войны этот район был почти полностью разрушен. Теперь он отстроен заново. Здесь размещаются кварталы больших, благоустроенных домов со скверами и цветниками, с широкими асфальтированными улицами. Отдельные исторические памятники, сохранившиеся в Старое Място, привлекают внимание туристов. В частности, здесь сохранились еще остатки крепостных стен, которыми был обнесен город в средние века, и королевский замок, выстроенный в XII в., когда Варшава стала общепольской столицей. Этот замок поражает своими огромными размерами и великолепной тонкой отделкой.

Главная улица Варшавы, Маршалковская, до недавнего времени была «одноэтажной»: жизнь ютилась здесь лишь в первых этажах, а выше поднимались обгорелые и разрушенные стены. Сейчас Маршалковская улица превратилась в широкую магистраль, застроенную новыми домами. На площади Конституции среди новых многоэтажных домов выделяется огромное высотное здание Дворца науки и культуры, построенное Советским Союзом в дар народу дружественной Польши. Дворец культуры — это научный и культурный центр Варшавы; здесь находится Академия наук Польши, многочисленные лекционные и концертные залы, кино и два театра, а также другие культурные учреждения.

Тысячи дубов, кленов, лип, каштанов, грабов и ясеней высажены в Варшаве. Особенно много молодых деревьев вокруг Дворца культуры и науки и на берегу Вислы.

Пришел конец убогим и грязным пристаням, складам, сараям и домам, отделявшим когда-то город от Вислы. Ныне город спускается к реке зелеными террасами нового Парка культуры. Новый стадион, яхтклубы, лодочные станции, купальни, пляжи расположились на песчаных берегах Вислы.

В северной части района Праги, где размещались раньше различные мелкие промышленные предприятия и полуразвалив-

шиеся бараки, где ютились низкооплачиваемые рабочие и безработные, теперь создан крупный промышленный район. Здесь построен большой автомобильный завод, на котором работает около 40 тыс. человек. Рядом с заводом построен крупный речной порт и самая большая в городе теплоэлектростанция. Строится металлургический завод, который будет одним из крупнейших в Польше предприятий по производству высококачественной стали.

Повсюду в Варшаве бросается в глаза характерная черта — новая, социалистическая планировка города. Старая Варшава была типичным капиталистическим городом. Наряду с роскошными кварталами, где жила буржуазия, существовали грязные трущобы, в которых прозябали рабочие и ремесленный люд. В городе уродливо сочетались роскошь и нищета. В новой Варшаве нет и не может быть таких контрастов. Город строится с таким расчетом, чтобы всеми удобствами быта и культуры пользовались в одинаковой мере жители центральных улиц и население окраин. Как в центре, так и на окраинах строятся благоустроенные жилые дома, школы, кинотеатры, библиотеки. Так ликвидируется веками существовавшая разница между центром и окраинами Варшавы.

ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ ПОЛЬШИ

По *Я. Макаренко*

У окошек железнодорожных касс в Варшаве часто можно слышать названия двух населенных пунктов: Кракова — древней польской столицы и Поронино — местечка, расположенного в предгорьях Татр, в нескольких километрах от города Закопане. В этих местах жил и трудился Владимир Ильич в годы своей второй эмиграции.

В Кракове Владимир Ильич, Надежда Константиновна Крупская и ее мать поселились вначале в небольшом двухэтажном кирпичном, весьма невзрачном с виду домике, стоявшем на улице Звежинецкой, 218, на окраине города. Ныне это улица королевы Ядвиги, 41.

В этом доме Ленин прожил недолго. В сентябре 1912 г. он переехал на улицу Любомирского (сейчас улица Анджей Моджевского), расположенную также на окраине Кракова, и поселился в доме № 49. На улице Любомирского Владимир Ильич прожил до весны 1913 г.

«В этом доме,— говорит надпись на одной из мемориальных досок,— жил и работал в 1912—1913 годах Владимир Ильич Ленин». «В этом доме под руководством Ленина,— указывается в надписи на другой доске,— состоялось совещание ЦК РСДРП (большевиков) 10—14 января 1913 г.».

От Кракова до Поронино свыше ста километров. Сразу же за городом взор привлекают живописные, крутые, выбеленные снегом

холмы и обширные долины, среди которых расположились окруженные садами хутора и небольшие деревушки.

Обсаженное липами, кленами, яблонями и рябиной шоссе почти на всем своем протяжении идет параллельно бурливой горной речке Белый Дунзец, берущей начало в горах. Местность, лежащая по берегам реки, носит название Подгалье, от слова «галя», так называются в Польше высокогорные пастбища.

Южнее небольшого шумного городка Мысленице автострада пробегает по ущелью. Горы, поросшие ельником, нависают порой над самым шоссе. Живут в этом районе гурали — польские горцы.

Постройки гуралей весьма заметно отличаются от крестьянских жилищ в окрестностях Кракова. Они срублены в «лапу» из толстых, тщательно вытесанных бревен, островерхие с мансардами крыши украшены резьбой. Крестьянские нивы расположены здесь на склонах гор террасами, что способствует удержанию в почве быстро скатывающихся дождевых вод.

* *
*

Музей Ленина в Поронино помещается в двухэтажном доме, построенном в характерном «подгалянском» стиле. Его накрывает, будто каской, островерхая новая крыша с несколькими мансардами и широкими, испещренными затейливой резьбой карнизами.

Дом этот стоит у подножия невысокой горы, смотрит окнами на тракт, ведущий в Закопане, и на поросшие елями горы, на покатых склонах которых видны аккуратные хатки гуралей.

Чуть ли не у самых окон дома сливаются две небольшие, но сердитые и говорливые летом, когда тает снег в горах, речушки — Поронец и Белый Дунаец. С узорчатого крыльца открывается широкая, удивительно красивая панорама: поросшие лесом, заснеженные предгорья, белоснежные шапки Гевонта, поднимающегося на 1894 *м* над уровнем моря, и многих других вершин Высоких Татр.

«В этом доме пребывал Ленин»,— с гордостью говорят сопровождающие нас жители Поронино. Одеты они по-горски изысканно: в расшитые гарусным узором безрукавки, узкие брюки из белого домотканного сукна с черными лампасами и черные шляпы, украшенные белыми бусами и орлиными перьями.

В Поронино многое связано с именем Владимира Ильича Ленина. Все напоминает о днях, которые провел здесь в 1913—1914 гг. великий вождь и учитель, руководя отсюда нараставшим революционным движением в России и большевистской партией.

Асфальтированная широкая улица, на которой мы стоим, называется Ленинской, а убегающая в горы стежка, по которой Ленин любил ходить в часы досуга,— тропой Ильича. Поронинские старожилы еще и теперь вспоминают:

«Вот тут, на берегу шумного Поронца, Владимир Ильич частенько сидел с книгой в руках, а вон с той горки,— рассказчик указы-

вает в сторону горы Галицкая Грапа,— любовался белыми шапками Татр. По этой улице Владимир Ильич каждый день ходил на почту, а по той, когда нужно было, ездил в Закопане...»

Впервые Владимир Ильич и Надежда Константиновна приехали в Поронино весной 1913 г. и поселились в доме крестьянки Терезы Скупень, в соседней деревушке Белый Дунаец в километре от Поронино, и прожили здесь до осени.

В 1914 г. Владимир Ильич и Надежда Константиновна снова приехали в Поронино и на этот раз поселились в том же доме в Белом Дунайце.

Дом Терезы Скупень построен из дерева, увенчан мансардой и украшен резьбой. Летом 1950 г. на этом доме установлена мемориальная доска.

Квартира Ленина в доме Скупень состояла из нескольких небольших комнат в нижнем этаже и одной крохотной комнатки в мансарде. Сейчас комнаты эти обставлены, как и несколько десятков лет назад, при Ленине. В них собраны стулья гуральской работы, столы, а в комнатке в мансарде, куда ведет крутая деревянная лесенка, стоят самодельные кровати и тумбочки, под потолком висит большая старинная керосиновая лампа с канделябрами.

В надписи на мемориальной доске, водруженной высоко над крыльцом при входе в дом, говорится, что квартира В. И. Ленина по желанию крестьян деревни Белый Дунаец в 1950 г. превращена в читальню и библиотеку для местного населения. По вечерам и в свободные от работы дни сюда приходят десятки крестьян. Они читают тут советские и польские газеты и журналы, берут книги на дом, слушают записанные на пластинки речи Владимира Ильича.

В Поронино и в Кракове В. И. Ленин жил в период революционного подъема 1912—1914 гг.

В местечке Поронино осенью 1913 г. состоялось второе совещание членов ЦК РСДРП(б) с партийными работниками (по конспиративным соображениям оно называлось «летним», или «августовским»). Это совещание заслушало доклады с мест, доклады о работе польских социал-демократов и отчет о работе ЦК. Были обсуждены также национальный вопрос, вопрос о думской работе социал-демократов и ряд других.

Совещание членов ЦК РСДРП(б) с партийными работниками проходило в доме, в котором теперь открыт музей.

У входа в музей села Поронино надпись на русском и польском языках: «Здесь в 1913—1914 годах пребывал Владимир Ильич Ленин». С волнением переступают люди порог дома. В музее подобран материал, ярко иллюстрирующий полную подвигов жизнь и деятельность великого вождя.

В доме восемь светлых, довольно просторных комнат, обставленных деревянной, гуральской работы мебелью и убранных с крестьянской непритязательностью. В них собрано все, что связано

с именем Ленина не только в краковской и поронинский периоды его жизни.

Посетитель видит в музее фотографии, характеризующие детские годы и юность Ленина, начало его революционной борьбы, документы, показывающие Ленина-вождя.

Знакомясь с памятниками, рассказывающими о днях, проведенных Лениным в Кракове и Поронино, польский рабочий и крестьянин, интеллигент и воин как бы читают страницы истории революционной борьбы, увенчавшейся под руководством В. И. Ленина блестящей победой в октябре 1917 г.

В СОЛЯНЫХ КОПЯХ ВЕЛИЧКИ

Н. Пантюхин

«Если вам доведется быть в Кракове, обязательно посетите Величку»,— говорили нам польские краеведы.

Величка — это один из интереснейших, один из древнейших центров польской горной промышленности. Соляным копям Велички более тысячи лет...

Бесконечный волнистый ландшафт тянется на юго-восток от Кракова. Шоссе то поднимается на гребень невысоких холмов, то спускается в долины, на которых густо разбросаны села и поселки.

Километрах в десяти от Кракова шоссе разветвляется. Путь налево приведет вас к подножию Карпатских гор, направо — к соляным копям Велички.

Наиболее древние копи сейчас не разрабатываются и превращены в музей.

Небольшое кирпичное здание построено над входом в этот музей — старую шахту. В шахту ходит электрифицированная клеть, но цела и лестница, по которой на протяжении веков спускались рабочие для добычи соли.

Экскурсанты предпочитают спускаться по лестнице, ведущей вниз на глубину 135 *м*.

Вот уже триста, четыреста, пятьсот ступенек, и мы у входа в соляной штрек. Сопровождающий нас старый рабочий открывает двери.

Низко наклоняя головы, экскурсанты идут по темному, узкому коридору. Стены его черны, точно на них осела многовековая сажа. Мы проходим слой зеленой соли. На стенах еще сохранились следы железного клина, которым рабочие в глубокой древности вырубали соль. Они ссыпали ее в кожаные фартуки, а затем в бочках воротом вытаскивали на поверхность.

Вот еще одна дверь, и мы в просторном зале. В нем метров пятнадцать высоты. Стены и потолок словно отлиты из металла. В XVII в. здесь по приказу монахов искусные руки подневольных

Пещера в соляных копях

рабочих-шахтеров вырубили из соли часовенку. Разные колонны, статуи, выточенные из цельных глыб соли, остались такими же, как несколько веков назад. Да и дерево здесь не изменяется, не гниет.

Коридор переходит в широкий штрек. Где-то далеко впереди горят огоньки электрических ламп. Отражаясь в соляных стенах, эти огоньки двоятся. Один поворот, другой — и мы у барьера, штрек обрывается. Смотрим вниз. Метрах в тридцати под нами застыла водная гладь. Целое озеро, но в нем нельзя утонуть: вода до предела насыщена солью.

Полюбовавшись озером, возвращаемся в главный штрек. Прорезая слои каменной соли, он все глубже уходит в землю. Вот стены штрека посветлели. Широкая, точно высеченная из мрамора лестница ведет в просторный зал. Его высота достигает 30—40 *м*. Над головой нависают огромные блестящие, точно вылизанные глыбы. Большие люстры, выточенные из кристаллической соли, освещают прекрасные барельефы и статуи, тоже сделанные из соли рабочими — скульпторами-самоучками. Электрический свет проникает сквозь эти фигуры, и они кажутся почти воздушными.

Главный штрек вскоре разветвляется. От него начинают отходить многочисленные боковые ответвления, расположенные вдоль залегания соляных пластов. Общее протяжение подземных ходов — 120 *км*.

* *
*

Соляные копи Велички, как и копи Бохни, расположенные на юге Польши, являются древнейшими в стране, но не самыми богатыми. Геологи народной Польши установили, что самые богатые в стране — это соляные копи в районе Иновроцлава. Здесь запасы соли поистине неисчерпаемы.

За свою тысячелетнюю историю соляная промышленность Польши прошла большой путь развития. Давно уже горняки не рубят соль железными клиньями, не ссыпают ее в кожаные фартуки. Еще в середине XIII в. они перешли к более усовершенствованному методу. В соляных пластах вырубались огромные блоки — «клапти». Эти «клапти» распиливались на куски поменьше — «болванки», весом по 100—120 *кг*. Из крупных кусков соли, остававшихся после этой работы, вытесывались «крухи», весившие до 45 *кг* каждая. В таком виде соль и подавалась на поверхность. Мелкие соляные остатки извлекались из шахты в бочках.

Но и этот способ уже отошел в область истории. В народной Польше процесс добычи соли все более механизируется. Специальные гидравлические опрыскиватели опыляют пласты соли водой. Насыщенная солью вода по трубам подается наверх и здесь выпаривается в особых котлах.

Снежно-белая поваренная соль находит широкий сбыт не только внутри страны, но и далеко за ее рубежами. В настоящее время Польша экспортирует соль более чем в двадцать стран.

РЕЙНСКАЯ ДОЛИНА

Э. Мартонн

Эммануэль де Мартонн (1873—1955) был одним из крупнейших современных французских географов. Он глубоко изучал общую физическую географию, в особенности геоморфологию, а также физическую географию Франции. Он был последователем французской географической школы «географии человека», характерной особенностью которой является всестороннее описание территории с точки зрения физической и экономической географии, истории, этнографии населения, а также политической географии. Приводимый ниже раздел из книги Э. Мартонна «Центральная Европа», наилучшей в серии «Всемирная география», изданной этой школой, позволяет ознакомиться с ее методикой составления географических характеристик.

Советские географы глубоко уважали Э. Мартонна. В 1933 г. он был избран почетным членом Географического общества СССР. Широкой известностью пользуются переведенные на русский язык его работы «Основы физической географии», «Физическая география Франции» и др.

* *
*

По сравнению с разнообразными ландшафтами обрамляющих ее горных массивов природа Рейнской долины едина и по внешнему виду проста. В горах климат влажный и холодный; неблагодарная

Рейн у Кёльна в Рейнских сланцевых горах

почва с трудом освоена упорной обработкой; в долине климат сравнительно солнечный и теплый — плодородные земли с древнейших времен заняты человеком. В горах узкие ущелья и лесные плато; по берегам Рейна широкие открытые места, еще много веков назад пересекавшиеся самыми оживленными дорогами. В зоне средневысотных гор Центральной Европы благоприятные природные условия повсюду составляют характерную черту низменностей и котловин, но нигде они не выражены так ясно, как здесь. Причина заключается в том, что нет другой впадины, которая была бы так развита в меридиональном направлении и заходила бы столь далеко на юг, до самых границ альпийской зоны. Рейнская долина шириной в 40 *км* тянется на 300 *км* от Базеля до Франкфурта, находясь на высоте от 100 до 200 *м*. Климат этой долины мягче, чем климат других межгорных долин и впадин. Для северного немца это уже юг, где пшеница сменяет картофель и рожь, где виноград, вишни и персики зреют под августовским солнцем.

Как бывает обычно, защищенность от западных ветров обеспечивает Рейнской долине некоторую сухость и континентальность климата; впрочем, зимние холода здесь менее заметны, чем наступление ранней весны и летняя жара. Абсолютные максимумы в июле и августе выше 35°. Средняя январская температура всей Рейнской равнины колеблется между 0,5° и 1,3°, апрельская — между 9° и 10,3°, июльская — между 18,4° и 20,5°. Весна наступает с первыми листьями и цветами, за два месяца до того как снег стает на Фельдберге в Шварцвальде.

Человек не мог уничтожить следов влияния климата на почву, о чем ясно говорят остатки первоначальной растительности. Галечниковые и песчаные террасы еще покрыты большими лесами, где преобладает дуб, смешанный с грабом, а на более скудных почвах — сосна. Впрочем, леса никогда не захватывали лёссовых островов, где часто поверхность состоит из чернозема и где зерновые хлеба чередуются с техническими культурами. На известняковых склонах, где растет виноград, ботаник и зоолог находят южные виды растений и животных, показывающие, что здесь на сухой почве прежде существовали только разреженные лесные заросли.

Постоянная смена лесов, открытых пространств, сухих террас и влажной речной поймы создала самую благоприятную среду для развития богатой фауны, и человек должен был очень рано проникнуть в Рейнскую долину, куда его привлекали, с одной стороны, богатая охота и рыбная ловля, а с другой — удобные пути сообщения и благоприятные условия для земледелия. Пойма Рейна, хотя и суженная плотинами, до настоящего времени остается владением множества водяных птиц и важнейшим путем птичьих перелетов. На лёссовых равнинах наряду со следами неолитической культуры встречаются повсюду кости больших травоядных животных и мелких степных грызунов. В лесных местностях в многочисленных курганах находят предметы бронзового века, указывающие на значительное развитие торговых сношений как с северными странами, так и с южными. С этого времени выявляются выгоды географического положения Рейнской равнины. Бельфорский проход ведет к Средиземному морю через долины Соны и Роны [1]; долина самого Рейна открывает путь к большим северным равнинам. Образуя путь с севера на юг, Рейнская долина не препятствует сношениям с западом и востоком. Ее возвышенные края понижаются у Саверна [2] и Пфорцгейма, образуя удобные проходы к лотарингским плато и к Неккару. Так, Рейнская долина, находящаяся в благоприятных условиях по своему климату, флоре и фауне, сделалась еще перекрестком важных путей.

---

[1] Бельфорский проход — область тектонического опускания между Вогезами и Юрой. В этом месте Рейн соединяется с Роной каналом.

[2] Через пониженную область у Саверна проходит канал, соединяющий Рейн с Марной, притоком Соны.

В ШВАРЦВАЛЬДЕ

По Р. Р.[1]

Шварцвальд, как и Вогезы, лежащие по левую сторону Рейнской долины, представляют собой горстово-глыбовый массив герцинских складчатых структур. Крутыми сбросовыми ступенями он обрывается на запад и полого понижается на восток.

До второй половины третичного периода Шварцвальд и Вогезы представляли единое целое, были крыльями сводового массива — антеклизы герцинского фундамента, которая медленно поднималась до тех пор, пока в неогене не произошла сложная серия разломов, по которой центральная часть свода опустилась, дав начало Рейнской долине. Герцинские складки Шварцвальда выровнены длительной денудацией, после чего в начале мезозойской эры были прикрыты толщами континентальных красных песчаников.

Наибольшей высоты достигает южная часть массива (гора Фельдберг, 1493 *м*), лишенная плоского песчаникового покрова; в ней обнажаются кристаллические и метаморфические породы герцинского фундамента.

Вогезы задерживают в зимнее время года прохладные ветры с Атлантического океана. Поэтому климат западных склонов Шварцвальда сравнительно сухой и теплый, лишь на высоте более 1200 *м* шесть месяцев в году сохраняются снега. До этой же высоты поднимается лесной пояс. Он начинается дубовыми лесами, которые с высоты 300—400 *м* сменяются буковыми и затем широколиственно-хвойными, в которых к буку примешивается ель и пихта. Здесь постепенно горно-лесные бурые почвы уступают место горно-лесным подзолистым, господствующим с высоты 800 *м*, где исчезает бук и сохраняются только елово-пихтовые леса.

Мы выбрали Баден[2] как исходный пункт для пешеходной экскурсии по Шварцвальду.

«Горы, все горы... и лес, прекрасный, старый, могучий лес»,— так характеризовал Шварцвальд Тургенев, подолгу живший в Бадене. В то время лес был еще довольно дик. Теперь это род парка, который протянулся на десятки километров и весь изрезан дорогами и тропинками. Всюду, где скрещиваются дороги, поставлены столбы, а на столбах прибиты дощечки с указателями, куда ведет дорога и как велико расстояние до ближайшего местечка.

Часа в четыре дня в последних числах июля мы с рюкзаками за плечами вышли из Бадена и углубились в Шварцвальд по Лихтентальской долине. Солнце еще высоко стояло над лесом и горами, но пряталось за легкие облака. Невысокие горы красиво замыкают долину; дорога вьется между ними, перебегая справа налево и огибая разбросанные кое-где беленькие домики.

Но вот долина кончилась; дорога дальше идет уже по склону горы. Направо небольшой водопад. Он очень мал и спрятан в зеленой чаще; его журчащие струи сбегают между большими

---

[1] Из иллюстрированного географического сборника «Европа», составленного А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым, изд. 4, М., 1912.

[2] Баден — город, лежит в северо-западных предгорьях Шварцвальда.

В узких и залесенных долинах Шварцвальда построено много тоннелей и мостов для шоссейных и железных дорог

глыбами камней; сбоку устроена лестница из камней, и дорожка, поднимаясь по ним, теряется где-то вверху, между ровными, стройными стволами деревьев.

Но вот и водопад остался позади. Кругом округлые горы ощетинились темным хвойным лесом, не видно ни одной поляны, ни одного просвета. Подлеска здесь мало; кривых, корявых или засыхающих деревьев не видно вовсе; кругом высокие, могучие ели с темной, почти черной зеленью.

Внизу среди этих стволов темнеет рано. Вверху и над долиной легкие тучки еще горят вечерним румянцем, а на дороге уже сумерки, и приятно охватывает вечерняя свежесть.. Мы уже два часа идем лесом, а ему, кажется, и конца не будет. Вершины поднимаются все выше и теряются в вечерней мгле, дорога все глуше и глуше. Поздно вечером, когда на небе уже высыпают звезды, приходится влезать на плечи друг другу, чтобы при помощи зажженных спичек разбирать надписи на придорожных столбах. Мы бредем уже чуть не ощупью, как вдруг неожиданно

На вершинах Шварцвальда леса уступают место болотам и лугам

из-за деревьев показывается большой освещенный дом — отель, где мы находим себе приют на ночь.

На следующий день сворачиваем с дороги и начинаем подниматься в гору. Цель нашего подъема — вершина Хорнисгринде, самая высокая вершина северного Шварцвальда (1164 *м*). Над темной стеной леса волнами перекатывается туман, и время от времени начинает моросить мелкий дождь. Лес кое-где вырублен, и склоны гор в таких местах густо поросли травой и дикой малиной, уже поспевшей и очень вкусной. Тропинка идет напрямик по склону горы; лес редеет и мельчает, а внизу — целое волнующееся море тумана, сквозь которое чернеет другое, лесное море.

Наконец мы поднялись на вершину, но... вершины никакой нет. В Шварцвальде с его округлыми, мягкими контурами гор нет таких острых гребней, как в Альпах; здесь склоны гор большей частью поднимаются отлого, а вершины представляют собой плоские или слегка покатые равнины, на которых трудно даже указать самую высокую точку. В сторону Рейна Шварцвальд сбрывается круто, и только там его рельеф еще имеет настоящий

Рейнские сланцевые горы

«горный» характер; в других же местах, именно собственно на вершине, меньше всего можно представить себе, что находишься в настоящих горах.

Вершина Хорнисгринде тоже представляет ровную обширную площадку, значительная часть которой заболочена. Кое-где виднеются пасущиеся овцы. Холодно, дует пронзительный ветер. Вдали сквозь туман видны темно-синие горы. Ни птички, ни насекомого; все напоминает осень, но не конец июля. Эта унылая и однообразная местность тянется на километр, а может быть, и больше, и трудно было бы сказать, где ее высшая точка, если бы там не была поставлена деревянная башня с лестницей внутри и площадкой наверху. На площадке ориентирная доска, т. е. круглый стол, на котором нанесены линии, указывающие направление наиболее достопримечательных пунктов, заслуживающих рассмотрения, но из-за тумана ничего не видно, только иногда на западе сверкает тусклой полоской Рейн... Но пронизывающий ветер гонит нас вниз, и через три четверти часа мы опять в лесном царстве, только оно еще красивей и могучей, чем то, которое мы видели вчера. Некоторые деревья лежат, вывороченные с корнями бурей; у основания других ярко зеле-

неет мох, и между стволами царствует полусвет. И опять мы идем до вечера, не встречая ни человека, ни жилья на своем пути...

Весь Шварцвальд покрыт хвойным лесом; но на севере лес гуще и человеческое жилье разбросано в нем гораздо реже. Лес покрывает горы до высоты в тысячу метров, и только там редеет. Его однообразие нарушается только красивыми видами, которые открываются на лежащие внизу долины, или обнажениями скал, напоминающими по своей дикости альпийские ландшафты; в других местах многочисленные ручейки, начинающиеся из болот, сбегают между деревьями или падают с какой-нибудь гладкой скалы, образуя крошечный водопадик; но чаще путешественник видит одну величественную колоннаду стволов, под которыми лежит ковер из игл, зеленеет мох и папоротники. Только со стороны Рейна склоны гор покрыты виноградниками, фруктовыми садами и лиственными лесами.

Шварцвальд богат водой; кроме многочисленных речек, которые стекают с него, на западе — к Рейну, на востоке — к Дунаю, среди его лесов разбросано немалое количество озер. Озера эти невелики. Это большей частью остатки бывших здесь некогда ледников. Они лежат, как в рамке, окруженные черной стеной леса, и сама вода в них кажется черной.

По высоте своих вершин Шварцвальд занимает третье место среди гор Германии после Альп и гор пограничных с Чехословакией. С некоторых вершин, расположенных на юге, видны Альпы. В ясное, солнечное утро они, как далекое сказочное видение, рисуются на южной стороне горизонта, и снега их сверкают на солнце...

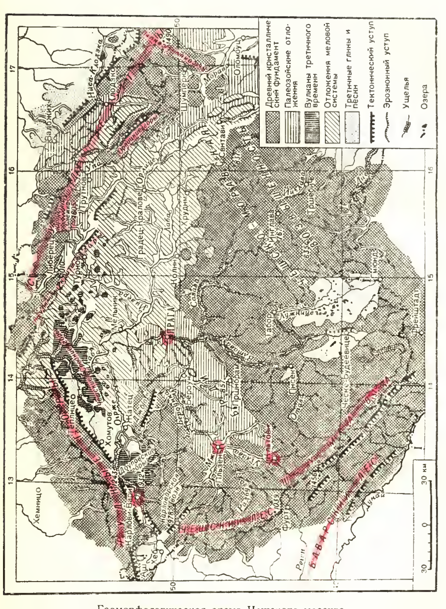
СКАЛЬНЫЕ ГОРОДА

По *Ю. Демидовичу*

Чешский массив — крупная физико-географическая область Средней Европы, имеет форму, близкую к четырехугольнику с приподнятыми краями в виде горных хребтов. Сложен он в основном из древнекристаллических пород — гранитов и гнейсов. В его северо-западной части отложились толщи морских осадков мелового периода — мергели и песчаники, через которые прорывается река Лаба (Эльба), образуя вместе со своими притоками глубоко врезанные каньоны, причудливые утесы, скалы и ущелья. В месте прорыва Лаба получила название Саксонской, или Чешской, Швейцарии. Здесь же находятся крупные каменоломни, дающие ценный строительный и отделочный материал. «Скальные города» — излюбленное место спортсменов-альпинистов.

* *
*

Когда впервые попадаешь в район «скальных городов» Чехословакии, трудно поверить, что природа создала все эти живописные и фантастические скалы, напоминающие развалины древних городов. В одном месте скалы похожи на гигантские

Геоморфологическая схема Чешского массива

Песчаники, разбитые трещинами, образуют «сторожевые башни» и «бастионы» Чешской Швейцарии

крепостные сооружения: огромные стены из каменных плит, увенчанные полуразрушенными зубцами с бойницами; рядом видны как будто развалины сторожевых башен или бастионов. В другом месте — серые, покрытые мхом колонны, словно остатки полуразрушенного храма.

Давным-давно, десятки миллионов лет назад, в конце мелового периода мезозойской эры северная часть Чешского массива была покрыта мелководным заливом древнего моря; многочисленные реки, впадавшие в него, отложили здесь мощные пласты крупнозернистого песчаника. Впоследствии массив поднялся, стал сушей и подвергся разрушению под влиянием ветра и воды.

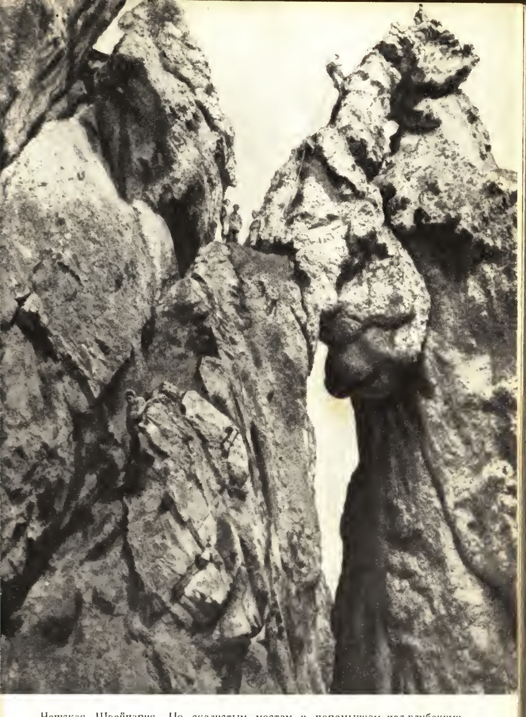
По мере подъема массива реки врезались в него глубокими ущельями, или каньонами. Многочисленные вертикальные трещины разбили толщи песчаника на огромные столбы. Размывание и выветривание превратили трещины в ущелья. Образовались своего рода «улицы» и даже целые «площади» «скальных городов».

Красоту ландшафта дополняют многочисленные древние вулканические конусы, поднимающиеся над поверхностью песчаниковых плато, и густые леса.

На северо-западе, там, где у города Дечин река Лаба в узком и глубоком каньоне прорывается между высокими песчаниковыми скалами, расположены Чешская Швейцария и Дечинские стены. Сюда летом приезжают тысячи туристов. Вначале они едут пароходом или автобусом, а затем идут глубоким и узким ущельем, зажатым между серыми отвесными скалами.

На дне ущелья шумно бурлит, стремясь к Лабе, речка Каменица. Местами дорога идет через тоннели в скалах или по висячим галереям над водой — там, где отвесные каменные стены обрываются прямо к воде и для тропинки не остается места. Выше по течению этой реки расположено Дикое ущелье, здесь Каменица с шумом пробивает дорогу среди упавших сюда каменных глыб. Тропа кончается у берега небольшого озера; здесь стоят лодки для перевоза.

Название Чешская Швейцария не совсем точно: тут нет ни вершин с ледниками и вечными снегами, ни альпийских лугов. Скалы здесь поднимаются всего до 500—600 *м* над уровнем моря. Красота этой области — в фантастических ущельях, каменных башнях и скалах самых причудливых форм, которые тонут в зелени хвойных лесов. Здесь есть несколько ворот, созданных самой природой. Правчицкие ворота представляют из себя естественный мост длиной в 15 *м*, свод которого высотой в 20 *м* образован трехметровым пластом песчаника. С плоской вершины отвесной скалы, куда ведет этот естественный мост, открывается прекрасный вид на окрестности. Севернее расположены малые Правчицкие ворота, Чертовы ворота и замечательные

Чешская Швейцария. По скалистым мостам и перемычкам над глубокими ущельями можно забраться на труднодоступные обрывистые утесы

Етржиховские скалы с отвесными стенами, подземными коридорами и пещерами.

При всей дикости скал Чешская Швейцария благодаря проложенным дорогам и тропинкам, железным мостикам, перекинутым через ущелья, искусственным лестницам и балконам на вершинах скал скорее производит впечатление огромного парка. Особенно усиливается это впечатление, кода встречаешь частые здесь туристские базы, столовые, дома отдыха.

КРКО́НОШЕ

По *Ю. Демидовичу*

На северо-востоке Чешского массива поднимается цепь Судетских гор. Среди хребтов, окаймляющих Чешский массив, Судеты выделяются как своей высотой, так и наиболее сложным строением рельефа. Они состоят из отдельно приподнятых глыбовых кристаллических хребтов. В котловинах (грабенах) между ними залегают разбитые сбросами меловые песчаники и мергели.

Отдельные части Судет носят названия: Крконоше (бывш. Исполиновые горы), Есеник, Лужицкие, Изерские и Орлицкие горы. Они большей частью имеют вид то сравнительно узких хребтов, то куполообразных поднятий. Вершина Снежка (1605 *м*) в горах Крконоше является высшей точкой не только Судет, но и всего Чешского массива.

* * *

Проснулись мы рано и сразу после зарядки и завтрака принялись примерять лыжи и костюмы. Все готово, и мы выходим на площадь. В долине еще серые утренние сумерки, а ближняя гора, куполом поднявшаяся над темными лесистыми отрогами, начинает розоветь. Вот она, освещенная лучами восходящего солнца, стала совершенно розовая с восточной стороны. Гора так и называется — Ружова, то есть Розовая.

Солнце поднялось, стало совсем светло, ослепительно засверкали склоны гор. Погода замечательная. Небо голубое с редкими облаками, слабый ветерок. Став на лыжи, идем на север по узкой долине Упы. Река течет среди валунов, принесенных ею с гор. Долина то расширяется, то сужается. Все ближе подступают и становятся круче склоны окружающих гор, до половины покрытые заснеженными еловыми лесами. Долина уходит все глубже и глубже в горы, делается похожей на широкий желоб с плоским дном и почти обрывистыми стенами. Кончается она огромной котловиной, имеющей вид скалистого цирка, с трех сторон окруженного крутыми склонами. Справа поднимается лесистая Ружова гора, слева нависла почти отвесная стена горы Студничной, а прямо — восьмисотметровый ребристый склон Снежки, увенчанный сверкающим снежным конусом.

Вся эта величественная долина и горный цирк, которым она кончается, называются Обржи дул, то есть Великанов дол. У крконошских горцев была легенда о том, что в этой долине жил великан (по-чешски «обр»). Крконош — хозяин гор, владелец лесов и горных пастбищ и повелитель ветров и метелей. Здесь, на отвесном склоне Студничной, где сейчас река Упа сверкающим водопадом ниспадает с горного плато, был чудесный сад. Нарочно насадил его великан Крконош на почти недоступном месте, да еще крутым Чертовым гребнем загородил от людских глаз. Росли в этом саду не простые цветы, а волшебные, золотые. Только смелый и честный человек мог набрать их на отвесных склонах Крконошевой Заградки (сада). Если же в погоне за наживой приходил трус и лжец, то Крконош засыпал его каменной лавиной или посылал на него метель.

Сейчас эта легенда уже давно забыта. По крутым цветущим склонам Крконошевой Заградки пробирается с папкой ботаник, собирающий редкие экземпляры альпийской растительности, сохранившейся здесь со времен последнего оледенения. По Обржему дулу раздается стук молотка, это геолог выбивает из глыб слюдистых сланцев «золотые цветы» — образцы железной руды со следами серебра и золота. На восточной окраине гор и в юго-западных предгорьях обнаружен каменный уголь. Найдены и разрабатываются в Крконошах залежи железных и медных руд, барита. Добывают здесь мрамор и известняк, кварц и стекольные пески, опал и полудрагоценные камни.

Теперь, когда в Чехословакии хозяином всех богатств страны стал народ, начались детальные геологические исследования Крконош и Подкрконошья: уже найдены новые месторождения ценных металлов.

Издавна в Подкрконошье были развиты деревообрабатывающая, текстильная и металлургическая промышленность, а также кустарные промыслы. Сейчас все эти отрасли получают новое развитие — на основе полного использования природных ресурсов района.

Вместе с тем Крконоши являются одним из важнейших курортных районов страны, центром туризма и лыжного спорта.

Там, где раньше развлекались богатые бездельники, теперь отдыхают, лечатся и укрепляют свое здоровье тысячи трудящихся Чехословакии: шахтеры и горняки, текстильщики и машиностроители, передовики промышленности и сельского хозяйства.

Народ — заботливый хозяин: он строит в горах новые шоссейные и канатные дороги, электростанции и водохранилища. На месте разрушенных и спаленных гитлеровцами туристских баз и домов сейчас сооружаются новые. Исследуются лечебные свойства горного климата.

Народ — бережливый хозяин, более бережливый, чем легендарный Крконош. Он тщательно оберегает своеобразную природу своих гор. Здесь созданы заповедники, в которых работают

ботаники, геологи, климатологи, лесоводы и другие специалисты. В некоторых районах (на ряде вершин и горных плато) рубка лесов, пастьба скота и все работы лесного и лугового хозяйства регулируются так, чтобы сохранить в целости природный ландшафт Крконош.

* *
*

Чтобы увидеть хотя бы часть Крконош, нужно подняться на их главную вершину — гору Снежку (1605 *м*).

От поселка Пец до станции канатной дороги доходим за двадцать минут. Садимся в двухместные кресла и плывем по воздуху над верхушками закутанных в снежный наряд елей. Сначала поднимаемся на Ружову гору, а отсюда, по другой линии канатки, на вершину Снежки. Ветер гудит в ушах. Чем выше, тем ели на склонах становятся все меньше и меньше. Вот они уже в рост человека, немного выше, по склонам уже карабкаются распластавшиеся по камням и еле видные из-под снега кусты криволесья: скрюченная ель и горная карликовая сосна. А дальше нет даже и кустарников — только покрытые лишайниками каменные глыбы, полупогребенные под снежными сугробами. Неожиданно в воздухе начинают мелькать снежинки. Холодный, порывистый ветер усиливается, наше воздушное сиденье сильно раскачивается. Налетела метель, и белый конус Снежки утонул в вихрях снега.

Климат Крконош довольно суров. Такие метели здесь бывают часто. Они начинаются в октябре и кончаются только в мае. Даже в июле, в разгар лета, здесь случаются снежные бури. Снег лежит в Крконошах 200—230 дней. Зима длинная, с туманами в долинах, но зато верхние части склонов гор залиты солнцем.

Вот мы и на вершине, но кругом ничего не видно, кроме туч снега и клочьев тумана, несомых ветром. Ничего не остается другого, как только искать приюта в туристской базе, находящейся здесь, на вершине, рядом со зданием метеорологической станции. И база и станция — совершенно белые, обросшие полуметровым слоем снега.

Входим в помещение. Большая комната освещена электричеством. За столом, оживленно беседуя, сидят туристы и лыжники.

В дверях показывается новая группа людей, совершенно запорошенных снегом. Это последняя партия поднявшихся на гору: в такой буран канатная дорога прекращает работу.

... За разговорами мы и не заметили, как посветлели окна и снова заработала канатка.

Выходим наружу. Ярко светит солнце, ветер угоняет обрывки туч, и над нами яркое голубое небо — словно и не было никакого бурана! Во всей своей красоте раскрывается панорама Крконош. Недаром вид со Снежки считается в Чехии одним из самых замечательных.

Туристский лагерь под горой Снежкой в Крконошах

Параллельно один другому тянутся два хребта — внешний и внутренний. По внешнему проходит граница с польской Силезией, и хребет этот называют Пограничным, или Силезским. Пограничный хребет сложен гранитом и сплошной цепью тянется на 36 *км* с запада на восток. Внутренний — чешский — хребет, сложенный сланцами, короче.

Сочетание глубоких, диких долин со скалистыми, почти отвесными склонами, покрытыми мрачными еловыми лесами, и обширных, залитых солнцем лугов на вершинах хребтов составляет главную прелесть Крконош.

* * *

Со Снежки спускаемся по крутой горной тропинке, извивающейся среди огромных каменных глыб. Затем надеваем лыжи и мчимся вниз на широкий Пограничный хребет. Отсюда снова взбираемся вверх — на Студничную гору, прокладывая лыжню среди фантастических фигур, образованных снегом, густо окутавшим ели. Среди широкой, сверкающей на солнце снежной поверхности плоских хребтов то тут то там торчат тоже затейливо украшенные инеем столбы. Это вехи, установленные для того, чтобы туристы или лыжники в туман или в метель не сбились с пути и не скатились с крутого склона. Такие столбы ведут от одной базы к другой по открытым хребтам — по таким местам, где нет никаких других заметных ориентиров.

С любой вершины видны туристские базы в разных частях хребта. Большей частью это двух-, трехэтажные домики.

Лыжный спорт пользуется здесь большой популярностью. Можно видеть, как целые семьи, от мала до велика, путешествуют по воскресеньям на лыжах.

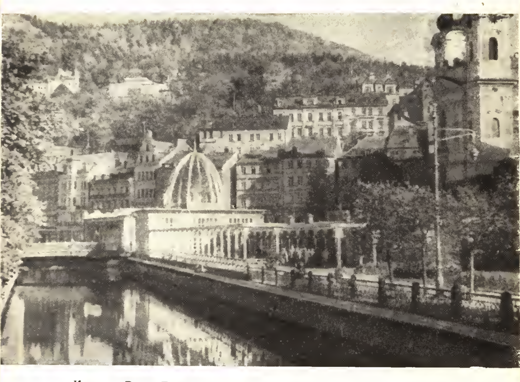
ГОРОД У ГОРЯЧИХ КЛЮЧЕЙ

По *В. Дружинину*

Наш путь — к Карловым Варам. Дорога из Праги на запад проходит по пологим холмам средней Чехии, но постепенно пейзаж становится более пересеченным, чувствуется приближение гор.

Но вот дорога стремительно пошла в гору над узкой долиной. Выше, выше — и с перевала взгляд словно сорвался в гущу высоких, темных городских зданий, скопившихся на дне глубокого зеленого распадка.

Карловы Вары — город горячих ключей. Он совсем не похож на наши курорты, широко раскинутые на морском побережье или в широкой долине. Ему тесно. Расщелина — одна из мно-

Карловы Вары. Галерея горячего источника Шпрудель на набережной реки Тепла. Фото *К. Г. Тарасова*

гих под Крушными горами — ему явно мала, поэтому дома в пять-шесть этажей стоят прислонившись к откосу, а выше их — еще улица, ярусом врезанная в гору. Кажется, дома хотят вылезть из ущелья, карабкаются по склонам, срываются, сползают вниз и остаются на выступах, над обрывами. Сверху им грозят острые серые скалы, там и здесь прорезывающие зелень. На одной из скал стоит бронзовый олененок на тоненьких ножках, приготовившийся к прыжку. Скала эта называется «Олений скок». Еще выше зеленые вершины, увенчанные беседками. К ним, сквозь заросли кленов и лип, ведут парковые дорожки,— окрестности эти, с первого взгляда дикие, освоены, исхожены поколениями лечившихся и отдыхающих. Бархатистые, зеленые вершины, озаренные солнцем, улыбаются городу. Он же, напротив, выглядит деловитым. Но надо пройтись по улицам, по набережной шумящей, быстрой Теплы, чтобы ощутить спокойную атмосферу отдыха, присущую курорту. На фасадах зданий — имена древних богов, названия цветов и планет,— ведь в

каждом доме здесь был частный пансион или лечебница, а ныне — частица государственного курорта, «народного подника».

Город вырастал как один огромный отель вокруг горячих ключей. Восемнадцать их в Карловых Варах. Самый мощный — Шпрудель, видный издали, с гор,— вздымается белым дымком над крышами города. Вода Шпруделя бьет фонтаном на высоту 15 *м*, температура ее +72° С. Другие — скромнее, тише. Некоторые текут тоненькой струйкой из крана. Прохожий нагибается, подставляет плоскую фарфоровую кружечку с изогнутым носиком, как у чайника, набирает и идет дальше, посасывая теплый солоноватый напиток. В санаториях больным приносят драгоценную влагу сиделки, здесь же, в застекленном павильоне на площади, под длинным навесом с колоннадой, где бывают выставки и концерты, она течет для всех, щедро нагнетаемая из земных недр.

Мы приехали под вечер. По главной магистрали города, по набережной кипящей горной Тепле, дышащей газами, которые рвутся с ее дна, двигались толпы гуляющих. Они задерживались у витрин, выбирали кружку с изображением «Оленьего скока», шкатулку с «Оленьим скоком» или его подобие из камня и штампованного металла, покупали цветы, опущенные в источник и покрывшиеся слоем солей.

Научное определение здешней воды длинное: она — гидрокарбонатно-сульфатно-хлоридно-натриевая с свободной углекислотой, по составу несколько сродни нашей ессентукской, но представляет собой особый, редкий дар природы.

При народной власти в изучении целебных ключей сделаны большие успехи. Но осталось и много загадочного. Как они произошли, из каких слоев земных недр текут к нам? В 1755 г., когда было землетрясение в Лиссабоне, один ключ прекратил свое действие, а потом вдруг забил снова с такой силой, что затопил несколько улиц. Этот случай до сих пор не объяснен. Геологи исследуют режим скважин, запасы воды, по-видимому, неисчерпаемы. Врачи выясняют свойства карловарской воды. Она оказывается еще более благотворной, чем думали раньше. Водой теперь лечат такие болезни, которые считались неизлечимыми.

По преданию, источники стали известны с тех пор, как чешский король Карл IV, охотясь в лесах, подстрелил здесь фазана. Птица упала в воду и сварилась. Отсюда и название города. Сотни лет курорт привлекал европейскую знать. Два раза здесь был Петр I. В местном музее сохранился стол с ножками, выточенными Петром.

Двенадцать раз был в Карлсбаде Генрих Гейне. При нем на холмике, в центре города, уже стояла каменная башня, похожая на звонницу; на ней, когда показывалась карета Гейне, трубили в фанфары в честь почетного гостя. От дома, где жил Гейне, уцелела лишь часть. Надпись гласит: «В эту дверь входил Гейне». Великий немецкий поэт написал здесь «Ифигению

в Тавриде» и много стихотворений. Он утверждал, что водам он обязан «совершенно другим существованием». Восхищенный природой Подкрушногорья, Гейне писал сыну: «Чем больше познаешь эту местность, тем больше поражаешься ее огромному разнообразию. Она представляется увлекательной сказкой, которую хочется слушать снова и снова».

В Карлсбаде жил Гоголь, Тургенев в зале гостиницы читал друзьям свои «Записки охотника».

Я раскрыл книгу для приезжающих. Кто теперь гости Карловых Вар? Шахтер из Остравы. Металлист из Праги. Инженер из Брно. Текстильщица из Братиславы. Крестьянин, рабочий, служащий... Какое сокровище получил народ, какие неоценимые источники здоровья!

ЗЛАТА ПРАГА

По *И. Маергойзу, В. Максаковскому* и др.

Столица Чехословакии Прага раскинулась по обоим берегам реки Влтавы немного выше устья ее двух крупнейших притоков — Бероунки и Сазавы, вблизи впадения самой Влтавы в Лабу. Здесь сходятся все значительные речные и сухопутные пути, соединяющие различные районы страны, а также ведущие в соседние страны — Польшу, Германию, Австрию. Само название города — Прага — происходит от слова «праг» — порог. В том месте, где стоит сейчас Прага, на реке Влтаве был порог, создававший удобный переход через ее русло. Расширение долины Влтавы в этом районе обеспечивало благоприятные условия для строительства города, а высокие скалистые горы вокруг давали возможность хорошо организовать его оборону. За свое более чем тысячелетнее существование Прага пережила периоды национального расцвета и засилия чужеземцев, времена разрушительных войн и созидательных усилий. С ней связана вся история чешского народа, который воспел Прагу в многочисленных песнях и старинных сказаниях. В Праге сотни исторических памятников, каждая эпоха, каждый этап борьбы чешского народа за его независимость оставили свой след в облике современной Праги.

В Праге, кварталы которой расположены сейчас не только в долине реки Влтавы, но и на окружающих ее холмах, довольно много высоких мест, с которых открывается прекрасная панорама города. Но для того, чтобы посмотреть на город с высоты птичьего полета, лучше всего, пожалуй, подняться в вагончике фуникулера на левобережный холм Петржин. На вершине холма, посреди любимого пражанами парка, стоит 60-метровая ажурная стальная вышка, построенная в конце прошлого столетия в подражание Эйфелевой башне и используемая теперь для передач пражского телевидения. Поднявшись на лифте на самый

верх, оказываешься почти на 200-метровой высоте над уровнем Влтавы. Отсюда хорошо виден весь город с высоко поднятыми над ним башнями старинных дворцов, костелов, старинных ворот и крепостных укреплений.

Вдали от Петржина, на крутом утесе правого берега Влтавы, стоит замок Вышеград. Здесь похоронены многие поэты и композиторы, составляющие национальную славу чешского народа. Среди них Антонин Дворжак, Берджих Сметана, Ян Неруда, Карел Чапек и многие другие.

На левом берегу Влтавы, в самом центре города, высоко поднимаются строения пражского Града, одного из самых величественных памятников чешской истории. Каменные стены этого древнего пражского кремля не сохранились, и сейчас Град обнесен высокой металлической оградой. Здесь находится резиденция президента Чехословакии. Поднятый над зданием штандарт — флаг президента с гербом республики — указывает на то, что президент в данный момент находится в Граде.

В Граде расположен большой готический собор св. Витта. Постройка его начата в XIV в. Каменная громада выстроенного в готическом стиле Кафедрального собора — одного из наиболее замечательных произведений мировой архитектуры. Солнце, проникая через разноцветные витражи внутрь здания, освещает строгую отделку стен и колонн собора, в некоторых местах покрытых самоцветами. Находящиеся в соборе усыпальницы основателей чешского государства, филигранная утварь, потускневшие от времени произведения живописи и каменные статуи — все это бесценные памятники чешского искусства. Возле собора — бывший королевский дворец, в центре которого находится Владиславский зал. В нем 1 мая 1948 г. Учредительным национальным собранием была принята конституция Чехословацкой Республики.

Здание Кремля — его башни, укрепления, дворцы и соборы — начали строиться еще в IX в. Большая часть их сооружена в XIV и XVI веках.

Знаменитый Карлов мост через Влтаву, построенный в XIV в., ведет отсюда в древнейший район Праги — Старое Място. В Старом Мясте старинные дома, узкие улочки, всегда наполненные народом в дневные часы. Здесь наряду с жилыми домами много учреждений, складов и небольших ремесленных мастерских. В центре Старого Място находится небольшая площадь. На ней воздвигнут памятник Яну Гусу, великому чешскому реформатору, который 6 июля 1415 г. по приговору церковного суда был сожжен на костре как «нераскаявшийся еретик». Самое знаменитое здание на площади — это, конечно, Староместная ратуша, свидетельница многих событий чешской истории. На фасаде старинного здания укреплена мемориальная доска с фамилиями двадцати семи граждан, казненных здесь в 1621 г.

Прага. Вид на Карлов мост и Пражский кремль. Фото *К. Г. Тарасова*

после битвы при Белой горе, когда Чехия на долгое время потеряла независимость и попала под иго австрийских Габсбургов. Достопримечательность Старомястной ратуши составляют старинные часы, созданные пражским мастером Гануше в конце XV в. Для пражан эти часы все равно, что для москвичей часы Спасской башни. В этом же районе находится старейший в Европе Пражский университет.

Большие промышленные предприятия Праги сконцентрированы главным образом на северной окраине города — в районах Либень и Высочаны. Здесь находятся, в частности, крупные паровозо- и судостроительные заводы, автомобильный завод и многие другие.

История XX в. тоже нашла отражение в облике чехословацкой столицы. На пражских домах часто можно видеть мемориальные доски с фамилиями жителей, погибших в годы фашистской оккупации. В южной части города находится здание бывшей тюрьмы Панкрац, где был заточен национальный герой чешского народа Юлиус Фучик. Здесь в камере тюрьмы им был написан знаменитый «Репортаж с петлей на шее».

На одной из площадей в пражском районе Смихов, на высоком гранитном постаменте водружен советский танк Т-34. Этот танк одним из первых в мае 1945 г. ворвался на улицы Праги. Пражане свято берегут память о советских людях, отдавших свои жизни за освобождение города.

ШУМАВА

По *Ю. Демидовичу*

«ВОРОТА ШУМАВЫ»

Из Пльзеня мы едем в Шумаву — горную область на юго-западе Чехии. Дорога идет по широкой пльзеньской котловине. Вокруг расстилается волнистая равнина, покрытая обширными полями и лугами. Вдоль реки Углавы тянутся зеленые поля озимых. Изредка мелькают сосновые боры с примесью березы и низкорослых дубков.

Вскоре на горизонте появляются холмистые предгорья Шумавы, а за ними, в легком тумане, голубоватые, спокойные очертания пологих хребтов. Здесь, в пльзеньской котловине, светит солнце, а над шумавскими хребтами кое-где нависли мрачные тучи.

Предгорья Шумавы... Все чаще встречаются сосновые боры, ельники, а вдоль дороги тянутся ряды аккуратно подстриженных сливовых деревьев и яблонь.

Проезжаем мимо небольших деревень. Белые каменные домики то стоят в ряд у самого края шоссе, и тогда видны узоры, которыми расписаны их стены, то прячутся в глубине садов, среди яблоневых, вишневых и сливовых деревьев, из-за которых выглядывают только красные черепичные крыши.

Невысокие хребты сходятся ближе. Долина Углавы становится у́же, и столбики на шоссе сбегают почти к самой воде. Но затем хребты снова расступаются и окружают горную котловину невысоким амфитеатром. Впереди вырисовываются башни и крыши города.

Это Клатови, старинный город, основанный в конце XII в., один из главных районов лесопильной промышленности Шумавы. Сам город и его окрестности, кроме того, известны производством деревянных игрушек. Славятся Клатови и своим садоводством, особенно цветами.

Поля и огороды начинаются прямо за зеленой оградой палисадников, окружающих новые светлые двухэтажные коттеджи на окраине города, и поднимаются до самых вершин невысоких хребтов.

Жители Клатови называют свой город «воротами Шумавы», и это, пожалуй, правильно: глубокая долина реки Углавы ведет отсюда дальше в горы, к наиболее возвышенной части массива.

Черное озеро в горах Шумавы, окруженное густыми хвойными лесами

Шоссе поднимается вверх все круче и круче, но вот, наконец, перевал, и мы начинаем спускаться в горную котловину, расположенную в центральной части Шумавы.

На дне котловины небольшой поселок: белые домики среди зеленых лугов и темных лесов, покрывающих склоны гор. Это Железна Руда — один из красивейших районов Шумавы.

Чистый, напоенный смолистым ароматом воздух так прозрачен, что простым глазом за много километров видны из долины люди, проходящие высоко по склонам хребтов. Это туристы. Целебный горный воздух, леса, горные ледниковые озера и другие красоты природы сделали этот район одним из самых популярных в Шумаве центров отдыха и туризма трудящихся.

В ЛЕСНОМ КРАЮ

С вершины горы открывается замечательная панорама северных хребтов Шумавы. Здесь нет острых зубчатых альпийских гребней — очертания гор мягки и спокойны. Ни голых пиков, ни ледников или снежных полей — всюду широкие, куполообразные массивы, от подножия до вершин заросшие лесом.

Лес господствует в Шумаве, он — главное ее богатство. Лесом покрыто здесь от 40 до 60% площади. Характерны еловые и смешанные леса.

В предгорьях, среди пашен и на вершинах холмов, часто встречаются островки сосновых боров, где по земле стелются кустики вереска, брусники и черники. Они чередуются со светлыми березняками и насаженными ельниками, с правильными рядами деревьев.

Выше в горах — больше природных ельников. Здесь к ели примешивается белокорая европейская пихта и развесистый клен, иногда встречаются могучие буки, в темной зелени горят яркие гроздья рябины. Нередко такой ельник переходит в смешанный лес, заросший кустами жимолости или колючей лесной малины.

Прекрасный участок природного леса — заповедник Боубин. Он тщательно охраняется и является достоянием государства.

В заповеднике есть и заболоченные участки. На болотистых местах деревья растут буквально в воде.

Ели и пихты здесь огромных размеров. Например, одно старое дерево, которое тут называют «король елей», достигает высоты 63 *м* (в пятнадцатиэтажный дом). В середине заповедного леса царит полутьма. Темными колоннами уходят ввысь стволы лесных гигантов, вершин которых отсюда и не увидишь — так тесно сплелись лапы елей.

Во всех районах Шумавы можно увидеть лесопитомники, новые облесенные участки. Большое значение в лесовосстановительных работах имеет изучение состава лесных пород заповедника Боубин.

В Шумаве мы видели, как облегчена теперь работа здешних лесорубов. Почти везде, даже в самых глухих уголках, лесорубы пользуются электропилами и особыми приспособлениями для обрубки сучьев. В несколько минут два лесоруба валят электропилой ель, которую едва могут обхватить вдвоем. Гусеничные тракторы вывозят лес прямо к железнодорожным станциям или на деревообрабатывающие заводы. Всюду на лесоразработках работает много новых видов специальных тракторов, выпускаемых машиностроителями Чехословакии.

ФАБРИКА «СОЛО»

Леса Шумавы дают много древесины. Часть ее перевозится по железным дорогам или сплавляется по Влтаве и ее притокам в центральную Чехию — на строительство и как крепежный лес в шахты и рудники. Другая часть перерабатывается в горах и предгорьях на лесопильных заводах, которых тут много, и на мебельных, спичечных, паркетных и целлюлозно-бумажных фабриках.

Мы едем осматривать спичечную фабрику в Сушице. С пробегающего в горах шоссе открывается небольшой городок, лежащий в широкой долине реки Отавы, у подножия лесистого склона горы Сватобор. Одно- и двухэтажные светлые домики с красными черепичными крышами окружены садами. По пологому склону разбросаны здания фабрик и мастерских.

Прежде всего бросаются в глаза корпуса и дымящая труба спичечной фабрики «Соло», самой крупной в Чехословакии и одной из крупнейших в Европе.

Спички фабрики «Соло» отличаются высоким качеством. По широкой ленте транспортера, покачиваясь, движутся в товарный вагон ящики с надписями: «Пакистан», «Индия», «Цейлон». Они поплывут в юго-восточную Азию. В другой части склада стоят штабеля ящиков, готовых для экспорта в Англию и Африку.

В ДОЛИНЕ ВЕРХНЕЙ ВЛТАВЫ

Спустившись с перевала, мы едем по широкой волнистой долине верхней Влтавы. Она расположена в самом сердце Шумавы, между хребтами, идущими по границам с Австрией и Западной Германией, с одной стороны, и внутренним чешским хребтом — с другой. Не верится, что мы в горах, на высоте около тысячи метров. Кругом видны только мягкие, спокойные очертания невысоких вершин, покрытых лесом, да горные луга и пастбища.

В широкой долине, покрытой лесами и полями, Влтава течет плавно и медленно среди низких берегов, часто занятых об-

Холмистые увалы южной Чехии

ширными торфяниками. Вода в реке темная, окрашенная в коричневый цвет частицами торфа и образующихся в топях болотных руд. Здесь, в этой продольной долине Шумавы, находится один из крупных торфяных массивов Чехословакии.

Падение реки тут очень малое, и течет она медленно, делая многочисленные извилины. У городка Горна-Плана эти извилины так близко сходятся, что образуют фигуру, похожую на сердце. Это место так здесь и называют — «Сердце Влтавы».

Большой известностью пользуются крупнейшие в Чехословакии месторождения графита. Обычно месторождения графита связаны с кристаллическими сланцами, главным образом с гнейсами. Прослойки углей, заключенных в глубинных пластах при высокой температуре и большом давлении, были превращены в графит, а затем вместе с гнейсами подняты на поверх-

Средняя Чехия. Слияние рек Влтавы и Лабы. Фото *К. Г. Тарасова*

ность и обнажены размывом. Залежи графита достигают мощности от нескольких десятков сантиметров до десятков метров.

В некоторых местах графит добывают не только в шахтах, но и открытым способом,— здесь он залегает на глубине 7 *м*.

Шумавский графит используется во многих отраслях народного хозяйства страны: в химии, в электротехнике, в литейном деле, в производстве стекла, огнеупоров, а также карандашей.

Во всем мире известны карандаши «Кох-и-Нор», которые делаются на фабрике в Ческе-Будеёвице. Высокое их качество объясняется свойством шумавского графита и совершенством его обработки.

Но не одним графитом богаты недра Шумавы. Есть здесь и золото, и асбест, и полиметаллические руды. Шумава, сложенная в основном гнейсами и гранитами, имеет огромные запасы строительного камня.

ГАНА — ЖИТНИЦА МОРАВИИ

Ю. Демидовичу

— Что такое Гана? — спросил я, впервые услышав в Чехословакии это название.

— Гана? — Мой собеседник пододвинул мне сахарницу и, указав на белоснежные кубики сахара, сказал: — Вот этот сахар из Ганы, и хлеб из Ганы, и бэкон оттуда же. А это пиво сварено на знаменитом ганацком солоде, а может быть, и с ганацким хмелем.— Он осмотрелся и добавил: — За шляпу вашего спутника я не ручаюсь, но пальто его сшито в Гане, вот видите — фабричная марка «О. П. Простеёв», значит, оно сшито на фабрике готового платья в городе Простеёве, в Гане...

Гана — это южная часть Оломоуцкого края в Моравии, очень плодородная и передовая сельскохозяйственная область Чехословакии. Она дает богатые урожаи сахарной свеклы, пшеницы и знаменитого ганацкого пивоваренного ячменя. Кроме того, здесь выращивают овощи, фрукты и разводят породистый скот.

Гана — это широкая котловина, окруженная со всех сторон возвышенностями. Попасть в нее можно только через так называемые «ворота» — понижение между горными хребтами.

Наша машина мчится по асфальтированному шоссе, которое идет из Брно сначала на восток, потом на северо-восток. Меньше чем через час мы въезжаем в юго-западные Вишковские ворота Ганы: по имени города Вишков.

Холмистые возвышенности остались позади, и перед нами открылась широкая, слабо волнистая равнина, только по краям окаймленная темной грядой холмов.

Дорога идет по долине реки, берега которой обсажены узкой полоской деревьев и кустарников. Это приток реки Моравы — Гана, давшая свое имя всей этой большой и богатой равнине.

У города Кромержиж Гана вливается в широкую Мораву — главную водную артерию всей области.

Морава берет свое начало с горы Кралицкий снежник, у границы с Польшей. В верховьях — это бурная горная река. Быстро скатывается она вниз по узкой долине между отрогами горного хребта Высокий Есеник и, пройдя через горное ущелье, вступает на равнину. Здесь в нее впадают многочисленные, но небольшие притоки, стекающие с окружающих равнину возвышенностей.

По ганацкой равнине Морава течет уже спокойно, отлагая массу ила и песка, принесенных с гор. Здесь она начинает блуждать в своих наносах, разбивается на рукава, оставляет старые и образует новые. Поэтому вдоль главного русла тянутся старицы и обмелевшие рукава. Старицы постепенно заносятся илом и зарастают, образуя болота или торфяники.

На равнине, вдоль всего течения реки, тянутся леса из тополя, ивы и черной ольхи, иногда встречаются большие светлые дубравы. Особенно большие приречные леса расположены на севере области, у Литовеля, и на юге, у Кромержижа. На остальном протяжении леса сопровождают русло Моравы узкими полосками. Река течет между двумя стенами леса. Это так называемые «галерейные» леса. Они прерываются лугами, иногда заболоченными, покрытыми густой и сочной травой.

Дважды в год луга скашиваются, и сено убирается на зиму в небольшие деревянные сенники, стоящие тут же, на полуметровых подставках, как избушки на курьих ножках. Подставки предохраняют сенники от затопления во время половодья.

Весной, в марте, после таяния снега, Морава разливается, выходит из берегов и затопляет пойму. Деревья стоят тогда в воде, и кроны их кажутся островками.

Сейчас берега реки укрепляются во избежание разлива. Начиная от Литовеля вниз по течению они выкладываются камнями. Трава, прорастающая из щелей между камнями, покрывает их зеленым ковром.

МАЛЫЕ КАРПАТЫ

К. Тарасов

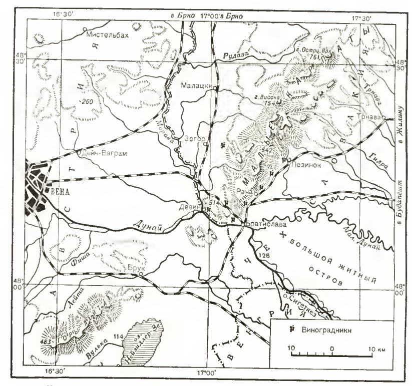
Статьи «Малые Карпаты», «Высокие Татры», «Морские очи» и «В южных Карпатах» посвящены отдельным частям одной из крупных горных стран Европы — Карпатам. Горная дуга Карпат составляет восточное продолжение Альп. Непосредственной орографической перемычкой между Альпами и Карпатами является река Дунай у города Братиславы. Отсюда начинаются Карпаты. Почти в широтном направлении тянется слегка изогнутая в виде дуги цепь Западных Карпат. С юга к ней примыкает обширная горная страна, куда входит ряд коротких цепей и горных массивов — Низкие и Высокие Татры. Словацкие Рудные горы, Северовенгерское среднегорье, Земплин и другие, разделенные глубокими ущельями и котловинами. Высокие Татры образуют остроконечный высокогорный гребень, на котором расположена одна из самых высоких в Восточной Европе вершин — пик Сталина (2663 *м*).

От долины реки Лаборец Карпаты отгибаются к юго-востоку, принимая затем южное направление. Этот отрезок, называемый Восточными Карпатами, также представлен системой параллельных гряд, но уже с высотами, в основном едва превышающими 1500 *м*, и заканчивается к северу от Бухареста долиной реки Праховы. Орографическим продолжением Восточных Карпат служат отрезок Южных Карпат или Трансильванские Альпы, которые у ущелья Железные ворота на Дунае заканчивается вся 1300-метровая дуга Карпат.

Южная часть Восточных Карпат относится к территории Румынии, средняя — к УССР, а северная входит частично в Польшу, частично в Чехословакию.

Главные черты геологического строения Карпат могут быть обрисованы в следующем виде.

Для Карпат характерно довольно четкое разделение на ряд структурных зон или поясов. Так, внешний, невысокий и сравнительно узкий пояс сложен песчаниками, мергелями и глинистыми сланцами, с которыми в отдельных местах связаны нефтеносные и газоносные районы. К нему непосредственно

Географическое положеиие стыка Карпат и Альп у Дуиая

с юга примыкает более высокий кристаллический пояс с богатыми месторождениями меди, сурьмы, пирита и других руд. На юге, по виутреиней стороие Карпат, расположеи третий структуриый пояс вулкаиических массивов с месторождеииями золота, серебра и полиметаллических руд. Кроме того, в Карпатах имеется большое количество мест по разработке строительиого и поделочиого камия.

* *
*

Поздним вечером наш поезд подошел к Братиславе. Последнее, что нам удалось увидеть из окна вагона до наступления темноты, были железнодорожные мосты и широкая песчанистая пойма реки Моравы с пятнами сосновых рощ. Затем все покрыла темнота, и только прильнув к окну, можно было различить неясные очертания холмов и контуры причудливых скал и утесов. Но мы были спокойны, так как завтра нам предстояло специально посетить этот район, столь интересовавший нас.

Утро в Братиславе было на редкость солнечным, сияющим. Проснувшийся город смотрел на нас своими светло-серыми и белыми зданиями. Раскинувшаяся вдоль Дуная, окруженная

Братислава. На высоком берегу Дуная возвышается старинный замок Град.
Фото *К. Г. Тарасова*

холмистыми отрогами Малых Карпат с их зелеными виноградниками Братислава выглядит по-настоящему южным городом. Город словно вырос из дунайской пены. Именно такое сравнение приходит в голову, когда смотришь на него с холма.

Сотни лет назад кочевые племена пользовались здешними удобными переправами через быстрый Дунай. Постепенно у переправ возник поселок. В 1287 г. чешский князь Бржестаслав поставил здесь крепость (по-словацки — «град»), вокруг которой начал расти город. Зодчие многих национальностей и поколений строили Братиславу.

Осмотр Братиславы принято начинать именно от Града. Замок полтора столетия назад был опустошен пожаром. Остались одни стены с пустыми окнами. В этих древних стенах происходили коронации средневековых венгерских королей, имевших в Пошони (так называлась Братислава по-мадьярски) свою резиденцию. Сейчас замок восстанавливается.

Но нам надо спешить, чтобы успеть добраться до цели нашей поездки — Малых Карпат.

И вот мы на дунайской пристани. Оглушительно лязгают лебедки. У причала стоит небольшой пароход «Девин», на котором мы отправимся вверх по течению — к Карпатам. У Братиславы Дунай шириной с Неву под Ленинградом. Цвет его отнюдь не голубой, как принято считать, а мутно-желтый. Это естественно для быстрой реки, текущей с гор.

Медленно, очень медленно уходят за корму стрелы портовых кранов, здания гостиниц на набережной и господствующий над всем городом уже известный нам Град.

Трудно плыть по Дунаю против течения. Скорость воды здесь достигает 10 *км* в час. Один поворот следует за другим. Вот впереди справа над гладью реки поднимается восьмидесятиметровая отвесная стена утеса. Это — Девин. Так называется и скала, и сохранившиеся на ней руины одного из самых старых славянских сторожевых укреплений.

Пароход причаливает, мы спешим к скале. Ведь это не просто живописный утес с остатками крепости — это место, с которого начинается цепь Карпатских гор.

Трудно сразу свыкнуться с мыслью, что ты стоишь на самой крайней точке огромной горной страны длиной в 1300 *км*. Мы разворачиваем наши карты. Вот Дунай и впадающая в него Морава. Вот Братислава и совсем рядом маленькая точка — скала Девин, чуть отколовшаяся от общего гребня Малых Карпат. Отрываемся от карты и видим уходящие от нас на север поросшие буком невысокие гряды Малых Карпат.

А по другую сторону Дуная, кажется, рукой подать! поднимаются горы Лейта. Но противоположный берег Дуная — это уже территория Австрии, а горы Лейта — конечный массив Альпийской горной системы.

Горная дуга Карпат составляет восточное продолжение Альп, отделенное широкой поймой Дуная. Река проложила себе путь в естественном понижении земной коры (Венский бассейн) — тектонической впадине.

Таким образом, скала Девин — это своего рода первая ступенька для исследователя Карпатских гор, правда, ступенька в 80 *м* высоты. Последующие «ступеньки» становятся все круче и выше.

Но давайте внимательнее присмотримся к первому хребту Карпатской системы, на котором мы находимся. Малые Карпаты потому и названы Малыми, что они сравнительно невысоки. Их средняя высота — от 100 до 600 *м*. Гористым островом поднимаются они над окружающими их низменностями. Местами на дневную поверхность выходят обнажения гранита и кристаллических сланцев. Но, как правило, эти породы сверху покрыты пластами светлых известняков и доломитов. Отсюда и берется строительный камень для новостроек Братиславы, а также многочисленных городков и сел, разбросанных в долинах.

Дунай у скалы Девин. Слева — Малые Карпаты, справа — отроги Альп. Фото *К. Г. Тарасова*

Много ручьев и речек стекает по склонам Малых Карпат. Все они принадлежат бассейну Дуная. Быстро мчат они свои воды по горным долинам, неся щебень, песок, ил. Редко в малокарпатских реках вода бывает прозрачной. Там, где реки вырываются на просторы низменности, течение их становится спокойным, а русло извилистым.

Человек своим трудом давно уже изменил первоначальный облик этих мест. Дубово-буковые леса, некогда покрывавшие склоны сплошным зеленым плащом, теперь встречаются в виде редких пятен. Они уступили свое место знаменитым малокарпатским виноградникам.

Поздно вечером мы возвращались в Братиславу. Наш «Девин» рассекал плицами дунайскую воду. Первое, что мы увидели снова, были темные стены и башни Града, а под ним — море огоньков вечернего города. Усталые, но полные впечатлений от всего виденного сошли мы на пристань. Так закончился наш первый день в Словакии.

ВЫСОКИЕ ТАТРЫ

К. Тарасов

Горный массив Высокие Татры, расположенный в центральной части Западных Карпат, представляет собой гигантский гранитный шток, выступающий из-под более молодых осадочных пород. Массив образует резко очерченный извилистый гребень протяженностью 50 *км*, от которого к северу и югу отходят более короткие боковые хребты с наиболее высокими вершинами — пик Сталина (2663 *м*), Ломницкий Щит (2634 *м*).

Ядро Высоких Татр состоит из кристаллических пород — гранито-гнейсов и кристаллических сланцев. Эти породы на северном склоне и в западной части опускаются под покров осадочных пород, главным образом известняков и доломитов, с которым связано наличие узких каньонообразных ущелий и острых скал.

Высокие Татры разделяются на три основные крупные части: на западе Липтовские Татры, затем собственно Высокие Татры и восточная часть — Белянские Татры. Большая часть Высоких Татр занята под объединенный чехословацко-польский государственный заповедник — самый большой в Европе.

* *
*

Знакомство с Высокими Татрами мы начали на их северных — польских — склонах, в горном местечке Закопане, к которому ведет из Кракова одноколейная железная дорога и великолепная, проходящая в ущельях автострада.

С трех сторон, образуя обширную живописную котловину, окружают Закопане тающие в фиолетовой дымке горы. Словно зеленой рамой, окаймляет котловину густой хвойный лес.

С южной стороны поднимается над городком гора Гевонт (1894 *м* над уровнем моря), а за ней хорошо видны и скалистая Свиница (2300 *м*), и другие горные вершины Высоких Татр. С северо-запада к Закопане подступает горный кряж Губалувка, а с северо-востока — самая небольшая из окрестных гор — Анталувка (240 *м*).

Закопанская котловина резко отличается от других частей южной Польши своими климатическими условиями. Замкнутая почти со всех сторон, она является как бы гигантским конденсатором солнечной энергии. Средняя годовая температура достигает здесь почти +5°. Летом, особенно в июле и августе, в котловине бывает и до 32° тепла.

Сухость и прозрачность целебного горного воздуха обеспечивает сильную радиацию солнечных лучей, что позволяет принимать солнечные ванны в Закопане почти круглый год. Здесь можно загорать даже зимой. В это время года здесь особенно людно.

Чтобы покататься в горах на лыжах, загореть под ультрафиолетовыми лучами горного солнца, приезжают в Закопане со всех концов страны рабочие, крестьяне, студенты, научные работники, артисты, писатели. Здесь устраиваются соревнования

Котловина Закопане на северных залесенных склонах Высоких Татр

Характерные для северных (польских) склонов Высоких Татр известняковые скалы у верхней границы елово-пихтовых лесов. Фото *К. Г. Тарасова*

сильнейших конькобежцев и лыжников. У горы Кроквя, где построен лыжный трамплин, тысячи зрителей ежегодно смотрят на состязания лыжников-прыгунов.

* * *

Первую недалекую экскурсию в Татры из Закопане мы совершили на Губалувку. Цельнометаллический вагончик фуникулера за несколько минут поднял нас со станции, построенной на берегу говорливой речки Закопянки, на гребень горы, уже покрытой снегом. Лишь кое-где сквозь него пробивалась темно-зеленая щетка травы. День стоял солнечный.

Бурелом в лесной чаще Высоких Татр

С Губалувки открывается чудесный вид на город, на всю Закопанскую котловину и на граненые вершины гор. Даже простым глазом нетрудно рассмотреть острые пики основного Татранского гребня, а в бинокль можно увидеть сверкающие алмазами пятна вечных снегов на отдаленных высоких гребнях.

Зимой Высокие Татры — суровые горы, когда выпадает много снега, с отвесных скал с гулом и грохотом срываются мощные лавины. Весной, летом и осенью Татры часто окутывают беспроглядные туманы, и нередко проносится сокрушительный шквальный ураган — гальник, который вырывает с корнем многолетние деревья и сбрасывает вниз массу камней.

Обратный путь в Законане совершаем пешком.

Над тропой, по которой пролегает наш путь, нависли гигантские каменные глыбы. Тропа извивается меж камней. Она то широка, то вдруг становится такой узкой, что нужно протискиваться вперед боком.

По обеим сторонам каменистой стежки высоко поднимаются стройные пирамидальные ели. На их разлапистых ветвях распевают птицы. На берегах белой от пены, быстро мчащейся вниз безымянной речушки изредка встречается могучий альпийский кедр — в наши дни редкое в этих местах дерево.

Татры принято считать горами, доступными даже для начинающего туриста. И это действительно так. На всех тропах и стежках видишь надписи и знаки, предупреждающие о поворотах, подъемах, опасных местах. А там, где туристу предстоит взобраться на отвесную скалу, вбиты прочные железные скобы.

Почти на всех высокогорных маршрутах имеются благоустроенные базы и дома отдыха для туристов с пунктом первой помощи и спасательной командой польского татранского общества, существующего с 1873 г.

Проводниками работают в Татрах главным образом гурали — местные жители гор — превосходные знатоки гор и их природы.

На всем пути в Закопане нам то и дело встречаются огромные деревянные щиты с надписями, категорически требующими бережного отношения как к живым, так и к неодушевленным ценностям Татр. Стремясь сохранить красоту и богатство Высоких Татр, демократическое правительство Польши с первых же лет свободной и независимой жизни польского народа объявило эти горы государственным заповедником.

Но на этом не кончилось наше путешествие в Татры. Через несколько дней большой вместительный автобус мчал нас по извилистой дороге в центр гор — к селению Лысая Поляна. Здесь, по берегу быстрой речушки Биалки, проходит государственная граница между Польшей и Чехословакией.

Офицер-пограничник, проверив наши документы, поднял шлагбаум, и мы, перейдя через небольшой деревянный мостик, очутились в Чехословакии. И через несколько часов мы уже на

Подъем на Ломницкий Щит по канатной подвесной дороге. Фото *К. Г. Тарасова*

Обсерватория у озера Скальне плесо под Ломницким Щитом

южных склонах Татр — в городке Татранска Ломница. Отсюда нам предстоит еще один подъем на татранскую вершину — одну из самых высоких в Чехословакии — Ломницкий Щит (2634 *м* над уровнем моря). Подъем происходит по канатной подвесной дороге или, как здесь говорят, «по лановке».

Первая часть пути простирается в воздухе над сравнительно плавно поднимающимися отрогами гор. Минуя опорные башни, на которых натянуты канаты, наш вагончик каждый раз точно проваливается, скользя вниз по упругому канату. Так повторяется все время на первом этапе подъема протяженностью в 2 *км*. Разность высот на этом участке дороги составляет 880 *м*.

Во время подъема, длящегося двадцать минут, можно наблюдать, как постепенно сменяется растительность, покрывающая склоны Татр. Высокие ели и буки, растущие внизу, выше уступают место пихтовым лесам. Сначала они густые и величественные, но затем начинают мельчать, а ближе к вершинам горы покрыты мелкорослой, а далее карликовой сосной. Вскоре и она исчезает. Появляются голые скалы, увенчанные шапками

Дикие олени в татранском заповеднике

снегов. Первая остановка для пересадки в более миниатюрный, всего на пять человек вагончик.

Здесь, среди гор, лишенных деревьев и кустарников, в естественном углублении раскинулось небольшое озеро с холодной, совершенно прозрачной водой — Скальне плесо. Зимой это излюбленное место лыжников.

Летом же озеро дает только прохладу, купаться в нем нельзя — вода ледяная. Рядом с озером высятся куполообразные башни обсерватории.

Далее идет вторая часть пути, протяжением тоже в два километра. Далеко вверху, почти теряясь из виду, ласточкиным гнездом виднеется сероватое здание машинного отделения. Кажется, что канат лановки уходит вверх почти отвесно.

Пересаживаемся в вагончик. Раздается сигнал, и начинается второй этап подъема.

Чем выше, тем шире открывается величественная, раскинувшаяся на десятки километров живая карта чудесного горного

края. Где-то глубоко под нами, словно модель планера, медленно парит коршун. Сначала под нами проплывают дикие горные утесы, ниже идут кустарники, еще ниже — зеленый лесной массив, а вдали, среди моря облаков, сверкают на солнце похожие на сахарные головы вершины Низких Татр. Они отделены от Высоких Татр живописными долинами рек Попрад и Вага.

Невидимая рука машиниста бережно проводит вагончик по каменному желобу, вырубленному в отвесной скале, и мы, наконец, у цели.

На самой вершине Ломницкого Щита находятся машинное отделение канатки с подъемником и метеорологическая станция.

Отсюда во все стороны открываются необозримые просторы. Кажется, будто совсем рядом с нами, за широкой пропастью и зубчатыми скалами, высится освещенная солнцем заснеженная вершина пика Сталина — самая высокая в Карпатах (2663 *м*).

Ветер, холодный и жгучий, свистит в ушах. Но по здешним понятиям это лишь легкое дуновение. Ветры здесь достигают колоссальной силы. Однажды был зарегистрирован ветер, сила которого оказалась больше, чем может показать прибор. Он сорвал, скомкал, как кусок бумаги, круглую цинковую крышу с одной из построек и бросил ее в ущелье.

Но не только панорама татранских гребней поражает своей величественной красотой. Не менее удивительная картина разворачивается перед вами, если посмотреть вниз.

Среди пятен снежников и нагромождения скал блестят на солнце большие и маленькие блюдца озер. Их очень много, и чехи недаром говорят, что трудно найти где-либо в Центральной Европе горы с таким количеством озер. Берущие начало в татранских озерах реки постепенно превращаются в большие водные магистрали Словакии и Польши.

За несколько часов нам удалось увидеть, как удивительно четко происходит смена растительных поясов — от густых дубово-буковых рощ у подножия, темнохвойных лесов на крутых склонах, альпийских лужаек и до заснеженных суровых скал, проследить, как из небольшого горного озерка выбегает тонкий ручеек, а внизу — это уже шумная горная река. Так, в Высоких Татрах человек как бы читает живую книгу природы, о величественной и суровой поэзии которой прекрасно написал в своей книге «Очерки Татр» известный польский революционер Юлиан Мархлевский. «Для настоящего любителя гор,— пишет он,— на этом небольшом кусочке земли так много чудес, что ими можно наслаждаться в течение нескольких недель и месяцев».

Пик Сталина. Самая высокая вершина Карпат

МОРСКИЕ ОЧИ

К. Тарасов

Гранитные склоны гор, изрезанные глубокими бороздами, каменистые осыпи, хаотические нагромождения скал — таков облик верхнего пояса Высоких Татр.

Темные тучи по нескольку недель не покидают этот скалистый остров горной Словакии, густые туманы заполняют глубокие ущелья. Но стоит рассеяться облакам, и под лучами солнца, как осколки разбитого зеркала, заиграют сотнями зайчиков многочисленные озера. Называют их в народе «морские очи».

С высоты эти озера напоминают «глазки» на павлиньих перьях с их характерной переливчатой зеленовато-синей окраской. Кажется также, что горные озера по форме и цвету похожи на человеческие глаза — очи. Но почему же их называют морскими?

В древности предполагали, что татринские озера имеют подземную связь с морем. Даже позднее, в середине XVIII в., считали, что соединение озер с морем подтверждается наличием приливов и отливов в некоторых озерах. Путешественник Янош Чирбес писал, что он обнаружил в Зеленом озере доски и бревна — остатки судна, потерпевшего крушение в море. Обломки эти были даже выставлены во дворце польского короля Станислава-Августа.

Народная фантазия окружала легендами и поверьями таинственные озера, приписывала чудодейственные свойства их воде. Возвращаясь с гор в селения, пастухи и охотники рассказывали о диковинной рыбе, которая водится в Рыбьем озере и питается овцами и козами, приходящими на водопой. Много говорилось о русалках, феях, драконах, о хрустальных дворцах на дне озер.

Интересно предание, рассказывающее о том, как родилось озеро Модре (Синее). В горах погиб молодой охотник. Много дней искала его невеста и наконец в долине, под горой Ледовый Щит, увидела его тело. Горько плакала девушка, и из слез ее образовалось озеро — круглое, как ее лицо, чистое, как ее слезы, и синее, как ее глаза. На старых географических картах оно так и называется — Девичье.

А вот как рисует легенда происхождение другого озера. Прилетел в Татры огромный дракон. Много лет наводил он ужас на весь край, убивая пастухов, истребляя стада. Прокляли отчаявшиеся жители дракона, и в тот же миг тело его распалось на драконову голову, драконов хребет, драконов зуб, а гнездо его заполнилось водой. Так возникли Драконово озеро и прилегающие к нему вершины — Драконов Зуб, Драконов Хребет и другие.

Долгое время татринские озера оставались таинственными и малоизученными. В начале XIX в. польские и чешские географы и гидрологи занялись их исследованием и дали интересные опи-

Морское око — высокогорное ледниковое озеро в Высоких Татрах

сания отдельных водоемов. Было установлено, что Драконово озеро образовалось в результате сильного землетрясения 1662 г., когда произошли крупные разломы земной коры.

Основная же причина появления татринских озер была вскрыта после детального изучения четвертичного оледенения высокогорной части Карпат. Сползавшие по склонам ледниковые языки выпахивали днища долин, образуя так называемые каровые углубления, напоминающие по форме кресла. Талые и дождевые воды заполнили эти углубления.

Каровые озера расположены на высоте 1500—2000 *м* над уровнем моря. Скалы защищают их от сильных горных ветров, поэтому поверхность воды всегда спокойна и гладка, как зеркало. Вода необычайно прозрачна, и потому цвет озера зависит от цвета той горной породы, которая слагает дно и берега водоема. Есть озера Белое, Зеленое, Черное, Красное, Синее, Желтое.

Еще и сейчас не установлено количество татранских «морских очей». Много мелких озер спряталось от исследователей в малодоступных каменных завалах.

Результатом изучения высокогорных озер в последнее время явилось издание «Атласа озер Высоких Татр» и труда «Очертания озерных бассейнов в Высоких Татрах». Эти работы выполнены коллективом ученых Географического общества Пражского университета. Полученные ими данные не только помогли восстановить картину четвертичного оледенения в Карпатах, но и содействовали решению вопроса о хозяйственном использовании огромных водных запасов Чехословацкой республики.

В ЦЕНТРЕ СЛОВАКИИ

По *В. Дружинину*

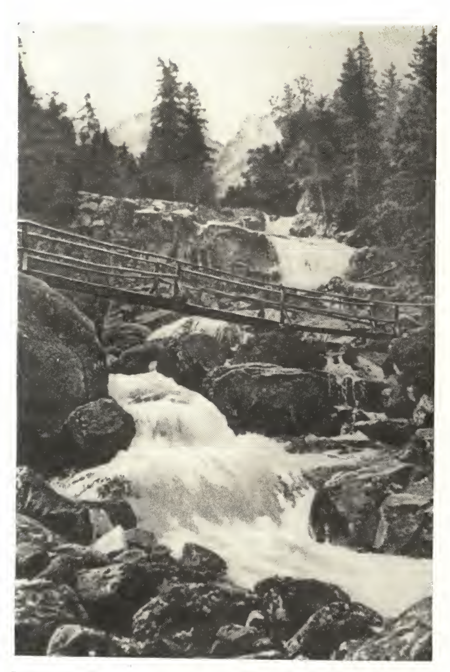
Мои друзья-словаки напутствовали меня перед этой поездкой по-разному.

— Прекрасно отдохнете,— заявил один.— Увидите дикую, нетронутую природу.

— Сплошная стройка,— сказал другой.— Вот где масштаб индустриализации!

Третий вручил мне небольшой медный щиток, какой туристы вешают на пояс. На одной стороне щитка — цепь островерхих гор, на другой — фигура воина в кафтане, в широкополой шляпе, с пистолетом в руке. «Яношиков край» — написано на ободке.

Что было мне известно об этом крае, расположенном между верховьями Грона и Вага? Почти ничего. Путешественники редко заглядывали туда. О Словакии, «бедной стране земледельцев, лесорубов и пастухов», как определяли ее учебники географии, в Европе знали когда-то меньше, чем об Африке.

Реки, берущие начало на склонах Высоких Татр, имеют бурное, порожистое течение

Водитель Ян Паличек — страстный любитель сувениров — прикрепил медный щиток в кабине над баранкой, и мы тронулись.

Из Братиславы дорога вела на северо-восток. За несколько часов мы словно перенеслись от виноградников и фруктовых садов Кубани к горным пейзажам Урала.

К обеду мы добрались до города, лежащего на ровной, как футбольное поле, площадке, охваченной амфитеатром гор. Еще недавно это был маленький город с длинным именем — Турчанский Святой Мартин. Теперь название сократилось, а город вырос, широко раскинул новые кварталы с краснокирпичными корпусами заводов.

И вот мы на пороге глубинной Словакии. Шоссе сворачивает на восток. Перед нами невысокие и остроконечные, как на нашем медном щитке, горы. Пологие, редко выше полутора тысяч метров, и густо одетые лиственным лесом, они местами, однако, очень удобны для лыжников и потому известны среди любителей спорта.

Проходит час-другой, а машина все катится по дну глубокого ущелья, рассекающего массивный, с голыми каменными вершинами хребет — Низкие Татры. Здесь, в тени нависших кряжей, звенит пенистая, горная речка, сжатая почти отвесными берегами. На них растут темные ели, цепляясь корнями за выступы известняковых скал.

Неожиданно из-за поворота показались причудливо разбросанные руины средневековой феодальной крепости. И только подъехав ближе, я разглядел, что это всего-навсего выветрившиеся, размытые водой скалы.

Остановив машину на шоссе, мы поднимаемся на пастбище. Кудлатые собаки с лаем выбегают навстречу. Невдалеке мирно щиплет траву отара овец. Днем овцы пасутся на воле, и только на ночь бача (чабан) загоняет их в кошар. Кошар — это ограда из легких жердей, которая время от времени переносится на другое место. Близ кошара — бревенчатая избушка с высокой двускатной крышей — салаш.

Стучу. Открывает высокий плечистый старик в овчинной безрукавке с трубкой в зубах.

— Здравствуйте, здравствуйте!

Дощатая перегородка делит салаш на два помещения. В одном, побольше,— нары, стол, радиоприемник, газеты. Здесь живет бача со своими помощниками.

В другом помещении стоят кадки с овечьим молоком, сложены круги брынзы, шерсть.

Бача показывает хозяйство. Стадо принадлежит дружству. Овец выгоняют на горные пастбища в конце апреля, как только поднимается трава, и держат здесь до середины ноября — до снега. Выщипывая корм, отара забирается все выше — на 1500 и даже на 1600 *м*. Помощники два-три раза в день доят овец,

Ваг-самая крупная водная магистраль в Словакии

7 Заказ 2071

а бача готовит из молока брынзу. Особенно ценится весенняя брынза «майовка» и жирная осенняя — «йесиенка».

А вот копченые сыры бронзового цвета, похожие с виду на большие перезрелые огурцы. Это «оштиепки». Я видел их в продаже на улицах Праги и других городов. Каждое воскресенье бача сдает сыры дружству.

Для себя и своих помощников бача делает галушки, столь же популярные в Словакии, как у нас на Украине.

В доме бачи много красивых самодельных вещей. Я любуюсь деревянным жбаном, ручка которого сделана в виде рыбы. Оказывается, и это — изделие старого бачи. Следуя традиции, он сам изготовляет свою утварь: из сосны мастерит кадушки и ведра для молока, из ивы — формы для «оштиепок», из граба или клена — древко для валашки, палки с маленьким топориком на конце, какую носят горцы.

Крупные дружства и государственные хозяйства организуют фермы и сыроварни, оборудованные по последнему слову техники. Но от салашей пока отказываться нельзя.

Бачи — замечательные знатоки овцеводства; они всегда могут дать хороший совет.

На прощанье бача с гордостью показывает мне своих любимцев — большеголовых, густошерстных мериносов ставропольской породы. Они присланы из Советского Союза.

Я прощаюсь с бачей. Мягко ступают ноги по луговому ковру. Во все стороны простираются зеленые волны гор. Очертания их покатые, мягкие, лишь местами хребет вскипает светлым, как пена, каменным гребнем.

Мы продолжаем путь. И вот уже отара овец кажется далеким серым пятнышком на зелени. Пониже — другое пятно, коричневое. Это пасутся кони. Тут, в горах, у каждого домашнего животного свой «пояс» пастбищ. Лошадям не подняться до овечьих выгонов. А ниже всех коровы: они пасутся по речной пойме.

Удобной земли для пахоты в глубинной Словакии немного — всего 10—20% территории края. Сеют здесь главным образом лен, овес, сажают картофель. Начали высевать новые, морозостойкие сорта пшеницы, но пока ее немного.

Основное же занятие горцев — работа в лесу.

Как хорош, как многолик татранский лес! Вот он начинается на берегу реки частой порослью ольшаника и осинника, которую раздвигают своими размашистыми лапами толстые, в два обхвата, вековые ивы. Выше по откосу вздымаются чащи бука, граба, ясеня, липы. Тенистое, мягко шелестящее чернолесье наполнено птичьим гомоном, пронизано солнцем... Чем выше, тем труднее приходится лиственным деревьям: их донимают долгие студеные зимы, им преграждают подъем каменистые кручи. На высотах — царство хвойных. В иных местах ели стоят словно

Сушка льна на полях в горной части Словакии

распятые на каменной стене, и трудно понять, на чем держатся их корни. Но они растут, одевают крутую гору вечной зеленью своих игл, лезут вверх и подчас побеждают ее всю, утверждаясь на самой вершине мохнатой хвойной шапкой. Если же до вершины далеко, лес редеет, делается ниже, как бы уходя в землю, и, наконец, на высоте примерно в полтора километра останавливается. Выше выживают лишь цепкие, пригнувшиеся под свистящим ветром кусты можжевельника.

Вряд ли найдется в Средней Европе край, более богатый лесом, чем горная Словакия. Но раньше это сокровище разра-

батывалось слабо и зачастую хищническим путем. Нередко лес попросту выжигали только для того, чтобы освободить место для выпаса скота.

Сейчас промышленный спрос на лес резко вырос, лесоразработки расширились. Нужен бук для производства гнутой мебели, которая всегда делалась чехами и словаками, но называлась, по месту жительства фабрикантов, венской. Нужна осина для спичек. Нужны клен и дуб для отделки зданий. Нужны ели, пихты для построек, для шахтных креплений в угольных бассейнах Остравы, Кладно. Много словацкого леса идет за границу, в страны бедные лесом, преимущественно в Венгрию. Татранский лесоруб стал видной фигурой среди тружеников Словакии.

Иногда бревна сплавляют по воде. В Словакии это дело очень сложное. Чехословакия лежит на европейском водоразделе, поэтому в ее пределах — или верховья рек, или реки маловодные, узкие. Мало воды и в словацких реках, иные в жаркое лето пересыхают, журчат маленькими ручьями. И лесорубы затевают очень трудное дело: на крутых склонах сооружают искусственный водоток — желоб из выструганных бревен, покоящийся на толстых сосновых опорах. Нелегко вбивать их в скалистый грунт. В желоб складывают бревна, отводят воду из реки — и лес по водяному конвейеру устремляется вниз, в долину...

Дорога наша поворачивает на юго-восток. Пересекая Низкие Татры, мы выезжаем к Грону. Крутые лесистые берега сжимают его стремительное течение, потом справа, а затем и слева горы отодвигаются. Писатель Карел Чапек, бывший здесь два десятилетия назад, спрашивал себя, как передать очарование лесного края, так непохожего на густозаселенную, промышленную Чехию. «Первозданная, девственная страна пастухов — вот что такое Словакия»,— записал он.

Как много нового увидел бы сейчас Чапек в этих лесах и горах!

Вот она, деталь нового в бывшей «стране пастухов»! На берегу Грона — столб с дощечкой: «Ввиду возможного быстрого подъема уровня Грона соблюдайте осторожность». Как это понять? А так, что в низовьях реки недавно построена гидростанция. Там могут опустить шлюзы, закрыть воду.

Сила словацких рек огромна: хоть воды в них не очень много, но велика крутизна падения. Раньше эта энергия почти не использовалась. До войны едва ли четвертая часть селений в здешнем крае освещалась электричеством. Теперь получили свет по крайней мере три четверти.

Недалеко от Грона, в маленькой, уютной зеленой ложбинке сгрудился город. На старой ратуше Бенска-Штьявница — таково имя городка — вылеплен щит, на нем — две ящерицы.

Как понять этот герб? И странное название города? «Штява» — это сок — как фруктовый, так и сок земли — руда. «Бане» — рудники.

В средние века этот район считался одним из крупнейших в Европе по поставке серебра и руд. По легенде, к сельскому пастуху, уснувшему под деревом, явились во сне две ящерицы — золотая и серебряная — и указали на драгоценную подземную жилу. И пастух стал первым рудокопом.

Увлекательно повествует о прошлом городской музей — в нем документы об учреждении первой в Европе школы горного дела. В музее мы узнали, что местные горняки впервые в Европе применили на разработках порох.

«В горах Словакии есть еще «белые пятна». Вообще мы поновому смотрим на нашу землю. Глазами пионеров»,— сказал мне геолог, которого мы встретили в лесистом ущелье у стремительного Грона.

Геолог очень молод, он только что сошел со студенческой скамьи, но уже руководит отрядом. Черные глаза его искрятся, когда он говорит о горах. Еще бы! Он сроднился с ними. Он вырос в семье рабочего-горняка; в детстве, пробираясь сквозь глухомань, носил партизанам хлеб и молоко. Теперь эти самые места он снимает на карту. Составляется полная геологическая карта Словакии.

Мы движемся дальше по берегу Грона, огибающего Низкие Татры с юга. Если судить по карте, впереди должны находиться деревни и маленькие рабочие поселки. Но карта выпущена пять лет назад. И вот за косогором, где ожидаешь увидеть салаш, внезапно открываются ряды жилых домов, огромные, одетые лесами, заводские корпуса. Этот рождающийся город еще не получил постоянного имени, он пока Гронстав, что значит Гронстрой.

Сразу же за Гронставом — снова девственная глухомань, стук дятла, стрекот дроздов, усыпавших рябину. И вот опять смена пейзажа: подъездные пути машиностроительного завода-гиганта пересекают пастушью тропу.

Мчится Грон, отражая огни электросварки, свет широких окон новых цехов. Все среднее течение его по существу один огромный Гронстав.

Индустриализация проникла в самые глубинные, некогда беднейшие районы Словакии. На Гроне теперь строят станки, выпускают трубы, мостовые фермы, оборудованные для рудников и железных дорог, выплавляют цветные металлы, алюминий, сталь. Сюда везут сырье из других мест, например железную руду из словацких Рудных гор, лежащих к югу. Почему? Да потому, что здесь течет Грон, есть энергия, взятая у его вод.

Такова новь в «стране пастухов».

СЛОВАЦКИЙ КАРСТ

К. Тарасов

Карстовые явления возникают в растворимых водой горных породах — известняках, доломитах, гипсах. Собственно название «карст» происходит от имени известного нагорья Карст в Динарских горах (к северо-востоку от Триеста), где карстовые явления впервые были хорошо изучены.

Гидрологический режим карстовой области отличается многими своеобразными чертами. Так как большая часть атмосферных осадков быстро просачивается по трещинам известковых пород, карстовые районы сухи и маловодны, даже если они находятся во влажном климате. Подземные воды в карстовых областях в отличие от подземных вод, залегающих в нерастворимых породах, движутся гораздо быстрее, свободнее, образуют иногда подземные реки и нередко подземные озера.

Карстовые явления, как обусловленные в первую очередь литологическими особенностями местности, развиваются в самых разных географических широтах. В Западной Европе они широко развиты по побережью Адриатического моря — от Карста до Греции, в Центральных и Южных Аппенинах (остров Капри, Лазурный грот, Белый грот), на Пиренейском полуострове (Кантабрийские горы), во Французских Альпах и Карпатах.

Изучение пещер Словакии началось сравнительно недавно. До 1918 г. наиболее исследованной была Добшинская ледовая пещера, открытая в 1870 г. Эта первая из обнаруженных в Европе ледовых пещер. Она расположена между северным и южным карстовыми районами, у истоков реки Грона, на северном склоне Словацких Рудных гор на высоте 969 *м* над уровнем моря. Внутри пещера покрыта слоем льда, толщина которого местами доходит до 20 *м*, а общий объем ее многочисленных ледяных «сооружений» достигает 125 тыс. *куб. м.*

Система Деменовских пещер была открыта в 1921 г., а Домица и ряд других — только в 1926 г.

* * *

Словакия — край, редкий по красоте и многообразию природы: высокие, расчлененные узкими ущельями массивы Карпат, широкие зеленые долины, прозрачные горные озера, многочисленные реки...

Много здесь пещер, что связано с геологической историей этих мест. Десятки миллионов лет назад, в период, называемый в геологии неогеном, территория нынешней Словакии была занята морем. Обитавшие в нем моллюски, отмирая, откладывались на дне, и из их известковых скелетов образовались постепенно толщи известняка.

В последующие эпохи, когда происходили процессы горообразования, пласты известняка оказались на суше.

Реки, грунтовые воды и атмосферные осадки проникали сквозь трещины в глубь известняков, размывая и растворяя их. С течением времени возникли причудливые формы рельефа в виде воронок и каньонов на поверхности и пустот, пещер в глубине земли. Все они получили в науке названия карстовых форм или просто карста.

Многие пещеры Словакии огромны. Они соединены многокилометровыми лабиринтами в системы подземных полостей.

Общий вид плато Словацкого Карста

В течение долгих веков вода, содержащая в себе растворенную известь, капля за каплей проникала внутрь пещер, затем известь выпадала из раствора, и слой за слоем, постепенно нарастая, свисали с «потолков» пещеры огромные окаменевшие сосульки — сталактиты, а навстречу им, со дна, поднимались столбы — сталагмиты. Иногда сталактиты и сталагмиты соединялись в мощные колонны, как бы подпирающие своды (сталагнаты).

Особенно интересны пещеры в двух районах Словакии. Один из них расположен на северо-востоке страны в горной местности, на склонах массивов Белянские Татры, Большая Фатра и Словацких рудных гор. Второй — самый крупный из всех карстовых районов Словакии и всей Чехословакии в целом — это район знаменитого Южнословацкого Карста...

Перед нами раскинулось огромное слабовсхолмленное плато площадью в 800 *кв. км,* протянувшееся вдоль чехословацко-венгерской равнины и на значительное расстояние уходящее в Венгрию.

Несколько небольших рек пересекают плато, образуя широкие пологие долины, между которыми поднимаются плоские сто-

лообразные равнины, чуть наклоненные к югу. Известняки, слагающие плато, частично перекрыты глинистой почвой с лесными островками, чередующимися с оголенными, лишенными почвенного покрова пустошами и редкими купами кустарника.

Трудно представить, что столь однообразный и унылый ландшафт скрывает фантастический мир пещер, подземных рек и озер.

Каждого, кто бывал в Словакии, обязательно спросят: «Были ли вы в Домице?» — и это вполне законный вопрос. Но что такое Домица?

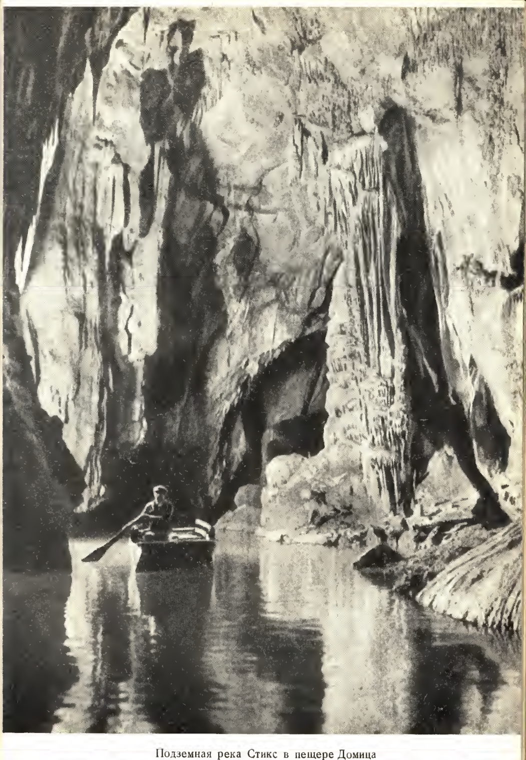
Домица — одна из самых грандиозных пещер плато Словацкого Карста, с многочисленными коридорами, переходами и спусками, соединенными в единый многокилометровый лабиринт. Пещера имеет второй вход на венгерской земле, где она называется Агтелек. Длина подземных переходов равна 20 *км*.

Пещеру Домица заслуженно называют жемчужиной Словакии. И действительно это одна из самых красивых и больших пещер этого края с особенно разнообразными и грандиозными формами натеков.

Стикс — единственная река подземного мира. Она спокойна и неглубока, только в период осенних дождей и таяния снегов Стикс превращается в бурный поток.

Сразу же после входа в пещеру перед нами предстал лес сталагмитов, чьи острые верхушки почти упираются в высокие своды. Широкий коридор приводит к двум гигантским сталагмитам, так называемым «Самсоновым столбам», 2 *м* в диаметре и около 7 *м* высоты, окрашенных в оранжево-красные тона. Еще дальше находится «Большой зал» с озерком посредине, в котором отражаются свешивающиеся с потолка натеки в виде больших розовых «люстр». Проводник поочередно включает разной силы прожектора, и мы видим все новые натеки, то короткие и длинные, гладкие и с кристаллическими узорами, то в виде огромных снежинок, то «сосулек» или «занавесей». Сталагмиты напоминают то острые шпили готических соборов, то лес из толстых, окаменевших стволов. Здесь же в зале стоят, как на выставке, сравнительно небольшие натеки, получившие названия «Гном», «Овечка», «Чудесный подсвечник» и много других. Все они окрашены в разные цвета: красноватые, зеленоватые, голубоватые, синие. Это объясняется присутствием в них растворенных частиц железа, медного купороса и других солей.

Здесь же через зал протекает река Стикс, по которой на некоторых участках можно проехать на специальных моторных лодках. На гладкой поверхности воды, как в зеркале, отражаются отвесные стены, окрашенные во все цвета радуги, а на дне особенно глубоких мест установлены прожекторы, освещающие молочным светом подводные впадины и провалы, достигающие 60—80 *м* глубины. Но вот остановка, впереди слышен равномерный шум — это большой, в 30 *м* водопад. Здесь, по вырубленным

Подземная река Стикс в пещере Домица

в стене висячим карнизам проходить разрешается только специалистам, изучающим подземный карст.

Домица интересна и как источник ценнейших археологических находок. В ней были обнаружены остатки искусственных перегородок и очагов, глиняные и костяные изделия. На стенах пещеры найдены рисунки. Эти находки свидетельствуют о том, что Домица долгое время была убежищем первобытного человека, обитавшего в этих краях, как установили археологи, более пяти тысяч лет назад. Недалеко от Домицы пещера Ясовская замечательна памятниками гораздо более близкой к нам эпохи. Стены ее хранят надписи, сделанные в XV в. свободолюбивыми воинами Яна Гуса в честь их победы у селения Лученец.

В горных областях Словакии, где известняки перекрывают кристаллическое основание Словацких рудных гор, карстовые формы имеют совсем другой характер. Здесь карстовые поверхности почти сплошь одеты густым пихтовым лесом, иногда переходящим в буковые рощи. В ряде мест обнажаются глубокие вертикальные колодцы до 5 *м* глубины. Во многих местах район карста рассечен глубокими каньонами, здесь же находится одна из крупнейших в мире Добшанская ледовая пещера. Эта пещера не имеет сталактитов, она известна своими ледяными образованиями огромных размеров. Расположена пещера на высоте тысячи метров над уровнем моря и имеет своеобразную форму и циркуляцию воздуха, в ней температура никогда не бывает выше нуля. Вода, проникающая в пещеру, тотчас же замерзает, принимая столь же причудливые формы, как и в Домице, но все это — из льда.

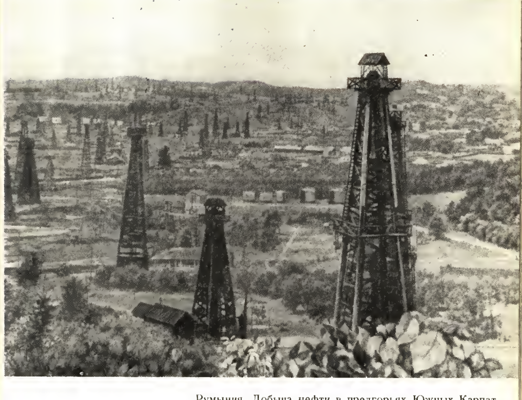
В наши дни уже много пещер в Словакии изучено и освоено настолько, что они могут быть доступны для обычных путешествий. В крутых подъемах вырублены лестницы, над глубокими провалами и водными потоками повисли мостики. Каждый год тысячи отдыхающих проводят свои отпуска в районах Словацкого Карста, и не менее многочисленные группы студентов и ученых продолжают вести научные наблюдения.

В ЮЖНЫХ КАРПАТАХ

К. Тарасов

Остались позади шумные улицы и заводские окраины Бухареста. Перед нами потянулась бесконечная бетонная лента уходящего на север шоссе Бухарест — Плоешти — Сталин. Вокруг до самого горизонта раскинулись поля кукурузы. Редкие купы деревьев в придорожных селах нарушают однообразие равнинной части южной Румынии.

Мы едем к Южным Карпатам, точнее — в Трансильванские Альпы. О них в скупых строках путеводителя можно прочесть,

Румыния. Добыча нефти в предгорьях Южных Карпат

что это — южная цепь румынских Карпат в 50 *км* длиной, с рядом хребтов высокогорного альпийского типа, с крутыми, труднодоступными склонами, что там находятся истоки левых притоков Дуная, да еще несколько слов о растительном и животном мире.

Через два часа — первая короткая остановка в Плоешти, знаменитом румынском Баку. Город опоясан кольцом нефтяных вышек и цистерн нефтеперегонных заводов. Даже в воздухе чувствуется запах нефти. Но о том, что такое «настоящий» лес вышек, мы узнали, когда наш «проводник», указав вперед, говорит: «Вот начинается Валя-Праховы».

«Валя» по-румынски — долина в горах. Все ближе к шоссе подступают невысокие предгорья Карпат. Они почти лишены естественной растительности; ее как бы вытеснили сотни стройных стальных вышек, между ними раскинулись рабочие поселки. Иногда под давлением природных газов или подземных вод

Зима в Южных Карпатах

нефть прорывает толщу земли и выбрасывается на поверхность в виде фонтанов. Но, как правило, ее выкачивают глубинными насосами. Отсюда по нефтепроводу нефть поступает на нефтеперегонные заводы Плоешти и далее — в Констанцу.

Двадцать лет назад добыча румынской нефти была заключена в районе, напоминающем по форме ромб, в который вписывалась долина Праховы, а нижний острый угол ромба занимал Плоешти. На мировом нефтяном рынке совершенно не знали той Румынии, которая выходила за пределы ромба.

Сегодняшнюю географическую карту румынской нефти уже нельзя изобразить прежней геометрической фигурой.

Сначала в новые районы прибыли геологи с современными сложными сейсмографическими установками. Затем появились первые одиночные вышки — предвестники будущих скважин. И вот нефть вышла за пределы праховского ромба по горной дороге, ведущей к перевалу. Нефтяные вышки поднимаются по лесистым холмам и пологим склонам, собираются группами, а

Верхняя граница хвойного леса в Трансильванских Альпах (хребет Бучеджи).

затем идут вдоль долин других южнокарпатских рек, охватывая предгорья Южных Карпат. Но и это не конец. Вышки шагнули и дальше, на склоны румынских Восточных Карпат, к северу страны.

Географическая карта румынской нефти — это не обычная карта. Она меняется с каждым днем, все шире охватывая страну.

Дорога все чаще петляет, повторяя причудливые изгибы горной реки, начинается подъем к перевалу Предял по долине реки Праховы. Теперь уже настоящий дубово-буковый лес вплотную подходит к шоссе. Горизонт сузился до нескольких сот метров. Холмистые предгорья остались позади, мы находимся в собственно Южных Карпатах, которыми заканчивается вся горная дуга Карпат.

На высоте 900 *м* над уровнем моря мы въезжаем в один из самых известных горных курортов Румынии — Синаю. Круглый год здесь много отдыхающих и туристов. Их привлекает красивая природа и великолепный замок — бывшая королевская резиденция Пелеш, ныне превращенная в музей. В Пелеше можно увидеть роскошный тронный зал в стиле флорентийского Возрож-

Древняя ледниковая долина в Трансильванских Альпах

дения, «мавританскую» комнату, стены, двери и лестницы которой покрыты тончайшей резьбой по дереву, скульптурными украшениями и художественными барельефами. Но главное в Синае — поднимающийся над поселком горный массив Бучеджи, восточный форпост Трансильванских Альп. Со стороны долины Праховы из Синаи Бучеджи с вершиной Ому кажется совершенно неприступным, так круто, почти отвесно обрываются его склоны. Это вообще характерно для всей цепи Трансильванских Альп — крутой уступ южных и более пологий переход северных склонов к холмистому Трансильванскому плато.

Но все же из Синаи можно подняться на гребень Бучеджи. Идти приходится по узким тропинкам, выбитым зигзагообразно по склону ежегодно выгоняемыми на горные луга отарами овец.

...На высоте около 1500 *м* над уровнем моря мы вошли в темный елово-пихтовый лес. Недавно прошел дождь, и в воздухе еще висела тонкая сетка водяных брызг. Пригнувшись, пробираемся по скользкой, еле видной тропинке. Впереди какой-то просвет. Тропа, уже яснее различимая, выводит нас на опушку. Стволы деревьев расступаются. Еще несколько шагов, и мы останавливаемся на горной лесной опушке.

Всего несколько часов назад мы ехали по Нижне-Дунайской низменности с полями кукурузы, и навстречу нам ровными шеренгами бежали ряды фруктовых деревьев. Здесь же, на гребне Бучеджи, со скалистого обрыва перед нами открывается необозримая панорама Трансильванских Альп.

Куда ни посмотришь — лес; внизу острые вершины пихт и елей, а впереди покрытые голубоватой дымкой цепи гор. У них разнообразная форма, они то ровные, то зазубренные, а прямо перед нами четко вырисовывается силуэт огромного купола. Это и есть наивысшая точка Бучеджи — вершина Ому.

Невольно вспоминается образное описание этого края, сделанное одним румынским географом: «Если посмотреть на Южные Карпаты с птичьего полета,— пишет он,— то горы покажутся в виде стада гигантских слонов, направляющихся на юг к Дунаю. Вы можете разглядеть их длинные вытянутые спины, и шествуют они широким фронтом, в строгом порядке: посредине самые высокие, справа и слева поменьше. Эти две боковые шеренги то отдаляются, то приближаются к средней, образуя в промежутках между собой длинные продольные участки межгорных котловин».

Истоки реки Праховы находятся под перевалом Предял. Здесь же пробивается через туннели железная дорога и вьется шоссейная дорога, соединяющая южную Румынию с ее большой внутренней частью — Трансильванией.

И вот мы уже спускаемся от перевала на север, в широкую Фагарашскую котловину, через которую протекает одна из самых больших рек Румынии — Олт.

Более чем на 600 *км* течение Олта сопровождается самыми разнообразными природными ландшафтами Румынии.

Начинаясь на склонах Восточных Карпат, Олт пересекает среднюю и южную Трансильванию, перепиливает поперек хребты Южных Карпат, орошает Нижне-Дунайскую низменность и только потом впадает в Дунай.

БУХАРЕСТ

По *В. Никитину* и др.

Бухарест расположен в южной части Румынии, на Валахской низменности, примерно на полпути между южными отрогами Карпат и Дунаем.

Естественно, возникает вопрос, почему такой крупный и важный центр, как Бухарест, был в старину построен не на великом водном пути — Дунае, а километрах в шестидесяти от него, на небольшой, несудоходной речке Дымбовице, впадающей даже не в самый Дунай, а в его приток Арджеш. Объясняется это,

очевидно, тем, что Дунай не был достаточной защитой от различных приходивших с юга врагов, в первую очередь турок — османов. В старину Бухарест был прикрыт с юга — со стороны Дуная — не только самой рекой и ее болотистыми труднопроходимыми плавнями, но и широкой полосой дубовых и других лиственных лесов. Еще в начале прошлого века, по описаниям тогдашних путешественников, леса эти были настолько густыми, что не только в экипаже, а даже пешему по лесным дорогам было пробраться очень трудно.

Таким образом, Бухарест был, кроме водной преграды Дуная, прикрыт еще вторым естественным барьером — полосой болот и девственных лесов. Теперь леса почти полностью вырублены. Но кое-где в окрестностях Бухареста, в особенности вокруг старых монастырей, сохранились живописные дубовые рощи.

Основателем Бухареста, по преданию, был легендарный пастух Букур (по-румынски город называется Букурешти). Впрочем, существует и другое объяснение названия города. «Букурие» — означает радость, так что Букурешти — город радости, названный так по случаю победы валахского князя Мирича над турками в конце XIV в.

Падение Византии в XV в., захват черноморских и дунайских портов турками привели к закрытию традиционного морского пути через проливы, а также юго-восточных сухопутных дорог через Малую Азию и содействовали развитию Бухареста: он оказался узлом дорог на новом пути из Центральной Европы на восток — по валахскому сухопутному коридору между Карпатами и Дунаем.

Но в течение многих веков Бухарест оставался скорее конгломератом укрепленных монастырей, деревушек и боярских поместий, чем настоящим городом, даже в тогдашнем понимании этого слова, хотя число жителей в нем превышало 50 тыс. чел. Сохранившаяся кое-где и по сей день в некоторых старых кварталах необычная извилистость улочек и переулков объясняется тем, что они возникли на месте троп, окружавших боярские поместья, из которых некогда состояла бóльшая часть Бухареста.

В конце XIX и начале XX в. начался период стремительного превращения Румынии в балканскую полуколонию европейского и американского капитала. Наличие больших естественных богатств — нефти, плодородной почвы, ценных пород леса, а также дешевой рабочей силы привлекало капиталистических хищников.

В этой обстановке Бухарест рос очень быстро: достаточно сказать, что за 30 лет, с 1912 по 1941 г., население его увеличилось втрое. Наряду с банками и торговыми фирмами появилось довольно много фабрик и заводов, в большинстве своем мелких и средних. В Бухаресте сосредоточилось более одной трети румынской обрабатывающей промышленности. Обычные для бур-

Бухарест. Университетская площадь

жуазных городов контрасты были, пожалуй, резче, чем в любой другой европейской столице, внешние следы их заметны и по сей день. Въезжая в Бухарест со стороны аэропорта Баньяс, попадаешь в старые аристократические кварталы, которые заселяла раньше румынская буржуазия. Широкие улицы, густо обсаженные по обеим сторонам каштанами, сильно напоминают парижские Елисейские поля. В конце одной из улиц — высокая арка, копия парижской триумфальной арки. Небольшие коттеджи с зелеными двориками, огороженными сетчатыми заборчиками, увитые плющом,— такие же, как в Париже. Несколько улиц в этих кварталах застроены пяти-, шестиэтажными домами, вмещавшими в себя банки, конторы, магазины. В архитектуре всех этих кварталов не увидишь черт национального зодчества: разве что старые церкви. Здесь можно встретить норманские виллы, флорентийские палаццо, здания в лжемавританском стиле, в стиле «модерн». Этот район и давал право румынской буржуазии называть Бухарест, а вернее лишь небольшую часть его «маленьким Парижем».

Бо́льшая часть Бухареста состояла из лабиринта старых узких кривых и грязных, немощеных улочек с полуразвалившимися хибарками. Здесь ютились тысячи рабочих и мелких служащих. В целом в городе 35% всех зданий были глинобитными и деревянными. Более половины домов не имели водопровода и электричества.

Со дня установления народно-демократической власти прошел небольшой срок, но старые районы города и окраины быстро меняют свое лицо. Повсюду вырастают корпуса благоустроенных многоквартирных домов с большими окнами и балконами. Проезжая по Бухаресту, повсюду видишь кварталы новых зданий, новые широкие улицы, обсаженные деревьями.

По генеральному плану реконструкции Бухареста, принятому в 1952 г. и рассчитанному на 15—20 лет, кварталы, застроенные старыми домишками, уступят место кварталам больших, благоустроенных домов, весь город будет окружен кольцом великолепных парков. Дымбовица станет полноводной и судоходной рекой.

ПУШТА

По *Г. Винклеру*

Большая Венгерская низменность, или Альфельд занимает почти всю восточную половину Венгрии. С поверхности до глубины нескольких сот метров Альфельд сложен рыхлыми глинистыми, с прослоями песка отложениями. Средние части низменности пересекаются извилистыми руслами Тиссы и ее притоков. В настоящее время Большая Венгерская низменность почти лишена естественной лесной растительности. Большие пространства распаханы под посевы зерновых культур. Совершенно особый географический облик имеет междуречное плато Дуная и Тиссы. От других частей Альфельда этот район

отличается наличием дюнных гряд, чередующихся с плоскими участками и понижениями, заполняемыми весной водой. Будучи малопригодными для освоения, эти площади сохранили в неизменном виде ту венгерскую «степь» — пушту, которая в былые времена покрывала большую часть междуречья. До настоящего времени в пуште единственным видом хозяйственной деятельности является скотоводство.

* *
*

Тисса, наконец, осталась позади. В необозримую даль уходит перед нами равнина. Жгучее весеннее солнце в несколько дней успевает здесь высушить почву. И действительно оно здесь прямо жжет; нагретый воздух колеблется и дрожит, земля раскаляется. Бесконечная, широкая степь молчаливо развертывается перед нами.

Вот мадьярский крестьянин со своим легким экипажем, который живо напоминает фургон бродячих цыган и также покрыт сверху парусиной; впереди четыре-пять лошадей, которые бегут мелкой, но спорой, очень быстрой рысцой, свойственной венгерским лошадям, или стремительно скачут в галоп. На крестьянине белые широкие, раздувающиеся шаровары, какие обыкновенно носят чикосы, белая рубашка с огромными, тоже вздувающимися от ветра рукавами, длинный цветной жилет с двумя рядами блестящих металлических пуговиц, короткие венгерские сапоги и современная низкая шапка из овчины; иногда, несмотря на палящий зной, короткая, без рукавов накидка из овечьей шкуры мехом наружу; накидка эта придерживается только застежкой спереди. В необозримо раскинувшейся пуште видно медленно двигающееся стадо крупных светло-серых быков с чрезвычайно длинными выгнутыми рогами, и при нем несколько иссера-белых собак, напоминающих скорее волков и часто возбуждающих сомнение, могут ли они лаять, как другие собаки. Здесь и там на горизонте виднеются темные пятна одиноких затерянных среди пушты построек, а около них, как живые вопросительные знаки, поднимаются высокие колодезные журавли; прежде по этим журавлям и определяли главным образом направление дороги в пуште.

Пушта, по которой мы едем, то одета в роскошный зеленый убор весенней травы, то на далекое расстояние покрыта волнующимся ковром цветов — ярко-красных, голубых или желтых. Цветы эти растут не все вместе, а отдельными, резко отграниченными участками, так что часто рядом с ярко-красным полем вы видите, без всякого перехода, голубое, фиолетовое и т. д. А потом опять тянутся на далекое расстояние совершенно пустынные пространства, заливаемые во время половодья Тиссы и ее притоков, без всякого видимого признака животной или растительной жизни,— одна серая, растрескавшаяся земля.

В местах, где при разливе образовались озера и за лето не успели высохнуть, развивается растительность. Берега таких озерков и стариц поросли кустарником. В этой плодородной, но лишенной тени равнине только кое-где, как оазисы в пустыне, попадаются по краям водоемов акации и другие деревья, которые несколько нарушают однообразие степного ландшафта.

Но однотонная, лишенная всякого разнообразия пушта живет полной жизнью. В пуште издавна очень широко развивалось скотоводство. Здешние породы лошадей и волов отличаются силой и выносливостью.

Великолепное зрелище можно наблюдать, когда табун голов в 500 прекрасных коней, которые еще минуту назад спокойно щипали траву, вдруг приходит в движение и с быстротой ветра летит по пуште. Поразительной ловкостью обладают табунщики, скачущие верхом то впереди, то сзади табуна, не позволяя своим длинным кнутом отстать хотя бы одной лошади. Особенно бросается в глаза контраст между быстро несущимися табунами лошадей и движущимися медленным, плотным гуртом стадами быков. Издали кажется, что стадо стоит, но, подъехав ближе, вы ясно видите, как медленным шагом, мерно пощипывая траву, оно постепенно двигается на водопой к степному колодцу или к одной из рек пушты.

Табуны лошадей и стада рогатого скота пасутся преимущественно на более низких участках пушты, занятых лугами с сочными травами; выпас овец и коз происходит на приподнятых грядах песчаных холмов, поросших низкорослой травой, где земля покрыта более скудными сухими травами.

Но и в бедной водой сухой пуште ранней весной развивается такая пышная растительность, которой не встретишь в более влажных областях. Травы вытягиваются до двух и более метров высоты. В пуште богаты и плодородны почвы, пока они достаточно увлажнены, но как только наступает летняя засуха, запасы влаги быстро иссякают и растения чахнут, листья опадают. В пуште очень много чертополоха, но приехавшему из средней полосы Европы трудно узнать столь знакомое растение! Если наши чертополохи имеют крупные листья, то в пуште они имеют узкие листья, толстый, мясистый стебель и больше напоминают кактус,— такое растение меньше теряет влаги.

Совсем другая картина в ближайших окрестностях рек, протекающих по пуште, в особенности самой главной из них — Тиссы. Вода в них обыкновенно грязно-желтая, а когда уровень воды в реке несколько повышается и размыв почвы усиливается, то не только в стакане, но даже в пригоршне вода кажется совершенно темной от грязи. Грязный светло-серый ил покрывает также и плоские берега, в пять, шесть и более раз шире самой реки. Берега эти иногда так низки, что при малейшем повышении уровня воды река заливает берег на далекое расстояние, и

эти огромные пространства, на которых каждый разлив откладывает все новые и новые слои ила, лишены поэтому всякой растительности.

Насколько низко поднимается пушта над уровнем речных вод, можно судить по тому, что даже при обычных весенних разливах вся равнина от гор Земплина до Мишкольца бывает залита водой; только более высоко расположенные части равнины, железнодорожные насыпи и гряды песчаных дюн выступают из воды. Сотни квадратных километров в Альфельде ежегодно в течение недель и месяцев бывают залиты водой.

Почва пушты вообще по большей части очень плодородна и нуждается только в правильном орошении, а по берегам рек — в осушении. Конечно, попадаются и значительные пространства, где почва бесплодна и едва-едва родит траву, годную для пастбищ; но таких участков значительно меньше по сравнению с огромными пространствами, на которых залегает мощный слой плодородной почвы.

Пушты в том смысле, как ее изображали ранее, не существует больше. Нигде нельзя найти теперь пушты, по которой можно было бы скакать или ехать в продолжение нескольких дней по унылой, пустынной степи, без всякого признака человеческой жизни и деятельности, руководствуясь в пути маячащими вдали колодезными журавлями. Почти всюду вы наталкиваетесь на следы человека или его труда; то покажется хутор или обработанные поля, то стада. Площадь девственной пушты сокращается с каждым годом; значительные участки земли, которые еще недавно представляли целинную степь, теперь превращены в плодородные поля, с которых собирают много кукурузы, зерновых культур, дынь и арбузов.

ВЕНГЕРСКОЕ МОРЕ

По *Т. Власовой*

В западной части Венгерской Народной Республики, у подножия невысоких гор, раскинулось озеро Балатон — крупнейшее озеро не только Венгрии, но и всей Центральной Европы.

Венгрия по преимуществу безлесная и равнинная страна. Только на севере и северо-востоке, вдоль границы с Чехословакией, да в западной ее половине поднимаются невысокие горы, одетые широколиственными лесами.

Озеро Балатон с его живописными окрестностями, целебными источниками, водными станциями, домами отдыха и санаториями — прекрасное место отдыха и туризма.

Однако Балатон имеет значение не только как район курортов. Климатические и почвенные условия здесь очень благопри-

ятны для разведения винограда, озеро богато рыбой, а недра его окрестностей — полезными ископаемыми.

Озеро Балатон находится в 80 *км* к юго-западу от Будапешта. Оно имеет вытянутую форму: при длине в 75 *км* наибольшая его ширина составляет всего 12 *км*. Площадь озера несколько больше 600 *км*.

По своему происхождению Балатон относится к так называемым тектоническим озерам. Его котловина образовалась в результате опускания земной коры вдоль линий разломов. Балатон геологически совсем молод — озеро возникло в конце третичного периода.

Тектонические озера обычно достигают большой глубины подобно нашему Байкалу, глубочайшему пресноводному озеру земного шара. Но встречаются и совсем неглубокие озера этого типа, к ним относится Балатон. Наибольшей глубины (11 *м*) озеро достигает в самом узком своем месте, где ширина его составляет всего 1,5 *км*.

Балатон лежит на высоте 106 *м* над уровнем океана. Южный берег, плоский и низменный, постепенно поднимается от воды. Также постепенно увеличивается здесь и глубина озера: на расстоянии 200—300 *м* от берега она достигает всего 1,5 *м*. Дно здесь по большей части песчаное и очень ровное.

На севере к озеру подступает крутой склон возвышенности. Вдоль почти всего северного берега протягивается терраса, уступ которой достигает высоты 40 *м* над уровнем озера. Эта терраса озерного происхождения и указывает на то, что некогда уровень воды в озере был значительно выше современного. Дно здесь чаще всего илистое или каменистое, и глубина возрастает сразу от берега.

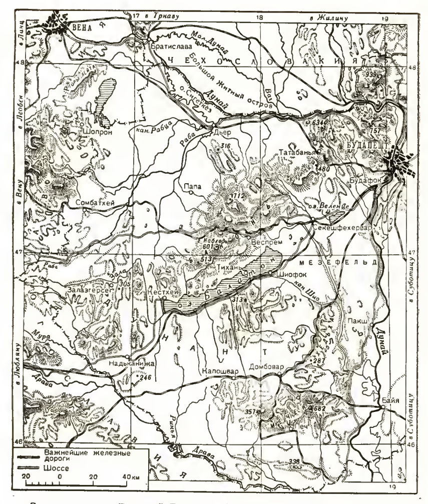
В Балатон впадает несколько небольших речек. Самая крупная из них река Зала. Озеро имеет естественный сток и связано с Дунаем рекой Шио, которая вытекает из него на северо-востоке. Русло этой реки давно уже было превращено в канал со шлюзами и приспособлено для судоходства.

Вода в Балатоне солоноватая и имеет зеленовато-голубой цвет.

За эту голубую, с соленым привкусом воду, за высокие прибои и волны венгры называют Балатон Венгерским морем.

В Балатоне водится много рыбы. Там есть и лещи, и сомы, и щуки, и, наконец, вкусный, особенно любимый в Венгрии «фогаш» (судак). Прибрежное население издавна занимается рыболовством.

Сравнительно небольшая масса воды в Балатоне быстро воспринимает изменения температуры окружающего воздуха. В летние месяцы она нагревается более чем до 20°, а иногда и до 27°, а зимой охлаждается с поверхности ниже 0°. Но ледяной покров озера никогда не бывает сплошным. У северного берега, в местах

Западная часть Большой Венгерской низменности с озером Балатон

выхода теплых источников, всегда остаются пятна свободной воды. В некоторые особенно теплые зимы лед по нескольку раз тает и вновь замерзает, образуя только тонкую корку.

Как уже отмечалось, образование котловины озера Балатон связано с происходившими сравнительно недавно разломами и провалами в земной коре[1]. Вдоль трещин и разломов происхо-

[1] В Венгрии издавна существовала легенда о том, что под водной гладью озера Балатон находится старинный римский город. Венгерские ученые решили проверить достоверность легенды. В 1957 г. они организовали экспеди-

дила вулканическая деятельность; последствием ее являются выходы здесь на земную поверхность минеральных источников.

Действующих в настоящее время вулканов в окрестностях озера Балатон нет, как нет их и нигде в Центральной Европе. Но вдоль северного берега поднимается ряд потухших и уже сильно разрушенных вулканических конусов.

Многочисленные минеральные и иногда горячие источники на северном берегу Балатона имеют ценные целебные свойства, вследствие чего окрестности озера превращены в крупный курортный район. Этому способствует и климат прибрежной полосы, сухой и мягкий.

Балатонское нагорье защищает побережье озера от влажных западных ветров, сам Балатон несколько смягчает летнюю жару: максимальная температура летних месяцев на берегу озера лишь очень редко достигает 30°. Отличительной особенностью климата этого района является теплая весна и ясная, солнечная осень. Зима мягкая, без сильных морозов, средняя температура самого холодного месяца лишь немногим ниже нуля.

Благодаря мягкости климата, обилию солнца и плодородным почвам, которые образовались на вулканических отложениях, на склонах Балатонского нагорья, обращенных в сторону озера, издавна прекрасно вызревает виноград.

Вокруг Балатона можно объехать в один день. И этот день будет полон ярких впечатлений.

Шоссе, обсаженное высокими деревьями, огибает Балатон, следуя за линией берега. Один из крупных курортов на берегу озера — Балатонфюред. Недалеко от него в обрыве берега выходят минеральные источники. Они окружены садами и парками, в зелени которых разбросаны дома отдыха и санатории.

Недалеко от Балатонфюреда северный берег озера образует выступ. Это единственный полуостров Балатона — Тихань. У самой воды на его остром мысу уже много десятков лет стоит биологическая станция, теперь преобразованная в Биологический институт. Этот институт исследует животный мир, растительность, микроклимат Балатона. На вулканическом массиве, расположенном в центре полуострова, стоит здание средневекового монастыря, представляющего собой ценный архитектурный памятник. Отсюда открывается широкий вид на простор озера.

На юго-западе высокий и крутой склон Балатонского нагорья немного отступает от озера, и на берегу поднимается несколько древних вулканических конусов высотой до 400 *м*. Они окружают небольшую холмистую котловину. Дно котловины распахано, а

цию в предполагаемое местонахождение подводного города. Оказалось, что он действительно существует. На глубине 10 *м* водолазы обнаружили остатки города. Он был выстроен примерно во времена римского императора Валериана на небольшом острове, но затем вместе с островом опустился на дно озера вследствие землетрясения.

Полуостров Тихань на озере Балатон

по склонам окружающих ее вулканических конусов спускаются виноградники, чередующиеся с участками каменоломен. Здесь производится ломка базальта, идущего на строительство зданий во всех городах Венгрии.

Там, где в Балатон впадает река Зала, низкое побережье озера заболочено и заросло тростником. В этих болотистых зарослях, привлекательных для охотников, гнездится много болотной и водоплавающей птицы, в том числе благородная цапля.

Южный берег Балатона за исключением немногих мест плоский, песчаный и безлесный. Только в одном месте поднимаются здесь холмы, одетые виноградниками.

Нагорье к северу от Балатона сложено главным образом известняками и доломитами. Во всех направлениях нагорье разбито трещинами, вдоль которых происходили излияния лав. Отдельные вулканические конусы, так же как и на побережье, поднимаются на поверхности нагорья, образуя самые высокие его вершины.

В известняках и доломитах, отложившихся в триасовый период мезозойской эры, найдены богатые запасы алюминиевой руды — боксита. По запасам этого ценного сырья Венгрия занимает одно из первых мест среди стран мира.

Было время, когда поверхность Балатонского нагорья была сплошь покрыта дубовыми и смешанными лиственными лесами. Но в течение многих лет леса вырубались и заменялись распаханными участками полей. Сейчас лес далеко уже не образует сплошного покрова. Древесная растительность перемежается с зарослями кустарников, полями, и только немногие, наиболее высокие массивы еще одеты лесом.

Климат здесь несколько более прохладен, чем на берегу озера Балатон. Поэтому виноградников во внутренних частях нагорья уже нет. Осадков выпадает значительно больше, чем на побережье, особенно на склонах наиболее высоких массивов. Но значительная часть атмосферной влаги поглощается трещиноватыми известняками и доломитами.

Поэтому рек на нагорье мало, они бедны водой, а иногда и совсем пересыхают. Население пользуется водой из глубоких колодцев.

Если побережье Балатона заселено густо, то поверхность нагорья имеет лишь сравнительно редко разбросанные населенные пункты.

Красотой, здоровьем счастьем веет от всех картин Балатонского района. Строятся новые предприятия, расширяются площади виноградников, растет сеть санаториев и домов отдыха.

ЗОЛОТЫЕ ГРОЗДЬЯ ТОКАЯ

По *Иштвен Аба*

В северо-восточной части Венгрии, у границы с Чехословакией, тянется цепь Токайских гор. Они невелики. Высота их едва достигает 400—500 *м.*

Токайские горы вулканического происхождения. Под действием дождя и ветра скалы и выступы сгладились, склоны стали пологими. Только небольшие землетрясения продолжают и сейчас напоминать о грозных силах, клокочущих в недрах земли.

На склонах гор расположены знаменитые на весь мир токайские виноградники. Вино, изготовленное из местных сортов винограда, в Венгрии и за ее пределами называют «королем вин» и «вином королей». Многие специалисты пытались узнать, почему токайское вино обладает золотистым цветом и необычайным ароматом. Одни считают, что особые свойства винограду придает вулканическая порода горной местности. Другие ищут причину

в довольно большом количестве теплых солнечных дней. Но ведь в других местностях почва тоже вулканического происхождения, еще ярче светит солнце, и все же нигде виноград не обладает такими качествами, как в Токае. Пробовали сажать токайские виноградные лозы в других местах, но и это не дало положительных результатов.

Оказывается, что на гроздьях токайского винограда развивается так называемая благородная плесень, которая способствует увеличению сахаристости ягод и придает им особый аромат.

Теплым осенним утром, когда над горами еще стоит туман, можно увидеть, что поверхность виноградных ягод покрыта мягкой серой пленкой, тонкой, словно паутина.

Через несколько часов согретая солнечными лучами кожица ягод лопается, водянистое содержимое их постепенно улетучивается. Проникающий в отверстия кислород придает ягоде особый вкус и аромат. Сладкие сморщенные грозди выжимают в кадках. Из полученного сусла приготовляют токайское вино.

За последние годы виноград все больше «опускался» в долины. Там его легче культивировать и не нужно сооружать опорные стены, которые предохраняют от смыва почву. Но лучший виноград вырастает все же на горах. В настоящее время вновь уже построено много новых дорог и опорных стенок в горах, и виноград снова пополз вверх по склонам Токайских гор.

Пройдет 10—15 лет, и там, где еще недавно возвышались голые склоны, будут приветствовать солнце золотые гроздья токайского винограда.

НА ДУНАЕ

По *Е. Легату* и *А. Трестиени*

Дунай — самая крупная река Средней Европы как по длине (2850 *км*), так и по площади бассейна (816 000 *кв. км*). Воды Дуная, впадающие семью рукавами (гирлами) дельты в Черное море, стекают с лесистых вершин Чешского Леса и Шварцвальда, с известняковых плато Швабской Юры, с тающих снегов и ледников Альп. Разница высот истока и устья реки составляет примерно 650 *м*.

Дунай имеет сложный режим питания, так как отдельные части течения основного водотока и его притоков протекают по районам с различными климатическими и геоморфологическими условиями. Начинаясь на склонах Шварцвальда, он протекает в верхнем течении у северного подножия Альп. Множество альпийских притоков (Иллер, Лех, Изар) придают верхнему Дунаю вплоть до Вены черты горного режима с типичным летним максимумом и зимним минимумом водного расхода.

При пересечении Средне-Дунайской низменности режим Дуная изменяется вследствие сильного летнего испарения и просачивания вод на широкой, частью песчаной пойме. Притоки, стекающие с Карпат, как например Грон, Ваг и Тисса, не в состоянии поддерживать и продолжать альпийский паводок, так как они не питаются летующими снегами. На этом отрезке максимум расхода на весну (апрель — май), минимум — на конец лета и осень.

В нижием течении Дунай имеет много общего со степными реками Русской равиины. Весенний разлив здесь весьма значителен. Медленно продвигаясь вследствие малого уклона русла, весенний паводок запаздывает. Этому способствуют также притоки с Южиых Карпат и Балкан, где в начале лета происходит таяние снегов. В нижием течении Дунай замерзает примерно на полтора месяца.

Дельту Дуная можно сравнить с большим городом, который, разрастаясь наперекор всякой планировке, присоединял к себе новые кварталы и улицы. Но в городе все же можно найти нужный путь, обращаясь к табличкам с названием улиц и к номерам домов. В дельте же нет ни одного отличительного знака, который говорил бы, что этот закоулок не тот, в котором мы только что были. Целыми сутками можно кружить понапрасну около одного и того же места, не замечая этого. Все здесь так похоже, что только очень острый и свыкшийся с окружающим глаз может найти различие.

Еще не рассветало, и вода сливалась с небом в одну безбрежную, темную синеву августовской ночи, когда мы отплыли из рыболовецкого поселка и оказались в густом лабиринте проток и рукавов, разливающихся порой до размеров небольших озер. Некоторые протоки, широкие и прямые, в своих камышовых берегах похожие на аллеи, неожиданно поворачивали и рассыпались на множество водяных тропинок.

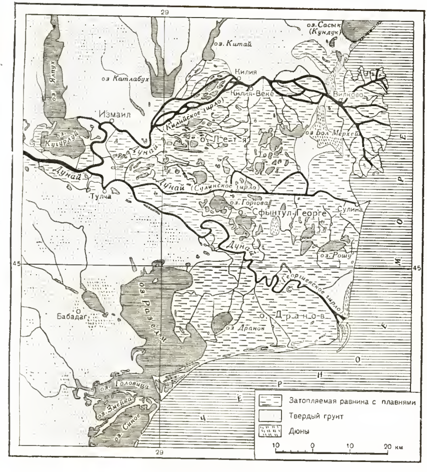
В дельте зачастую происходят события, резко изменяющие конфигурацию отдельных ее участков. За одну лишь ночь масса старых камышей, скрепленных илом и образовавших плавучий остров, может переместиться, открыть новые протоки и закрыть старые.

Перемещение этих огромных масс меняет пути, которыми пользуются рыболовецкие артели. Иной раз такой остров обрастет снизу илом, приносимым водой, навсегда закрепится на месте, и на нем спустя много лет появляются жилища.

Люди пашут здесь землю и сеют хлеб. Эти новые земли, образуемые в результате речного намыва,— самое грандиозное, совершающееся тысячелетиями творение Дуная. И как бы ни были очевидны и естественны эти изменения, нельзя без волнения приближаться к такому месту, зная, что там, где спеют на солнце сочные, с красной мякотью арбузы, когда-то можно было услышать лишь плеск воды и увидеть одинокую седую чайку.

Мы плыли дальше, любуясь пламеневшим восходом солнца. Яркий, словно дышащий свет залил все вокруг. Огромные камыши, будто тронутые невидимой рукой, наклонили пушистые метелки, приветствуя солнце, а затем все снова застыло в неподвижности. Казалось, что в этом безмолвии только мы, трое людей в лодке, живем и дышим. «Как в пустыне!» — вырвалось у меня. Рыбаки только улыбнулись. «Пустяки? — как бы говорили их улыбки.— Вот увидишь!»

И я увидел.

Карта дельты Дуная

Один из рыбаков нагнулся, взял со дна лодки шест, размахнулся и, громко крякнув, сильно ударил по сухим камышам. Небо неожиданно закрылось чем-то темным, точно туча или шквал пролетели над камышами и потерялись вдали. Я поднял глаза. Не было ни туч, ни шквала. В ясном небе кружились тысячи и тысячи птиц всех размеров и цветов, гневно крича на непрошенных пришельцев, которые побеспокоили их. Хлопали крыльями черные лысухи, белые цапли, утки, гуси, выпи, а над ними пепельные ястребы.

Плыть дальше на веслах было невозможно — мешали густые заросли камышей и водоросли. Настала очередь остроги, при по-

Для осушения плодородных земель в пойме нижнего Дуная построены дамбы

мощи которой рыбаки ловко направляли лодки через узкие извилины и протоки. Наконец мы подплыли к первым вершам, о местонахождении которых говорили верхушки шестов, удерживавших их в нужном положении. Вытащили первую вершу. Внутри ее трепетала груда карасей, окуней и другой рыбы. Следующая верша дала скудный улов. В ней была одна-единственная рыба — огромная щука. Когда мы закончили работу, солнце показывало полдень.

Лодка осела от тяжести, и ее борта только на несколько пальцев поднимались над водой.

— Хочешь винограда? — неожиданно спросил меня мой товарищ.

— Откуда?

— Я тебя могу отвезти на виноградник — здесь, в дельте. Сказано — сделано. Раздвигая камыши, мы продвигались очень медленно по мелководью. Но вот, наконец, лодка пристала к острову. За кустами начинался луг и далее — виноградник. Мы подошли к винограднику, восхищаясь свисающими с лоз огромными кистями с черными, налитыми соком ягодами.

Дунай в Железных Воротах

— Здесь,— рассказывал мне рыбак,— может все расти: и пшеница, и кукуруза, и виноград. Наверное, даже лимоны и апельсины будут чувствовать себя здесь, как дома. Только, знаешь, что нужно? В некоторых местах нужно сделать дамбы, чтобы сдерживать весенний разлив. А если эти места укрыть от наводнения, тогда только ставь сюда тракторы и паши вдоль и поперек... Через четыре-пять лет дельту не узнаешь. Через несколько дней мне вновь довелось быть на Дунае. На этот раз мы находились уже далеко от дельты, в румынском портовом городке Турну-Северин, откуда нам предстояло совершить поездку вверх по реке до порта Молдова-Веке.

...Мы поднялись на палубу в тот момент, когда советский буксир «Полтава», выйдя из порта, брал на буксир баржи. Впереди едва различимые в предрассветных сумерках виднелись

Дунай у Будапешта

отроги Южных Карпат. Слева, сливаясь с Карпатами, поднимались скалистые хребты Восточных Балкан.

У Турну-Северин начинается самый трудный для судоходства участок пути — длинная цепь ущелий с порогами, которая тянется почти на 120 *км,* так называемые Катаракты. Тут полностью развеялось мое представление о Дунае как о спокойной, безмятежной реке.

Сжатый кручами скалистых гор, Дунай сердито бросает волны навстречу пароходу. Дрожа от напряжения, «Полтава» с трудом преодолевает их напор. Мы подходим к Железным Воротам.

Трудно придумать другое название, которое бы так подходило к этому месту Дуная. В Железных Воротах пароход попадает словно в гигантские, мощные тиски. Здесь Дунай загромождают подводные скалы и надолбы. Для прохода судов сооружен специальный канал, отгороженный от реки дамбой. Канал этот напоминает собой желоб. Скорость течения достигает в нем 15—18 *км* в час.

«Полтава» вошла в Железные Ворота. На другом конце канала поднялся на мачте белый шар, предупреждающий встречные суда, что путь закрыт. Низкий, протяжный гудок парохода прорезал тишину. Слева, с югославского берега, ему ответил пронзительным свистом паровоз. Выпуская клубы пара, он поравнялся с «Полтавой». На баржу подали стальной трос. Предупредив капитана коротким гудком, машинист тронул паровоз. Почувствовав помощь, «Полтава» сдвинулась с места, и мимо нас медленно поплыл высокий берег, с новой силой начали биться о борт упрямые волны. Так двойной тягой паровоза и парохода часто проводят через Железные Ворота груженые баржи. Все теснее обступают Дунай отвесные берега. На диких и пустынных обрывах царит тишина.

Неприступные громады гор сдавили Дунай в этом самом узком и извилистом месте. Вырываясь из-за поворотов, река снова и снова наталкивается на камни, гневно пенясь, бьется у подножия гигантских скал.

Речники всех придунайских стран хорошо знают, какая опасность грозит судам, если их застигнет здесь туман или непогода и за пеленой дождя не будет видно сигнальных мачт и буев, показывающих границы специальных каналов, по которым они могут проходить. В Катарактах таких каналов двенадцать. Вот почему на борту каждого парохода находится лоцман, отвечающий за безопасность движения в Катарактах.

Неподалеку от порта Молдова-Веке скалистые склоны Карпат и Балкан прерываются, горы отступают от реки, спокойнее становится течение. Трудный участок пути остался позади. Здесь формируются караваны барж, идущих вверх по Дунаю, в Венгрию, Австрию и Чехословакию. А буксиры, приведшие баржи в Молдова-Веке, в свою очередь взяв три-четыре баржи, возвращаются в Турну-Северин и передают их там другим судам, идущим в порты Румынии, Болгарии и Советского Союза.

В ЛАНДАХ

А. Л. Курсанов

Песчаиые равнины Ланд замыкают с запада Аквитанский бассейи — обширный низменный треугольник, зажатый между Пиренеями и Центральным французским массивом.

Аквитанский бассейн возник иа месте обширного залива Атлантического океана, существовавшего в третичный период. Залив исчез в результате складчатых движений со стороны Пиренеев, а также поднятия краев Центрального французского массива, уменьшивших его площадь, и вследствие заполнения впадины продуктами сноса с окружающих гор. Пески, слагающие Ланды, аллювиального происхождения, они были принесены сюда реками, стекавшими с Пиренеев.

[1] См. петит на странице 288.

Вдоль побережья Ланд на 200 *км* в длину и на 5 *км* в ширину простирается пояс песчаных дюн. Дюнные гряды достигают местами высоты 80—90 *м* и до закрепления их растительностью передвигались в глубь Аквитанской низменности со средней скоростью 1—2 *м* в год, но иногда и со скоростью до 20—25 *м*. Эти подвижные пески и представляли собой опасное явление для окрестных деревень и населения Ланд.

На пространстве между реками Жирондой и Адуром только одна река, Лер, пересекает пояс дюн и впадает в Бискайский залив в лагуне Аркашон. Бессточность Ланд — явление недавнее, возникшее в четвертичном периоде в связи с перехватом прежних рек в системы Гаронны и Адура. Сохранившиеся немногие короткие и маловодные реки не в силах пересечь дюнные гряды и заканчиваются в небольших озерах.

Отсутствие внешнего стока, высокий уровень стояния грунтовых вод способствовал заболачиванию местности и созданию неблагоприятных условий для произрастания растительности. Большие работы по мелиорации Ланд были проведены в XIX в., но в некоторых районах они ухудшили условия произрастания сосны, которая не выносит слишком сухих почв.

* *
*

Километрах в тридцати южнее Марманда, небольшого городка на Гаронне, начинается широкая равнина, большая часть которой покрыта в настоящее время сосновым лесом. Это так называемые Ланды.

До конца XVIII в. здесь была песчаная, частью заболоченная местность, труднопроходимая и непригодная для хозяйственного использования. Она тянулась на многие десятки километров от побережья Бискайского залива в глубь страны. В 1788 г., с целью задержания подвижных песков, в Ландах были произведены первые посадки приморской сосны, которая хорошо принялась и стала быстро разрастаться. В дальнейшем площадь лесопосадок расширялась, а также осушались болота. Работы проводились в больших масштабах, так что к середине прошлого столетия под лесом было занято уже более 80 тыс. *га*. В дальнейшем эта цифра еще значительно возросла.

Выехав из Марманда рано утром, мы вскоре достигли Ланд и, пользуясь утренней прохладой, отправились пешком осматривать эту своеобразную местность. Повсюду были участки молодого леса, разделенные широкими межами на правильные квадраты. Здесь были сосны и дубы, посаженные, вероятно, не более 3—4 лет назад. Около 150 тыс. *га* сосновых насаждений в Ландах было уничтожено в 1949 г. грандиозным пожаром. Этот ущерб стараются быстрее возместить, причем наряду с сосной, имеющей здесь первостепенное промышленное значение, производятся и большие посадки дуба, которые смогут ограничить распространение огня в случае повторных пожаров.

Впрочем, помимо посадок по гари, мы видели в Ландах леса из сосны и дуба, уцелевшие от пожара. Пробковый дуб растет здесь довольно хорошо, но качество пробки и скорость возобновления снятой коры не вполне удовлетворительны.

Посадки сосны, закрепляющие песчаные дюны в Ландах

Богатство Ланд составляет сосновый лес, дающий превосходную смолу (живицу) и строительную древесину.

В одном из таких лесов мы встретили молодого лесничего, инструктировавшего рабочих, занятых сбором живицы, и разговорились с ним. Он рассказал нам, что в Ландах сосны растут быстро: на двадцатом году можно уже приступать к их подсочке, т. е. к сбору живицы. Подсочку делают здесь, как и у нас, путем продольных или наклонных срезов коры и древесины. В прикрепленный ниже среза сосуд постепенно стекает густая смола (живица).

Лесничий сообщил нам также, что в среднем за сезон, т. е. с марта по октябрь, пока идет смолоотделение, с одной сосны получают $1-1^1/_2$ *л* смолы. Дерево эксплуатируется около 40 лет, т. е. доводится до 60-летнего возраста, после чего сводится на древесину. Оставлять сосны дольше в Ландах считается невыгодным, тем более, что подстилающие песок горизонты почвы часто бывают настолько плотными, что мешают развитию корней старых деревьев.

Из живицы приморской сосны путем отгонки с горячим паром отделяют скипидар — самую ценную часть смолы. Французский скипидар, добываемый главным образом в Ландах, заслу-

женно пользуется широкой известностью во всем мире как один из лучших.

Эксплуатация этих обширных насаждений, сказал лесничий, производится владельцами участков или арендаторами. Они привлекают опытных рабочих, которые не получают жалованья, а занимаются подсочкой исполу, т. е. получают половину стоимости добытой живицы. Если учесть, что литр живицы стоит в настоящее время 70 франков, то нетрудно рассчитать, что работающий в лесу получит за сезон с одного дерева 35—40 франков — сумму, достаточную, чтобы купить полкилограмма хлеба.

Мы покидали Ланды с чувством уважения к инициативе, настойчивости и трудолюбию французского народа, который сумел превратить эту когда-то бесплодную местность в обширный лесной район, занявший важное место в экономике страны.

ПАРИЖ

По *А. Л. Курсанову, И. А. Витверу* и др.

Париж расположен по обе стороны Сены, с юга на северо-запад пересекающей Северо-Французскую низменность. Местность, где находится город, представляет расширение долины реки, окаймленное возвышенностями.

Медленно и спокойно течет мимо Парижа Сена, отлагающая аллювий, особенно в виде песка, приносимого Ионной с массива Морван. Отсюда отмели и острова на реке. Самый значительный из островов Сите стал первоначальным ядром Парижа. В 50—58 гг. н. э. в Сите поселились рыбаки и лодочники. Бесконечные вторжения римлян, гуннов и норманнов нарушали мирную жизнь населения города и вынудили их построить вокруг городка крепость. Позднее, когда город разросся, остров стал резиденцией правительственной власти. Здесь находились дворцы короля и епископа, собор Парижской богоматери, церкви. На правом берегу Сены поселились многочисленные ремесленники и торговцы, на левом сосредоточился ученый и церковный мир города.

В XV в. Париж сильно вырос, и резиденция королей была перенесена в большой дворец Лувр в западной части города, на правом берегу реки, а позднее — в новый дворец в Версале в 18 *км* к юго-западу от Парижа. При Людовике XVI, для въезда монарха в Париж из Версаля, в городе прокладывались роскошные городские магистрали, с целью передать величие королевской власти, строились здания большой архитектурной ценности. Многие из этих зданий сохранились и до нашего времени. В 1603 г. была закончена постройка Нового моста через Сену, который существует сейчас и носит все то же на-

Париж. Вид с самолета на центральную часть города

звание, несмотря на то что ему уже более 350 лет. Он до сих пор так крепок, что послужил поводом для известной французской пословицы: «Прочен, как Новый мост».

В эпоху капитализма в пригородах Парижа построено много крупных промышленных предприятий. Кольцо рабочих предместий опоясало город.

Революция 1789—1794 гг. выявила революционное лицо Парижа. В Париже рабочий класс впервые в истории предпринял попытку осуществить диктатуру пролетариата (Парижская коммуна 1871 г.).

Пройдя огромный путь исторического развития, Париж словно впитал в себя не только историю своей страны, но и многое из того, что является достоянием истории и культуры всех народов мира.

Париж — большой и своеобразный город. Главные улицы его широки и красивы. Они застроены не слишком высокими

домами, а пышно разросшиеся платаны и каштаны придают особый колорит Парижу. Боковые улицы Парижа как в центре города, так и на окраине обычно узкие и тихие. Здесь нет зелени, а высокие стены домов, закрывающие солнечный свет, делают их несколько мрачными. Такие улицы могли бы показаться скучными, если бы на них не лежал отпечаток какой-то интимности и старины.

На улицах города много кафе и ресторанов. Летом они располагаются не только во внутренних помещениях, но и на тротуаре, где расставляются столики и плетеные стулья.

Сплошным потоком несутся по центральным улицам города автомобили. На углах улиц бесстрастные полицейские в темно-синих пелеринах и в таких же не бросающихся в глаза кепи управляют движением. Жизнь в Париже начинается рано, но так же рано и затихает. Уже в 10 часов вечера гаснут огни в окнах домов, опускаются железные шторки на витринах, улицы почти пусты. Только в кино и кабаре на Елисейских полях еще много народа. Елисейские поля — центр фешенебельной части Парижа; широкая, безукоризненно прямая и очень зеленая улица всегда выглядит нарядной.

Вечером она вся в огнях разноцветных реклам. Беспокойный свет реклам, сияние зеркальных витрин многочисленных магазинов и кафе отражаются в блестящих кузовах машин, и создается такое впечатление, что по широкой улице несется беспрерывный многоцветный поток. Здесь встречается особенно много американских туристов и военных; на улице часто слышится английская речь.

Елисейские поля полого спускаются к площади Согласия — самой большой и красивой площади Парижа. Вокруг площади поднимаются восемь больших скульптурных монументов-аллегорий, изображающих восемь французских городов: Марсель, Лион, Нант, Бордо, Брест, Лиль, Руан, Страсбург, которые олицетворяют силу Франции. В самом центре площади, между двумя фонтанами, высоко поднимается подсвечиваемый вечером прожекторами Луксорский обелиск, привезенный в Париж из дворцовых владений древнеегипетского фараона Рамзеса. Этой двадцатидвухметровой колонне из розового гранита почти три с половиной тысячи лет; она испещрена египетскими письменами, повествующими о жизни и подвигах фараона. О многих делах и событиях прошлого могли бы рассказать камни этой прекрасной площади Парижа.

Двести лет назад она носила имя Людовика XV; памятник королю стоял тогда там, где теперь возвышается египетский обелиск. Волна революции снесла коронованного всадника с пьедестала, и королевская площадь стала местом казни. Здесь гильотинировали Людовика XVI, казненного по постановлению конвента.

Двигаясь по Елисейским полям с востока на запад, попадаешь на площадь Звезды. Двенадцать улиц-бульваров лучами расходятся отсюда в разные стороны. На площади, под сводами Триумфальной арки, воздвигнутой в честь побед наполеоновской армии, погребены останки неизвестного солдата, погибшего под Верденом во время первой мировой войны. И днем и ночью на этой могиле горит неугасимое пламя светильника.

Важное место в общей картине города занимают набережные Сены с многочисленными мостами, перекинутыми через реку. Отсюда хорошо можно видеть Лувр, Нотр-Дам, Эйфелеву башню и многие другие достопримечательности, расположенные на берегу Сены. Вдоль каменных перил набережной расположены лавочки букинистов и антикваров. Здесь можно найти самые неожиданные и даже необычайные вещи: изящные литографии, уникальные книги и искусные изделия из стекла и кости. Общий вид этих лавочек, расположенных на набережной под старыми деревьями, очень живописен. Недаром О. Бальзак, А. Франс и многие другие писатели с такой любовью упоминают в своих произведениях об этих колоритных уголках Парижа.

Огромное старинное здание Лувра тянется вдоль набережной почти на полкилометра. На протяжении 700-летней истории своего существования оно много раз перестраивалось и расширялось. Долгое время Лувр был резиденцией французских королей, здесь накапливались многочисленные ценности, которыми украшались бесконечные залы и галереи королевских апартаментов. В конце XIX в. дворец был превращен в музей. В настоящее время в каталогах этой гигантской сокровищницы числится более 200 тыс. экземпляров, среди которых оригиналы картин Рафаэля и Леонардо да Винчи и многие ценные памятники египетской и греко-римской культуры.

Среди многочисленных памятников старины, которыми так богат Париж, наибольшей известностью и даже почетом пользуется Нотр-Дам, или собор Парижской богоматери, на острове Сите, описанный в бессмертном произведении Виктора Гюго. Этот собор начал строиться в середине XII в. До наших дней он сохранился во всей своей красоте. Нотр-Дам прекрасно воплотил в себе основную мысль готики, заключающуюся в стремлении ввысь, к небу, прочь от грешной, полной страдания и зла, земли. Об этом говорят ее несущиеся вверх шпили башен, величественные своды, вся гамма линий здания, его внешней и внутренней отделки. Здание вызывает восхищение изящными пропорциями и отделкой. Если подняться по узкой винтовой лестнице на верхний балкон Нотр-Дама, то можно увидеть искусно высеченные из серого песчаника химеры изображающие чудовища, которые, по мысли неведомых ваятелей средневековья, олицетворяют все пороки мира: жестокость, зависть, глупость, жадность, подлость. Чудовища как бы склонились над городом. Одни

из них тупо глядят в пространство, другие яростно разрывают какую-то добычу, третьи кому-то угрожают. Среди оскаленных пастей в крайнем углу балкона большая голова полуживотного-получеловека на хрупком человеческом теле. Мудрые глаза бесстрастно и невыразимо грустно глядят с балкона вдаль.

С балкона Нотр-Дама открывается прекрасный вид на Сену, на Лувр, на мрачный замок Консьержери с его старинными башнями и казематами, видавшими столько человеческих трагедий. Этот замок долгое время служил тюрьмой. Здесь провели свои последние часы Дантон и Робеспьер, здесь распрощались с жизнью и многие другие. Теперь Консьержери, как и другие здания в Париже, только музей, но и сейчас его посетители не могут без содрогания проходить под сводами нижнего этажа к комнате «последнего туалета», где идущим на казнь остригали волосы, обнажали шею и связывали руки за спиной. Нельзя без содрогания смотреть на холодную сталь ножа гильотины, который отсек не одну сотню человеческих голов...

Знаменитая Эйфелева башня, поднимающаяся над Парижем на высоту 300 *м*, четко выделяется среди массивных зданий, расположенных вдоль Сены, не только своей высотой, но также легкостью и прозрачностью конструкции. Построенная в конце XIX в., Эйфелева башня была для того времени смелым дерзновением человеческого ума и техники. Старомодный фуникулер, скрипя и вздрагивая, медленно ползет вверх среди сложного переплета железных балок, поднимая желающих на самый верхний этаж башни. Она привлекает внимание многочисленных туристов, посещающих город.

В Париже почти отовсюду можно увидеть белые купола собора Сакре-Кер. Храм стоит на самом высоком месте города — на горе Монмартр. Особенно эффектен этот храм ночью, когда, освещенный прожекторами, он как бы парит над городом.

Вблизи этот храм менее интересен, так как не представляет большой архитектурной ценности. Однако от его подножия открывается чудесный вид на весь Париж.

На Монмартр ведут узкие улицы, круто поднимающиеся в гору. Старинные кварталы Монмартра совсем не похожи на остальной Париж. Они напоминают скорее небольшой итальянский городок, прилепившийся к склону крутой горы. Но вот улицы кончаются. Впереди крутая лестница, ведущая к вершине горы. Отсюда можно окинуть взглядом весь город с его достопримечательностями. Но сколько бы ни вглядывались вдаль стоящие на Монмартре, они не увидят заводских корпусов и дымящих труб, хотя Париж известен как крупный промышленный центр. Промышленные предприятия вынесены далеко за пределы города. Там расположены и основные рабочие кварталы.

Холмистые равнины Северной Франции →

Карстовое плато в Веркоре (Французские Предальпы)

В ГЛУБИНАХ ЗЕМЛИ[1]

Девять членов клуба туристов-любителей из французского города Гренобля в июле 1955 г. спустились в подземные пещеры Берже на глубину 1000 *м* от поверхности земли. Тем самым они побили своеобразный рекорд, который, однако, принадлежал им же: в 1954 г. они достигли глубины в 903 *м*.

Подземные пещеры Берже были открыты в 1953 г. этими же людьми и названы в честь Жозефа Берже — инициатора походов в глубь земли. Пещеры находятся в Веркоре, в известняковом плато Сорнэн, во Французских Предальпах. Долгими тысячелетиями дожди и грунтовые воды прорывали эту огромную цепь подземных залов, колодцев и расщелин.

* *
*

Вход в пещеры представляет собой пятиметровую трещину. Примерно на десятиметровой глубине она суживается настолько, что там с трудом может проползти человек. Дальше начинается нечто вроде гигантской лестницы протяжением более трех километров — вертикальные колодцы, галереи, огромные подземные пещеры, колоннады. И через все это течет подземная река. Она берет свое начало из озера, находящегося в одном из верхних огромных залов пещерной системы. Эту реку исследователи назвали «Сан-з-Этуаль» («Река, в которую никогда не глядятся звезды»).

Из тридцати трех участников экспедиции (рабочих, студентов, служащих) десять остались на поверхности — налаживать

[1] Статья заимствована из журнала «Огонек», № 41 за 1955 г., где дана без подписи ее автора.

связь и питание подземных групп. Четырнадцать человек не спускались ниже 80 *м*. Они обслуживали промежуточные подземные лагери, организованные на глубине 500 и 800 *м*, и следили за телефонной связью. В глубь пещер было протянуто до 3 тыс. *м* телефонных кабелей. Два раза связь прерывалась: влага вызывала короткие замыкания, рвались истертые о скалы провода.

Вода была самым яростным врагом исследователей. Им приходилось вбивать в скалы скобы для веревочных лестниц под сильными струями водопадов. Нередко они по нескольку часов простаивали под ледяным душем. В лагере «500» (т. е. на глубине 500 *м*) закурить сигарету, вынутую из металлического портсигара, было невозможно...

Девять смельчаков составляли передовую группу экспедиции и пробивались все ниже в глубь пещер. Смельчаки десять дней сносились друг с другом только условными свистками — мощный гул подземных водопадов заглушал человеческую речь.

Через три дня после организации лагеря «800» передовая группа достигла глубины 985 *м* и оборудовала там нижнюю базу. Она находилась в «Зале тринадцати»,— так была названа открытая в прошлом году огромная подземная пещера. На дне пещеры множество озерков, глубоких, с опасными водоворотами. Девятка разбила свои палатки у одного из таких озер, под каменным навесом, напоминающим нечто вроде алтаря в большом храме. Ацетиленовые лампы освещали пещеру всего на два десятка метров вокруг. Исследователи зажгли килограммовую бенгальскую свечу, но и этого огня не хватило, чтобы осветить потолок «Зала тринадцати». В зале не было больших водопадов, но единственная небольшая струйка воды, ниспадавшая со стены, вызывала звук, напоминающий пушечную канонаду: эхо мощно отражалось сводами пещеры.

В пещере девятка увидела спуск в еще неизведанные глубины. От тысячной глубины их отделяло всего 15 *м*. Один из членов экспедиции спустился на веревке и осветил тысячный метр фонариком, но не мог встать там ногой: ему мешал бурный подземный поток, сильно вздувшийся после дождей.

Подъем на поверхность длился два дня. В лагере «500» девятку встретили товарищи и дальше тащили их вверх по отвесным коридорам на веревках. Все участники похода в глубь земли были сильно измучены, дрожали от холода, но победа над «тысячей» согревала их своим теплом. «Новая пещера, перед которой мы остановились, имеет глубину примерно в сорок метров,— рассказывали они друзьям.— Мы убедились в этом, бросая вниз зажженную бумагу. В будущем году мы побываем и там, пройдем далеко вниз от тысячеметрового рубежа».

ПРОБЛЕМА РОНЫ

А. Аваков

ОТ АЛЬП К СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ

Из ледника в Швейцарских Альпах вытекает небольшой ручеек. Принимая в себя по пути талые воды, стекающие со снежных вершин, ручеек этот вскоре становится большой рекой. Стремительно несется она по дну узкого ущелья, зажатого между Пеннинскими и Бернскими Альпами. Так начинается Рона, самая могучая река Франции, одна из самых многоводных в Западной Европе.

На высоте 395 *м* над уровнем моря Рона вливается в Женевское озеро. С городских мостов Женевы хорошо видно, как, вытекая из озера, голубые хрустальные струи Роны все быстрее и быстрее устремляются на запад.

Пересекая границу Франции, Рона прорезает узкое ущелье между восточной стеной французской Юры и горой Шомон.

Ниже впадения в Рону притока Фьер река разливается по широкой долине. Здесь в далеком прошлом было большое горное озеро, и притоки Роны извиваются среди беспрерывно перемещающихся песчаных мелей и островков. При выходе из ложа древнего озера Рона делает крутой поворот к западу, пробиваясь сквозь Юрские горы из ущелья в ущелье. У скалистых холмов Лиона, большого города в бассейне Роны, в нее вливается самый крупный ее приток — Сона. Далее Рона стремительно несет свои воды в долине, зажатой между Центральным французским массивом и Альпами, словно торопясь быстрее добежать до Средиземного моря [1].

Перед путешественником, спускающимся по реке, мелькают крутые, поросшие деревьями берега, развалины древних замков и башен, лепящихся к скалам, устья многочисленных притоков, каменистые мысы. Чем ближе к морю, тем явственнее ощущается дыхание юга: в долине появляются оливковые сады.

У города Донзера течение Роны замедляется. Здесь начинается широкая равнина, бывшая в отдаленном геологическом прошлом дном морского залива, волны которого плескались у предгорий Альп.

Вскоре после впадения реки Дюрансы Рона раздваивается на Большую и Малую Рону. Оба рукава охватывают громадный, покрытый болотами и солеными озерами остров Камаргу и вливаются в Лионский залив Средиземного моря.

Лион — крупный город в долине Роны — город шелка, химической, автомобильной и военной промышленности, третий по числу жителей город Франции.

---

[1] Меридиональная долина Соны — Роны заложена по линиям расколов между Центральным французским массивом и Альпами.

Через Лион проходит железнодорожная магистраль Париж—Лион — Средиземное море, связывающая столицу Франции с Марселем. Эта магистраль скрещивается здесь с линиями, ведущими в Швейцарию (на Женеву) и в Северную Италию.

Равнины в окрестностях городов Валанса и Монтелимара[1] засеяны различными зерновыми и кормовыми культурами. Крестьяне занимаются огородничеством и садоводством, выращивают овощи, фрукты, ягоды. Эти места известны также отличным виноградом.

РЕКА НЕИСПОЛЬЗОВАННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Множество притоков, то спокойных, то бурных, вливают свои воды в быстро несущуюся Рону.

Бассейн Соны в полтора раза больше бассейна Роны. Медленно катит эта полноводная река свои воды по широкой равнине среди полей и лугов.

Дюранс — второй по протяженности приток Роны. В короткий паводок Дюранс несет очень много воды.

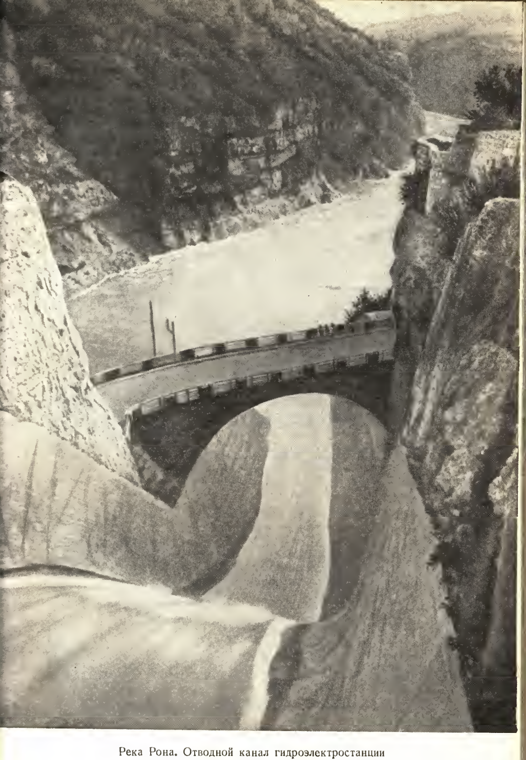
Изер берет начало в альпийских ледниках и поэтому приносит в Рону почти столько же воды, сколько и полноводная Сона. Течет Изер по корытообразной, созданной ледниками и врезанной на глубину в 1500 *м* долине. Но ширина Изера не превышает 110—120 *м*. Паводки на этой реке бывают в начале лета, когда начинается таяние ледников и снега в Альпах.

Во время ливней русла притоков, стекающих с Центрального французского массива, переполняются водой, которая с ужасающей скоростью несется в долину Роны. Уровень воды поднимается на 21—22 *м* против меженного.

В режиме притоков Роны сочетаются все типы рек Западной Европы. Одни питаются дождями, приносимыми с океана, другие — дождями и снегом, третьи — настоящие альпийские реки, полноводные летом, в период таяния снегов. Есть среди них и горные реки средиземноморского типа. Паводки и межени на притоках происходят в разное время. Верховья самой Роны, питающиеся в основном талой водой снегов и ледников, наиболее полноводны летом, Сона несет больше всего воды зимой, Дюранс, Ардеш и другие притоки, стекающие с предгорий Альп и Центрального французского массива,— весной и осенью, во время средиземноморских ливней. Поэтому на Роне колебания между высотой воды в межень и половодье в десять раз меньше, чем у других больших рек Франции: Сены, Луары, Гаронны.

Полноводность, сравнительно устойчивый уровень воды и крутое падение — огромные преимущества Роны по сравнению с другими реками Франции. Рона — гидроэнергетическая жемчужина страны; на этой реке самой природой созданы исключительно благоприятные условия для использования ее силы.

[1] Города на левом берегу Роны, ниже впадения Изера.

Река Рона. Отводной канал гидроэлектростанции

Однако значение Роны в жизни Франции не так велико, как могло быть при более полном и правильном использовании ее возможностей.

Рона нуждается в планомерном освоении ее не только как источника энергии, но и как судоходной магистрали. Проведение гидротехнических работ в бассейне реки может превратить Рону в первоклассный водный путь, соединяющий средиземноморское побережье Франции с бассейнами Сены и Рейна.

Но все эти богатейшие возможности, которые таит в себе река, остаются почти неиспользованными.

ШВЕЙЦАРСКИЕ КАРТИНКИ

По *В. М. Бонч-Бруевич*

У ИСТОКОВ РЕЙНА

Как и другие крупные реки Западной Европы, Рейн имеет сложный режим стока. От истоков до Базеля это настоящая альпийская река с сильным летним паводком, со средним расходом воды в два-три раза выше по сравнению с зимними месяцами. Летний паводок настолько мощный, что влияние его сказывается от Базеля вплоть до устья, т. е. на расстояние более 1000 *км*. Ниже Базеля Рейн получает дополнительно талые снеговые воды в весеннее, а иногда и в зимнее время года, приносимые притоками, начинающимися в Вогезах, Шварцвальде и Рейнских сланцевых горах. Меженный уровень наступает осенью, после сильного испарения в течение летних месяцев.

По выходе из Рейнских сланцевых гор Рейн приобретает сравнительно равномерный сток, свойственный рекам атлантического типа. Главный максимум расходов сдвигается на зимние месяцы, в связи с зимним максимумом осадков в прилегающих к океану районах Западной Европы, но летний подъем уровня, хотя и ослабленный, происходит регулярно.

Почти каждую зиму Рейн замерзает на отдельных участках, в местах замедленного течения, что прерывает судоходство по крайней мере на один месяц.

* * *

Граубюнден — горная страна на востоке Швейцарии, высокое плоскогорье, венчаемое округлыми вершинами и пологими ступенчатыми склонами. Оно покрыто густым хвойным лесом и прорезано глубокими и узкими мрачными речными долинами. С крутых обрывов срываются шумные водопады. В одной из самых глубоких долин кипит и бурлит молодой Рейн, берущий начало в высоких ледниках Сен-Готарда. На дне долины — камни и песок, принесенные быстрыми водами, на склонах из темной зелени лесов выглядывают угрюмые скалы. Лишь кое-где, в местах, защищенных от холодных северных ветров, можно встретить виноградники. Невдалеке от них разбросаны группы маленьких хижин — деревни, к которым ведут лишь узкие горные тропинки.

Юра. Характерные в рельефе плоские вершины
и крутые обрывы известняков

Быстрым, мощным потоком протекает Рейн между горными хребтами и, поворачивая на север, выходит из гор и впадает в Боденское озеро.

Боденское озеро так велико, что похоже на море, на его середине не видно берегов. Ветер поднимает на нем высокие волны, и, так же как на море, на озере бывают настоящие бури.

Вдоль берегов от городка к городку тянутся фруктовые сады, в которых больше всего яблоневых и грушевых деревьев. Из яблок и груш швейцарцы приготовляют фруктовый квас,— «мост». Местами берег сопровождают аллеи пирамидальных тополей. У многочисленных причалов — рыбачьи лодки: ни в одном озере Швейцарии не ловят столько рыбы, сколько здесь.

У западной окраины озера Рейн вытекает широким и полноводным потоком и пробивается среди скал,— отрогов Юрских гор, поднимающихся на северо-западе Швейцарии. В тех местах, где горы подходят близко к реке, ее долина превращается в уз-

кое, извилистое ущелье, загроможденное камнями, среди которых стремительно несется река. Ниже города Шафхаузен Рейн падает с широкого и высокого уступа, образуя Рейнский водопад. Кое-где горы отступают, долина реки расширяется, вдоль берегов тянутся сочные луга, невысокие склоны гор сплошь одеты виноградниками.

За водопадом долина Рейна становится широкой, река спокойно течет в низких берегах, по обоим берегам которых — пастбища и поля. Высокогорный ландшафт остается позади, Рейн вступает в германское среднегорье.

НА АЛЬПИЙСКИХ ПАСТБИЩАХ

Швейцарцы много занимаются лугами, тщательно удобряют для них почву, засевают травами, а главное, прекрасно орошают их и осушают болотистые места. Часто на большое расстояние проводят они по трубам воду — или от ледников снежных гор или из горных ручьев — для орошения безводных лугов. Нередко водопроводные трубы идут над пропастями, иногда взбираются на обрывистые высоты. К некоторым скалам их прикрепляют железными креплениями. Нередко также приходится вести их через горы и прорубать для этого тоннели в скалах. Для осушения болотистых местностей роют осушительные каналы или прокладывают подземные сточные глиняные трубы.

Хороши также и естественные альпийские пастбища. Они разделяются на предгорные, среднеальпийские и высокогорные. Самая лучшая и душистая трава растет на среднеальпийских пастбищах.

Там скот пасется в продолжение трех летних месяцев. Высокогорные альпийские пастбища охватывают луга, простирающиеся до самой границы вечных снегов. Там уже не могут расти не только деревья, но и кустарники. Даже трава там не очень высокая и склоны гор часто бывают так круты, что крупный рогатый скот на них не может пастись, да и немного он там найдет себе пищи. На этих высотах находят себе корм только козы да смелый косец забирается на малодоступные крутизны. Готовое сено просто сбрасывают со скал, иногда же приходится опасными тропинками носить его на плечах вниз, в долину. Нередко бывает, что ветер развевает сено, скошенное с опасностью для жизни.

Альпийские пастбища часто бывают расположены на маленьких площадках между высокими скалистыми утесами, иногда же веселыми зелеными лужайками они спускаются по горным хребтам вниз в долины. Звуки пастушьего рога несутся в долины и затихают далеко в горах красивым, мелодичным эхо. Чтобы коровы или козы не затерялись в горах, им вешают на шею колокольчик, по звуку которого их всегда можно найти.

БЕРНСКИЙ ОБЕРЛАНД

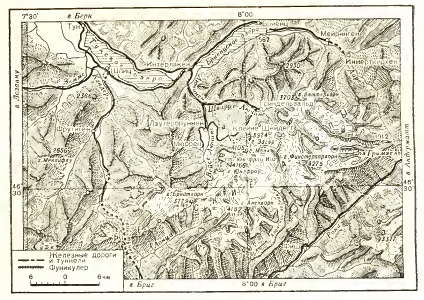
В самом сердце Швейцарии поднимается в облака целая цепь огромных снежных гигантов. Никогда, ни в какое жаркое лето там не тает снег. Вечная зима, вечные льды, целые ледяные моря да снежные обвалы царят на этих высотах. Эта горная цепь расположена в части Бернского кантона, называемой Бернским Оберландом, т. е. высокой страной Берна, и горы по имени кантона называются Бернскими Альпами. Блестят на солнце ледники, озера, а между ними виднеются глубокие долины, реки, пробегающие по ним, и бурные горные потоки.

Горная река Ааре на большом расстоянии течет в глубоком темном ущелье между отвесными скалами. Ущелье это доходит до маленького городка Мейрингена. Городок лежит в котловине, окруженной красивыми лесистыми горами. Отовсюду сбегают вниз шумные горные потоки и кипящие водопады, по всем склонам шумят и пенятся белые брызги воды. Много лет назад, во время одного страшного ливня, небольшой поток воды, недалеко от Мейрингена превратился в огромную бушующую реку, затопил и размыл всю окрестность. Тщательно обработанные поля, фруктовые сады — все было засыпано песком и камнями, из-под которых лишь уныло торчали засохшие верхушки поломанных деревьев да темные доски разрушенных домиков.

Разбушевавшийся поток не оставил на месте ни одного дома. Проезжая через неделю после несчастья, нельзя было и представить себе, чтобы маленький тихий ручеек мог когда-либо причинить столько бедствий. Подобные несчастья бывают в Швейцарии, и местные жители могут ждать от горных ручьев таких разливов.

Город Бриенц стоит на самом берегу Бриенцского озера. Озеро со всех сторон окружено горами, с которых несутся шумные пенящиеся потоки воды. Уже в Бриенце слышен шум и гул падения знаменитого водопада на реке Гиссбах. Чтобы посмотреть на него, нужно сесть на пароход и переехать на другой берег, поросший прекрасным лесом. Среди громадных тенистых деревьев выбивается из узкого дикого ущелья бурный поток и с неимоверной силой несется в притихшее, точно испуганное озеро. Огромная масса воды разбивается в пыль при падении, и нежно-белая пена его клубится дальше, прыгая с уступа на уступ. Гиссбах — одна из самых красивых и полноводных рек Швейцарии. Она берет начало среди вечных снегов и ледников и, собираясь из маленьких ручейков, белой пеленой срывается в озеро с крутых скал.

Западнее Бриенцского озера находится город Интерлакен. Слово Интерлакен значит — «между озерами». И действительно город расположен на маленьком перешейке между двумя озерами. Прежде оба озера, Бриенцское и Тунское, были одним большим, похожим на реку озером. Вода его была чиста и про-

Бернские Альпы

зрачна, и только быстрая горная речка Лючинен мутила эту зеркальную гладь, принося с собой с гор песок и камни. Лючинен впадала почти посредине этого огромного озера, и вот от наносов реки дно озера стало мало-помалу подниматься и в конце концов разделило прежде единую котловину на две части.

На вновь образовавшуюся сушу те же воды принесли семена разных трав и деревьев. Из земли поднялись ивы и вязы, ели и сосны и своими крепкими корнями укрепили новую землю, так что воды озер больше не могли ее размыть. Новая земля зазеленела и зацвела, на ветвях деревьев поселились птицы, бабочки и другие насекомые замелькали в траве. Но человеку нельзя было еще жить,— повсюду тянулись болота, и злая лихорадка отгоняла людей от новой земли. Нужно было осушить ее. Швейцарцы прорыли там множество каналов, куда собиралась лишняя вода. Почва высохла, и на ней были распаханы поля и разбиты фруктовые сады. Таким образом, мало-помалу Интерлакен сделался одним из лучших мест в Швейцарии, с прекрасным мягким климатом и богатой растительностью. Там вырос город с множеством роскошных гостиниц, где каждое лето живут тысячи туристов. Сюда приезжают и больные подышать чистым горным воздухом, и богатые праздные люди, чтобы погулять в его чудных окрестностях. Нередко, впрочем, здесь можно встретить и школьного учителя, отдыхающего от зимней работы, и бедняка-студента, и рабочего человека. Только, разумеется, мы

Лаутенбруннен — долина «громких ручьев» в Бернских Альпах

не увидим их в похожих на дворцы отелях, которыми полон Интерлакен. Они останавливаются в какой-нибудь соседней деревне за недорогую плату.

Рано утром в золотых лучах восходящего солнца загорается целый ряд снежных великанов, окружающих Интерлакен. Над ними царит Финстераархорн — самая высокая гора в этом краю[1].

Из Интерлакена туристы отправляются на прогулку в знаменитую долину Лаутенбруннен. Слово Лаутенбруннен значит долина громких ручьев. Это — очень узкая долина; с обеих сторон над ней двумя высокими стенами поднимаются поросшие лесом горы. С них скатывается вниз множество шумных пенящихся потоков и водопадов, впадающих в веселую горную речку Белую Лючину. Лаутенбруннен уходит далеко в горы, к вечным снегам вершин Юнгфрау, Мёнха и Эйгера.

---

[1] Финстераархорн достигает высоты 4275 *м*. От Финстераархорна и других высоких гор Бернских Альп спускаются многочисленные долинные ледники, в том числе Алечский ледник, самый большой в Альпах. Его длина 26,8 *км*, площадь 115 *кв. км*.

Гринденвальдская долина в Бернских Альпах

Среди крутых неприступных скал в долине с огромной высоты срывается водопад Штауббах. Штаубах очень высок, но небогат водой. Дробясь о голые скалы, она разбивается на мельчайшие капли, поэтому речка и водопад называются Штауббах, или «пыльный» ручей. Но в непогоду не узнаешь легкого,

Вершина Большой Шейдегг в Бернских Альпах

сверкающего водопада. Огромные потоки темной мутной воды его с неимоверной силой несутся в долину, а шум ее падения оглушительным громом перекатывается в соседних горах. Вода смывает все на своем пути и приносит окрестным жителям много зла. Дойдя до конца долины, можно подняться на ее правый склон, а оттуда — на гору Малый Шейдегг, лежащую у самого подножия Юнгфрау. Отсюда слышен гром лавин и обвалов, которые Юнгфрау посылает в долину, и по вечерам, после заката солнца, чувствуется ее ледяное дыхание. На Юнгфрау царствуют темные, серые, бесконечные стены скал и утесов, пустынные

равнины, засыпанные обломками камней, ледники, целые ледяные моря и серебряные блестящие на солнце сугробы снега.

С Малого Шейдегга начинается спуск в прелестную Гринденвальдскую долину, которая веселой зеленой полоской вьется на расстоянии двадцати километров между громадными серыми скалами. С юга ее запирают горы, и с этих гор ледники спустились в долину так низко, что неподалеку от них настроены даже дома.

Правобережные склоны долины поднимаются к Большому Шейдеггу. Подъем на эту гору удивительно хорош. Дорога то идет между веселыми, зелеными лужайками, то вьется между скалами и камнями, покрытыми мохом. Слева высятся огромные прекрасные сосны и ели, справа журчит, спрыгивая с камня на камень, горный ручей. По другую сторону ручья высится белая, снежная стена Веттерхорна. Его красивые серебряные зубцы то ярко блестят на солнце, то вдруг задернутся легким облачком и чуть-чуть виднеются из-за туманной дымки. По мере подъема вверх исчезают громадные ели, лес уступает место мелкому кустарнику. Большие деревья не могут расти на значительной высоте, и только яркие горные цветы нередко попадаются даже у самых ледников. От холодных горных ветров они спасаются тем, что обрастают мягкими, пушистыми волосками. Колокольчик, примула, голубая генциана мелькают среди серых камней. Выше, к самым снегам, подходят знаменитый белый и красный альпийский рододендрон и нежный, белый пушистый эдельвейс. Эдельвейсы обыкновенно растут в тени угрюмых камней, под нависшими скалами, и в других почти недоступных местах. Собирать их очень трудно. Чтобы сорвать цветок, иногда приходится карабкаться по очень крутым и обрывистым местам. Швейцарцы любят украшать ими свои шляпы, и каждый путешественник старается набрать небольшой букетик из этих прелестных цветов.

О СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ АЛЬПИЙСКИХ ЛЕДНИКОВ

К. К. Марков

В иностранной литературе по альпийским ледникам встречаются указания на то, что ледники все уменьшаются в размере. Измерения ледников в Альпах показывают, что в 1911 г. ледники отступали. В 1911—1920 гг. они в общем наступали, причем в Западных Альпах наступание достигло максимума ранее, чем в Восточных Альпах. За этот отрезок времени зимы были несколько теплее нормальных, а лето — несколько холоднее.

В 1921 г. пришел конец этой кратковременной стадии наступания. Ледники стали сокращаться в размере, причем в Восточных Альпах энергичнее, чем в Западных. В следующие годы все большее число ледников захватывалось этим процессом. В 1939—1940 гг., несмотря на холодное лето, в Восточных Аль-

пах отступало 90%, а в Западных — 80% всех ледников. В 1942 г. отступание происходило еще энергичнее. В виде исключения отдельные ледники наступали. Одной из главных причин такого аномального наступания ледников могут считаться фирновые лавины, падающие на отдельные ледники и улучшающие условия их питания и движения. Но случаи наступания ледников представляют не более как исключения из правила.

Г. Маттергорн — характерная для Альп обработанная ледником острая вершина

Линейная величина отступания чаще всего составляет 15—30 *м* в год, в отдельных случаях — свыше 100 *м* в год. Очень ярко выражено опускание поверхности ледников. На леднике Хинтерейсфернер[1] поверхность опустилась за 20 лет (1919—1938) на 27—48 *м*; примерно столько же на других ледниках. Подобное опускание поверхности ледников представляет собой результат не только абляции[2], но и изменившихся условий движения ледников. Во многих случаях опускание поверхности захватывало даже области питания ледников, где фирн полностью стаивал и обнажался зеленоватый лед. Собственно абляция достигает в лето величины 6—7 *м*, а в отдельные дни 6—7 *см*. Фены, а также выпадение пыли в мае 1937 г. значительно усилили таяние, в связи с чем увеличился расход альпийских рек. Были затруднены переправы вброд через реки. С другой стороны, реже стали образовываться плотинные озера и связанные с ними «ледниковые катастрофы», т. е. прорывы плотинных озер.

[1] Ледник в Этцтальских Альпах, на границе Австрии и Италии; длина ледника 10,2 *км*, площадь 13,8 *кв. км*.

[2] Абляция — таяние ледников.

Отступание ледников вызывало уменьшение скорости их движения обычно в несколько раз. Так, скорость движения ледника Хинтерейсфернер уменьшилась в 5—8 раз.

В общем надо констатировать большой масштаб происходящего отступания ледников. Показателем его служит то обстоятельство, что теперь обнажились такие места, которые в течение столетий были скрыты под ледниками. В процессе общего сокращения ледников некоторые маленькие ледники совсем растаяли.

Более точное представление, чем сравнение линейного отступания ледников, дают сравнения изменений их площадей. Так, площадь ледника Пастерц[1] уменьшилась после 1888 г. с 32 до 24,5 *кв. км*, т. е. на одну четверть. Общая площадь ледников Альп, расположенных в пределах Германии, составляла в 1938 г. 466 *кв. км*, а в 1870 г. была больше на 102 *кв. км*.

Однако современное отступание ледников, как оно ни значительно, не достигло размеров сокращения ледников в послеледниковую теплую эпоху и даже размеров XVI в., когда многие горные вершины, которые теперь покрыты льдом, были обнажены. Таким образом, современные ледники в значительной своей части — новообразования, возникшие позднее послеледниковой теплой эпохи.

Ясной периодичности этих изменений, находящейся в связи с климатическими периодами, не установлено, так как изменения ледников представляют собой пока лишь часть одного периода изменения, начавшегося в середине XIX в.

Эти изменения имеют и практический интерес. В Альпах они затрагивают интересы гидроэнергетического хозяйства.

БЕРН — ЖЕНЕВА — ЦЮРИХ

И. Евгеньев

Офицер пограничной стражи в плаще серо-зеленого цвета и высокой фуражке подошел к нам и отдал паспорта. Улыбнувшись, он поднял руку к козырьку. Можно ехать. Шлагбаум, расчерченный черными и белыми полосами, поднялся вверх. Машина тронулась, на счетчике начали набегать первые километры швейцарских дорог.

---

[1] Ледник Пастерц — в массиве Финстераархорн (4275 *м*) в Бернских Альпах (Швейцария). Длина ледника 10,4 *км*.

БЕРН

К столице Швейцарии Берн мы подъехали в полдень. Промелькнули пригороды с аккуратными коттеджами, разбросанными на зеленых склонах холмов. Шоссе перешло в широкую, мощенную брусчаткой улицу, окаймленную рядами высоких деревьев. Машина взбежала на мост. Глубоко внизу шумела быстрая Ааре.

Едва мы успели пересечь реку, как были втянуты в поток велосипедистов, наводнивших улицы города. С поразительной ловкостью они сновали под самым носом нашей машины.

В бетонных плитах по краям тротуаров во многих местах устроены желоба. Владелец велосипеда вставляет переднее колесо в такой желоб и отправляется по своим делам. Около магазинов, кафе, учреждений днем выстраиваются шеренги велосипедов.

Берн расположен в том месте, где Ааре делает петлю и образует некоторое подобие полуострова. Со временем город, расширяясь на запад, вышел за пределы петли, а затем перешагнул и на другой берег реки. Город невелик, меньше Цюриха и Базеля, в нем всего 156,6 тыс. жителей.

Берн — немецкий город. На улицах названия магазинов, рекламы — все на немецком языке. В газетных киосках мы видели и французские газеты, но они лежали скромно в стороне. Швейцарцы говорят на одном из диалектов немецкого языка, на французском, итальянском языках и так называемом ретороманском наречии.

Улицы Берна имеют своеобразный вид. Первые этажи домов как бы отодвинуты вглубь, а вторые опираются на ряд арок, образуя галереи. Почти во всех домах на окнах ящики с цветами, чаще всего — ярко-красной геранью.

Посредине одной из улиц над бассейном возвышается круглая колонна с фигурой медведя наверху. Из четырех трубок у основания колонн в бассейн неторопливыми струйками втекает вода. С этим фонтаном связана легенда об основании Берна. Рассказывают, что герцог Церинген, основавший город в 1191 г., решил назвать его именем первого зверя, убитого им на охоте. Был убит медведь. Поэтому город и получил название Берн — от немецкого слова «медведь».

Боковыми улицами мы вышли к реке. На крутом берегу Ааре вытянулось длинное здание федерального дворца. Его выдвинутая вперед центральная часть с полукруглым фасадом и башнями по бокам увенчана куполом. Здесь помещается правительство Швейцарии.

Проходим мимо здания Бернской библиотеки. Тут бывал Ленин. Он работал здесь над трудами Фейербаха, Гегеля, Аристотеля и других философов, делал наброски о материалистической философии. Выписки и критические замечания по работам, прочитанным в библиотеке, вошли в его «Философские тетради».

День близился к концу. Город затих. На улицах стало меньше прохожих и машин. Мы выехали из Берна. Солнце позолотило снежные вершины гор, выделило розовым штрихом шпиль собора и зажгло ярким блеском его узкие, высокие окна.

ЖЕНЕВА

Женева расположена на южном берегу Женевского озера, там, где берет начало Рона. Протянувшееся до горизонта озеро, зеленые холмы и горы, за которыми возвышаются снежные вершины, окружают Женеву красочной рамкой.

На городском трамвае, линия которого проложена вдоль восточного берега озера, можно доехать до границы с Францией.

Близость к югу и горы наделили Женеву — центр французской Швейцарии — благоприятным климатом. Летом, когда ярко светит солнце, в тени прохладно — с гор и озера дует свежий ветерок.

Город разделен Роной на две части — западную и восточную. С юга его огибает бурный Арв, приток Роны, который несет свои серые, холодные воды с ледников Монблана.

Женева прежде всего — курортный город. Набережная озера и берега Роны заняты отелями, пансионами. Летом население Женевы возрастает почти вдвое. Сюда съезжаются туристы из различных стран мира.

На берегу озера, защищенном волноломом, расположены купальни, лодочные станции, причалы. Окрашенные в белую краску старомодные колесные пароходы, построенные еще в начале нынешнего века, несмотря на свой почтенный возраст, регулярно совершают рейсы в другой конец озера — в Монтрё. По пути они заходят в Лозанну и Эвиан — курортный городок на французском берегу.

В воскресные и праздничные дни на озере включается фонтан, высота струи которого достигает ста метров. Под ярким солнцем на веере водяной пыли, рассеиваемой ветром, светится радуга.

С наступлением сумерек зажигаются разноцветные огни реклам и гирлянды лампочек, окаймляющие набережную. Отражаясь в тихих водах озера, они покрывают его красочным мерцающим покровом.

Когда мы поднялись на холм, где расположены кварталы старого города, нам показалось, что мы попали в иной мир. Мощенные брусчаткой средневековые улицы без тротуаров, такие узкие, что по ним с трудом может проехать небольшой автомобиль. Маленькие оконца домов прикрыты решетчатыми ставнями. Впечатление старины усиливает множество букинистических и антикварных лавок, в витринах которых выставлены пожелтевшие от времени книги, гравюры, старинная утварь.

Женева и Женевское озеро

В старой Женеве Большая улица была одной из главных. Сейчас кажется, что название дано ей по ошибке — она короткая, узкая, зажатая между высокими темными домами. Тут, в доме под номером 40, родился великий французский философ Жан-Жак Руссо.

А вот и дом с цифрой 11 у подъезда. В этом доме часто бывал В. И. Ленин. С 1904 по 1908 г. он состоял членом «Общества любителей чтения», располагавшего богатой библиотекой. Здесь В. И. Ленин читал газеты, журнальные статьи, книги, работал над своими брошюрами и статьями.

Но не одно только это место в Женеве связано с именем В. И. Ленина. Владимир Ильич неоднократно приезжал сюда. Впервые он побывал здесь в 1895 г. для установления связи с плехановской группой «Освобождение труда», а в августе 1900 г. приезжал договариваться с этой же группой о совместном издании газеты «Искра».

На северной окраине Женевы в рабочем районе Сешерон, на улице Фуайе в доме № 10 жили в 1903 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Большая кухня, занимавшая нижний этаж, служила гостиной, в которой нередко собирались их товарищи. Здесь велись оживленные споры, обсуждались вопросы рабочего движения в России.

В Женеве впервые вышли в свет книги Ленина «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Задачи русских социал-демократов», «Земская кампания и план „Искры"» и другие.

Ленин восхищался природой Швейцарии и любил совершать прогулки в горах. Надежда Константиновна вспоминает, как они с Владимиром Ильичом отправились из Лозанны в горы. Они забрались в глухие места, к лесорубам, затем спустились в долину Роны, долго брели вдоль реки, были у подножия Юнгфрау, а потом около недели отдыхали на берегу Бриенского озера. Эта прогулка, как вспоминает Надежда Константиновна, целительно повлияла на здоровье Владимира Ильича.

В самой Женеве и вокруг нее много бульваров, садов и парков. Парк ла Гранж знаменит своим розарием. Роза — любимый цветок женевцев. Летом в городе проводится «Неделя роз».

В витринах магазинов привлекают внимание искусно вырезанные из дерева фигурки работы швейцарских мастеров-кустарей. Вот крестьянин, занесший косу с широким ножевищем: сколько в нем силы и энергии! Рядом самодовольный, сытый кюре, читающий молитвенник сквозь очки, спустившиеся на кончик носа. Кажется, что видишь, как шевелятся его губы... Рядом фигурки коров с традиционными колокольчиками, собак, медведей.

Мы залюбовались кружевами и красочными вышивками. В рисунках вышивок (они особенно хороши на красном и синем полотне) часто встречается пушистый белый эдельвейс.

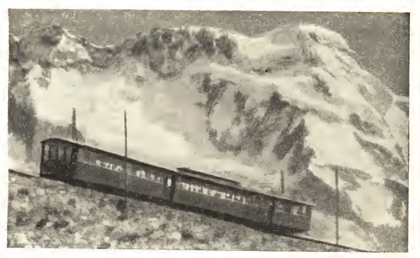
В городе можно купить часы любых швейцарских марок и видов: часы-браслеты, часы-броши, фигурные часы в форме животных и птиц.

В ИНТЕРЛАКЕН

Ранним утром, когда заря еще только окрасила розовой краской небо над вершиной Монблана, наша машина, проскочив еще пустынную набережную с рядами густых темно-зеленых платанов, выехала на дорогу к Лозанне.

Справа тянулось Женевское озеро, по которому легкий утренний ветерок рассыпал мелкую рябь. Темными точками выделялись на нем лодки рыбаков, выехавших на ловлю форели.

Слева волнообразные хребты Юры. Они невысокие — ни одна вершина не достигает и двух тысяч метров. На склонах и в долинах Юры много пастбищ и лесов, хвойных и лиственных. На

Электрифицированная горная железная дорога в Альпах

лугах особняком возвышаются массивные старые ели с низко нависшими могучими лапами. Климат Юры более суров, чем в альпийских долинах. Зима холодная. Район Бревин у французской границы, западнее Невшательского озера, называют «Швейцарской Сибирью».

Позади осталась Лозанна, старый университетский город. Лучи солнца прогревают склон холма, спускающегося к Женевскому озеру. Весь он покрыт виноградниками. Они кажутся нам сеткой с неровными ячейками: склоны разделены на отдельные участки каменными стенами. Стены эти построены для того, чтобы предупредить сползание почвы. Однако они не всегда помогают, и весной виноградарям часто приходится переносить наверх сползший слой плодородной почвы.

Виноградники между Лозанной и Вевэ считаются лучшими в Швейцарии. Виноград выращивается также на берегах Цюрихского и Невшательского озер и в долине Роны.

Мы въехали в немецкую Швейцарию. Интерлакен — красочный городок между двумя озерами: Тунским и Бриенцским. Дома с раскрашенными ставнями и дверями кажутся игрушечными. Фасады их скрываются за завесами плюща и вьющегося винограда. Балконы с массой цветочных ящиков похожи на крошечные висячие сады.

К югу от Интерлакена развертывается величественная панорама Альп. Под голубым куполом неба сверкают снежные вершины. Белизна снега оттеняется густой зеленью трав и темными пятнами лесов на нижних склонах. Над горной цепью господствует искрящаяся на солнце снежная шапка Юнгфрау.

Железная дорога от Интерлакена проходит по глубокому ущелью. Поезд останавливается на горе Малый Шейдегг на высоте около двух тысяч метров. Мы садимся в вагон электрички. Под полом вагона раздается гул, как от работающей бормашины. Это шумят зубчатые колеса, цепляющиеся за зубчатую рейку. Уклон настолько крут, что по обычным рельсам поезд подняться не может. Наконец, мы на станции Юнгфрау-Иох, на высоте 3457 *м* над уровнем моря.

Три пятых территории Швейцарии, вся ее южная половина, расположены на центральном массиве Альпийских гор. В прозрачном воздухе четко вырисовывается неровный, изломанный контур гор, острые вершины их круто взмывают ввысь.

ЦЮРИХ

Дорога то поднимается по склонам пологих холмов, то сбегает вниз. По краям ее тянутся ряды фруктовых деревьев. Из зелени листьев выглядывают матовые от утренней росы яблоки. По другую сторону дороги ветер гонит упругие волны по полям желтеющей пшеницы.

Движение стало более оживленным, мимо все чаще проносятся тяжелые дизельные грузовики. Показался пригород Цюриха. Ровные кварталы невысоких однообразных домиков перемежаются с длинными заводскими корпусами. После виденных нами городов, в которых главное место занимают гостиницы, пансионы и кафе, казалось необычным кольцо дымящих труб, охватывающее город.

Цюрих раскинулся в северо-западном углу Цюрихского озера. Река Лиммат, вытекающая из озера, делит город на две половины: на правом берегу, на склоне горы Цюрихберг, находится Большой город, на левом, на горе Утлиберг,— Малый. Через Цюрих проходит и другая река — Зиль, приток Лиммата. Они сливаются в центре города и вместе с соединяющим их каналом образуют остров.

На улицах оживленно. По рельсам грохочут голубые трамваи, их обгоняют увертливые малолитражные машины. Много пешеходов. Цюрих живет более напряженной жизнью, чем другие города Швейцарии. По числу жителей он почти в три раза превосходит Берн.

Промышленное развитие Швейцарии началось в XVI в., и в Цюрихе раньше, чем в других городах Западной Европы, стали изготовлять шелковые ткани. Сейчас наряду со старыми отраслями — хлопчатобумажной и шелкоткацкой — в городе имеется и машиностроительная промышленность.

Центр города, в том числе остров, занят зданиями банков, страховых и торговых компаний, магазинов. На улице Реми, полукольцом охватывающей старый город, находятся университет и федеральная политехническая школа.

На Шпигельгассе, небольшой улице, на доме № 14 прикреплена мемориальная доска с надписью на немецком языке:

Здесь жил с 21 февраля 1916 г.
до 2 апреля 1917 г. В. И. Ленин —
вождь русской революции

В Цюрихе В. И. Ленин закончил книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма».

...Погасли последние лучи солнца. Облака над вершинами сохраняли светлые краски заката, но сгустившиеся тени уже придали горам суровый вид. Через несколько часов граница Швейцарии осталась позади.

НА МОНБЛАН

По *Н. Иванцову*

Большое влияние на формирование рельефа Альп оказало четвертичное оледенение, во время максимального своего развития почти целиком покрывавшего горную страну. Льды, накоплявшиеся в горах, при движении вниз по склонам концентрировались в глубоких долинах в виде гигантских «альпийских» ледников, производивших большую работу по дальнейшему углублению и расчленению рельефа, создавая особый комплекс форм рельефа.

Типичный комплекс горноледниковых форм рельефа, широко распространенный в Альпах, заслуженно получил название «альпийских» форм рельефа, «альпийского» ландшафта.

К нему относятся крупные троговые долины с широким ровным дном и крутыми склонами.

Деятельностью ледников обусловлены распространенные повсюду в более высоких частях гор «висячие» боковые долины притоков, нередко со скользящими по ним водопадами. Не менее типичны для высокогорного пояса Альп заостренные скалистые гребни карового типа («альпийские» гребни), пики и пирамиды вершин. На склонах высоких хребтов и массивов и сейчас находится много каровых и висячих ледников, и сейчас можно наблюдать работу ледников по формированию троговых долин с образованием рельефа «бараньих лбов» и «курчавых скал», в особенности на участках недавнего отступания ледников.

Современная высота снеговой границы поднимается в Альпах от 2500 *м* в северной, более влажной полосе, до 3000—3200 *м* во внутренней, горной области. Современные горно-долинные ледники приурочены исключительно к высокогорной зоне, хотя наиболее длинные из них спускаются в лесной пояс.

* *
*

Из всех восхождений, которые когда-либо делались в горах Швейцарии, наибольшею известностью пользуется восхождение на Монблан. Это вполне понятно: Монблан — высочайшая гора Европы. Его вершина лежит на высоте 4810 *м* над уровнем моря. Не удивительно, что каждый географ стремится подняться на

самую высокую из европейских вершин. Вместе с тем ниоткуда не открывается такое обширное и удивительное зрелище, как с вершины Монблана.

Но Монблан имеет еще другое значение. История Монблана есть история неимоверных трудностей и смертельных опасностей, которым готов был подвергнуться исследователь. История Монблана представляет одну из любопытнейших и поучительнейших страниц в летописи научных завоеваний. Первое восхождение на него тесно связано с именем одного из крупнейших европейских ученых — Соссюра; на вершине Монблана — высочайшем пункте Европы—учреждено одно из славнейших знамен науки— астрономическая и метеорологическая обсерватория Жансена.

У подножия Монблана находится небольшой городок Шамони, откуда было сделано первое восхождение и откуда обыкновенно делаются восхождения и в настоящее время. Шамони расположен в узкой долине того же названия, прорезываемой рекой Арв. Отсюда открываются великолепные виды на цепь Монблана, идущую по противоположной, юго-восточной стороне долины с ее остроконечными пиками или, как их здесь называют, иглами, сползающими ледниками и вечными снегами. Обе цепи гор в своих нижних частях покрыты лиственными и далее — хвойными лесами, затем выше растительность беднеет, леса исчезают, голый гранит отливает красновато-серыми оттенками на горных кряжах в вершинах.

Первые дни по приезде в Шамони самая вершина Монблана была окутана легкими облаками, указывавшими на то, что наверху был сильный ветер.

5 июля, проснувшись около семи часов утра, я вышел на террасу. Над вершиной Монблана не было ни одного облачка. На темной синеве ясно вырисовывалась белоснежная вершина колосса, на которой в телескоп можно было отчетливо различить обсерваторию Жансена.

После необходимых приготовлений в 9 часов мы вышли из Шамони. Дорога шла по левой стороне реки Арв, за которой на фоне гор красовался освещенный лучами утреннего солнца городок Шамони. Выйдя за город, мы вступили в еловый лес, весь заваленный камнями, остатками морен когда-то проходившего здесь ледника. Темная зелень с огромными красноватыми и сероватыми камнями на фоне ослепительно белого снега с зеленоватыми полутонами льдов и темно-синее небо создавали необыкновенно красочное сочетание.

Поднимаемся в гору, по узкой тропинке, которая становится все круче. Сквозь деревья виднелся ледник, сползавший в долину ледяными массами с остроконечными глыбами, ярко блестевшими на солнце. С подъемом ель понемногу заменялась лиственницей. Лиственница также стала редеть и мельчать. Мы шли по

Высокогорные альпийские луга ⟶

Высочайшая в Западной Европе горная цепь Монблан

скалам, покрытым роскошными «альпийскими розами» (рододендронами) в полном цвету. Позже их заменил рододендрон с только что распускающимися бутонами и более низкорослый. Наконец, исчез и он. Кое-где на скалах росла жалкая травка, незабудки, альпийская ромашка, куриная слепота и другие цветковые растения альпийского высокогорья. В ущельях гор лежал снег, в воздухе становилось прохладно, между тем как солнечные лучи жгли все сильнее.

Мы вступили как бы в область весны в ее второй половине, когда снег почти уже сошел и только что начинают зацветать полевые цветы, когда воздух чист и прозрачен и солнце сильно греет, еще не успев, однако, справиться с прохладой воздуха в тени.

В 11 часов мы достигли высоты 2049 *м*; далеко внизу шумел ручей и виднелись игрушечные домики Шамони.

В 13 часов мы отправились в дальнейший путь. Здесь кончается дорога, удобная для мулов, и дальше по скалам идет крутая, узенькая тропинка, местами покрытая снегом. Растительность

почти исчезла, только кое-где скалы были покрыты мохом и скудной травой. Взбираясь все выше и выше, мы вскоре достигли высоты 2450 *м*. Это место называется Камень лестниц, потому что прежде здесь оставлялись обыкновенно лестницы, которые брали с собой для перехода через большие трещины ледников. Перед нами совсем близко виднелся снежный купол Монблана, до которого вследствие необыкновенной прозрачности воздуха казалось гораздо ближе, чем было на самом деле. Мы надели теплую обувь и, перейдя морену, вступили на покрытый снегом ледник де Боссон.

Мы шли по протоптанной дорожке, пока без особых предосторожностей, так как здесь ледник не представляет еще опасности. Иногда приходилось перепрыгивать через узкие трещины или обходить более широкие. Ледник де Боссон лежал перед нами во всем своем величии, с трещинами и ледяными глыбами или, как их здесь называют, серраками. Некоторые из них имели формы огромных ледяных пирамид. Снег подтаивал, и ручьи, сливаясь друг с другом, прокладывали свое русло во льду, низвергаясь местами в глубокие трещины.

В 15 часов мы пересекли ледник де Боссон и достигли так называемого «соединения» — места, где ледник де Боссон и ледник Таконаца соприкасаются друг с другом. Вследствие взаимного давления двух ледников, сползающих вниз с неодинаковой скоростью, здесь образуется много трещин и завалов. Обилие трещин, особенно когда они скрыты под снегом, делает переход по этому месту опасным. Снег может провалиться в трещину и увлечь за собой путника.

Мы связались веревками на расстоянии метров четырех друг от друга и перешли через «соединение» без особых приключений. Далее пришлось долго и круто взбираться вверх, все время по снегу. Но снег был настолько крепок, что ноги не проваливались и подъем был не очень труден.

Ручьев уже более не было, все было сковано холодом. Мы вступили в пояс вечной зимы. Кругом на скалах не было заметно никакой растительности, кроме зеленоватых пятен лишайников, однако в конце лета здесь появляется довольно богатая для такой высоты растительность, имеющая короткий вегетационный период. Здесь насчитывается около 80 видов растений, преимущественно низших.

Трудно вообще сказать, где лежит та черта, за которой кончается всякая растительность. На вечном снегу ледников или питающих их фирнов не растет, конечно, ничего, но зато едва ли не на всякой скалистой вершине, торчащей из снегового покрова, можно найти желтовато-красные пятна лишайников, забиравшихся в малейшие неровности камня.

В 17 часов мы достигли высоты 3050 *м*. Здесь находится маленькая обсерватория, построенная Жансеном, и небольшая горная гостиница, где мы заночевали.

Вечные снега и ледники Монблана

Ледник в Альпах — Мер де Гляс («Ледяное море»), на северном склоне Монблана

В 12 часов ночи мы встали и начали подготавливаться в дальнейший путь — до вершины Монблана: в этот же день засветло следовало вернуться в Шамони.

Мы шли, связавшись веревкой. Проводник шел впереди и освещал дорогу фонарем. Снег скрипел под ногами и визжал под стальными наконечниками альпенштоков. Около трех часов ночи достигли малого плато. Здесь идти было уже легко, но переход через это место всегда представляет некоторую опасность. С правой стороны плато почти отвесно поднимается снеговая стена, с которой часто скатываются лавины. Равновесие снежных масс, лежащих на крутых склонах, бывает настолько неустойчиво, что, проходя мимо таких мест, проводники предостерегают даже от громкого разговора. Достаточно иногда малейшего сотрясения воздуха, производимого звуком, который в различных направлениях отражается от скал, чтобы нарушить равновесие и вызвать обвал.

Вершина Монблана загорелась розовым светом в лучах восходящего солнца. Розовый свет постепенно стал палевым и затем перешел в белый. Мало-помалу освещались и другие вершины, а внизу было еще совершенно темно. В 5 часов 30 минут мы достигли хижины на высоте 4400 *м*, построенной на небольших скалах у основания снежного гребня, соединяющего Дом-дю-Гуте [1] с вершиной Монблана и получившего за свою форму название «Горб верблюда».

Разреженный воздух уже начал оказывать свое действие. Чувствовалась легкая усталость и сонливость. Отдохнув и позавтракав, мы снова двинулись в путь, взяв с собой только самое необходимое, так как предстоял последний и самый трудный переход.

Подниматься было очень тяжело вследствие разреженности воздуха и твердости снега, по которому скользила наша обувь. Мы миновали последнюю небольшую скалу недалеко от снежного купола Монблана и достигли узкого снежного кряжа, ведущего к вершине. Шли по узкому ребру, круто спускающемуся направо в Италию, налево — во Францию.

Снег был настолько тверд, а кряж настолько узок, что приходилось вырубать ступеньки для каждого шага. К тому же когда мы уже были недалеко от вершины, поднялся сильный ветер, который еще более затруднял дыхание. Наконец, через два часа напряженного подъема мы достигли вершины Монблана.

Во все стороны вокруг далеко внизу расстилалось волнистое море гор, маленьких, как на выпуклой карте, уходящее в беспредельную даль. Мой проводник называл их мне: «Вот горы Бернской Швейцарии, вот Юра, вон Сен-Бернар...»

Дул резкий холодный ветер, который все усиливался, облака снежной пыли проносились мимо нас, оставаться долее было опасно. Мы стали спускаться вниз по прежнему пути.

НА РОДИНЕ БАРРИ

Н. Сергеев

За пятьдесят сантимов нас впустили в небольшое полутемное помещение. На дворе завывал ветер, в оконца хлестал дождь со снегом и градом. Привыкнув к полумраку, мы огляделись. Итак, мы в гостях у Барри Десятого. Здесь живет он со своими немногими родичами и былыми боевыми сподвижниками.

Барри почти не обратил на нас внимания, бросил отсутствующий взгляд и отвернулся. Вероятно, в такую погоду его тревожат воспоминания, снова тянет к опасностям, к подвигам, которых так много на счету у древнего рода Барри. Беспокойно по-

[1] Дом-дю-Гуте (4211 *м*) одна из вершин массива Монблана, расположенная западнее собственно Монблана.

глядывает он в замерзшее, наполовину залепленное мокрым снегом окно.

Барри Десятому семь лет. Весит он около 83 *кг*. Это великолепный сенбернар, представитель вымирающей ныне знаменитой породы собак.

Сенбернар — помощник и верный друг человека на заснеженных перевалах Альп

Мы находимся на перевале Большой Сен-Бернар, на границе Италии и Швейцарии [1].

Вокруг величественные вершины: на западе — массив Монблана, на востоке — Пеннинские Альпы. Совсем рядом — кажется, рукой подать — возвышаются снежные пики в три с половиной, четыре с лишним тысячи метров. Голые скалы, снег, лед, полузамерзшее озеро...

Сен-Бернарским перевалом пользовались еще древние кельтские племена, позже римляне. Через него проходили не только путешественники, торговцы и пилигримы, но и большие армии.

До появления железнодорожного сообщения через перевал перебиралось до 25—30 тыс. человек в год.

Легенда гласит, что в XI в. уроженец Савойи, по имени Бернар, построил два приюта на горных перевалах, названных затем по его имени Большим и Малым Сен-Бернаром. По другой версии, приюты появились еще раньше.

Морозы здесь бывают даже летом. Зимой горы снега заваливают дорогу.

Во время метелей, снегопадов, оттепелей переход через перевал был особенно опасен: многочисленные лавины подстерегали путника на узкой дороге.

Огромные массы снега, подтаявшего от лучей солнца или оборвавшегося от собственной тяжести, со страшным грохотом обрушиваются в долины. Часто снежные карнизы обваливаются от легкого крика, кашля...

Трудно было находить путников, заживо погребенных под толщей снега. На помощь пришли сенбернары.

---

[1] Перевал Большой Сен-Бернар находится на высоте 2472 *м*.

Как появилась порода этих собак? Являются ли их предками пиренейские овчарки, ньюфаундленды или тибетские пастушьи собаки, никто точно не знает. Известно только, что на Сен-Бернарском перевале эта порода существует уже более 900 лет.

Сенбернары — огромные собаки с мягкой, недлинной белой шерстью с буро-рыжими подпалинами, с сильными, широкими лапами, острым чутьем — самые лучшие высокогорные ищейки.

В дни, когда, как у нас говорят, добрый хозяин собаку не выгонит на улицу, когда в горах бушует снежная метель, валящая с ног человека, обученных собак посылают «на работу».

Сенбернары разыскивают заблудившихся или засыпанных снегом путников, уходя от приюта на 15—20 *км*. Они чуют человека на расстоянии до километра, даже если он завален двухметровой толщей снега. По их следам смело может идти путник: на тропке, проложенной сенбернаром, он не оступится, не собьется с пути, не упадет в пропасть.

Человека, найденного под снегом, сенбернар согреет теплом своего тела, будет тормошить окоченевшего, лаять до тех пор, пока тот не очнется.

За два последних столетия сенбернары спасли в Альпах около двух тысяч человек.

По традиции самую сильную и умную собаку называют Барри — в честь собаки, кличку которой знает не только каждый школьник Швейцарии, но и многие люди в других странах: Барри Первый за десять лет своей службы в горах спас жизнь сорока человекам!

Сейчас на перевалах построены лавинонаправляющие дамбы, лавинорезы, над дорогами сооружены навесы. В городах работают специальные службы спасения, радио предупреждает об опасностях в пути. Теперь уже только изредка, когда лавины засыпают дорогу, приходится прибегать к помощи сенбернаров.

Поднявшись на перевал, туристы обязательно заходят взглянуть на потомков благородного рода сенбернаров.

В ДОЛИНЕ РЕКИ ИНН

А. Аваков

Река Инн, одии из крупных правых притоков Дуиая, иачииается в швейцарских Альпах и вместе со своим притоком Зальцбахом и другими реками, направляющимися к Дунаю, расчлеияет глубокими продольиыми долииами Восточиые Альпы, благодаря чему оии отличаются от Западиых Альп хорошей проходимостью. Зиачительиая часть хребтов, образующих Восточиые Альпы, лежит в пределах Австрии, в ее гориых областях — Тироле, Штирии и Каринтии. В приводимых иıже путевых заметках о Тироле следует обратить виимаиие иа зависимость форм рельефа гор от характера слагающих пород, высотиую поясиость растительиости, а также иа упомииаиие о теплом климате долииы реки Иии, который обусловливается ие только влияиием фенов, ио и защищеииостью долииы высокими горами, задерживающими холодиые и влажиые ветры.

Громады высоких гор со всех сторон обступили Тироль — один из горных районов Австрии. Центральные кристаллические Альпы на юге и известняковые Альпы на севере составляют естественные границы области и одновременно являются государственными границами Австрии с Италией и Германией. Между ними зажата долина реки Инн, в которой сосредоточено почти все население Тироля.

Горные хребты, поднимающиеся на 1500—3000 *м* над зеленой долиной, напоминают огромные валы. Только открытый выход долины на северо-восток, к Дунаю, служит как бы гигантскими воротами этой природной крепости.

Центральные кристаллические Альпы получили свое название от слагающих их твердых пород — гранитов, гнейсов и слюдяных сланцев. Многие вершины превышают 3500 *м*. Склоны гор до высоты 1800 *м* окутаны темно-зеленой полосой хвойных лесов, к которым внизу примешивается более светлая зелень дубовых и буковых массивов. В отдельных местах лесной пояс прорезается светло-зелеными лентами полей. Выше, в субальпийском поясе, укрепившись в расщелинах скал, растет курчавая, с темной кроной «корявая сосна». Она чередуется с рододендроном, карликовой березкой и можжевельником, образующими низкие кустарниковые заросли. Над ней выше 2300 *м* находятся альпийские луга, отличающиеся необыкновенным богатством красок. У снеговой границы, в защищенных от ветра местах, где каменистая почва на полтора-два месяца освобождается из-под снега, борются за жизнь эдельвейсы и примулы.

Над зеленой полосой лесов, полей и альпийских лугов возвышаются серые и красные скалистые гребни, увенчанные вершинами, покрытыми белыми шапками вечного снега и ледников.

Североизвестняковые Альпы, сложенные мощными толщами известняков, сланцев, песчаников и мергелей, почти на тысячу метров ниже Центральных кристаллических Альп. Только вершина Парзейер-Шпитце несколько превышает 3 тыс. *м*.

Ледники, вода и ветер, эти природные архитекторы, за многие десятки тысяч лет придали оголенным вершинам гор фантастические очертания башен, замков и силуэтов различных животных. Между хребтами, протянувшимися параллельно друг к другу, располагаются узкие глубокие долины. Воды, просачивающиеся по расщелинам скал внутрь гор, образовали многочисленные пещеры. Население здесь очень редкое. Оно занимается преимущественно скотоводством и лесоразработками.

В восточной половине Тироля, между хребтами Центральных кристаллических и Североизвестняковых Альп, расположены Сланцевые Альпы. Округлые вершины, пологие склоны и относительно широкие волнообразные долины Сланцевых Альп резко отличают этот район Тироля. В ландшафте преобладают луга и пастбища. Пологие склоны, застланные зимой мягким, пуши-

Долина реки Инн в австрийских Альпах

стым снегом, служат прекрасным местом для горно-лыжного спорта.

Долина реки Инн поражает богатством пейзажей. Заболоченные и заливные луга на дне долины чередуются с полями, садами и рощами, расположенными на низких террасах. По дну и склонам долины змейками извиваются железные и шоссейные дороги. Они то внезапно прерываются, исчезая в тоннелях или в зелени рощ и садов, то особенно рельефно выделяются на фоне голубых вод горных потоков. Сельские пейзажи долины время от времени сменяются небольшими старинными городками, в которых сохранились еще крепостные укрепления и рвы, или же современными фабрично-заводскими поселками с дымящими трубами.

За несколько часов езды на автомобиле и в вагончике горноканатной дороги из теплого климата долины реки Инн можно по-

пасть в холодную зону вечных снегов и ледников. В солнечный, жаркий июльский день, когда в долине все живое изнывает от зноя, в горах прохладно и свежо.

Исключительно важное значение для климата Тироля имеет фен — сухой теплый ветер, дующий с юга[1]. Он способствует более раннему наступанию лета в долинах, а осенью обеспечивает дозревание кукурузы, винограда и других южных культур. Но иногда порывы фена превращаются в неистовый ураган, который бушует в течение двух-трех дней, ломая деревья и снося крыши домов. Ураган приносит много бедствий населению.

* *
*

В горах Тироля, служащих мощными конденсаторами влаги, зарождаются десятки тысяч ручейков. Сливаясь, ручьи образуют все более крупные горные потоки, которые с шумом несутся по дну долин, разлетаясь миллионами брызг при ударе о скалы. На территории Тироля в Северизвестняковых Альпах начинаются крупные притоки Дуная — Лех, Изар. Летом, во время интенсивного таяния снега в горах и после ливней, реки нередко выходят из берегов, затопляя посевы, снося мосты и строения, унося скот, размывая дороги. В особенно многоводные годы река Инн заливала улицы и площади Инсбрука.

ВЕНА

По *М. Ростовцеву* и *И. Маергойзу*

С вершин Альпийского предгорья — Леопольдсберга или Каленберга — Вена кажется гигантским макетом. Далеко впереди поблескивает лента Дуная. За ней узкая зеленая полоса лугов, прижавшаяся к прямой, как стрела, дамбе, защищающей от паводков низменный берег реки. За дамбой Старый Дунай с песчаными отмелями и ощетинившиеся фабричными трубами рабочие районы Вены: Флорисдорф, Кагран, Штаблау.

Основная часть города лежит на правом берегу. С предгорья четко вырисовываются острые шпили готических соборов и церквей, здания парламента и ратуши. Там центр города. От него расходятся девять основных радиальных магистралей. Выйдя за пределы Вены, они бегут во все концы страны. За

---

[1] Фены — местные ветры, чрезвычайно типичные для северного склона Альп. Они возникают в том случае, когда вдоль северной окраины Альп проходят серии барических депрессий, в которые активно затягиваются ветры с южной составляющей. При этом в них поступает воздух, переваливающий через Альпы, на южных склонах которых он оставляет всю влагу, выпадающую в виде дождя и снега (на больших высотах). При спуске с северных склонов этот воздух адиабатически нагревается и стекает вниз не только сухим, но и жарким.

центром, называемым обычно Старой Веной, между Дунайским каналом и руслом реки, лежит обширный остров Пратер.

Пятнадцатикилометровый дунайский канал, который можно увидеть в разрывах между домами, начинается у одной из городских окраин. Крутым изгибом коснувшись центра, он снова устремляется к Дунаю и впадает в него у противоположной стороны города. Охватывающий столицу с запада и юго-запада знаменитый Венский лес пронизан языками пригородов, протянувшихся по долинам и вдоль шоссейных дорог. Венский лес — это крайние восточные отроги Альп, покатые возвышенности, становящиеся все более высокими и крутыми по мере удаления от города. На их склонах — кудрявые рощи, виноградники, широкие поляны, отдельные строения. В будни этот красивый район производит впечатление пустынной местности, населенной лишь множеством невидимых за густой зеленью листвы птиц, распевающих на все голоса. Только на многочисленных дорогах встречаются машины с туристами. В воскресные же дни в Венский лес устремляются потоки горожан. Едут семьями с чемоданчиками и корзинками, с портативными радиоприемниками — на весь день.

С запада на восток Вену пересекает небольшая извилистая река. Это Винфлюс — речка Вены.

Мы идем по бульвару Рингштрассе, прижимающему Старую Вену к излучине Дунайского канала. Эта наиболее парадная улица австрийской столицы возникла на месте крепостных стен, окружавших город в средние века. На более чем пятикилометровом протяжении улица разделена площадями, скверами и пересекающими ее магистралями. Вдоль тротуаров — платаны с раскидистыми кронами и стройные каштаны.

Старая Вена — своеобразный архитектурно-исторический музей с характерными чертами средневекового города: узкими, короткими, изломанными улочками, темными, прижавшимися друг к другу церквами.

Увенчанные коническими куполами и остроконечными гранеными шпилями строения седой старины подчас теряются среди возведенных в конце прошлого века зданий в пышном стиле венгерского барокко или причудливом сочетании барокко и готики.

Здесь сосредоточены административные учреждения, правления торговых фирм, банки, отели, учебные заведения.

Останавливаемся на Соборной площади. Перед нами почерневший от времени фасад здания Стефанскирхе — собора святого Стефана. Три столетия строился этот собор, и вот уже пять веков он вызывает восхищение всех способных ценить прекрасное. С интересом рассматриваем взметнувшуюся ввысь почти на 140 *м* стройную башню. Она кажется особенно легкой рядом с массивным основным зданием. Крутая, с острым гребнем крыша устлана многоцветной глазированной черепицей. Стены покрыты искусно высеченными узорами. В средние века каждый венский

подмастерье, добившись звания мастера, вколачивал гвоздь в особый деревянный столб, установленный на площади. Мастеров в Вене оказалось так много, что столб из деревянного превратился в «железный». Он стоит неподалеку от собора святого Стефана как символический памятник усердию и трудолюбию народа, построившего один из красивейших городов мира.

От Соборной площади идем по самой оживленной улице — Кернерштрассе. Здесь множество магазинов, ресторанов, отелей, кафе. Стены зданий увешаны рекламами. Предлагается все, что хотите: от автомашин и кругосветных путешествий до парикмахерской для собак и школы игры в рулетку. Пройдя всю улицу, выходим на Опернринг — одну из частей кольца Рингштрассе. Внимание привлекает здание оперного театра. В свое время это была краса и гордость Вены.

На площади Сталина среди густой зелени деревьев возвышается монументальный памятник героям освободительных войн за Вену. На окруженном колоннадой мраморном пьедестале поднялась бронзовая фигура советского воина. Подножие утопает в венках и цветах. Вечером памятник освещают лучи прожекторов.

За пределами Рингштрассе, до второго кольца бульваров — Гюртель — тянутся старые аристократические кварталы. Здесь в комфортабельных виллах и особняках живет буржуазия. А рядом — рабочие кварталы. Темные переулки района Фюнфхаузена почти упираются в великолепный парк дворца Шенбрунн.

Чтобы попасть туда, мы спустились в первый люк метро прямо на тротуаре Рингштрассе и очутились на платформе с низкими сводами. Необлицованные стены были увешаны рекламными плакатами. Поезд с четырьмя вагончиками трамвайного типа подошел не скоро. Линии метро проложены очень неглубоко, чаще — просто в открытой траншее.

Нас поразило великолепие парка и находящегося в нем дворца — бывшей летней резиденции австрийских монархов. Парк и дворец были созданы триста лет назад за Веной, но город, продолжая расти, дотянулся сюда своими рабочими пригородами. Так оказались по соседству Фюнфхаузен и Шенбрунн.

У входа в парк огромное поле цветов — богатейшая коллекция декоративных растений; здесь же бассейн с фонтанами. На широких, чистых аллеях, на площадках — золотистый песок. Подстриженные липы и каштаны образуют сплошные высокие стены. Среди зелени белеют статуи.

Дворец Шенбрунн, сооруженный в виде буквы «П», фасадом выходит в парк.

Мы посетили и знаменитый Бельведер. Привольно раскинулись два его дворца — верхний и нижний — на плавно сбегающем к центру города склоне холма, превращенного в партерный парк. Верхний, состоящий из нескольких павильонов, служил в свое время для императорских приемов и празднеств. На

фасадах дворца богатые лепные украшения и балконы. У южных стен — искусственное озеро.

Трудно описать все достопримечательности Вены. Но даже самое полное описание не даст представления о столице, если не сказать о своеобразной жизни ее улиц.

...Воскресное утро. Свежесть и солнце. Несмотря на ранний час, широкие тротуары Марихилфештрассе — одной из самых популярных торговых магистралей Вены — полны народу.

Пестрый людской поток медленно движется нам навстречу. Венцы не любят спешить. Вот идет седоусый старик с потухшей трубкой в зубах. На нем зеленая тирольская шляпа с пером, короткие кожаные штаны с широкими помочами, на грудной перемычке которых красуется герб одной из горных провинций. Рядом со старым горцем молодая женщина в пышной юбке и тщательно отглаженном переднике. Венцы спозаранку отправляются на пляжи Дуная, чаще — Венского леса, в парки и скверы; за город едут в небольших вагонах трамвая, юрких автобусах, в автомашинах всех возрастов и марок. Особенно много велосипедистов. Вот проезжает необычный для нас, но популярный среди сельских жителей велосипед с удлиненной рамой и тремя колесами. Впереди сидит, нажимая на педали, женщина. Перед ней на маленьком седлышке примостился мальчик. Позади усердно налегает на вторую пару педалей отец семейства. Над задним колесом объемистый багажник с аккуратно упакованным грузом.

Открываются магазины. Рекламы сияют, кричат, зовут. Предупредительные продавцы зазывают покупателей.

Рано открываются кафе. Их очень много в Вене. Богатые, отделанные внутри деревом дорогих пород, и победнее, с каменным полом, занимающие бельэтаж большого дома или ютящиеся в полуподвале... Венский житель регулярно посещает выбранное по вкусу и по карману кафе. Здесь он часами сидит за чашкой черного кофе или за кружкой пива. Слушает радио или игру музыкантов, просматривает газеты или журналы, играет в шахматы или делится новостями с друзьями.

В рабочих кварталах жизнь на улице начинается много раньше, чем в центральных, и пустеют они по вечерам также значительно раньше. Парков и скверов здесь меньше, но зато повсюду видны высокие фабричные трубы.

Солнце уже знойно печет. Заходим в городской парк и укрываемся под тенью вековых деревьев, склонившихся над искусственным озером. Утки выходят из воды, свободно разгуливают по дорожкам и, ожидая угощения, топчутся перед людьми, сидящими на скамейках. Вокруг фонтанов и статуй неторопливо расхаживают голуби. Из тенистой аллеи каштанов и лип, где стоит памятник Штраусу, доносятся знакомые мелодии штраусовских вальсов. Музыку в Вене можно услышать повсюду: в залах концертхауза, театрах, ресторанах, просто на улице, из открытых

окон квартир. Много бродячих музыкантов, даже ансамблей. Мне приходилось видеть их играющими перед кафе, на площадях и на улицах за гроши, подаваемые прохожими.

Вена музыки и танца, какой мы ее знаем по книгам, кинофильмам и песням, не умерла...

Кто же живет в Вене? Значительную часть населения города составляют состоятельные люди — рантье, чиновники, торговцы, люди свободных профессий: музыканты, художники, врачи и т. д., а также домашняя прислуга. Из лиц, занятых в промышленности,— ремесленники, многие из которых работают в своих собственных мастерских. Больших промышленных предприятий в городе мало, поэтому индустриальные рабочие в Вене малочисленны.

ЗЕЛЕНАЯ ШТИРИЯ [1]

О. Сальковский

Поезд медленно движется вверх по извивающемуся вдоль бурной горной речки полотну железной дороги. Справа и слева зеленеют поросшие густым хвойным лесом горные склоны. Вагон то повисает над глубоким ущельем, через которое переброшен белокаменный арочный виадук, то ныряет в сырую темноту тоннеля. Вскоре поезд пересекает перевал Земмеринг [2].

За перевалом начинается Штирия — одна из провинций Австрии.

Железная дорога через Земмерингский перевал, соединяющая столицу Австрии с ее центральными и южными провинциями, построена сто лет назад. За долгие годы она сильно обветшала и нуждается в срочном ремонте. Маломощные паровые локомотивы с трудом вытягивают вагоны на перевал. При спуске тормоза едва сдерживают составы. Поэтому железнодорожные катастрофы здесь — нередкое явление.

Поезд идет по долине. Ее амфитеатром окружают горы. На севере, ближе к полотну железной дороги, они относительно невысоки. Их округлые вершины поросли лесом. На пологих склонах виднеются небольшие деревушки и отдельные дома, разбросанные среди садов и пашен.

За ними встают более высокие лесистые хребты, и совсем далеко на горизонте вырисовываются в тумане зубцы оголенных гребней Высокого Шваба, лежащего на северной окраине Штирии.

Глаза путешественника поражает богатство оттенков зелени штирийских долин и гор. В пойме горной речки Мюрц, бегущей

---

[1] Штирия находится на юго-востоке Австрии, большая часть ее занята хребтами Восточных Альп.

[2] Перевал Земмеринг юго-западнее Вены, лежит на высоте 985 *м*.

вдоль полотна железной дороги, зеленеют сочные заливные луга. На хребтах и склонах гор темнеют пихтовые леса. Выше лежат альпийские луга — альмы. Только в тех местах, где горная порода обнажилась, на крутых обрывах ослепительно белеет на солнце известняк.

«Зеленым краем» называют в Австрии Штирию. Древний герб этой провинции изображает серебряную пантеру на зеленом поле. Белая и зеленая полосы ее флага как бы отражают белизну известняковых гор и зелень лесов, лугов и долин.

Население этого края, составляющее в настоящее время свыше 1100 тыс. человек, сосредоточено главным образом в центральной части провинции, в долинах горных рек Мура и Мюрца, и на юго-востоке — на холмистой, плодородной равнине. Горы Северной Штирии почти безлюдны. Лишь в узких долинах и по склонам видны пашни и редкие хутора. Около половины территории всей провинции покрыто лесами высокоценных промышленных пород — красной ели и пихты. Тысячи штирийских жителей проводят долгие месяцы в горах, занимаясь рубкой и сплавом леса.

Наибольшее количество леса сплавляется по реке Энс, протекающей на севере провинции. Зажатая в узком каменистом ущелье, получившем в народе название «Гезойзе» (что в переводе означает «свист», «бурление»), река представляет крайне опасный путь для сплавщиков.

Наряду с плотогонами-профессионалами, десятилетиями занимающимися сплавом леса, за эту трудную и опасную работу вынуждены браться и бедняки-крестьяне. Жизнь этих людей, месяцами гнущих спину на лесном промысле, необычайно трудна. На лесоразработках вы редко встретите современные механизмы или машины. Все делается топорами и пилами. Трелевка леса к местам сплава совершается главным образом при помощи лошадей или вручную. Жильем лесорубам служат шалаши — плохое убежище от частой в горных районах непогоды. Месяцами отрезанные от внешнего мира в глухих лесных районах, высоко в горах и в тесных ущельях лесорубы и плотогоны зачастую лишены даже элементарного медицинского и культурного обслуживания.

Лес, доставленный в долину, поступает на лесопильные, деревообделочные, бумажные и целлюлозные заводы и фабрики.

За последние годы леса зеленой Штирии заметно поредели. Древесина во все возрастающих размерах за бесценок вывозится в страны Западной Европы, в особенности в Западную Германию. С каждым годом все больше обнажаются склоны гор.

На юго-востоке провинции горы сменяются обширной холмистой равниной. На ней раскинулись сады и пашни. Здесь выращивают пшеницу, кукурузу, виноград, яблоки, груши, абрикосы, сливы. Это житница Штирии.

Южная
Европа

58-1

ЭКСКУРСИЯ В ПИРЕНЕИ

А. Л. Курсанов

А. Л. Курсанов, крупный советский ботаник, летом 1954 г. принимал участие в работе Восьмого Международного ботанического конгресса, состоявшегося во Франции. По окончании работы конгресса было организовано несколько экскурсий с целью ознакомления его членов с растительностью Франции, Корсики и Западной Африки. Один из маршрутов экскурсии, которую совершил А. Л. Курсанов, был предпринят на северный склон Пиренеев для изучения растительности зоны альпийских лугов.

Экскурсанты поднимались вверх по долине одной из многочисленных бурных рек, стекающих с Пиренеев в Адур, что дало возможность автору статьи дать интересное описание ландшафтов северного склона Пиренеев. Необходимо отметить, однако, что леса, одевающие склоны гор, сильно сведены вырубками и сохранились сейчас лишь отдельными массивами. Сильно изменена многовековым выпасом скота растительность субальпийского пояса, в котором почти целиком уничтожена горная сосна, характерная для него в прошлом.

* *
*

Было уже темно, когда наши автобусы, пробираясь по извилистой дороге над обрывом, где бурлил и пенился горный поток, въехали по узенькой улице в поселок О Шод и остановились у

дверей гостиницы. Здесь нам предстояло прожить два или три дня, знакомясь с природой и жизнью Пиренейских гор.

Первый день в Пиренеях был посвящен подъему в зону альпийских лугов на перевал Пуртале, находящийся на франко-испанской границе. От нашего отеля вверх по долине шла хорошая автомобильная дорога, которая непосредственно выходила на перевал. Жужжа и ворча, взбирались наши безотказные машины по извилистой дороге. Справа и слева по крутым склонам гор расположились хвойные и лиственные леса; местами виднелись каменистые обнажения и скалы, придававшие местности живописный характер. Внизу шумела и пенилась река. Несколько любителей рыбной ловли с длинными удилищами в руках, перепрыгивая с камня на камень, старались найти подходящее место для ловли форели. Домики с красными крышами, прятавшиеся в густой зелени, дополняли общую картину.

В одном месте бежавшая нам навстречу река была перегорожена высокой плотиной электростанции. Выше образовалось глубокое озеро, с удивительной четкостью отражавшее лесистые берега и облака, плывущие по небу.

По мере того как мы поднимались к перевалу, леса, столь пышные и разнообразные внизу, делались более редкими и низкорослыми. Сперва исчезли липы и дубы, затем остались позади буки и сосны, а выше 1500 *м* мы оказались уже в зоне альпийских лугов.

Перевал Пуртале находится на высоте 1800 *м*. Мы были уже близко от него и, чтобы лучше разглядеть растительность и окружающую местность, покинули автокары и отправились прямо по лугу к видневшемуся на перевале небольшому зданию. Яркая зелень травяного ковра создавала здесь основной фон. Местами по лугу протекали маленькие ручейки или попадались болотца, где зеленый ковер был особенно сочен и густ. По всей местности были рассыпаны серые и белые камни, которые издали легко было принять за пасущийся скот. Впрочем, вскоре мы увидели и настоящие стада коров и овец, которые под наблюдением пастухов и опытных собак мирно паслись на луговых просторах. Каждый год в начале июля крупный рогатый скот и отары овец поднимаются на эти горные пастбища. Их собирается здесь до 40 тыс. голов. Чтобы не истощать пастбищ, каждый участок луга используется не более пятнадцати дней, после чего скот перегоняется на новое место. Так продолжается до 15 сентября, после чего горнопастбищный сезон считается закрытым.

Мелодично побрякивая колокольчиками, каждая на свой лад, ходят по альпийскому лугу красивые светло-серые коровы с тяжелым выменем. Их головы украшены огромными рогами, изогнутыми в виде лиры,— это местный скот, которого мы не встречали на равнинах Франции. Может быть, он происходит из Испании? Невольно представляем себе свирепые картины боя быков. Однако красавицы-коровы не пускают в ход своего страш-

Пик-де-Миди в горном массиве Маладетта (Пиренеи)

ного оружия, они добродушно окружают нас, охотно берут хлеб из рук и позируют перед фотографами.

Альпийский луг, как бархатный ковер, покрывает мягкими складками всю местность; он наброшен и на более возвышенные участки горного плато. Лишь отвесные скалы да каменистые россыпи, где трава не может расти, как будто прорывают этот нежный покров своими жесткими краями. В июне, когда здесь все цветет, альпийский луг, наверное, еще прекрасней, но в конце июля, когда мы его видели, он тронул нас своей свежестью и обилием оттенков.

В известной мере контрастируя с этим спокойным ландшафтом, на заднем плане высится несколько горных вершин, покрытых пятнами снега. Самая крутая и острая из них кажется совсем неприступной — это Пик-де-Миди, 2886 *м* высоты. Он считается одной из достопримечательностей Пиренейских гор, и мы слышали об этой вершине еще в пути.

На следующий день в 5 часов утра все уже были на ногах. Предстоял интересный подъем на гору Сажетт и оттуда — экс-

курсия к озеру Артуст, расположенному на высоте 2000 *м*. От плотины, которую мы уже проезжали накануне, на вершину горы Сажетт шла канатная дорога. В металлической овальной кабине, подвешенной к стальному тросу, могло поместиться не более двадцати человек. Слегка вздрогнув и заскрипев, вагончик воздушной дороги плавно отошел от платформы нижней станции и начал набирать высоту,— нам предстояло подняться на 1000 *м*. Из открытых окон кабины были видны лесистые склоны гор, белая лента дороги, вьющаяся по дну долины, и серебряная поверхность озера у плотины. Было еще очень рано, и в глубоких долинах лежали ночные тени. Однако по мере того как наш вагончик, повисший над бездной, поднимался все выше, из-за темных лесистых склонов вырастали залитые утренним солнцем зубцы высоких гор, сверкающие пятнами розового снега. И над всем этим пейзажем господствовала неприступная вершина Пик-де-Миди.

Ветерок слегка раскачивал нашу кабину, и это усиливало ощущение полета и бездны. Трудно сказать, сколько продолжался подъем; вероятно, не более 10 минут. Вот и вершина горы Сажетт. Мы находимся теперь на высоте 2000 *м*.

Отсюда начинается узкоколейная железная дорога, которая ведет к озеру Артуст — цели сегодняшнего путешествия.

Показался наш поезд. Он выкатился из низенького тоннеля, пробуравленного в горе, и остановился над крутым склоном. Он состоял из четырех маленьких открытых вагончиков, на двенадцать человек каждый. Не успели мы разместиться, как уже были даны сигналы к отправлению.

Проехав через низкий тоннель, где нельзя было разгибаться и царил полный мрак, наш поезд вышел на противоположный склон горы и, следуя над краем глубокой пропасти, стал пробираться к озеру Артуст. Здесь, на высоте 2000 *м*, встречались лишь искривленные горные сосны. Настоящие леса расстилались глубоко внизу, где еще лежали утренние туманы. Заглядывая в пропасть, зиявшую у самых колес поезда, мы еле различали домики и небольшие клочки полей, разбросанные по долине. Наш путь лепился по карнизу отвесной стены. Маленький поезд неуверенно дергал и скрежетал колесами, огибая крутые выступы скал, которые, казалось, вот-вот обрушатся и сбросят нас в бездну. Порою камень, вырвавшись из-под рельс, одним скачком уносился в темную пропасть, заставляя путешественников отводить глаза от манящей бездны. Эта жуткая и вместе с тем величавая картина сопутствовала нам на протяжении почти всего 12-километрового пути. Покинув вагоны, мы поднялись на высокую дамбу, замыкающую выход из ущелья, и увидели красивое голубое озеро, спокойно лежавшее в крутых берегах. Это и было озеро Артуст — жемчужина Нижних Пиренеев. В настоящее время его уровень значительно повышен плотиной электростанции, построенной здесь в 1925 г.

Маладетта — самый высокий горный массив в центральных Пиренеях, покрытый вечными снегами

Альпийские луга, сбегавшие с холмов, подходили к самой воде, холодной и прозрачной. Кое-где среди цветов и травы виднелись небольшие пятна снега, напоминавшие о том, что мы находимся на порядочной высоте. Картину дополнял водопад, который падал двумя каскадами с высокой скалы. Однако истинным украшением берегов Артуста являются в это время года цветущие заросли рододендрона, которые образуют на береговых обрывах великолепные темно-зеленые подушки, как бы расшитые крупными звездами алых цветов. В сочетании с синей поверхностью воды и ослепительными пятнами снега это создает необычайную полноту красок, насыщенных и вместе с тем нежных.

Горное солнце коварно: оно улыбается и ласково светит, обжигая совсем незаметно. Так вышло и на этот раз. Уже возвращаясь в маленьком поезде, мы начали ощущать признаки ожогов и легкий озноб. Погода резко изменилась. С горных вершин быстро сползали густые облака; они наполняли долину и закрывали зияющую под нами бездну. Становилось холодно и сыро. Мы зябко прижимались друг к другу, мечтая о теплой фуфайке и стакане горячего чая. Но вот и низкий тоннель. Мы наклоняем голову, и наш поезд медленно втягивается под темный свод. Еще несколько минут, и мы уже на Сажетт, в ресторане воздушной дороги. Горячий чай с коньяком быстро согревает озябших путешественников, и мы торопимся занять места в готовой к спуску кабине. Однако на этот раз внизу все закрыто облаками. Наш подвесной вагончик отделился от платформы станции и погрузился в густой холодный туман. Здесь, в этом полумраке, почти не ощущалось движение вперед, кабина слегка раскачивалась, и порой казалось, что она остановилась на полпути. Может быть, испортились механизмы и нам придется висеть над бездной неопределенное время? Но вот внизу появилось расплывчатое очертание какого-то большого предмета. Предмет быстро приближался, проясняясь, и наконец мы узнали здание нижней станции, в которое тут же и въехала наша вагонетка. Здесь, внизу, шел мелкий дождь, но он не беспокоил нас — автобусы быстро доставят утомленных путешественников в О Шод.

ПОЕЗДКА В ГАВАРНИ

По Н. Поггенполю

Пиренеи в отличие от дугообразных Альп и Карпат вытянуты прямолинейно с запада-северо-запада на восток-юго-восток. Они достигают наибольшей ширины на востоке, а наибольшей высоты — в центральной части (Пик-де-Ането, 3404 *м*, высшая точка всей системы).

Это горстово-глыбовые хребты, расчлененные глубокими речными долинами, многие из которых можно сравнить с каньоном Колорадо не только по ступенчатому поперечному профилю, структуре, но и по живописности.

Альпийские формы рельефа развиты главным образом на французском склоне Пиренеев, которые не только в ледниковые эпохи были более влажными, но и теперь получают больше осадков, чем испанские склоны.

Ледниковые и эрозионные формы рельефа во Французских Пиренеях ярче всего выражены в их центральной части — между притоками Адура и истоками Гаронны, где характерны большие высоты гор и крутые склоны хребтов. Долины рек заканчиваются в горах огромными ледниковыми цирками, свидетельствующими о силе четвертичного оледенения. Размеры цирков Гаварни и Трумуз в верховьях Гав-де-По намного превышают цирки альпийских хребтов.

Четвертичное оледенение Пиренеев было весьма значительным, хотя и уступало альпийскому. Ледники не смогли выработать здесь таких глубоких троговых долин, как в Альпах, а ледниковые цирки, углублявшиеся в северные склоны, не расчленили горные цепи массива. Поэтому Пиренеи имеют высокие и труднодоступные перевалы.

Современное оледенение развито на площади всего 40 *кв. км*; ледники относятся к типам висячих и каровых и сосредоточены в горной группе Маладетта на Пик-де Ането и на лежащей западнее горе Мон-Пердю (3352 *м*).

* *
*

«Кто не побывал в Гаварни, тот не знаком с Пиренеями»,— сказала мне хозяйка гостиницы в Барежэ.

Гаварни — небольшое местечко, лежащее у входа в огромный ледниковый цирк, которым заканчивается в верховьях, на самой границе Испании, долина Гавы. Цирк этот самый большой в Пиренеях и пользуется мировой известностью как один из величественнейших горных цирков Европы. Он представляет у основания равнину, над которой полукругом громоздятся отвесные скалы.

Дорога к Гаварни, высеченная в камне, вьется над темным обрывом скалы; по ней расползаются зеленые усики плюща; в трещинах, образующих маленькие мшистые ниши, растут пучки дикой гвоздики и колокольчиков, местами висят кусты барбариса.

В теснине свежо. Вершины гор противоположного склона громоздятся одна над другой и точно упираются в небо. Дорога еще прижата к скале, но в ущелье уже больше воздуха и простора — долина раздвигается, как кулисы театра. Направо водопад. Под ногами гремит река, и вы слышите, как кипят брызги в глубине. Горы встают молчаливые, точно погруженные в сон. Облака, ползущие на небе, бросают синие подвижные тени на склоны.

Пока цирк виден еще очень мало; время от времени показывается то кончик скалы, то гребень, то высокий снежник или отдельные вершины огромных скал.

Долина становится мрачнее, глыбы скал, голые, расколотые, местами размытые, с редкими пучками красноватого мха, загромождают дно, напоминая каменное море — огромное, угрюмое и безмолвное. Место это удачно названо хаосом; действительно,

оно производит впечатление чего-то дикого, беспорядочного и пустынного. Давным-давно здесь обвалилась гора и похоронила под кучей обломков цветущие пастбища долины. Дорога извивается между камнями, а у ног путника вздутая и сердитая река страшно гремит и несется с обрыва на обрыв.

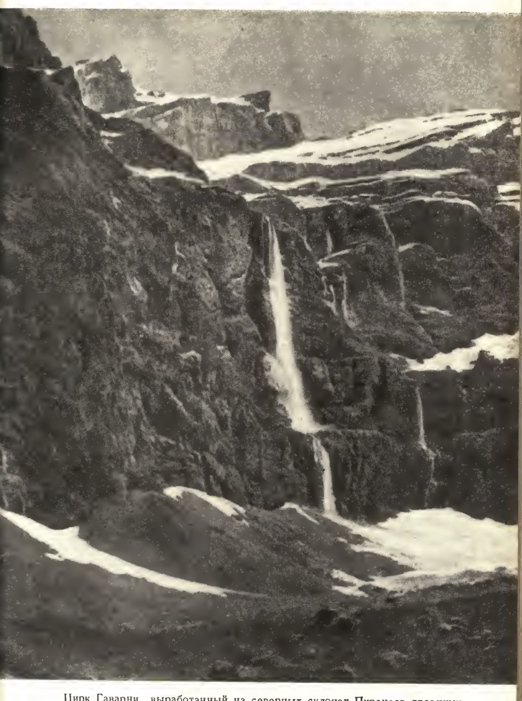
Наконец горы все более и более раздвигаются, и Гаварни понемногу встает перед вами, огромный, величавый. Сначала видны лишь вершины целого ряда причудливых горных вершин, украшенных сверкающими диадемами снегов. Но подножие цирка и даже утесы прикрыты ближайшими возвышенностями.

Оптический обман вследствие больших размеров скал таков, что вам невольно представляется, что минут через десять свободно можно будет дойти до их подножия. На самом же деле дорога, ведущая туда, более часа извивается по склонам долины и наконец приводит на возвышенность, закрывающую вход в цирк. Здесь стоит хижина, в которой нетребовательный турист может найти отдых и приют в непогоду.

Я добрался до нее около пяти часов пополудни. Зрелище, ожидающее путника,— непередаваемое, почти не поддающееся описанию. Вот он, знаменитый цирк Гаварни, во всем подавляющем величии своих гигантских каменных стен, увенчанных вечными снегами.

Огромным полукругом громоздятся перед взором путника причудливо вырезанные скалы, образующие три неравных этажа с бесчисленным множеством широких и едва заметных карнизов, разбитых вдоль и поперек глубокими трещинами. Линия вершин имеет около 14 *км* длины, и на всем этом протяжении сверкают вечные снега, из-под которых выглядывают зеленые полосы льда. Все карнизы, все расщелины завалены снегом, который яркими белыми пятнами сверкает на серо-коричневом фоне скал и, подобно мраморным узорам, украшает выступы утесов. Здесь и там водопады, как длинные прозрачные ленты, скользят по отвесным склонам амфитеатра и испаряются, не достигнув дна. Один лишь могучий водопад — каскад Гаварни, самый высокий в Европе — низвергается на дно амфитеатра с высоты в 460 *м* и окружает место своего падения густым облаком водяной пыли.

Но вдруг, когда я сидел и любовался видом, раздался глухой треск, и вслед за тем послышались громовые раскаты падавшей лавины. Пока неслась лавина, все звуки, казалось, смолкли под все подавляющим громом, производимым этим страшным бичом гор. Когда же последнее замирающее эхо улеглось, то снова воцарилась величавая тишина, полная какой-то загадочной грусти. Тем временем становилось прохладно. Со дна цирка густая тень надвигалась на величественную крутизну утесов, но добрая половина стены и белая кайма вершин еще ярко горели на небосклоне, уже имевшем слегка фиолетовую окраску. Я с нетерпением ожидал появления первых золотистых огней захода на осве-

Цирк Гаварни, выработанный на северных склонах Пиренеев древними ледниками

щенных снегах. И вот, наконец, красное зарево заката охватило величественный хребет, и вершины гор загорелись спокойным красным огнем. Лучи рубинового цвета упали в потемневшую глубину Гаварни, кажущуюся бездонной пропастью.

Поздно ночью вернулся я в хижину, полный незабываемых впечатлений от величественной картины горного цирка.

В АНДАЛУЗИИ

В. Тонин

Давайте совершим путешествие по Андалузии. Начнем его с мыса Марроки, самой южной точки Испании и в то же время самой южной точки Европы.

Здесь находится город Тарифа. Он очень небольшой, в нем нет особых достопримечательностей, разве что зубчатые стены средневековых зданий с бойницами — молчаливые свидетели побед и поражений защитников крепости, не раз подвергавшейся нападению иноземных захватчиков.

Всего 14-километровая полоса воды отделяет Тарифу от африканского материка. Здесь сухо и жарко, особенно летом, почти нет зелени, вокруг голая земля и скалы. Можно подумать, что вы попали не на морской берег, а в пустыню. Недаром французская пословица гласит: «За Пиренеями начинается Африка».

Дорога до Малаги проходит вдоль юго-восточного побережья Пиренейского полуострова. Поездка по ней довольно утомительна, как и по любой горной дороге. К тому же солнце палит нестерпимо. Слева от нас — выжженные солнцем горы, справа — сверкающие воды Средиземного моря.

Чем дальше от Тарифы, тем чаще попадаются зеленые оазисы, спрятанные в горных долинах, белеют деревни. Изредка проносятся легковые автомашины, грузовики, иногда мелькает запыленная фигура одинокого пешехода или всадника верхом на муле.

Андалузцы — небольшого роста плотные крепыши; как все южане, они отличаются подвижностью, веселым нравом. Они любят поспорить, побалагурить, но за их жизнерадостностью часто скрывается грусть. Она слышится в «фламенко» и «хондо» — наиболее распространенных андалузских песнях. Андалузские крестьяне носят одежду из темного «пана» — нечто вроде вельвета, прочность которого вошла в поговорку. Иначе одет помещик; вот в пестром костюме, с ярким платком на шее, он гарцует на породистом скакуне, объезжая свои владения.

Воздух свежеет, зеленые оазисы попадаются все чаще и чаще, пока не сливаются в сплошной массив. Меняются и горы: они становятся выше и служат защитой от знойных ветров из Африки. Мы уже едем вдоль апельсиновых и лимонных рощ, виноградников, иногда попадаются плантации сахарного трост-

ника. Виноград вывозят из Андалузии почти во все страны Европы.

Но вот, наконец, перед нами на небольшом равнинном пятачке между Андалузскими горами и Средиземным морем — Малага. Она ощетинилась трубами металлургических заводов: недалеко от города ведется добыча железной руды. Малага — довольно большой торгово-промышленный город с населением почти в 300 тыс. человек, с химическими предприятиями и текстильными фабриками. Малага — крупнейший центр виноделия. Из его порта вывозят вино, фрукты, оливковое масло, свинец.

Климат здесь, смягченный влиянием моря, значительно мягче, чем в Тарифе, много зелени. Окрестности Малаги считаются зимним курортом, а городской собор, средневековые дворцы и порталы мавританского арсенала славятся как великолепные памятники архитектуры. И, конечно, как почти во всех городах Испании, здесь есть арена для боя быков.

Чтобы попасть в Гранаду, которая лежит в месте слияния рек Хениль и Дарро, нам нужно пересечь с юга на север хребты горной цепи Сьерра-Невада. На протяжении пути отовсюду видна величественная Муласен. Это высочайшая горная вершина Испании.

Вокруг Гранады на склонах Андалузских гор раскинулись оливковые рощи, поля пшеницы, виноградники. Сейчас это небольшой город, он насчитывает около 175 тыс. жителей; промышленность здесь развита слабо, это в основном производство вина, бумаги, грубых тканей из льна и шерсти. Когда-то Гранада была столицей последнего оплота арабов в Испании — Гранадского эмирата. С тех времен сохранились мечети, ажурные крепости-дворцы (например, Альгамбра, построенная в XIII—XIV вв.). Падение Гранады в 1492 г. знаменовало полное освобождение Испании от арабов.

Господство арабов наложило свой отпечаток на культуру Испании, ее язык, на архитектуру городов. Именно сочетание двух стилей — мавританского и испанского — придает городам Испании особый колорит.

Теперь дорога все время идет под уклон, к Андалузской равнине. Мимо пробегают небольшие селения, окруженные фруктовыми садами. Растительность становится все гуще, все пышнее, но не все земли плодородной Андалузской равнины возделываются: огромные участки отведены под пастбища.

В излучине реки Гвадалквивир, пересекающей Андалузскую равнину, близ южных склонов Сьерра-Морены лежит Кордова. Этот город был известен еще во времена финикийской колонизации; во II в. до н. э. Кордова была одним из центров римского владычества на Пиренейском полуострове, а в X—XI в. н. э.— столицей арабского халифата.

Ныне это небольшой провинциальный городок, пожалуй, один из самых живописных уголков Испании. Путешественники, попадающие в Кордову, обязательно взберутся на древние городские стены, пройдут по мосту, построенному арабами на развалинах римского моста, посетят мавританские дворцы, осмотрят зал с колоннами в мечети Альгамы, а покидая Кордову, каждый непременно увезет с собой какой-нибудь сувенир. Город славится мастерами по чеканке на золоте и серебре, по искусной выделке кожи.

В Испании немало рек, но на них не увидишь парохода: реки эти несудоходны. Судоходен лишь Гвадалквивир в нижнем течении. Здесь на обоих берегах раскинулась Севилья — промышленный центр, железнодорожный узел и крупный речной порт Испании. Сюда заходят и морские корабли. Севилья — город контрастов: здесь великолепные особняки знати и рядом — лачуги бедноты; древние дворцы — и серые, унылые корпуса фабрик и заводов. На улицах снуют автомобили новейших марок — и можно увидеть религиозную процессию в честь святой покровительницы того или иного городского района. В Севилье находится университет и один из старейших музеев Европы. Здесь много табачных и текстильных фабрик, машиностроительных и консервных заводов.

Снова перед нами знакомый ландшафт Андалузской равнины: апельсиновые рощи, виноградники, пастбища. Слева остался городок Херес, и вот вдали показался Кадис. Недавно Кадис праздновал свое трехтысячелетие. Это крупный торговый порт и военно-морская база, модернизированная после второй мировой войны американцами. Нередко сюда заходят военные корабли некоторых западных держав...

На улицах жарко, душно. Люди ходят без пиджаков, пальто здесь никогда не носят. Рядом с двухэтажным троллейбусом едет крестьянин верхом на муле.

Мы стоим у парапета набережной, и перед нами расстилается синий широкий простор Атлантического океана. Пять столетий назад отсюда отправлялись в дальние странствия отважные первооткрыватели, снискавшие великими морскими походами славу своей родине.

МАДРИД

По *М. Кранаеву, В. Боровскому* и др.

Столица Испании Мадрид расположена почти в самом центре Пиренейского полуострова, на плато, приподнятом на высоту более 600 *м*. По своему положению Мадрид — одна из наиболее «высоких» столиц Европы. Климат в районе Мадрида резко континентальный, с прохладной, по-испанским понятиям, зимой и сухим, жарким летом.

Мы прилетели в Мадрид в зимнее время. Пасмурно, накрапывает дождь. Ничего похожего на «солнечную Испанию». Из окна автобуса, который везет нас с аэродрома в Мадрид, открывается довольно унылый пейзаж. Не видно ни одного деревца, ни одного клочка зелени. Мадрид начинается как-то сразу, без обычных пригородов. Широкие улицы, много новых домов, никаких следов того специфического «испанского» колорита, который у нас ассоциируется с узенькими улочками, решетчатыми окнами и черноокими сеньоринами на балконах.

Улица Алькала, соединяющая площадь Пуэрто-дель-Соль с площадью Сибелис, Авенида-де-Хосе Антонио и примыкающие к ним кварталы — это деловой и торговый центр Мадрида. Обычно с утра он заполнен потоками направляющихся на работу чиновников и торговых служащих.

Мадрид просыпается рано, однако его улицы оживают лишь часам к девяти, когда открываются двери магазинов и начинают работу банки и учреждения. Но сегодня на улицах Мадрида нет обычного оживления. Закрыты все магазины и учреждения, в кинотеатрах демонстрируются только фильмы религиозного содержания. Многолюдно и оживленно только у церквей. Сюда направляются вереницы богомольцев, среди которых много женщин в кружевных мантильях. Идет бойкая торговля открытками на религиозные сюжеты.

В Испании, как и в других католических странах, отмечается «святая неделя», которая завершается 1 апреля праздником пасхи. Жизнь в Мадриде на эту неделю замирает. В субботу и воскресенье не выходят даже газеты. В Мадриде много церквей. На улицах часто мелькают тонзуры (выбритые макушки) католических священников и черные с белым головные уборы монахинь. В полумраке церквей — горящие свечи и коленопреклоненные фигуры молящихся. Запах ладана проникает даже на улицу. Отыскиваем ближайшую станцию метро. Мадридское метро уступает парижскому по протяженности и по количеству станций, но устройство такое же: такие же узкие тоннели и станции без наземных вестибюлей.

Выходим у площади Сибелис и сразу попадаем в банковский квартал — своего рода мадридское Сити. Здания банков следуют здесь одно за другим, соперничая друг с другом пышностью фасадов, зеркальным блеском окон.

За банками тянутся магазины с нарядными витринами. Пуэрто-дель-Соль — центральная площадь Мадрида. Она невелика и кажется еще более тесной от расположенных в ее центре фонтанов и от заполняющей ее публики — туристов и праздношатающихся. Десять больших и малых улиц вливают в Пуэрто-дель-Соль густые людские потоки. Резко гудят автомобили. Перекрывая шум, нараспев кричат газетчики, то и дело раздаются протяжные, надрывные призывы слепых продавцов билетов государственной лотереи. Толпы людей собираются обычно вокруг

круглой каменной плиты, установленной на углу, рассматривая шкалу расстояний для всех шоссейных дорог, расходящихся в разные стороны от Мадрида. Наше внимание привлекает старинное здание, увенчанное башенкой с часами. Мы не раз видели его на гравюрах — это знаменитый мадридский почтамт. Теперь здесь размещается генеральная дирекция безопасности. По часам, находящимся над зданием, вся Испания проверяет время. На Пуэрто-дель-Соль и примыкающих к ней узеньких уличках сплошной цепью тянутся магазины. Их витрины зазывают покупателей пестрыми безделушками, разрисованными бесконечными вариациями быков и тореадоров. Эта бутафория, изготовленная специально для туристов, преследовала нас повсюду, где бы мы ни были. Внимание к иностранным туристам в Испании понятно: они дают немалую долю поступающей в страну валюты, в которой она остро нуждается. В 1955 г. Испанию посетило 2,5 млн. туристов.

Больше всего иностранцев в Мадриде можно встретить на Гран Виа или, как ее теперь называют, Авенида-де-Хосе Антонио. Наподобие парижских Елисейских полей, эта улица полна шикарных магазинов, дорогих отелей, ресторанов и кинотеатров. В лучших домах расположены многочисленные филиалы иностранных компаний. Спускаясь вниз, Гран Виа кончается площадью Испании. На площади памятники бессмертным героям Сервантеса — Дон-Кихоту и Санчо Панса.

На одной из окраин Мадрида стоит здание Пласа-де-трос, о котором упоминают все справочники для туристов. Здесь устраиваются традиционные публичные представления — бой быков и тореро, которые нередко кончаются убийством последних.

Неподалеку от здания Пласа-де-трос расположен район лачуг и пещер, вырытых на склонах холмов. Здесь живут безработные. У зловонных сточных канав копошатся юные мадридцы.

Население Мадрида насчитывает сейчас около 1,8 млн. человек. Город испытывает острый недостаток в жилище, воде, электроэнергии. По своему состоянию и техническому оснащению городской транспорт значительно отстает от потребностей.

Мадрид — город резких контрастов. В центре — прекрасные, монументальные здания, великолепные музеи, парки, сады, многочисленные новостройки новых административных и жилых зданий, отелей и увеселительных заведений. В северных и южных районах города, где расположены рабочие кварталы,— полуразвалившиеся дома, скученность населения. В таких районах, которые здесь называют «поясом трущоб», проживает огромное число жителей.

Побережье Средиземного моря →

МАКВИС

По *Д. Кэмпбелу, А. Филиппсону* и др.

Средиземноморская область Европы прекрасно защищена на севере цепями высоких гор. Климат ее сильно отличается от климата Центральной Европы. Зимы здесь, как правило, мягкие. Наибольшее количество осадков выпадает в течение холодной половины года, летом же в некоторых частях области почти не бывает дождей.

В наиболее защищенных местах, как в южной Испании, южной Италии, Сицилии, растут апельсины и лимоны, а почти по всему Средиземноморскому побережью — оливковые и фиговые деревья и виноград.

Как и следовало ожидать, различные экзотические растения из других стран со сходным климатом чувствуют себя в Средиземноморье, как дома. Пальмы из Египта, Калифорнии и Китая, кактусы и агавы из Аризоны и Мексики, эвкалипты и акации из Австралии, перцовые деревья и бугенвиллии из Южной Америки, герани, алоэ, мезембриантемумы и другие красивые растения Южной Африки растут в тесном сочетании с местными дубами и соснами, розами, красными гвоздиками и другими знакомыми нам садовыми растениями.

Растительность на небольших возвышенностях вдоль побережья Средиземного моря состоит преимущественно из вечнозеленых. Наиболее обычны здесь каменный дуб, сосна-пиния, оливковые деревья и кипарисы. Встречаются также деревья с опадающими листьями, например вязы, тополи. На средних высотах склоны гор покрыты иногда каштановыми лесами, плоды которых употребляются местными жителями в пищу. На высоких горах растут в большинстве случаев леса, типичные для Центральной Европы.

Но наиболее характерной растительной формацией для Средиземья является вечнозеленый кустарник — маквис, покрывающий склоны холмов густыми, иногда колючими зарослями. В состав маквиса входят разнообразные кустарники, часто очень декоративные, но иногда заросли бывают образованы одним или несколькими видами. Представляет наслаждение бродить весной по узким тропинкам в его чаще, когда из темно-блестящей листвы поднимаются роскошные, большей частью белые или желтые цветы, распространяющие вокруг ароматичный запах. Назовем только самые важные и известные из вечнозеленых кустарников маквиса: благородный лавр, нежный мирт, прелестное земляничное дерево, фисташки, древовидные и другие виды вереска, олеандры, ладанник. Небольшие изящные кусты ладанника с блестящими, беловато-зелеными листьями покрываются во время цветения крупными белыми, розовыми или пурпурными цветами, похожими на розу. Многие из них выделяют из своих

ветвей и листьев душистую смолу, известную под названием ладана. Особенно много ладана получается от одного из крупнейших и красивейших кустарников — испанского ладанника; он очень часто встречается в юго-западной части Пиренейского полуострова и покрывает вместе с некоторыми другими видами этого же кустарника всю плоскую вершину Сьерра-Морены, обрамляющей с севера Андалузскую низменность. Если смотреть на Сьерра-Морену с одной из поднимающихся над ней гор, то этот горный хребет, состоящий из множества отдельных массивов, как летом, так и зимой представляется внезапно застывшим бурным морем, которое вблизи кажется темно-зеленым, а на некотором расстоянии почти черным (отсюда название Сьерра-Морена — «Темные горы»); напротив, весной, в апреле, когда ладанник покрывается своими белоснежными цветами величиной с большую тарелку, издали кажется, что горы будто бы осыпаны снегом. Если же бросить взгляд на глубокие речные долины в августе, то на дне их выделяются розовые полосы, красиво оттененные изумрудной зеленью, по которым можно далеко проследить течение рек. Полосы эти образуются роскошно цветущими олеандрами. Они часто сопровождают течения рек и густо разрастаются на сухих конусах выноса.

В зарослях маквиса встречаются также многочисленные виды можжевельника и отдельные экземпляры вечнозеленых дубов — каменного и пробкового. В противоположность нашим дубам с опадающей листвой они имеют маленькие, продолговатые или круглые цельнокрайние или слегка зубчатые кожистые листья, которые обыкновенно представляются блестяще-зелеными только с верхней стороны, между тем как снизу они покрыты белым или серым войлоком. Очень характерны в составе маквиса также дикие маслины, которые встречаются то в виде кустов, то в виде небольших деревьев.

ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ

Рене Жугле

Прованс — старая французская провинция, протянувшаяся между Марселем и Ментоной[1]. С одной стороны ее омывают воды Средиземного моря, а с другой обступают горы. Это отроги Альп, покрытых вечными снегами,— естественная граница между Францией и Италией. Они становятся ниже, по мере того как удаляются от границы, и совершенно исчезают у берегов Роны. Есть здесь и другие горы. Одиночные, менее высокие, они расположены ближе к морю; у подножия их лежит Лазурный берег — побережье Прованса.

[1] Ментона — город на побережье, вблизи границы Франции и Италии.

Лазурный берег оправдывает свое название. Перед этой полоской земли простирается синее море, редко бурное, обычно спокойное, как озеро. Небо над ним такого же синего цвета, может быть, чуть светлее.

На Лазурном берегу всегда прекрасная погода. Здесь почти нет дождей, если не считать сильных ливней. Летом очень жарко, зима же мягкая, без морозов. Снег идет один или два дня за зиму, да и то не каждый год. В этом уголке Франции можно жить девять-десять месяцев в году, не отапливая дома.

Не удивительно поэтому, что в этом краю столько цветов. Они цветут не только в садах, но и на склонах гор вдоль дорог, в полях и в лесах. В феврале в оврагах благоухают цветущие акации, затем наступает очередь олеандров. За этими цветами никто не ухаживает. Они требуют немного воды, но много солнца.

Добавьте к запахам цветов острый аромат сосны и эвкалипта, и вы поймете, почему Лазурный берег часто сравнивают с огромным душистым букетом. Мирная тишина, это постоянно безоблачное небо и щедрая природа делают Лазурный берег одним из самых прекрасных мест для отдыха.

Путешественник, прибывающий в Марсель пароходом, поражен красочностью побережья. Оно причудливо изрезано и образует маленькие скалистые бухты, которые называют «каланками». Скалы здесь не серые, как обычно, а желтые и темно-красные. За ними стеной возвышаются лесистые холмы, в зелень которых вкраплены розовые, белые, зеленые и шафрановые виллы; все это напоминает театральные декорации.

Марсель — один из самых крупных портов в мире. Когда вы прогуливаетесь по набережным, вы проходите мимо массы пассажирских пароходов и грузовых судов, прибывающих сюда из многих стран. Они привозят шерсть из Австралии, хлопок из Индии, рис из Японии, лес, минералы и фрукты из Африки, не считая пассажиров — желтых, белых, черных... Здесь всегда кишит толпа, самый различный говор заглушается грохотом вагонов, грузовиков, трамваев, автобусов и автомобилей, гудками буксирных судов и скрежетанием цепей. Все это — на причудливом фоне сплетения пароходных труб, мачт и гигантских кранов. Пассажиры спешат. Докеры торопятся с погрузкой и разгрузкой. Не успеет один пароход отчалить от набережной, как его место занимает следующий.

Тулон — тоже порт, как, впрочем, все города Лазурного берега, но другого назначения; в нем сосредоточены эскадры военного флота. Вы увидите здесь суда, ощетинившиеся пушками: крейсеры, миноносцы, авизо (вестовые суда), подводные лодки.

Вокруг города, на холмах, которые его окружают, виднеются форты и артиллерийские батареи — все то, что служит для нападения или защиты, все то, что служит чудовищу, называемому войной.

Тулон — не только военный, но и рабочий город. Залитый солнцем, наполненный толпой, он теснится возле самого моря. На его набережных, как и в Марселе, расположились продавцы ракушек. Вы можете отведать морских ежей, которых только что поймали и которые еще пропитаны запахом моря. Вы можете тут же осушить стаканчик анисовой настойки — любимого местного напитка. Когда солнце плавит мостовые, нет ничего более освежающего, чем этот напиток.

К востоку дорога бежит по берегу моря у подножия гор. Приятно идти по ней в тени платанов. Все чаще попадаются пляжи. То тут, то там можно увидеть поселения рыбаков. На песке сушатся сети. На легких волнах спокойного моря чуть колышутся лодки. Но иногда под натиском мистраля на море поднимается шторм. Мистраль — северный ветер, дующий с чрезвычайной силой [1]. Он проникает через долину Роны и врывается в ущелья гор, сгибает, а иногда ломает деревья. Он дует сутками, но когда утихает, небо становится необычайно чистым. В дни, когда бушует ураган, рыбаки не выходят в море: слишком много риска. Волны высотой в дом бьются о набережную, выворачивают камни и опрокидывают телеграфные столбы.

Вскоре нам попадается маленький городок Сен-Тропез. Он расположен у входа в небольшой залив; этот вход он охранял в те далекие времена, когда мавры напали на Прованс. Над городом и теперь возвышается старинная крепость, массивная, квадратная и, конечно, теперь уже совершенно беззащитная перед современными бомбами и артиллерийскими снарядами.

Городок весьма любопытен. Улицы его в некоторых местах настолько узки, что двум встречным автомобилям не разъехаться. Иногда своды домов соединяются между собой и образуют над улицами арки. На окнах железные решетки. Очевидно, когда-то они служили для защиты от нападения.

Сен-Тропез пользуется широкой известностью. Вся Западная Европа, Америка, Африка и Ближний Восток знают этот маленький порт с разбросанными у самого берега приземистыми разноцветными домиками, сверкающими на солнце. В июле и августе Сен-Тропез заполняется яхтами, прибывающими сюда из всех уголков мира. Борт о борт стоят большие, роскошные яхты. Здесь свидания богачей — ультрамиллионеров и миллиардеров. С наступлением ночи они расходятся в бары и дансинги, где забавляются, соря деньгами.

Они выходят оттуда уже на заре, когда рыбаки, вновь принимаясь за свой тяжелый труд, ставят в море сети. Даже на этом крошечном клочке земли проявляется социальная несправедливость. Для одних — удовольствия, для других — работа. Одни швы-

---

[1] Мистраль возникает при прохождении над Средиземным морем серии циклонов, в которые затягивается воздух с суши из формирующегося над ней антициклона.

ряют деньгами направо и налево, другие же трудятся в поте лица, чтобы заработать на хлеб.

В окрестностях расположены деревушки; домики притаились в зелени виноградников. Виноградарство — основное занятие в этом крае. Здешнее вино великолепно, но чтобы получить хороший урожай винограда, требуется много труда и забот. Нужно подрезать лозы, пропахивать между рядами, поливать листья сульфатом от вредителей. На этой земле выращивают также оливы и пробковый дуб.

Местами попадаются участки, на которых разводят фиги и апельсины.

На другой стороне залива, на холмах и побережье, приютился городок Сент-Максим. Это тоже центр рыболовства, но менее крупный. Большее время года городок как бы спит, но когда приходит лето, он наполняется туристами. Одни живут в собственных виллах, другие — в отелях. Этот отдых обходится слишком дорого, и его могут позволить себе только очень обеспеченные семьи.

Те, кто победнее, ищут себе другие способы. Во многих местах побережья вырастают целые «парусиновые деревни» — это скопление иногда до сотни крошечных палаток: надувной матрац, спальный мешок, одеяло. Жители «парусиновых деревень» готовят пищу сообща на костре или спиртовке. На открытом воздухе расставлены в тени деревьев большие столы и скамейки. Вечером молодежь танцует под аккордеон.

Существует только одна неприятность — грозы. Палатка не может хорошо укрыть от ливней. Но в конце концов побеждает молодость, бодрость, хорошее настроение, к тому же на солнце быстро все высыхает.

От Сент-Максима дорога становится чрезвычайно извилистой. Она вьется у подножия скал, у самого моря; солнце печет здесь жарче, а море так ослепительно, что заставляет зажмуриться.

Порт Сен-Рафаэль живет туризмом и торговлей. В этом районе есть месторождения бокситов — руды, из которой делают алюминий. Здесь докеры загружают ею трюмы пароходов.

Еще далее к востоку находится ряд роскошных городов: Канн, Ницца, Монте-Карло. Основные доходы они получают от содержания отелей.

Канн — крупный город. Его отели, выстроенные вблизи моря,— это настоящие дворцы. Городок Грас неподалеку от Канна знаменит парфюмерией. Вокруг него простираются поля цветов. Когда попадаешь в этот край во время цветения, возникает ощущение, будто находишься в океане, напоенном ароматом цветов.

На главных улицах Ниццы кипит жизнь, как в Париже. Когда вы взойдете на вершину одного из холмов, на которых она лежит, вашему взору откроются сотни светлых домиков,

приютившихся в садах. На набережных выстроились многоэтажные дома: это отели. Их очень много, есть и недорогие, вот почему в Ниццу иногда приезжают и рабочие.

Неподалеку находится Монте-Карло. Живет он в основном доходами от игорных заведений.

Природа в Монте-Карло так же прекрасна, как во всяком другом месте побережья. Те же цветы, то же море, то же солнце. В городе есть океанографический музей, в его аквариумах можно увидеть самых редких рыб.

Было бы неправильно, однако, представлять, что Лазурный берег — это только кусочек побережья, где живут избранные. Они бывают там недолго, только в летние месяцы.

С сентября же — я не говорю о Ницце, Канне и о Марселе и Тулоне, крупных портах — жизнь Лазурного берега становится совсем другой.

Местные жители остаются одни, оживление спадает, и все здесь становится очень привлекательным. Здешние люди простые и большей частью веселые. Их деревни рассыпаны немного поодаль от берега, среди виноградников или по лесным опушкам. Кровли домов крыты черепицей, комнаты обставлены очень просто, как все дома крестьян. Еда их тоже проста. В этом краю много вина, и в здешних домах оно не переводится. Это мирные деревушки, полные спокойствия, тишина которых нарушается лишь ударами молота бочаров.

Таков Лазурный берег, расположенный на юге Прованса, старой французской провинции. Если подняться выше, можно встретить скалистые голые горы и равнины с виноградниками. Крупные города, в частности Париж, снабжаются фруктами и цветами Прованса.

Я рассказал вам о морском побережье, которое славится во всех уголках мира.

Но, конечно, не менее привлекательны и горы; даже обнаженные, они величественны. Они повсюду рядом. Из Канна, Ниццы и Ментоны можно увидеть на северо-востоке Альпы, снега которых сливаются с облаками. За несколько часов, покинув теплый морской берег, любители лыжного спорта могут найти нужную им лыжню.

ТРАГЕДИЯ ПОЛЕЗИНЕ

Карло Леви

Карло Леви (род. в 1902 г.) — прогрессивный нтальянскнй писатель, а также известиый художник, аитнфашнст, редактор журнала «Свободная Италия». В своих литературиых произведеииях ярко и красочио описывает он трудиую, полиую лишений жнзнь простых людей Италии, главным образом крестьян («Христос остановился в Эболи», «Слова камии»).

Лаго-Маджоре — одно из предгориых озер северной Италии, питающее своими водами реку По

*   *
*

Падаиская иизмеииость Италии, зажатая между Альпами и Апеииииами, возиикла иа месте предгориого прогиба, бывшего в плиоцеие заливом Адриатического моря. Низмеииость образовалась в результате заполиеиия залива рыхлыми толщами речиых и ледииковых иаиосов, мощиость которых у Венеции более 170 *м*.

Главиая река, пересекающая низмеииость,— По. Оиа берет иачало и получает миого притоков из ледников Альп, ее отдалеииые истоки достигают Монблаиа. В верхием течении режим По — типичио альпийский. Максимум расхода приходится иа летиее время, когда тают ледиики и снега. Одиако и в зимиие месяцы иа реке По бывают опустошительные иаводиеиия, иаступающие в тех случаях, когда в горах выпадают очеиь сильиые дожди.

При впадеиии в Адриатическое море По делится на рукава и образует обширную дельту, которая постепеино выдвигается в море. В формироваиии дельты прииимают участие и другие реки, впадающие поблизости; самая крупиая из иих — Адидже. Благодаря совместиой деятельиости этих рек побережье Адриатического моря в Италии сильио измеиилось за исторический

период. Наносами рек была создана широкая полоса суши, отделившая многие города от моря, благодаря чему они потеряли свое прежнее значение крупных портов. Так, например, город Адрия находится теперь в 24 *км* от моря, на 8 *км* удалена от него Равенна. Наращиванию суши способствуют морские прибрежные течения, облегчающие рост песчаных кос, отчленяющих лагуны. Лагуны сопровождают почти все побережье низменности. Огромные косы уже почти полностью отделили от моря Венецианский залив, вход в который необходимо непрерывно расчищать и углублять.

Еще в средние века вдоль берегов По, Адидже и других рек стали возводить валы в защиту от наводнений. Обвалование берегов, задерживающее вынос речных наносов в долину с паводковыми водами, вызвало более быстрое, чем прежде, наращивание дельты и повышение уровня русел По и соседних рек. В связи с этим были проведены работы по увеличению высоты старых береговых валов и сооружению новых. В настоящее время они сопровождают По начиная от города Кремоны, т. е. более чем на половину ее течения через Паданскую низменность. Общая длина валов на По и его притоках — около 800 *км*. Они требуют постоянного надзора и не в состоянии регулировать сток и предохранить население окрестных районов от наводнений. Для этого необходимо зарегулировать сток реки на всем протяжении его течения и в первую очередь — в горах, откуда приходят паводковые воды.

* * *

Полезине был издавна сельским краем, где жизнь, думы, чувства, надежды — все связано с землей, со сменой времен года, с жатвой, солнцем и туманами, со сбором урожая и базарами. Но в декабре 1951 г., когда я там был, этого края не существовало,— Полезине превратился в водную пустыню.

Стиснутый Адидже и По, Полезине сотни раз опустошался то яростными, то спокойными реками и возвращался к жизни трудолюбием людей. История этого края — это история вековых усилий многих поколений крестьян, направленных на то, чтобы обуздать воду, использовать ее, защититься от нее и отвоевать у нее землю. Границы земли и воды здесь непрерывно перемещаются.

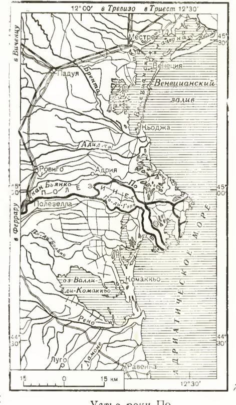
Раньше По впадала в море на много километров южнее, и поэтому гораздо более широкое пространство отделяло ее от Адидже; многие места представляли собой бухты моря или судоходные лагуны, которые с течением времени превратились в болота, затем в топи, низины и наконец — в поля.

Возведенные и вновь погребенные города, возделанные и заброшенные поля — все это результат перемещения По и Адидже, их разливов и опустошительных наводнений, плод работы их мелких притоков, которые, меняя на протяжении веков свои русла, вынося и отлагая массы земли, создали постепенно и сам район Полезине. Историческая хроника донесла до нас сведения о множестве происходивших ранее наводнений По и Адидже. Наводнение 1951 г. является наиболее разрушительным в текущем столетии.

Все те, кто не подозревал о существовании Полезине, были потрясены развернувшейся там драмой; лишь крестьяне приня-

ли это спокойно, потому что испокон веков они привыкли к таким трагедиям.

Тысячи мужчин, женщин и детей, молчаливые, без единой слезинки, без единой жалобы примостились в ожидании конца бедствия со своим жалким скарбом, со спасенными животными на дамбах По и Адидже, на едва выступающих из воды плотинах канала Бьянко. Кое-кто соорудил из веток шалаши, грубые столики на вбитых в землю кольях, некоторые успели спасти свои печки, и женщины тут же занимаются стиркой и развешивают для просушки белье.

Устье реки По

Даже в самые страшные минуты наводнения, когда вздувшаяся река прорвала дамбы и внезапно грозной лавиной с ужасающим грохотом поезда, несущегося в ночи, хлынула на поля, здесь не поднялось всеобщей паники. Одни успели убежать, другие остались, поднявшись на верхние этажи домов, спасаясь на крышах и деревьях; они не хотели разлучаться со своим добром и своими животными. Даже в отрезанных деревнях, целиком затопленных и окруженных со всех сторон водой, куда на помощь могли прийти только с опозданием, у крестьян сохранилось чувство собственного достоинства. Как только прибывали спасательные лодки, люди переставали кричать, женщины тут же вытирали слезы.

В первые дни полезинцы одни боролись против реки, воды которой текут намного выше окружающей равнины. Мужчины, женщины, старики и дети работали в воде среди гула потоков, у бреши, чтобы спасти дамбы; вода переливалась через край и сметала все на своем пути. Река По уже начала прорывать каменную стену, выходящую на площадь в городе Полезелле, и люди, день и ночь работавшие там, уже стали падать духом, когда внезапно вода пошла на убыль.

«Вода спадает, вода спадает!» — закричали жители Полезеллы; но спад был слишком сильным, и было ясно, что вода прорвалась где-то в верховьях реки. Так началось наводнение в Полезине. Вода бушевала несколько дней, и казалось, что борьба со стихией — это дело только рыбаков, крестьян, местных жителей и больше никого; эти люди боролись с взбесившейся рекой одни, без вмешательства местных и центральных властей, как в свое время партизаны сражались с немцами и фашистами. Лишь позже прибыли пожарные, моряки, солдаты, и постепенно спасательные работы перешли от безумного героизма добровольцев к организационной помощи государства.

Потом все утихомирились, и бесконечная водная гладь новой лагуны неподвижно застыла под небом. Тысячи мужчин и женщин с дамбы смотрят на нее. В этот первый солнечный день после бури, дождей и туманов она таит в себе какое-то странное спокойствие, некое обманчивое очарование; ветер не рябит поверхность воды, в которой отражаются кроны ив, и вся она — огромное зеркало, в которое глядится небо. Это какой-то фантастический, прозрачный и перевернутый мир, где дома с крышами и трубами вместо фундаментов, кажется, висят в воздухе...

Вместе с крестьянами я сел на одну из лодок таможенной охраны, направлявшуюся в Адрию. Вода стояла очень высоко, наши лодки проплыли на уровне вторых этажей по улице Рима, потом свернули на боковые улочки, прошли мимо стадиона с футбольными воротами, целиком скрытыми под водой. Телеграфные провода едва виднелись из-под воды; в домах то здесь, то там еще попадаются люди: из окошка, уставленного геранью, выглядывает девушка и, улыбаясь, приветствует нас...

Мы выезжаем из города по окаймленной деревьями дороге, пробираясь между их верхушками. В небе пролетают болотные птицы, повсюду на едва выглядывающих из воды крышах домов и сараев сидят собаки, куры, голуби, индюки, рядом плавают утки. Перед нами плывет, выставив из воды головку, черная змея, быстрая и проворная.

Огромная зеленовато-желтая тыква, зацепившись за провода, качается на поверхности у стены погруженного в воду кладбища. Плывем мимо фермы; старик-крестьянин, стоящий рядом со мной, говорит: «Здесь погибло тридцать четыре вола, там,— и он указывает мне пальцем чуть подальше,— семьдесят».

Минуем виллу с двумя женскими фигурами, водруженными на столбах решетчатой калитки; статуи до пояса погружены в воду и, отражаясь, двоятся в ней, как фигуры карточных королев. На крыше две кошки гоняются за мышонком, рядом за ветку дерева крепко уцепилась курица, а под нею в воде извивается черная змея и барахтается серый крот, тщетно пытаясь ухватиться за пучок проплывающего мимо сена.

Медленно, безостановочно плывет наша лодка по этому призрачному миру.

Озеро Лугано на севере Италии

...Невысокая гора Понте Нуово при въезде в Адрию высится, точно одинокий островок. Он запружен волами и свиньями, стоящими бок о бок на узеньком участке незатопленной земли.

Пламя заката окрасило небо в красноватые и лиловые тона. Опустилась ночь, и мы плывем при свете факела, с треском горящего зеленоватым пламенем. У пристани — непроглядная тьма. Мы выходим из лодки на дамбу. На ней располагаются на ночь люди и животные.

Нас уже не обманет очарование лагуны. За солнечными днями наступят опять дождливые, потом придут зимние морозы и тяжелые туманы; и когда вода спадет, повсюду останутся лужи, болота, разрушения; дома, которые сейчас кажутся парящими в небе, рухнут, подточенные водой. Сегодня здесь еще все в движении, у всех одно желание — спасти, помочь, со всех сторон сюда устремляется волна всеобщего сочувствия, но через несколько месяцев, когда полезинцы начнут возвращаться сюда,

на руины, покрытые грязью и тиной, это будет куда более горестная картина.

Но упорные, настойчивые крестьяне вновь возьмутся за плуги и лопаты и начнут воссоздавать здесь пригодную для жизни землю вместо обманчивой зеркальной глади и царства теней.

Но недостаточно того, чтобы одни крестьяне трудились в поте лица и боролись с реками и нуждой, восстанавливали разбитые семьи и разрушенные жилища; слишком мало одной материальной помощи и пособий; пора, наконец, понять, что в борьбе с постоянно грозящей яростной природой нельзя ограничиваться принятием частных мер, что нужно не пытаться восстанавливать здесь то, что было раньше, а со всем мужеством стремиться исследовать, как то, что происходит в горах, отражается на жизни долин. На стене одного из разрушенных домов я вижу надпись: «Наша земля не должна оставаться болотом!» В этом смысл жизни здешних крестьян: они хотят избавиться от болот и обрести, наконец, твердую и надежную почву.

РИМ

По *В. Соколову* и др.

Легкий, необычно прозрачный воздух. Мы приземлились на пригородном аэродроме Чампино и едем в Рим. Наша машина проносится мимо хорошо сохранившихся развалин акведуков — остатков водопровода, построенного еще рабами древнего Рима. Мелькают острые конусы кипарисов, стандартные постройки дорожных служб и многочисленные рекламы. А вот, наконец, и сам город...

Он начинается как-то сразу, без обычных для западноевропейских городов рабочих предместий, фабрик, заводов и пустырей. Въезжаем на улицу, застроенную большими домами. В их нижних этажах теснятся крохотные мастерские ремесленников, в которых работают обычно хозяин и его семья, иногда с одним-двумя подмастерьями; мелкие лавчонки, бесчисленные бары и пивные.

В Риме нет крупных промышленных предприятий, но в нем концентрируются все центральные правительственные учреждения страны. Гармонические ансамбли дворцов, созданных в эпоху Возрождения, чередуются с католическими церквами. Центральная часть Рима застроена еще много веков назад. Здесь сохранились узкие, мощенные темным камнем улочки, где с трудом могут разъехаться две автомашины. Скученно стоят красивые старинные дворцы — палаццо. У них прекрасные фасады, резные балконы, богатая орнаментовка. Когда-то они принадлежали семьям феодальной аристократии, потом эти семьи захирели, и старинные дворцы с их великолепной архитектурой, лепными потолками и фресками перешли в руки

предприимчивых буржуазных дельцов, которые приспособили эти здания под различного рода конторы и лавки (сами итальянские буржуа предпочитают жить в более удобных современных домах). Но как бы ни изменился внешний облик этих кварталов, кажется, что они и до сегодняшних дней хранят еще следы Гоголя и Стендаля, Гете и Некрасова, Герцена и Вагнера, Глинки и Листа, которые здесь бывали, подолгу жили и работали.

Большинство римских зданий выстроено из местного песчаника, который выламывают здесь же, в городе, в подземных катакомбах. Песчаник добывали тут в течение двух тысяч лет, поэтому под Римом образовалась обширная сеть подземелий, катакомб, в прошлом служивших убежищем для первых христиан. В годы второй мировой войны, в период немецкой оккупации Рима, в них скрывались итальянские партизаны, боровшиеся против фашистов Муссолини и нацистов.

Римский песчаник хорошо поддается обработке, но быстро темнеет: недавно выстроенные здания выглядят старыми.

Улицы Рима сравнительно тихи. Оживление царит лишь в деловых кварталах города. Здесь находится парламент, ряд министерств, банки и правления различных акционерных компаний. Толпы маклеров и спекулянтов окружают биржу.

На Пьяцца-дель-Пополо (Народная площадь) по традиции проводится большинство римских митингов и демонстраций. Площадь примыкает к холму, на котором расположен главный городской парк Боргезе. В парке — тенистые аллеи вечнозеленого дуба, каштаны, заросли олеандров.

На главном проспекте, Корсо, где помещаются фешенебельные магазины, рестораны и кинотеатры, всегда очень людно. По улице беспрерывно снуют набитые пассажирами трехколесные мотоциклы, маленькие итальянские малолитражные автомобили, большие американские машины. Здесь же бродит разодетая, как на праздник, итальянская аристократия: нарумяненные сеньорины и молодые люди с густо напомаженными прическами. Но много здесь и иностранцев. Они толпятся у витрин магазинов или просиживают часами за стоящими здесь же на тротуарах столиками кафе и кондитерских.

Значительная часть населения Рима живет обслуживанием туристов и продажей сувениров. Повсюду здесь лавочки, торгующие открытками и видами Рима, снимками с памятников искусства, молитвенниками и картинами. Маленьким пансионам в этом городе нет числа.

Район Париоли — излюбленная резиденция римских богачей. Здесь царит тишина глухого провинциального города. За высокими каменными изгородями с ажурными чугунными решетками прячутся виллы помещиков Юга, промышленников Северной и Центральной Италии и высшего духовенства. Обычно это

стандартные двухэтажные кубики с плоской крышей — солярием — и покрытыми вьющимися растениями балконами. Почти перед каждым домом фонтан и сад с фруктовыми и лавровыми деревьями, пальмами и олеандрами и аккуратно подстриженным декоративным кустарником вдоль усыпанных гравием дорожек.

В рабочих кварталах Рима нестерпимая скученность. Здесь не увидишь зелени, и даже солнце не всегда проникает в темные, узкие и грязные улочки с перекинутыми от дома к дому на высоте второго, третьего этажа гирляндами стираного белья. На этих улочках людно и шумно. Тут много маленьких мастерских. На покрытых мусором тротуарах и во дворах копошатся босоногие ребятишки. Римские безработные ютятся под мостами, в подземных гротах или старинных развалинах.

Через весь город протекает мутная река Тибр. Летом она мелеет. Уровень ее повышается только в период осенних дождей, и тогда она затопляет низменные кварталы, где ютится городская беднота.

Рим — один из древнейших городов мира. Он старше Парижа, Лондона, Вены, совсем молодого Берлина и большинства других столиц Европы. Ему около трех тысяч лет. Десятки завоевателей один за другим грабили и разрушали Рим. Однако и сейчас здесь сохраняется еще так много памятников древности, что даешься диву, как прочно строили древние римляне. От знаменитого Колизея сейчас осталось не более трети. Нет и следов мрамора, которым он был облицован и из которого были сделаны скамейки, нет и множества статуй, стоявших в наружных нишах арок второго и третьего ярусов. Однако и теперь, полуразрушенный и лишенный всех своих украшений, он производит большое впечатление монументальностью и совершенством архитектурного замысла. Начал его строить император Веспасиан в память взятия Иерусалима, а закончил строительство через пять лет его сын Тит. Колизей представлял собой овал с периметром в 527 *м* и был выстроен из больших тесаных каменных глыб, скрепленных металлическими скобами. Его амфитеатры имели около 50 тыс. мест. Можно себе представить, какое ошеломляющее впечатление он производил прежде, если мы, привыкшие к крупным масштабам современных сооружений, с изумлением стояли у стен этого свидетеля далекого прошлого.

Большой интерес представляют развалины римского форума. В древности здесь была рыночная площадь, на которой происходили народные собрания и совершалось правосудие. Постепенно, по мере роста могущества Рима, форум стал парадной столичной площадью, где воздвигались массивные триумфальные арки, храмы и дворцы. Впоследствии он был разрушен и превращен в пастбище. Теперь форум представляет прямо-

угольную яму примерно 150×80 *м* с разбросанными в ней многочисленными развалинами, остатками колонн и фундаментов.

В пределах Рима находится Ватикан — самостоятельное государство, занимающее площадь 44 *га*, с населением около тысячи человек. Это центр католической церкви. В Ватикане находится огромный папский дворец, в котором живут папа и кардиналы. Там же размещается папская гвардия, различные духовные учреждения и музеи, пользующиеся мировой славой. Но Ватикан, конечно, не только собор, музей, старинный дворец, здесь расположена и довольно мощная радиостанция. Ватикан имеет свои банки, является акционером крупнейших итальянских монополий и монополий США, имеет свои издательства, фабрики, кустарные мастерские, клубы и учебные заведения. Армия Ватикана состоит из двух-трех сотен разодетых в пестрые средневековые костюмы гвардейцев со шпагами и алебардами. Но многочисленные представители католической церкви, от кардиналов до босоногих монахов, которых в одном только Риме несколько десятков тысяч человек,— это тоже своего рода армия Ватикана.

ВУЛКАНЫ ИТАЛИИ

Г. Горшков

Вулканический район вокруг Неаполитанского залива с вулканами Везувием, Рокка-Монфино северо-западнее Везувия, Флегрейскими полями к западу от него и прилегающими вулканическими островами (Искья, Прочида) занимает область тектонического опускания, ограниченную разломами.

Вулканические извержения начались в этом районе в четвертичном периоде и явились следствием образования глубоких трещин, по которым произошло погружение крупного герцинского массива — Тиррениды, располагавшегося на месте Тирренского моря в третичном периоде.

Вулканические явления проявляются здесь в самых разнообразных формах. Везувий — типичный слоистый, или стратовулкан. Он сложен потоками застывшей лавы и слоями обломочного материала, выброшенного из жерла вулкана. Современный конус вулкана насажен на более древний, от которого сохранилась лишь часть кольцевого вала — Монте-Сомма.

Высота конуса постоянно меняется из-за обвалов крутых стенок кратера и нового наращивания их высоты при извержениях. За 300 лет, в течение которых ведутся наблюдения за высотой Везувия, она менялась в пределах ± 300 *м*. Так, например, в 1749 г. она была равна 1014 *м*, в 1900 г. 1350 *м*, в настоящее время 1186 *м*.

На Флегрейских полях имеется несколько кратеров взрыва (Сольфатара, кратер, занятый озером Аверно), туфовый конус Монте-Нуово и шлаковые конусы.

ФЛЕГРЕЙСКИЕ ПОЛЯ

Флегрейские поля в окрестностях Неаполя — интересная область самых разнообразных проявлений вулканической деятельности. Поля эти усыпаны низкими вулканическими конусами и широкими, плоскими кратерами.

Окрестности Неаполя с Везувием и Флегрейскими полями

Вокруг разбросано множество небольших селений, некоторые из них известны еще со времен древнего Рима.

На склонах холмов раскинулись виноградники и сады.

На шоссе по пути из Неаполя на запад установлены указатели — стрелы с надписью «Вулкан Сольфатара».

Машина подъезжает к небольшому белому зданию с воротами; здесь мы покупаем билеты.

Спускаемся на дно кратера. Внутренние склоны обрывисты, на вулканических породах налеты ярко-желтой серы, кристаллики которой настолько нежны и хрупки, что довезти их в сохранности до дома невозможно.

Дно кратера плоское, покрыто глинистой коркой. В некоторых местах видны ямы неправильных очертаний, в них кипит и булькает сера и грязь. Ветер разносит по окрестностям поднимающийся пар. Вместе с паром из многочисленных щелей выделяется углекислый газ. В пещере, вырытой в стене кратера, «Собачьем гроте», углекислоты близ пола скопляется так много, что мелкие животные могут задохнуться. Почва во многих местах настолько горяча, что держать образцы пород в руках невозможно.

По имени вулкана слово «сольфатара» применяется ныне вообще к тому типу извержений, которые характеризуются выделением пара и углекислоты с температурой до 200°.

Недалеко находится другой такой же кратер, но более глубокий. Он заполнен водой и образует озеро правильных округлых очертаний — Лаго-ди-Аверно.

Когда-то на берегу озера били горячие ключи, и древние римляне построили здесь бани — термы; развалины их сохранились до сих пор.

Восточнее этого кратера расположена невысокая, ниже 200 *м*, правильная конусовидная гора, Монте-Нуово. Она появилась в 1538 г. в результате одиночного извержения — взрыва. Конус вулкана образован из пепла. Кратер его обширен и глубок, с почти отвесными внутренними стенками. Склоны покрыты густым кустарником.

Мы остановились на вершине, в рощице пиний. Перед нами открылся Неаполитанский залив. Невдалеке виден скалистый мыс Мизено. Именно здесь находились во время знаменитого извержения Везувия 79 г. н. э. суда римского флота. Под командованием Плиния Старшего они направились к гавани Стабия, чтобы оказать помощь населению. Плиний Старший погиб. Его племянник, будущий известный писатель и историк Плиний Младший, находился тут же, наблюдая за извержением Везувия. Позже в своих письмах к Тациту он описал это событие.

ПОЦЦУОЛИ

На Флегрейских полях находится городок Поццуоли. Белые домики с оранжевыми черепичными крышами сбегают к самому морю.

В городке сохранились руины древнего храма Сераписа и рынка Мачеллума; в XIII—XVI вв. эти места были залиты морем. Затем дно стало подниматься, и к началу прошлого столетия развалины появились на поверхности.

Постройки образуют прямоугольник. Посреди него — остатки мраморной беседки, рядом — три высокие колонны; четвертая, разрушенная, лежит неподалеку. Они носят следы пребывания под водой: мрамор источен моллюсками.

Несколько лет назад суша здесь снова начала опускаться, вода уже покрыла каменные плиты рыночной площади. Подсчитано, что в последние десятилетия земля опускается приблизительно на два сантиметра в год.

Колебательные движения земной коры распространены повсеместно, но здесь они могут быть зафиксированы с особенной точностью наблюдениями за погружением и поднятием из-под уровня моря древних строений.

ВЕЗУВИЙ

Автобус подъезжает к известной Вулканологической обсерватории, ведущей систематические наблюдения за Везувием. Дорога вьется среди виноградников и садов, пересекая слои пепла, а порой и потоки лавы.

От здания обсерватории вверх к Везувию под небольшим углом ползут вагончики трамвая. От конечной трамвайной остановки мы поднимаемся к кратеру по подвесной канатной дороге. Под нами крутой склон вулкана, покрытый слоем пепла и совершенно лишенный растительности. Раньше до кратера можно было подняться по фуникулеру, но во время сильного извержения 1944 г. он был разрушен. Верхняя станция подвесной дороги расположена на краю кратера. Здесь можно выпить воды, купить открытки и сувениры — брелки с изображением Везувия.

Стены кратера отвесны, поэтому спуск внутрь невозможен. Глубина кратера — метров сто, диаметр — свыше полукилометра. Отовсюду понемногу выделяется пар, в кратере отчетливо видно несколько слоев лавы. Это следы извержений — древних и позднейших.

В 1944 г. лава хлынула в северо-западном направлении к подножию вулкана и разрушила много зданий в городе Сан-Себастьян. Дым и пепел поднимались на высоту в несколько

← Неаполитанский залив. Вдали дымящийся конус вулкана Везувий.

километров. Обсерватория была засыпана слоем пепла в метр толщиной. Вулканические бомбы вылетали из кратера и падали далеко за пределами склонов Везувия.

Огромное впечатление произвели на нас развалины Помпеи. Под слоем пепла толщиной до семи метров город был погребен до прошлого века. Сейчас здесь ведутся раскопки. Вскрыты почти все кварталы.

Перед нами встает в подробностях жизнь города. Здания с квадратными двориками внутри и фресками на стенах, храмы, обширные бани, площадки, театры, памятники. В домах — посуда, принадлежности игр, украшения. На больших плитах мостовой видны углубления, выбитые колесами экипажей; на стенках колодцев — ямки, протертые в камне веревкой. В пекарне — обуглившийся хлеб.

Многие жители города не успели уйти в те трагические дни и погибли в своих домах.

Раскопки последних кварталов дадут еще немало интересного.

ЛИПАРСКИЕ ОСТРОВА

Ясным утром небольшой пароходик отошел от пристани Неаполя, и на рассвете следующего дня мы подошли к Стромболи — северному острову из группы Липари. Многие из этих островов — вулканы, подымающиеся прямо из воды.

Стромболи отличается от других вулканов тем, что всегда находится в действии, но сильными извержениями как будто не грозит.

Мы подошли к острову еще в темноте и могли наблюдать, как через короткие промежутки времени облачко пара, окутывающее вершину вулкана, освещалось красным светом. Происходил взрыв, и темные клубы дыма, прорезая облачко, устремлялись кверху.

Признаки вулканической природы на соседнем острове, Липари, встречаются повсюду. Слои пепла и потоки застывшей лавы спускаются в море. Пологий купол горы Монте-Бианко состоит из совершенно белой волокнистой, шелковисто поблескивающей пемзы. Она скрывает под собой большие месторождения другой породы — липарита.

Два мальчика повезли нас на моторном боте на остров Вулькано. Его название стало нарицательным для всех вулканов.

Пар вырывается у пристани даже со дна моря, и вода производит здесь впечатление кипящей. Тропинка, ведущая вверх, вьется среди голых скал, сложенных продуктами недавних извержений. Много вулканических бомб с характерной структурой «хлебной корки» на поверхности. Фумаролы — газообразные горячие выделения вулкана — наверху очень обильны, вокруг них отлагается сера.

МАЯК СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

В. Егунов

Ясным утром наш пароход покинул остров Липари и направился к Стромболи. Проходим мимо небольших островков. Между двумя из них вода кипит, как в котле,— на дне моря происходит извержение паров и газов.

Вдали возникает довольно высокая, конической формы гора, над вершиной которой висит густое облако пара. Пароход подходит к острову Стромболи с единственным вулканом, именем которого назван один из типов вулканов — стромболианский.

У подошвы горы квадратиками белеют постройки, по склонам тянутся виноградники.

На следующий день рано утром в сопровождении проводника отправляемся на Стромболи. Вскоре поселок и виноградники остаются позади. Крутая каменистая тропинка ведет все выше.

За глубокой размытой долиной протянулся длинный вал застывшей лавы: беспорядочно разбросанные глыбы затрудняют путь.

Наконец мы у кратера. Из глубины его вылетают клубы серого дыма. По лицу хлещет песок, дышать трудно.

Осторожно спускаемся по узкому карнизу в черную, мрачную пропасть. Со дна доносятся глухие раскаты. Вдруг сильный взрыв потряс гору. Мы прижались к стене кратера. Какие-то темные комки вихрем взлетели вверх.

На мгновение воцарилось безмолвие, и сразу же вслед за ним раздалось сильное шуршание, напоминающее шум моря, когда громадная волна, сбегая с берега, тащит за собой камни, гальку, песок. Это с неудержимой силой полетели обратно в кратер комки лавы и куски шлака.

В течение часа я насчитал три таких взрыва.

Мне довелось наблюдать Стромболи и ночью. Теперь столб пара, поднимающегося из кратера, был пепельно-красным. Постепенно краски разгорались все ярче и ярче: оранжевые, золотистые и, наконец, золотые. Но вот они становятся совсем ослепительными — происходит взрыв. Вокруг большого белого столба пара фонтаном взлетают огненные брызги, и все рушится и гаснет. Вершину окутывает мрак.

Но вулкан потухает ненадолго. Через несколько минут все повторяется снова.

Свыше трех тысяч лет непрерывно извергается вулкан. Огненные вспышки природного маяка помогают морякам находить путь в просторах Средиземного моря.

ПОЕЗДКА НА КАПРИ

В. Соколов

Капри — прославленный зимний курорт. Мягкий климат с большим числом солнечных дней, прекрасное купанье привлекают сюда американскую долларовую знать, английских лордов, французских и немецких промышленников. При коренном населении в 7 тыс. человек на Капри ежегодно бывает 140—150 тыс. туристов, но итальянские туристы обычно приезжают сюда всего лишь на один день, чтобы наспех ознакомиться с достопримечательностями острова, побывать в прославленном Голубом гроте и в тот же день вернуться на материк. Если не считать сбора кораллов, население острова живет исключительно обслуживанием туристов. Урожай обширных садов, цветы на клумбах, труд земледельца и улов рыбака — все это для туриста, и не для своего, итальянского, а, как правило, для американского и английского.

Есть на Капри роскошные виллы и особняки, которые построили американские толстосумы. Есть «дорога Круппа» — ее построил толстосум немецкий. Природа прекрасная, известные на весь мир гроты. Но не поэтому с 1906 по 1917 г. остров Капри постоянно упоминался в печати всех стран, и не поэтому каждый русский интеллигент, попадавший в то время за границу, считал своим долгом побывать на Капри. В это время здесь жил, привлекая внимание всего прогрессивного человечества, великий пролетарский писатель, буревестник революции Максим Горький.

Вынужденный в силу преследования царского правительства покинуть Россию, Горький поселился на острове Капри в октябре 1906 г. после краткосрочной поездки в Америку. Капри был рекомендован ему врачами.

С приездом Максима Горького на Капри этот средиземноморский островок превратился в место постоянного паломничества русских, которые стремились повидать великого изгнанника. У Горького побывали Шаляпин и многие другие артисты и художники. Дважды посетил Горького на Капри (в апреле 1907 г. и летом 1910 г.) и вождь русской революции В. И. Ленин.

* * *

Геологически остров Капри — громадная известковая скала, отколовшаяся от материковой Италии, отделенная от нее проливом, шириной всего лишь в 5 *км*. Морские волны, приливы и отливы подтачивают известковую скалу, и в нескольких местах эта тысячелетняя работа воды образовала глубокие пещеры. Капри вначале прославился не столько своим изумительным

климатом, сколько своими гротами. Тут есть Голубой грот, Изумрудный грот, Белый грот, Изумительный грот и другие.

Сегодня море спокойно, и можно осматривать Голубой грот. В шторм в него невозможно проникнуть.

Договорившись с лодочником, мы в маленькой лодке отправляемся в путь.

Яркое солнце заливает своими лучами море, голубое вдали и изумрудно-зеленое у берегов, и укутанные зеленью пальм и вьющихся растений виллы, расположенные в наиболее живописных местах побережья. В белом кружеве волн мягко покачиваются у берегов белокрылые яхты и маленькие лодки рыбаков. Мягкий, ласкающий ветерок. На склонах холмов серебрятся оливковые деревья, внизу желтеют от плодов апельсиновые и лимонные сады. Благословенный уголок — эта «жемчужина Неаполитанского залива», но только понаслышке знают трудящиеся Италии о замечательном Капри.

— А что, может ли приехать на Капри рабочий или крестьянин со средним достатком? — спрашиваем мы у лодочника.

— Что вы!..— отвечает он удивленно.— Сюда приезжают только «пецци гросси» (т. е. толстосумы). За двадцать лет моей работы лодочником мне не доводилось видеть на Капри итальянских рабочих или крестьян...

Через узкую промоину в скале лодочник умело вводит лодку в Голубой грот. Голубая вода, голубые своды грота... Даже воздух кажется слегка подкрашенным нежной лазурью. Все это озарено неизвестно откуда проникающими лучами солнца. Лодочник предлагает кинуть что-нибудь в воду: брошенные предметы, как и погруженные в воду весла, приобретают серебристый оттенок. Наши голоса гулко разносятся по всему гроту.

Свет, как выясняется, проникает в грот не через то маленькое отверстие, в которое въехала лодка; в другом конце грота есть еще одно, более широкое отверстие. Солнечные лучи, падая через морскую воду на каменистое дно моря, попадают в грот уже отраженными и приобретают голубой оттенок морской воды.

* *
*

Флора Капри очень разнообразна. Под лучами южного солнца раскинули свои кроны приморские пинии и громадины вечнозеленых дубов. Скалы и сложенные из камня придорожные стены доверху покрыты плющом. Вперемежку с плющом забралось на скалы и своеобразное декоративное растение сассапарил с сердцевидными листьями, снабженными усиками, и красными плодами. Рядом акант, прозванный у нас за форму своих листьев «медвежьей лапой». Это растение, так же, как плющ и сассапарил, увенчивающие римские и греческие статуи, вошло в историю искусства: стилизованные листья аканта украшают капители античных колонн. В расщелинах и

у подножия скал растопырили свои колючие пальцы кактусы. Еще ниже, возле дороги,— буйные заросли благородного лавра, вереска, дрока.

Необычной концентрацией различных видов растений Капри напоминает маленький ботанический сад: на незначительной площади острова (в нем всего лишь 10 *кв. км*) насчитывается 850 видов растений. Здесь можно встретить мастичное дерево, под корой которого скопляется желтоватая смола, идущая на изготовление лаков, благовонных порошков, сладостей и напитков. Есть здесь и низкорослый каменный дуб с исключительно твердой древесиной, идущей на изготовление дверных ручек. Есть и асфадель (золотоголовник) — съедобное растение, которое итальянские бедняки употребляют в пищу вместо лука.

Дикорастущие деревья встречаются, однако, только на очень крутых склонах единственной на Капри большой горы Монте-Соляро и на некоторых холмах. Земля, пригодная для обработки или застройки, на Капри ценится буквально на вес золота. Для некоторых садов и огородов плодородную землю на каменистый остров привозили даже с материка. На пологих склонах холмов устроены висячие сады и виноградники, посажены маслины.

КАЛАБРИЯ

По *Ю. Лисовскому*

Горы, заполняющие почти целиком полуостров Калабрию, орографически продолжают простирание Апеннин. Вместе с тем они чужды им по структуре и морфологии, так как сложены древними кристаллическими породами — гранитами, гнейсами и сланцами.

Большая часть Калабрии — сохранившийся от погружения обломок герцинской суши, существовавшей до конца третичного периода на месте Тирренского моря. Лишь вдоль восточной окраины полуострова протягивается неширокая полоса мезозойских и третичных складок, продолжающих третичные сооружения Апеннин. По ту сторону Мессинского пролива они слагают остров Сицилию. На Калабрии и Сицилии происходят до сих пор сильнейшие землетрясения. Печальной известностью пользуется землетрясение 1908 г., эпицентр которого находился в Мессинском проливе. Были разрушены города Мессина на острове Сицилии и Реджо-ди-Калабрия.

Наводнения, описываемые в приводимой статье,— частое явление на полуострове, связанное с ливнями, приносимыми циклонами, активно действующими на линии полярного фронта, устанавливающегося в зимнее время года над Средиземным морем.

* * *

Освещенные ярким южным солнцем, четко вырисовываются на синем фоне неба скалистые вершины Калабрийских гор. Большими темными пятнами выступает по склонам зелень хвойных и буковых лесов. Местами среди них разбросаны пастбища.

Население в горах редкое. Жители разводят здесь овец и коз, заготавливают лес, выжигают древесный уголь. Ниже, в предгорьях, как ласточкины гнезда, лепятся по склонам холмов белые каменные крестьянские домики. Стоят они один над другим, так что издали трудно разобрать, где кончается крыша нижнего дома и начинается порог верхнего.

Домики жалкие. Во многих совсем нет окон, а если они и есть, то заткнуты тряпками; двери покосились. В темном углу — деревянные нары; на них спит вся многочисленная семья крестьянина. В покрытом копотью котелке варится похлебка из фасоли — обычное блюдо калабрийских крестьян.

По узким улочкам, мощенным булыжником, с кувшинами на головах или с бочонками на лямках за спиной спускаются женщины к источнику за водой. Около деревушек — огороды, небольшие поля пшеницы. По склонам холмов взбираются оливковые рощи, виноградники. По краям полей и обочинам дорог колючей изгородью стоят кактусы и агавы.

На побережье на плодородных аллювиальных почвах возделываются субтропические культуры: апельсины, лимоны, инжир, оливки, гранаты и миндаль.

Сельским хозяйством занята большая часть почти двухмиллионного населения Калабрии. Промышленность в области развита слабо.

В Калабрии имеются незначительные залежи серы, меди, бурого угля. У местечка Корильяно[1] разрабатывается одно из крупнейших в Италии месторождений соли. Добывается также гипс, из которого здесь изготовляют алебастр.

В некоторых местах еще с древних времен существуют кустарные промыслы, в частности гончарное. Изготовленную кустарями глиняную посуду можно видеть на рыночных площадях калабрийских селений.

Горная Калабрия — обособленный и отсталый район. Четыре железные дороги, соединяющие ее с Центральной и Северной Италией, запущены, поезда ходят редко, мосты через горные речки подолгу не ремонтируются.

* *
*

Когда-то склоны Калабрийских гор были сплошь покрыты прекрасными хвойными, каштановыми и буковыми лесами. В результате усиленной вырубки они заметно поредели, что привело к страшным бедствиям в Калабрии. Со склонов Калабрийских гор к Ионическому и Тиренскому морям стремительно сбегает свыше тысячи горных рек и потоков. На Ионическом побережье через каждые 7—8 *км* впадает в море горная речка. Все эти речки коротки, и летом большая часть их пере-

---

[1] У северных склонов Ла-Силы, плоскогорья в северной части Калабрии.

сыхает. Томятся без воды поля и сады. Густая пыль стоит над дорогами, зато осенью, в период дождей, каждая речушка превращается в грозную бурливую реку, несущую крестьянам бедствия. Осень — тревожное время для крестьян Калабрии. Так, осенью 1953 г., в ночь с 21 на 22 октября, над Калабрией нависли густые тучи; начался дождь, превратившийся вскоре в ливень. Увлекая за собой камни, песок, глину, по крутым обнаженным склонам гор ринулись вниз колоссальные массы воды. Реки и горные потоки набухли, переполнили русла и прорвали жалкие плотины, построенные крестьянами для ограждения полей. Грозные лавины бурлящей воды затопляли посевы, уничтожали виноградники, сносили крестьянские дома, вырывали с корнем фруктовые деревья. Через несколько часов поля покрылись толстым, в 80—90 *см,* слоем грязи. По окончании ливня во многих местах стала оседать подмытая почва, начались обвалы и оползни, рушились дома. Наводнение опустошило более 2500 *га* возделанной земли, в том числе 1800 *га* оливковых и цитрусовых плантаций. Было разрушено свыше тысячи домов, много людей погибло и тысячи остались без крова.

Наводнения стали подлинным бедствием Калабрии.

НА ОСТРОВЕ СИЦИЛИЯ

По *Г. Горшкову* и *А. Доценко*

Наш пароход приближается к Сицилии. На фоне густо-синего неба вырисовываются гористые берега острова и контур величайшего вулкана Европы — Этны.

Палермо, куда направляется наш пароход, находится в северной части Сицилии, поэтому мы вынуждены обогнуть значительную часть острова. Проходим узкий Мессинский пролив, отделяющий Сицилию от материка. Отсюда Этна видна хорошо.

Издали, с моря, нас поразила смена окраски на склонах вулкана. Теперь мы понимаем, что это от растительности, меняющейся в зависимости от высоты. Подножие окутано темной зеленью апельсиновых и лимонных рощ. Выше растут каштаны, дубы, сосны, чередующиеся со светлой зеленью лужаек. Еще выше — нагромождение серых вулканических пеплов, туфов, застывших лавовых потоков. Среди камней торчат редкие кустарники и пучки сухой травы.

Всего несколько месяцев назад [1] произошло очередное извержение вулкана. В бинокль можно видеть застывшие потоки

[1] Новое извержение Этны началось 30 сентября 1957 г. Из кратера вулкана изливалась лава, выбрасывались камни. Столб дыма поднимался на высоту 300 *м*.

лавы, гигантским саваном покрывающие деревни и виноградники, сады и поля.

На восточном склоне Этны темнеет расщелина. Позднее, уже на берегу, мы узнали, что это огромное ущелье называется Валь-де Бове (Долина быков), и произошло оно вследствие сильного взрыва на месте бывшего древнего вулкана.

Несколько часов подряд идем вдоль северного берега острова, окаймленного цепью гор с остроконечными и башнеобразными вершинами. Горы прерываются приморскими долинами, густо засаженными плодовыми деревьями и агавами.

Плодородные земли долин — собственность итальянских помещиков. А трудолюбивые итальянские крестьяне, стремясь расширить свои крохотные наделы, должны затрачивать массу труда на освоение клочков земли по склонам гор. Земельная нужда заставляет возделывать и нижние склоны Этны. Жители расположенных здесь селений находятся под постоянной угрозой неожиданных и яростных извержений.

* *
*

Палермо — главный город Сицилии — раскинулся в низменности, сжатой с двух сторон горами. Словно стражи, охраняющие вход в залив, поднимаются скалистые мысы гор.

Палермо — один из старейших городов Европы. Возраст его — больше двух с половиной тысячелетий. Много раз он переходил от одних народов к другим. Основанный финикиянами, город испытал вторжение римлян, вандалов, арабов, норманнов. Тысячу лет назад, при арабском халифате, это был один из богатейших городов Южной Европы, а через два века он стал столицей всего юга Италии.

Сейчас это своего рода город-музей. Дыхание прошлых веков ощущаешь тут на каждом шагу, на каждой улице. Мрачноватые, потемневшие здания многовековой давности нередко сочетают в себе греко-римские, византийские, арабские, готические черты. Высоко в небо устремился старинный готический собор святой Розалии. Стройные арки соединяют его с хрупкой колокольней и обширным дворцом. Вот церковь, построенная в XII в., ее называют Санта Мария дель Аммиральо, или Марторана. Она известна среди знатоков старины византийскими мозаиками. В центре города привлекает внимание своими простыми классическими формами ратуша, построенная в 1463 г.

В Палермо есть городская и национальная библиотеки, университет, консерватория. Однако эти культурные учреждения, размещенные в красивых зданиях, влачат жалкое существование: на их содержание отпускаются мизерные средства.

Палермо — крупный порт, через который Сицилия отправляет в европейские страны свою продукцию: лимоны, апель-

Остров Сицилия. У края кратера вулкана Этна

сины, вина, фруктовые консервы, оливковое масло. По грузообороту палермский порт занимает первое место в Сицилии.

Только центральная и примыкающая к побережью части города производят впечатление благоустроенных. Окраины же — это тысячи покосившихся, полуразвалившихся лачуг и пещер, вырытых в склонах гор. Там живут рабочие табачных фабрик, машиностроительного и судостроительного заводов, докеры. К окраинам жмутся также крестьяне — «фонади», владеющие плодовыми садиками в 6—15 деревьев за городской чертой; издольщики — мецария, обрабатывающие землю за долю урожая; поденщики — батраки, большую часть года не имеющие работы...

* * *

...От мыса Милаццо[1], спускающегося к морю террасами, мы добрались поездом до Мессины. Вдоль берега тянутся оживлен-

[1] Западнее Мессины.

ные торговые улицы. Над портом возвышается мраморная статуя античной богини с фиолетовым неоновым венцом над головой. В 1908 г. Мессина была полностью разрушена сильным землетрясением. В городе погибли тогда десятки тысяч человек. Матросы стоявшей поблизости русской эскадры помогли пострадавшим мессинцам. Они спасли более 800 человек.

В честь русских моряков в Италии были выпущены медали; мессинцы хранят память о помощи русских населению города.

Автобус доставляет нас к Этне, самому высокому вулкану Европы (выс. 3263 *м*). Конечный пункт — домик, расположенный на высоте около двух километров. Отсюда нужно идти пешком по пологой тропинке, сначала среди потоков застывшей лавы, затем по ровным полям из рыхлого пепла и кусочков застывшей лавы, которые называются лапилли, и наконец — взбираться на конусовидную гору из вулканических бомб различной величины и бесконечно разнообразной по форме.

Подъем продолжается четыре часа, наконец открывается огромный плоский кратер. Из трещины, пересекающей его дно, а также из множества щелей на внутренних и внешних склонах поднимаются клубы пара, похожие на гигантские кочаны цветной капусты.

На склонах Этны более двухсот паразитических кратеров. При последних извержениях лава извергалась именно из них. Около 10 месяцев в году Этну покрывает снег. Это единственное место в Южной Италии, где можно встретить лыжников.

Спуск с вулкана труда не представляет. Через два с половиной часа мы уже у домика, где, ожидая пассажиров, стоит автобус...

* *
*

За несколько дней до нашего ухода из Палермо, перевалив через горы Сицилии, начал дуть горячий, сухой ветер — сирокко. Температура воздуха поднялась до сорока градусов. Солнце потускнело, закрылось тучами пыли, принесенной ветрами из африканских пустынь. Казалось, все вокруг превратилось в сплошную знойную печь. На деревья, мостовые, палубы корабля непрерывно оседала красноватая пыль.

Стало трудно дышать. На наших глазах блекли, скручивались листья растений, теряли свою яркую окраску цветы в городских скверах.

На третий день сирокко ослабел. Небо покрылось тучами, и начался ливень. Казалось, что это изливались потоки крови. Мелкая красноватая пыль, принесенная ветром из пустыни Сахары, окрасила и дождь в красный цвет.

По словам местных жителей, от сирокко особенно страдает северная Сицилия (включая Палермо), лежащая на пути циклонов, всасывающих нагретый воздух Сахары. Этот ветер при-

чиняет большие бедствия населению: уничтожает посевы и плодовые деревья, губит животных.

...Мы отчалили от берегов Сицилии ранним утром, когда солнце еще не успело высушить и накалить воздух. Дышалось легко и свободно. По мере того как пароход углублялся в море, берега острова медленно суживались и опускались, пока, наконец, не исчезли за линией горизонта.

ДИНАРСКИЙ КАРСТ[1]

По *А. Грацианскому*

К западу от Юлийских Альп до албанской границы на протяжении 500 *км* тянется полоса известняковых карстовых плоскогорий, являющихся труднодоступным естественным барьером между внутренними районами Югославии и побережьем Адриатического моря. На севере эта полоса сужена до 40—50 *км*, на юге она расширяется почти вдвое. Плоскогорья чередуются с вытянутыми в северо-западном направлении высокими горными хребтами, с крутыми склонами и плоскими вершинами. Они то отвесно обрываются к морю, то понижаются к нему широкими ступенями. Горный рельеф и исключительно широкое распространение карстовых форм — вот главные черты природы этой части Динарского нагорья, которую обычно называют Динарским Карстом. Сотни квадратных километров занимают здесь скудные каменистые пастбища, карровые поля, на оголенных склонах повсюду выступает белый, лишенный почвенного покрова известняк, изборожденный глубокими рытвинами и воронками. Многочисленные трещины в известняке поглощают атмосферные и талые воды, а реки и ручьи исчезают в понорах, текут под землей и иногда в 10—20 *км* от места своего исчезновения снова выходят на поверхность в виде мощных карстовых источников. Более крупные реки, как, например, Неретва и Пива, выработали себе в известняках глубокие каньоны.

Все же Динарский Карст далеко не всюду имеет вид бесплодной пустыни. Склоны высоких хребтов и удаленные от поселений высокие плоскогорья покрыты лесами. Древесная или кустарниковая растительность развивается повсюду, где скапливаются глинистые продукты разрушения известняков или аллювиальные образования, и на них формируется почва. Еще в историческое время леса покрывали большую часть территории Динарского Карста. Названия многих поселков — Буковица, Грабовица, Ясеново, Яворeко и других, расположенных теперь среди голого карста, указывают на то, что некогда эти поселки были окружены лесами. Черногория, значительную

[1] См. петит на стр. 166.

часть которой теперь занимают оголенные карстовые пустоши, получила это название от густых, темных лесов, покрывавших склоны ее гор.

В чем же причина обезлесивания карста, превращения его обширных участков в бесплодную каменистую карстовую пустыню? Эту причину видят в деятельности человека, в хищническом уничтожении лесов, в неумеренном выпасе скота. Процесс сноса почвенного покрова и закарстовывания территории происходил и в доисторическое время в связи с поднятием нагорья и изменением климатических условий в послеледниковую эпоху. Но этот процесс резко усилился в результате деятельности человека, заселившего карст.

Если посмотреть на землю с борта самолета,— что там, внизу: рябь озера, барханы пустыни или пчелиные соты? Нет, это воронки, словно оспинки, покрывают карстовый ландшафт.

И вдруг среди хаотического нагромождения горных круч ваш взор останавливается на ярко-зеленом пятне. Это полье[1]. Карстовые воронки слились между собой и превратились в большую впадину. Площадь некоторых польев исчисляется десятками и сотнями квадратных километров.

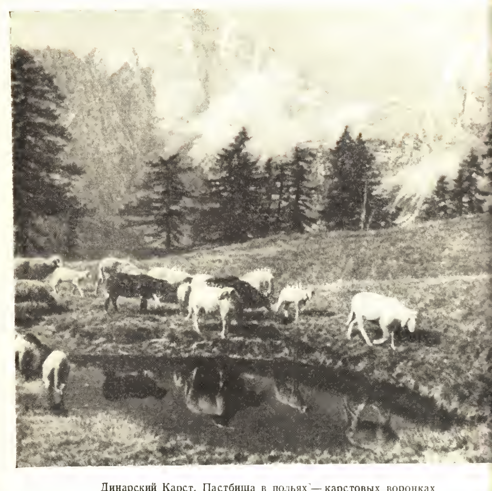
Полья — оазисы Динарского Карста. Незатопляемые участки плодородны, густо заселены. Здесь каждый клочок земли тщательно обработан.

Первые пришельцы — земледельцы и скотоводы — наряду с карстовыми пустошами встретили здесь обширные леса, занимавшие не только склоны гор, но и удобные для обработки ровные участки плоскогорий и польев. Леса усиленно выжигались и вырубались, скот поедал подрост древесных пород, разрыхляя дерновый покров почвенного слоя. Большое количество строевого леса вывозилось к морю, особенно венецианцами, для строительства кораблей. Процесс уничтожения лесов усилился в период турецкого господства, когда от безземелья и гнета в горы уходили жители плодородных равнин страны, а вдоль дорог и вокруг крупных опорных пунктов леса выжигались турками.

Хищническое воздействие феодального и капиталистического общества на природу сказалось в Динарском Карсте особенно резко. Уничтожение лесов происходило и в других районах Югославии, но оно нигде не имело столь губительных последствий. При обилии атмосферных осадков в горном рельефе лишенная растительности почва смывалась, на поверхность выступали быстро карстующиеся известняки.

Много осадков получают склоны горных хребтов и плоскогорий, обращенных к морю. Свинцовые тучи низвергают на зем-

[1] Полье (южнослав.) — обширная замкнутая котловина в карстовой области. Обычно полье имеет продолговатую форму, обнаруживая вытянутость по простиранию пластов или по направлению линий сбросов. Дно полья, как правило, горизонтальное с постоянным или периодически протекающим потоком.

Динарский Карст. Пастбища в польях — карстовых воронках

лю потоки воды. Вода бежит по горным склонам, устремляется в бесчисленные равнины и борозды. Но вот день прошел, и вскоре поверхность становится вновь сухой. Обильные атмосферные осадки, выпадающие в Динарском Карсте, просачиваются в трещины и воронки и постепенно растворяют известняк. Трещины — карры — растут, ширятся.

Тысячи миллиметров воды в год — и безводная каменистая пустыня! Разгадка этого, на первый взгляд парадоксального, явления довольно проста. Благодаря своеобразной структуре рельефа Динарского нагорья атмосферные осадки здесь быстро уходят на большую глубину. И только на дне воронок, где скапливается глина, растет трава да попадаются островки кустарника.

Климат Динарского Карста отличается частой сменой погоды и сильной облачностью. Когда на побережье Далмации и в горах центральной Боснии светит яркое солнце, высокие карстовые плоскогорья обычно окутаны плотными облаками. На больших высотах зимой преобладают осадки в виде снега. Толщина снегового покрова в горах Черногории и Герцеговины достигает нескольких метров; снег заносит дороги, отрезая горные поселки от внешнего мира на несколько месяцев.

Зима на высоких плоскогорьях суровая, с метелями и сильными ветрами.

Лето в Динарском Карсте теплое, а в низких участках — даже жаркое и сухое. Особенно высоко поднимается температура на оголенных известняковых плоскогорьях, хорошо отражающих солнечные лучи. Осенние ливни легко смывают высохшую и растрескавшуюся за лето почву, если она лишена растительного покрова. Огромное количество мелкого материала сносится талыми водами и дождями весной. Обильные осадки быстро растворяют появляющийся на поверхность известняк.

Но повсюду, где есть хотя бы небольшой клочок удобной для обработки земли, встречаются поселки, жители которых занимаются земледелием и скотоводством. Средняя плотность населения в Карсте 20—30 человек на 1 *кв. км*. Большая часть населения сосредоточена в больших карстовых польях, где на древних озерных отложениях, речных террасах или на глинистых продуктах выветривания известняков формируются плодородные почвы. В польях расположены крупные города Карста — Цетинье, Никшич, Имотски, Госпич и др.

Плоскогорья между польями в большинстве случаев представляют собой каменистые пастбища с редкой травой и кустарником, изрытые карстовыми воронками и промоинами. Только местами во впадинах встречаются поселки, жители которых занимаются больше скотоводством, чем земледелием. Для выпаса скота используются не только карстовые пастбища, но и горные луга, занимающие высокие плоскогорья. Для водопоя скота всюду устроены небольшие пруды и ямы, а иногда и карстовые воронки, но для того чтобы вода не ушла по трещинам в известняке, их замазывают глиной.

Недостаток воды — характерная особенность Карста, одного из самых богатых осадками районов Европы. Население безводных плоскогорий собирает дождевую воду в цистерны; но если запасы ее истощаются, к ближайшему источнику ходят иногда за несколько километров.

На плоскогорьях не хватает не только воды, но и удобной для обработки земли. Размеры полей местами исчисляются несколькими квадратными метрами. Землю на оголенные склоны нередко приносят в корзинах из долин, а крошечные поля и не-

большие участки покосов для защиты от ветра, воды и скота обносят каменными стенами.

Закарстованные толщи горных пород Динарского Карста содержат ряд ценных полезных ископаемых. Уже известно, что выветривание известняков в условиях теплого климата привело к образованию огромных месторождений бокситов, по запасам которых Югославия занимает одно из первых мест в Европе.

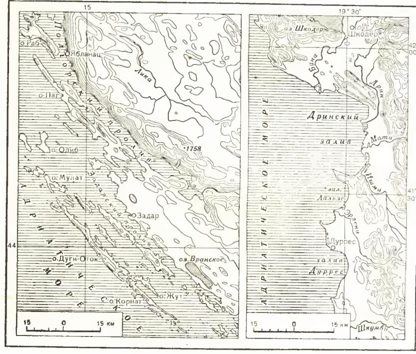
ВДОЛЬ ДАЛМАТИНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

По *Е. Марковой*

Адриатическое побережье Югославии включает узкую приморскую полосу материка со множеством примыкающих к ней островов.

Основные черты рельефа побережья связаны с его опусканием, продолжающимся и в настоящее время. Опускание суши сопровождается поперечными и продольными разломами и складкообразованием, которое охватывает даже молодые речные террасы.

Море затопило продольные впадины между хребтами и часть речных долин. Образовались многочисленные вытянутые вдоль берега острова, которые разделяются глубокими, удобными для судоходства заливами, или «каналами».

Далматииское побережье

Большинство островов расположено в прибрежной полосе шириной 20—40 *км*, наиболее удаленные из них лежат в 100 *км* от берега (острова Пелагруж). Наибольшей расчлененностью береговой линии и обилием островов отличается Далматинское и Хорватское поморья. Число островов, не считая бесчисленных выступающих из воды скал, достигает тысячи, а их общая площадь превышает 2500 *кв. км*. Самым большим островом является Крк (408 *кв. км*). Другие острова по площади значительно меньше. Острова Хорватского приморья вытянуты с северо-запада на юго-восток, но к югу от параллели города Сплита направление меняется. Большие острова южной Далмации: Брач, Хвар, Корчула и другие вытянуты с запада на восток, продолжая направление материковых хребтов.

Далмация — самый теплый район Югославии. Здесь теплее, чем во внутренних районах страны настолько же, насколько теплее, например, на юге Черноморского побережья Кавказа по сравнению со Ставропольским краем. Но средние температуры в южной Далмации выше, чем в районе Батуми; зимы здесь почти не бывает, заморозки и снег очень редки. Средняя и годовая температура Дубровника 17°, а январская 8,5°.

Которская бухта

К югу от города Дубровник островов значительно меньше, так как, видимо, погружение суши было здесь значительно большим. Продольные берега этой части приморья изрезаны рядом глубоких бухт и заливов, среди которых особенно выделяется глубокая, разветвленная Которская бухта.

* *
*

Мы в архипелаге островов... Пароход плывет не по морю, а пробирается по каким-то водным коридорам, извивающимся то между мысами и полуостровками берега, то между скалами островов. Качки здесь не чувствуешь.

Берега, мимо которых мы двигаемся, довольно однообразны. И берег материка слева, и островки справа — все это большей частью голые каменистые холмы, иногда разграфленные, будто линейкой, террасами виноградников, и только у подножия окруженные садами. Маленькие деревеньки из белых и серых каменных домиков, крытых красной черепицей, мелькают среди этих садов. У берегов заливчиков снуют по морю парусные лодочки и почти игрушечные пароходики. Настоящие пароходы не приближаются к этим опасным берегам, усеянным рифами, мелями и скалистыми мысами. На островах высятся башни маяков и сбившиеся к воде пятна рыбацких домиков. Только эти строения нарушают безлюдие этих каменистых оазисов земли,

Скалистые острова и узкие проливы протягиваются вдоль всего побережья Далмации

разбросанных по пустыне моря. Нельзя не удивляться, с каким терпением и упорством далматинцы обрабатывают свои горные кручи. Леса они бережно сохраняют, а все голые скалы тщательно расчищают от камней. Вырытые камни аккуратно сложены кучами, так что издали кажется, будто громадные стада скота разлеглись по склонам гор. На освобожденных от камней участках разбиты виноградники.

Гавань и порт Дубровник спряталась в самой глубине узкой бухты, отделенной гористым мысом от моря. Тут, в этой природной теплице, загороженной от ветров, накаляемой солнцем, увлажненной морем, растительность уже по-настоящему южная: черные силуэты кипарисов создают основной фон в ландшафте побережья. Теплый климат позволяет выращивать в Далмации наиболее теплолюбивые субтропические культуры; повсюду вечнозеленая растительность, которая поднимается по склонам до высоты 300—450 *м*, а на островах растут даже финиковые пальмы, хотя плоды их не вызревают.

Самым типичным представителем субтропической растительности Далмации является маквис. Его заросли покрывают обез-

лесенные склоны гор на побережье и островах. Издали покрытые маквисом склоны казались нам серыми и монотонными, но в действительности это густые заросли высоких кустарников. Больше всего в маквисе Югославии красного можжевельника, который иногда достигает высоты небольшого дерева и образует густые чащи почти без примеси каких-либо других кустарников.

Когда мы вышли из бухты Дубровник, судно наше стало сильно покачивать. Слева от нас уходил все тот же покрытый маквисом гористый берег. Но вот берег постепенно отдаляется, и на горизонте появился профиль далеко выдающегося в море мыса. Мыс словно скован гранитной бронью; на его вершине расположена старая крепость с хорошо сохранившимися бойницами, жерлами старинных пушек, глядящих на узкий пролив, уходящий влево от моря, в глубь материка.

С другой стороны пролива, на гористом мысе, виднеется такая же крепость, с такими же жерлами пушек и бойницами, а в помощь этим двум крепостям почти совсем у воды, на правом мысу, лепится маленький форт. Даже не искушенному в военных делах человеку видно, что в былое время ни одно судно без разрешения не могло войти в пролив.

И только пройдя проливом и очутившись в огромном, окруженном со всех сторон гористыми берегами заливе, мы поняли, почему так охранялся прежде подход сюда.

Наш пароход вошел в спокойные, защищенные от ветров воды Которской бухты. Но это отнюдь не просто замкнутое водное пространство, а целая система соединенных внутренними проливами огромных озер, где могли размещаться и прятаться мощные флотилии,— вот для чего были поставлены орудия на фортах.

Крупные заливы-озера один за другим вдаются в сушу. Мы вошли в первый залив прямо с юга на север, потом пароход резко повернул на восток, во второй залив, и оттуда — опять поворот на север и снова на восток и юг — в третий. Вот насколько неожиданны и капризны изгибы Которской бухты. Все вокруг придает ее ландшафту особую прелесть.

Поэтому, когда мы очутились посредине первого громадного залива, то с недоумением стали оглядываться кругом, стараясь угадать, откуда же это мы пришли и куда должен следовать наш дальнейший путь. Но ни входа, ни выхода из этого громадного водного лабиринта не было ни впереди, ни сзади, ни справа, ни слева. Узкий пролив мы увидели только тогда, когда наш пароход уже пересекал его воды,— так хорошо укрыт залив прилегающими к нему скалами. Венецианцы, былые хозяева Которской бухты, всегда запирали пролив железной цепью с одного берега на другой, чтобы не пропускать чужие корабли.

Чем дальше мы плыли в глубь бухты, тем все величественнее становилась красота гор. Пароход наш уже плывет в суровой тени гигантской темно-серой гранитной стены, которая про-

В глубине Которской бухты

тянулась на несколько километров, нигде не расступаясь и не отступая. Залив, в сущности еще очень широкий по сравнению с оттенявшими его колоссальными стенами, невольно кажется каким-то узеньким водяным коридором. Городки, деревеньки, разбросанные по берегам заливов, утопают в зелени садов.

И наконец — последний поворот в четвертый, последний залив. Перед нами слева у подножия пирамидальной горы, темно-зеленой и курчавой от покрывающих ее лесов, раскинулся город Котор, а перед городом, среди залива, выступают два островка с башнями маяков.

В Которском заливе, даже у самых берегов моря, так глубоко, что большие морские суда могут причаливать прямо к берегу без всякой опасности.

ПО ЮГОСЛАВИИ

По *М. Криничному*

Самолет идет над обширной равниной. Мы всматриваемся, и кажется, что вот-вот внизу закудрявятся березовые рощи Подмосковья, опоясанные голубыми лентами рек, будто остановилось время и не было еще на нашем пути ни многоводного Днепра, ни древнего Киева с высокими новыми зданиями Крещатика, ни Карпат, стеной ставших на границе Советского Союза, ни ажурных мостов через Дунай в столице Венгрии, и мы все еще летим над Русской равниной.

Но вот самолет снизился. Четко обозначились безлесные, покрытые зеленью посевов поля, обрамленные по горизонту холмами. Это Воеводина — житница Югославии.

Крестьяне здесь выезжают на пахоту в марте, когда в Подмосковье еще лежит снег и оттепели перемежаются со снегопадами. А здесь в апреле в садах уже снимают черешню.

Почти полгода (с мая по сентябрь) тянется лето — теплое южное лето, влажное в первой половине и засушливое во второй.

Югославские земледельцы ценят каждый клочок плодородной земли. Равнины занимают только небольшую часть Югославии. Почти три четверти территории страны покрыты горами. Посевы хлебов можно встретить на недосягаемых, казалось бы, участках среди скал, куда ежегодно в течение десятков лет крестьяне приносили землю из плодородных долин.

В развилке рек четко вырисовываются покрытые густой зеленью холмы, белые здания большого города. Мы подлетаем к столице Федеративной Народной Республики Югославии — Белграду. Час спустя мы уже в городе.

На несколько километров растянулся Белград — от крепости, сохранившейся со времен освободительной борьбы с турецкими поработителями, до крестьянских домиков за городской окраиной.

Еще десять лет назад весь Белград умещался на холмах правого берега Савы. Сейчас он перекинулся на другой берег. Усилиями трудящихся города, главным образом молодежи, были проведены большие работы по осушению левого, затопляемого берега Савы. Они продолжаются и теперь. На осушенных участках уже выросли дома и улицы нового Белграда, соединенного со старым городом мостом через Саву.

Около тысячи километров пробегает река, перерезая страну с северо-запада на юго-восток, от предгорий Юлийских Альп до холмов Шумадии. Сава то прячется между горными хребтами, то плавно несет свои воды через плодородные долины и, присоединив к себе множество других рек и речушек, многоводная, слегка мутноватая, вливается под высоким берегом, на котором стоит старая крепость Белграда, в Дунай.

Из Белграда мы выехали очень рано, только начинало светать. Утро вставало серое, небо сеяло мелкий дождь. Он провожал нас и дальше на запад, на пути к Адриатическому морю.

Стоял конец мая, уже отцвели озимые хлеба, а яровые еще ласкали глаз яркой зеленью. Лоснились черепичные крыши домов, точно их выкрасили свежей краской. От Белграда до Загреба шоссе тянется почти прямой лентой по широкой долине Савы, пересекая почти всю страну с востока на запад. От города Карловац к Адриатическому морю проложено новое шоссе. Оно вьется среди высоких холмов, которые переходят в горы, покрытые лиственными и хвойными лесами. Речушки то убегают куда-то вниз и кипят среди обрывистых скал в мутной мгле непогожего утра, то образуют тихие заводи и текут спокойно, как на равнине.

Уже далеко внизу остались железнодорожные виадуки, а мы поднимаемся все выше и выше. Дождь больше не стучит в окно. Холодная сырость покрывает шоссе, автомашину, деревья. Но вот, наконец, мы перевалили через последний горный хребет, и за одним из поворотов показалось море. Тучи исчезли. В лучах солнца ярко голубело небо, сливаясь с таким же голубым и бездонным морем.

Почти на 700 *км* протянулось Адриатическое побережье Югославии. Но длина береговой линии вдвое больше. Море глубоко вклинивается в сушу, образуя заливы, напоминающие живописные норвежские фьорды, хотя по характеру образования они отличаются от них. Здесь они возникли в результате медленного опускания суши, которое происходит и теперь. У побережья более тысячи больших и малых островов.

Все ярче и ярче светит солнце, становится жарко. На самом побережье у подножия гор показались какие-то строения. Мы подъезжаем к городу Риека. Это типичный южный город. Белые дома, прячась в тени деревьев, ровными рядами спускаются к голубым водам залива. Но не курортами славится этот один из красивейших городов Хорватской республики. Это прежде все-

го крупный центр судостроительной и нефтеперерабатывающей промышленности. У причалов верфи видны большие спущенные на воду корабли, а на стапелях видны контуры других, строящихся, поменьше.

Но вот город остался позади. Шоссе вьется теперь почти у самого моря, то удаляясь от него, то вновь приближаясь. Горы обрывисто спускаются к морю, отбрасывая прозрачную синюю тень на зеркальные воды залива.

В зелени садов показалась Пула, а затем и Фажана — крошечный городок на полуострове Истрии, клином вдающемся в Адриатическое море. В нескольких километрах от этого городка лежит живописный островок Бриони.

Утреннюю зарю мы встретили на острове. Солнце еще не встало, и небо было хмурым. Но вот багровые тучи, висевшие над морем, стали оранжевыми. Небо порозовело, появились голубые просветы. И вдруг из-за горизонта словно брызнули расплавленные искры металла. В ослепительной красоте своей поднималось солнце. Небо стало лазорево-перламутровым, на легкую зыбь Адриатического моря будто кто-то набросил нити червонного золота.

Глубокая тишина стояла на острове. Мы шли сначала среди высоких хвойных деревьев, затем их сменили заросли олив. К голубому небу тянулись кипарисы.

Вся площадь острова объявлена государственным заповедником. На лужайке между зарослями кустарника, не обращая на нас внимания, совсем по-петушиному мерялись силами два золотистых фазана. Асфальтовую дорожку заповедника не спеша переходило стадо диких баранов. Их вожак с круто завитыми рогами остановился и не хотел уступать нам дорогу. Впереди промелькнули и скрылись пугливые косули.

Кое-где виднелись развалины древних сооружений. Два тысячелетия назад остров был римским форпостом.

Два дня спустя мы покинули остров Бриони. Далеко позади, среди вечнозеленых пальм и кипарисов, остались белые строения домов отдыха и отелей.

Купаясь в прозрачной волне, катер перевез нас на материк. Теперь путь наш лежал в столицу Словении — Любляну.

Словенцы любят свою землю и считают ее самым прекрасным уголком Югославии. Здесь, в лесистых склонах Юлийских Альп, на границе с Австрией, в ущельях самой высокой в стране горы Триглав, берет начало Сава. Полиметаллические руды, бурый уголь и другие ископаемые, которыми богат район, создают условия для развития промышленности.

В сложенных известняками и доломитами горах в результате выветривания и разрушительного действия горных рек образовались огромные сталактитовые пещеры. В них найдены каменное оружие, остатки костров древних стойбищ, скелет пещерного медведя.

Югославия. Озеро Блед в лесистых горах Словении.

Славится своей красотой сталактитовая пещера в Постойне — крошечном городке, расположенном у подножия известняковых гор.

Узкий вход среди каменных глыб ведет в подземелье. Наверху, под ярким летним солнцем, мы задыхались от жары, а здесь — неизменные восемь градусов выше нуля. Вот коридор расширился, и мы оказались в просторном помещении. Тонкие рельсы узкоколейной подземной железной дороги, крошечные открытые вагоны. Люди рассаживаются на скамьях, набрасывают на плечи накидки и едут осматривать подземный дворец.

Удивительное впечатление производят подземные залы. Их стены кажутся то отлитыми из металла, то сделанными из слоновой кости, поблекшей от покрывающей ее пыли. Огромные колонны самых замысловатых форм подпирают своды пещеры, с которых свисают весящие много тонн «сосульки». Порой целый частокол больших и малых колонн соединяет своды с полом, и вы идете, словно в подземном лесу.

Кое-где со сводов, принося с собой растворенную в ней известь, капает вода. С пола пещеры поднимаются навстречу ей

крошечные столбики,— так образуются сталагмиты, по одному миллиметру за сто лет!

Узкоколейка ныряет в темный коридор и, пробежав через него, выходит на край скалистого обрыва. В глубокой теснине показывается мост над бурной подземной рекой Пивкой. Тысячелетиями она пробивала дорогу в горе. Почти 9 *км* течет она под землей и выходит из пещеры уже под названием Уницы.

Поезд останавливается в просторном, хорошо освещенном зале с небольшим бетонированным бассейном для рыб. Надо было потратить немало усилий, чтобы в свете рефлекторов, освещающих бассейн, разглядеть их. По привычке мы отыскивали глазами быстрых рыбок с серебряной чешуей и не обращали внимания на желтые прутики у стенки. Это и были подземные рыбки. Они слепые, и на свету быстро погибают. В этих пещерах обнаружены слепые пауки и скорпионы.

Дальше мы совершаем путь пешком. Маленькие залы сменяются просторными. Самый большой зал, с высоким куполообразным сводом, приспособлен для концертных выступлений. Он может вместить до 10 тыс. зрителей. Даже небольшой оркестр звучит здесь с мощью невиданного органа.

Мы проехали и прошли подземными залами более семи километров.

После полумрака пещеры солнце кажется особенно ярким, зелень долин ласкает взор.

Делая крутые изгибы, Сава то выходит на открытую местность, то теряется в лесах, которыми так богата Словения. Они занимают здесь до 40% всей площади. Бук, ель, сосна темной зеленью укутывают горы, тянутся к вершинам и ровным поясом охватывают скалы. Узкая долина Савы постепенно расширяется, превращаясь в обширную межгорную впадину. Мы находимся в Люблянской котловине. В свете ясного утра четко выделяется могучий кряж Юлийских Альп с тремя седыми вершинами Триглава, поднявшегося на высоту 2863 *м* над уровнем моря. Кажется, что Триглав совсем близко, но это обман зрения. Нас отделяет от него еще несколько десятков километров.

Здесь, у самых истоков Савы, находится озеро Блед, площадью около полутора квадратных километров. Его окружают высокие, поросшие лесами горы, на которых виднеются древние руины замков, а посредине озера высоким холмом поднимается крошечный островок с древними монастырскими постройками.

В нескольких километрах от озера Блед на склонах Триглава приютилось одно из красивейших озер страны, Бохинское, образованное горными потоками,— Савы Бохинки и Савы Долинки. Из него берет свое начало Сава.

Спускаемся вниз по течению Савы. Река приводит нас к другому древнему городу — Загребу, второму по величине промышленному и культурному центру Югославии. Город стоит на холмах у подножия Загребских гор. На узеньких улицах и крошеч-

ных площадях немало средневековых зданий. Сейчас город разросся. У подножия холмов выросли новые кварталы с современными многоэтажными зданиями.

Население столицы Хорватии бережно хранит память о борцах за освобождение страны от гитлеровских оккупантов. Именем народного героя Раде Кончара назван новый машиностроительный завод на окраине Загреба, построенный на месте полукустарной мастерской.

...Ранним утром мы вновь подъезжали к Белграду. Тихо плескалась у высоких берегов Сава. На фоне голубого неба таяли дымки заводских труб. По улицам города шли переполненные троллейбусы, спешили пешеходы. В столице начинался трудовой день.

БЕЛГРАД

По *В. Вискову* и др.

Белград раскинулся на зеленых холмах, у места впадения Савы в Дунай. Всякого, кто приезжает в столицу Югославии, приятно поражает этот утопающий в зелени шумный город. Здесь красивые, в большинстве своем белые здания; по широким солнечным улицам весь день мчатся потоки автомашин, на тротуарах много пешеходов.

На улицах Белграда поддерживается исключительная чистота. Дворники весь день разъезжают на специальных трехколесных велосипедах с пристроенными к ним мусорными ящиками и постоянно, а не только по утрам поддерживают чистоту.

Густые, тенистые аллеи кленов, лип, каштанов тянутся вдоль длинных бульваров.

На центральных улицах много магазинов с большими, яркими вывесками. Большей частью здесь государственные предприятия, но часто встречаются и мелкие частновладельческие лавочки ремесленников, парикмахерские, швейные мастерские.

Особенно много крупных магазинов на главной магистрали, соединяющей северную и южную части города. Эта магистраль носит название проспекта маршала Тито. Здесь всегда очень много народу, но особенно людно здесь вечером, когда повсюду зажигаются лампы дневного света, освещающие все улицы города. Толпы людей сплошным потоком движутся по направлению к Калемегдану — старинной крепости над Дунаем, сохранившейся со времен освободительной борьбы против турецкого владычества. С зубчатых крепостных стен хорошо видно, как в белесой дымке мутно-желтые воды Савы сливаются с голубым Дунаем.

В Калемегдане в двух зданиях и просто под открытым небом, среди деревьев, размещаются экспонаты военного музея, которые отражают историю национально-освободительной борь-

бы народов Югославии. Среди них — древнее оружие, с которым славянские племена пробились на Балканы; этим же оружием оборонялись они от многочисленных врагов. Здесь же представлены образцы оружия и одежды времен героической войны против турецкого ига. Многие экспонаты рассказывают о героической борьбе югославского народа против гитлеровских оккупантов.

Около Калемегдана разбит большой парк — любимое место отдыха белградцев.

Белград считается крупным промышленным городом, однако большинство предприятий находится не в самом городе, а в его пригородах или ближайших окрестностях. Здесь находятся: крупнейший в стране завод тяжелого машиностроения, крупный тракторный завод, завод сельскохозяйственных машин и многие другие промышленные предприятия.

Белград — культурный центр Югославии. В городе более тридцати издательств, которые выпускают массовым тиражом художественную, политическую и научную литературу. Театры Белграда имеют в своем репертуаре произведения отечественной и мировой оперной классики и драматургии. В городе имеется университет и множество школ, гимназий и других учебных заведений.

СЕВЕРО-АЛБАНСКИЕ АЛЬПЫ

По *М. Полонскому*

Албания — небольшая страна. В длину она не достигает и 350 *км*, а в ширину лишь кое-где 120—150 *км*. На территории в 28,7 тыс. *кв. км*, почти такой же, какую занимает наша Крымская область, дремучие дубовые и буковые леса сменяются засушливыми участками равнины; суровые горы — живописными долинами; стремительные, стекающие с высот реки — спокойной гладью прекрасного Адриатического моря.

Больше всего в Албании гор. Подобно гигантским волнам, как бы застывшим после бури, тянутся мощные хребты параллельно берегу Адриатического моря и проливу Отранто.

На севере страны вдоль югославской границы поднимаются Северо-Албанские Альпы, известняковые массивы которых протянулись более чем на 100 *км* и заходят на территорию Югославии. Северо-Албанскими Альпами этот горный хребет назвали европейские географы. Сами же албанцы дали ему имя Малесия-Мазе (Великие горы).

Острые утесы, суровые и мрачные, лишенные растительности, чередуются здесь с мягкими склонами, ласкающими глаз зеленью своих лесов. В густых зарослях водятся волки, бурые медведи, лисы, зайцы, а в дубовых рощах — и кабаны. В глубоких

расщелинах, среди неприступных скал живут серны и дикие козы. Над зубчатыми вершинами в голубой лазури неба парят орлы. Эта птица особенно почитается горцами. Недаром албанцы называют себя сынами орла, а родину свою — страной орлов.

На плоскогорьях, выше вечнозеленых дубовых, буковых и сосновых лесов, изумрудным ковром раскинулись тучные альпийские луга. Тут пасутся летом многочисленные стада — основное богатство жителей этого края.

За пределами 1700—1800 *м* горы покрыты снегом. Есть здесь и ледники. Ледник Вальбоны (около 30 *км* в длину) — один из самых значительных на всем Балканском полуострове.

Много здесь и закрытых межгорных котловин, очень похожих на знаменитые альпийские цирки. Летом они сухи, зимой же, в период дождей, в них образуются небольшие озера, где вода сохраняется до начала лета. Эти озерцы — важный источник питьевой воды для горцев и их скота. Вообще же воды в горах очень мало. Так как здесь сильно развиты явления карста, то дождевые воды быстро просачиваются в подземные пустоты.

Северо-Албанские Альпы прорезаны многочисленными долинами, особенно на юге, где их отроги веером расходятся к реке Дрин и озеру Шкодер. По склонам гор, сквозь чащу векового леса несутся бурные речки.

Реки здесь то протекают в узких, глубоких ущельях — каньонах, то водопадами низвергаются с уступов. Вода с грохотом бьется о скалы, беснуется и падает вниз, рассыпаясь на тысячи сверкающих алмазами брызг.

Живописные обрывистые берега рек сменяются склонами, покрытыми террасами, на которых зреет кукуруза, рожь, табак.

У путешественника, посетившего Албанские Альпы, надолго остаются в памяти величественные картины природы — зелень лесов, темно-коричневые или ослепительно белые блестящие скалы, озаренные солнцем; куполовидные, а иногда и зубчатые вершины гор, утопающие в лазури, межгорные долины.

Орлиными гнездами прилепились к скалам деревни.

Селения албанских горцев редко расположены в плодородных долинах и у проезжих дорог. Открытым для обзора долинам горцы издавна предпочитали крутые, малодоступные склоны гор, где удобнее было защищаться от нередко вторгавшихся в страну иноземных поработителей.

СВЕТ НОВОЙ ЖИЗНИ

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистских агрессоров открыла новый, увенчавшийся невиданным успехом этап в борьбе албанского народа за свое национальное освобождение. В конце ноября 1944 г. Албания стала свободной, а в начале января 1946 г. в стране была провозглашена народная республика. Свет новой жизни проник и в Северо-Албанские

Альпы. Крупными отарами овец, богатством страны, раньше владели феодалы, теперь эти стада переданы крестьянам.

Народная власть ликвидировала кочевой образ жизни горцев. Со стадами передвигаются только пастухи. Отгонно-пастбищное скотоводство сочетается с земледелием, что придает хозяйству несравненно бо́льшую устойчивость. Многотысячные стада овец и коз пасутся зимой в межгорных котловинах и долинах рек. Весной они поднимаются в горы, часто на расстоянии многих дней пути от селения, и тут, на тучных пастбищах, остаются до осени.

На летних и зимних пастбищах, а также в горных селах устроены сыроварни. Тут горцы изготовляют овечий сыр — важный продукт питания местных жителей. Однако в других местах Албании и за границей более известны знаменитые южноалбанские сыры, изготовляемые в районах городов Гьирокастра и Берат.

И прежде стада перегонялись с зимних пастбищ на летние и обратно. Но никто прежде не заботился о быте пастухов. Сейчас для них организуется питание, медицинская помощь. Если раньше стада феодалов перегонялись без учета очередности выпаса и овцы по пути уничтожали всю растительность: траву, молодые деревца, кустарник, то теперь установлены специальные маршруты — государственные трассы перегона скота. Перегон овец и коз организуется по строгому графику. В пути животных подкармливают.

По примеру советского народа горцы преобразуют природу своего края, улучшают естественные луга и пастбища. Если раньше пастбища использовались до полного истощения, то теперь введен правильный режим пастьбы. На определенную площадь пастбищ допускается только ограниченное количество скота. На оголенных участках подсеваются травы, а чтобы луга не вырождались, вовремя проводится сенокос. Кроме того, пастбища кое-где и обводняются. Во избежание размыва почвы вырубка лесов на горных склонах прекращена. Для укрепления склонов сажаются новые леса, устраиваются террасы.

Для лесонасаждений используются албанский дуб — красивое крупное дерево с густой вечнозеленой кроной, а также сосна и бук, достигающие в горах высоты 35—40 *м*.

В горах, где прежде леса хищнически истреблялись иностранными компаниями, не было никаких предприятий, весь лес вывозился за границу. Сейчас тут создаются лесопильные заводы, оснащенные советской техникой. Лес используется планомерно.

Хозяйство этого прежде самого отсталого, оторванного от всей страны района стало теперь частью единого национального хозяйства.

ПО АЛБАНСКОЙ РИВЬЕРЕ

По *В. Солоухину*

НА ОЗЕРЕ НАРТА

...Перед самой Влорой начались оливковые рощи.

Незабываемое зрелище — оливковая роща. Деревья могучие, утолщенные книзу, разветвленные в кроне, отстоят одно от другого так далеко, что оливковый лес просматривается на сотни метров, не так, как в наших лесах, где за пятнадцать шагов ничего не увидишь. Деревья, несмотря на развесистую крону, почти не дают тени. Тень, правда, широко лежит на земле, но жидка, полупрозрачна, и в ней так же жарко, как и на солнце.

Мы решили подняться на холм и посмотреть оттуда. Сверху казалось, что земля волнуется и, волнуясь, вся серебрится оливами. Направо оливковые рощи сбегали к морю и там, наверное, смотрелись в глубокую, чистую воду.

...Проезжая мимо деревни Нарта, каменные дома которой громоздились у подножия невысокого холма, мы увидели женщину в красивом национальном наряде, с кувшином на голове.

Прямо у деревни начиналось широкое поле без единой травинки, как будто море только вчера ушло отсюда. Однако песок сухой, белый, сыпучий, весь в оспинах от следов. В километре от деревни песчаное поле кончалось невысоким, но частым кустарником. К этому кустарнику и шла женщина. Там, видимо, был источник. Из кустов навстречу нам вышли девушки, тоже с кувшинами на головах.

Они и не думали придерживать кувшины. Мало того, в руках несли еще по одному. Небольшие плошки с песком, должно быть, для тренировки, несли на головах и девочки лет десяти.

— А разве нельзя поставить помпу или провести водопровод? — спросили мы.

— Помпу нельзя,— ответил нам председатель сельсовета. Воды мало, она мутится. А водопровод уже прокладывается из Влоры. Но я вам скажу по секрету: наши женщины будут не очень довольны. Здесь веками укоренялась привычка ходить за водой в определенное время. Это для них гулянье, возможность поговорить, показать платья. Это стало традицией...

На другой день мы поехали к рыбакам на озеро Нарта. Машина шла сначала по самой кромке моря, по мокрому, утрамбованному прибоем песку. Переднее стекло кабины было наполовину заполнено морской синевой, наполовину — оранжевым песком. Потом наш автомобиль свернул вправо от моря и заскакал по кочкам. На небольшом острове, поросшем кипарисами, показался монастырь.

Не могу простить себе, что мы поторопились и не побывали в кипарисовой роще. Неизвестно, есть ли на земле кипарисовый лес, кроме этого? Ведь кипарисы растут все больше в одиночку.

От острова отвалила длинная, узкая лодка, похожая на пирогу. Два рыбака, стоя в ней, отталкивались шестами от дна и вскоре причалили к нашему берегу. Мы вошли в лодку.

Озеро Нарта (иногда его называют Арта) — в сущности залив Адриатического моря, но он так кругл, а протока между ним и морем так узка, что название «озеро» ему подходит больше. Водоем обширен, но очень мелок. Рыбаки говорили, что нигде нет глубины более 80 *см.* Представьте же, как прогревается в нем летом вода! Испарение огромно, и вода здесь солонее морской. Теплая (именно теплая, как будто подогретая на огне), она заросла плавучими водорослями. Цвет озера — молочно-голубой, вблизи — зеленоватый.

Нам нужно было пересечь озеро. Весла здесь ни к чему: при помощи шестов передвигаться быстрее.

Плыли мы около часа. Узкая лодка бесшумно и стремительно резала стоячую воду.

— Сейчас начнется,— предупредили рыбаки.

Через несколько минут справа и слева от лодки начали выбрасываться из воды рыбы.

— Воздушные гимнасты! — восхищались рыбаки, глядя, как рыбина подпрыгивает метра на полтора вверх или пролетает метра два-три по горизонтали. Впечатление было такое, что мы плывем по садку, куда нарочно напустили рыбы так много, что ей тесно. Одна рыба выбросилась из-под моей опущенной в воду руки и, перевернувшись в воздухе над нашими головами, упала в лодку. Это была лодань около килограмма весом.

Лодка приблизилась к берегу.

— Что это там белое на отмели? — спросил Романыч.

— Пеликаны,— равнодушно бросил один рыбак, не поворачивая головы.

— Их тут десятки, сотни! — не сдержал восторга Романыч.

— Да, их тут на отмели много. Рыбу едят, только давай. Однако бить их запрещено. Как-никак — редкая птица.

На берегу стояло человек двадцать рыбаков — видимо, вышли встречать нас. Едва мы поздоровались с рыбаками, как Романыч со всех ног пустился к пеликанам.

Мы видели, как Романыч привинтил к аппарату сильно увеличивающий телеобъектив, разделся и пополз по-пластунски. Расстояние до птиц сокращалось медленно. Вот осталось метров двести, вот сто пятьдесят...

Ближе — увы — подкрасться не удалось. Пеликан, стоявший в стороне, должно быть, часовой, взмахнул крыльями и полетел над стаей. Все остальные поднялись за ним.

Очень красив летящий пеликан. Так и хочется сказать про него: фрегат, воздушный фрегат!

...База рыболовецкого кооператива расположена у самой протоки, соединяющей озеро с морем. В протоке настроены всюду заборы из тростника. Они образуют то зигзагообразные проходы, то

квадратные камеры, то узкие тупики. Если бы рыба захотела уплыть из озера в море, ей пришлось бы плутать по этим зигзагам. В конце концов она попала бы в такой тупик, откуда выбраться трудно. Сюда-то и приходили рыбаки с острогами и поддевали ее, точно вилкой со сковородки.

Когда рыба идет из моря в озеро, загородки снимаются.

Очередная группа рыбаков готовилась отплыть на ловлю. Мы поехали с ними.

На месте рыбаки вышли из лодок и по пояс в воде огородили сетью участок озера метров в двадцать диаметром. Затем они встали плотной цепью плечом к плечу, нагнулись, опустили в воду руки и стали ходить взад и вперед внутри оцепленного участка.

Сразу мы и не поняли такого оригинального способа ловли, а он был очень прост. Огороженный участок был так мал, а рыбы в нем так много, что рыбаки просто-напросто хватали ее в воде руками. Напуганная рыба выбрасывалась из воды, била рыбаков по лицу и даже сама впрыгивала в лодку, стоявшую рядом. Каждый самостоятельный прыжок рыбы в лодку сопровождался взрывом восторга рыболовов.

ОТ ВЛОРЫ ДО БУТРИНТИ

— Послушай, что написано в книге,— сказал Зея: «Юго-запад — основной район субтропиков Албании... Вечнозеленая растительность своим пышным нарядом украшает склоны гор, вплотную подходящие к теплому морю. На равнине, примыкающей к озеру Бутринти, образовался наиболее благоприятный в климатическом отношении микрорайон. С востока и с севера эта равнина прикрыта высокими горами, с запада ее омывают теплые воды пролива Корфу. Это самый живописный, цветущий край в Албании. Пальмы, магнолии, апельсины, лимоны, гранаты и множество других плодовых и декоративных деревьев делают этот край нарядным и красочным».

— Скорее туда! — сделал Романыч резонный вывод.

Выехали ранним утром. Дорога шла над морем. Сверху мы любовались водой, которая позволяла видеть дно на глубине многих метров. Оно было белое, ровное и напоминало огромную каменную плиту, положенную наклонно.

Вскоре дорога ушла от моря в горы, начала петлять и подниматься все выше. Перед каждым поворотом думалось, что вот сейчас откроется что-нибудь новое. Но поворот за поворотом, а справа и слева — все те же скалы. Взгляд привык упираться в них и не ждет уже ничего иного.

Стали попадаться сосны, выросшие среди камней. Обтрепанные горными ветрами, кургузые, они зато необыкновенно крепки и устойчивы.

Машина выскочила на перевал, круто обогнула скалу, и мы невольно отшатнулись, судорожно уцепившись, кто за что успел, не сразу осознав, что произошло что-то такое, чего мы никогда еще не переживали.

Машина, набрав скорость, вдруг точно отделилась от земли и поплыла, повисла над синей бездной... До сих пор справа были все скалы да скалы, и вдруг — ничего нет! Никакой опоры, никакой зацепки глазу. Синяя пустота, голубой туман! Под нами было безбрежное море, сливавшееся вдали с безбрежным небом.

Склон уходил вниз круто, стремительно. Внизу ярко горела золотая нитка прибрежного песка, а рядом с ней серебряная — прибоя. Причудливые черные силуэты сосен стояли, точно врезанные в голубизну. Перевал этот назывался Логара.

Отсюда начинался спуск к побережью Адриатики — Албанской Ривьере. Уже с перевала видно, какая там пышная и сочная зелень. Острые башенки кипарисов, подобно минаретам, поднимаются из апельсиновых и лимонных рощ.

Серпантин дороги благоустроен, но все же опасен. Машина крутится между скалами и обрывом. Вот и сейчас обрыв с моей стороны: края дороги не видно, мешает дверца машины, зато глубоко внизу, точь-в-точь как с самолета, видим квадратики садов и полей. Делаем поворот. Теперь Романыч любуется садами, а я в упор смотрю на гранитную стену.

В городке Химара мы остановились пообедать. От столовой до моря не более сорока шагов. А так как мы не упускали случая окунуться в адриатическую воду, то искупались и здесь.

...Вся дорога от Влоры до Саранды была словно светлый сон, красивая сказка. Разноцветное морское дно, видимое сквозь сверкающую под солнцем воду, студеные родники, бегущие с гор и разбивающиеся в пыль о встречные камни...

И деревни здесь необычные. Вот показалась одна из них. Она заняла склон горы, сбегающий к морю. Когда смотришь издали, самого склона не видно — только белые каменные дома с черными точками окон. Кажется, верхние дома своими основаниями касаются крыш нижних.

Все постройки двухэтажные, прочные. Улочки узкие, идут параллельно, одна ниже другой, соединяются каменными лестницами. Прямо с мостовой можно шагнуть на крышу дома.

С гор бежит ручей. В деревне его разветвляют на несколько рукавов, и почти по каждой улице мчится студеная вода.

Отколовшись от спутников, я снимал тихий деревенский дворик, через который течет ручей. Из домика вышли две женщины. Я молча поклонился. Женщины исчезли, через минуту они вышли, неся поднос с виноградом.

— Да что вы, с какой стати!

Но женщины не понимали меня, они твердили только одно:

— Советик карош, советик спасибо!

Виноград пришлось взять.

БОЛГАРСКИЕ ЯЗОВИРИ

По *А. Тимашеву*

Болгария обладает густой речной сетью, но большинство ее рек отличается небольшой протяженностью и в значительной своей части имеет горный характер. Отсутствие ледников в горах Болгарии и крупных озер в долинах рек, которые оказывали бы регулирующее воздействие на расход воды, является причиной значительного летнего и осеннего мелководья и даже полного пересыхания ряда рек.

В период весеннего паводка реки сильно разливаются и часто затопляют окружающую местность. В связи с указанными особенностями реки совершенно не используются для судоходства. Исключение составляет лишь пограничный Дунай, по которому осуществляются большие грузовые и пассажирские перевозки.

Гораздо большее значение имеют реки Болгарии как источники энергии и орошения. Особенно богаты гидроэнергией верхние участки таких рек, как Искыр, Янтра, Тополница, Тунджа и др.

Максимальные запасы гидроэнергии определяют приблизительно в 2,5—3 млн. *квт*. Начатая в стране электрификация в значительной мере базируется на гидроресурсах.

Кроме того, реки Болгарии все шире используются для искусственного орошения засушливых районов. Особенно важное значение имеет орошение в бассейне реки Марицы, так как климатические условия позволяют в Марицкой низменности выращивать ценные сельскохозяйственные культуры — табак, эфиромасличные, овощи и фрукты, но в условиях жаркого, продолжительного лета выпадающих осадков недостаточно для получения высоких урожаев. Поэтому необходимо дополнительное искусственное орошение полей.

* *
*

Весна. Полноводные веселые речки Северной Болгарии текут к Дунаю, орошая покрытые свежей зеленью лёссовые поля Придунайской равнины. Русла рек и ручьев глубоко врезаны в пористый грунт. Тающие весной снега дают много воды, но в знойное лето реки становятся маленькими ручейками, и зелень начинает желтеть и чахнуть.

На востоке равнина расширяется, поверхность становится холмистой. Это плато Лудогорие и Южная Добруджа, которую за пшеничные поля называют «золотой». Южная Добруджа страдает, однако, от безводья; если тут и выпадают короткие ливни, то они тоже жадно впитываются быстро поглощающим влагу лёссом.

Засуха — бич болгарского земледелия. В Болгарии урожайные годы чередуются с неурожайными. В предвоенные 1938—1939 гг. урожай кукурузы сократился по сравнению с предыдущим годом на 40, табака на 50 и хлопка на 25%.

Болгарское царское правительство обсуждало проекты постройки плотин, устройства водохранилищ и оросительных каналов. Цифры расчетов росли, становились внушительными, но от этого воды не становилось больше.

Пришлось и народной Болгарии пережить засуху 1945—1947 гг. Может ли народ, взявший в руки власть, мириться с таким положением? Ведь Болгария не Сахара и не Аравия. Воды у нее немало, надо только взять ее у природы.

На юге цепью тянутся горы, чередующиеся с низменностями. На юго-западе, в 60 *км* от Софии, возвышается горный массив Рила. Венчающая его вершина — пик Сталина (2925 *м*) — самая высокая точка Балканского полуострова. Рила и расположенный на юго-восток от него другой горный массив, Родопы,— древнейшие ядра полуострова, сложенные кристаллическими породами и гранитами. Гребни их хребтов поднимаются на высоту свыше 2500 *м* над уровнем моря.

Снег лежит на хребтах Рилы и Родоп большую часть года. Климат здесь суровый и влажный, по склонам гор растут густые леса, а в недрах таятся богатые руды цветных металлов. И в этих еще недавно совсем диких и безлюдных горах закипела работа, от которой в значительной степени зависела индустриализация и обводнение засушливых районов Болгарии.

Обильные дожди, таяние снегов, подземные ключи, вытекающие на поверхность, многочисленные ручейки, сливающиеся в горные реки,— вот они, источники жизни.

* *
*

Стремительными потоками растекаются в разные стороны реки Болгарии. На север мчится приток Дуная — река Искыр, орошающая котловину Софии; на юг направляют свой бег Струма и Места, а на восток течет Марица, прославленная песнями болгарского народа. Реки, стекающие с хребтов Рилы и Родоп, питаемые снегами и дождями, пробиваются сквозь скалы, бурлят и пенятся. Здесь главные узлы электрификации молодой народной республики.

Но спад воды в горных реках не всегда одинаков. В периоды таяния снегов и выпадания дождей горные потоки образуют мощные водопады. Однако бурные дни сменяются затишьем, сток воды сильно сокращается, и в глубоких ущельях остается очень мало воды. Чтобы заставить реку работать круглый год, человек должен создать резерв воды, построить плотину и соорудить водохранилище.

Болгары называют водохранилища «язовирами». Широко используя богатый опыт и помощь гидротехников Советского Союза, инженеры народной Болгарии возводят свои водные сооружения. Советский Союз оказывает дружеской народной республике ценную помощь машинами, транспортными средствами, технической консультацией.

Грандиозное строительство проведено на реке Бели Искыр — верхнем течении Искыра. Русло реки преграждено бетонной сте-

Болгария. Ущелье реки Искыр в горах Стара-Планина

ной высотой в 50 *м*. Здесь, среди хребтов высочайших на Балканском полуострове гор, создано огромное горное озеро длиной в 35 *км*.

Язовир на реке Искыр оросил Софийскую котловину и обеспечил водой столицу, быстро превращающуюся в крупный индустриальный центр.

К югу от этого мощного сооружения, в Родопах, построены три язовира имени Коларова и каскад из четырех электростанций — одна выше другой.

Один из язовиров уже круглый год снабжает водой гидростанцию «Выча», которая раньше простаивала по нескольку месяцев в году. Для увеличения запаса воды используется и лежащее поблизости озеро Кара-Гьол. Сооруженная здесь гранитная стена повысила уровень вод озера до 52 *м*.

Рила — Родопы далеко не единственный источник «белого угля» в стране. От самого Дуная (у впадения в него правого притока реки Тимок) до Черного моря полукругом тянутся хребты Балканских гор, а к югу от главных хребтов, параллельно им, проходит хребет Средна-гора.

* * *

Свое «европейское» название Балканы получили в результате своеобразного географического недоразумения. До XIX в. европейские географы имели очень смутное представление о направлении горных хребтов полуострова, который чаще всего назывался Юго-восточным. Сто лет назад французский геолог Ами Буэ, воспользовавшись политическим союзом Франции с Турцией, получил от турецкого правительства разрешение обследовать европейскую часть Турецкой империи. Буэ сопровождали турецкие солдаты.

При составлении карты Буэ спрашивал своих провожатых, как называются горы. Турки отвечали односложно — «балка», что по-турецки значит просто «горы», а Буэ внес это название как собственное имя в свои карты. С тех пор и горы и весь полуостров стали называть Балканскими.

Болгары называют Балканские горы Стара-Планина (планина — горы). Горы эти сравнительно молодого (третичного) возраста, с куполообразными вершинами и многочисленными, довольно невысокими (1000—1350 *м*) перевалами. Между главным хребтом и расположенным к югу от него хребтом Средне-Гора находится ряд продольных котловин. Важнейшие из них — Карловская и Казанлыкская. Последняя орошается рекой Тунджей (левым притоком Марицы). В горных районах влажный и умеренный климат, осадков здесь выпадает от 800 до 1150 *мм*. Здесь берут начало многочисленные реки, впадающие в Дунай и в Марицу.

На склонах Стара-Планины

Благодаря тому что Карловская и Казанлыкская котловины защищены с севера Стара-Планиной, они отличаются мягким климатом. Здесь с успехом выращивается роза, привезенная из Индии триста лет назад. Из плотных лепестков маленьких белых и розовых цветков выжимается высокоценное розовое масло. В долинах среди гор растут гранат, миндаль, душистые эфиромасличные растения (анис, шафран). На берегах Тунджи, в ее среднем и нижнем течении, раскинулись табачные и хлопковые поля. Но воды Тунджи для них не хватает. Поэтому у села Копринка, где река протекает по узкому ущелью с высокими гранитными стенами, сооружена плотина, которая даст возможность урегулировать сток воды.

Село Копринка находится вблизи города Казанлыка. Сооруженному здесь водохранилищу присвоено имя великого вождя болгарского народа Георгия Димитрова. От Тунджи в этом месте отведен большой оросительный канал, который позволит значительно расширить посевные площади долин, используемых под высокоценные культуры.

Шипкинский перевал. Памятник на месте исторических боев за освобождение Болгарии от турецкого ига (1877—1878)

На северном склоне Балканских гор осуществлено одно из самых больших строительств на реке Росица, притоке реки Янтры, впадающей в Дунай.

Росица берет начало в центральной части Стара-Планины (к западу от Шипкинского перевала), недалеко от истоков Тунджи. Своими частыми паводками Росица причиняла много бедствий болгарским крестьянам. Теперь здесь построена плотина высотой в 53 *м*, а также большое водохранилище длиной в 18 *км* и каналы, которые орошают около 40 тыс. *га* плодородной земли.

Строятся плотины, водохранилища и гидростанции и на других реках. Всего для этой цели в Болгарии может быть использовано 60 рек.

Постройка язовиров заметно расширила занятые под сельскохозяйственные культуры площади земли, особенно в северной Болгарии, на равнинах, наиболее подверженных засухе.

По подсчетам специалистов, орошаемая площадь земель равна одной четверти площади, ранее обрабатываемой в Болгарии.

Но так как орошение земли в условиях болгарского климата и почв влечет за собой повышение урожайности в два, три и даже четыре раза, полный эффект от строительства язовиров гораздо больше: валовой сбор культур по всей стране повысился на 50—60%.

Постройка язовиров и каналов имеет огромное значение и для животноводства: на орошаемых землях расширится площадь фуражных культур (люцерны и других) и увеличится их укос.

О значении, которое имеет постройка таких водохранилищ, говорит хотя бы то, что одни только Западные Родопы при полном использовании их источников гидроэнергии могут дать 1,5 млн. *квт.*

Плотина на реке Тундже у Копринки привела в действие гидростанцию мощностью в 50 тыс. *квт.* Такой же мощностью обладает и гидростанция на реке Пасарел (юго-восточнее Софии).

Новые электростанции дают ток многочисленным промышленным предприятиям Софии и других болгарских городов.

Работы по сооружению водохранилищ, каналов и электростанций в Болгарии явились большим шагом вперед в деле развития и дальнейшего прогресса хозяйственной и культурной жизни страны.

ФРУКТОВЫЙ САД БОЛГАРИИ

По *А. Стекольникову*

На юго-западе Болгарии, между горами Осоговска и Конявска-Планина, лежит Кюстендилская котловина — один из живописных уголков страны.

Дорога туда из Софии отнимает часа два.

...Вот на горизонте показываются горы. Это Конявска-Планина.

Петляя по склонам рыжего горного массива, машина взбирается на перевал. Слева, то приближаясь, то удаляясь, маячит вершина Виден (1487 *м*).

За перевалом местность несколько оживляется. Ущелье, по склону которого спускается дорога, поросло мелколесьем, и зелень радует глаз. И вдруг...

Мы были предупреждены, что вскоре начнутся красивые виды, и все же открывшаяся внизу картина поразила нас.

В ожерелье из горных цепей стлался огромный фруктовый сад, разделенный рядами стройных тополей на ровные квадраты.

Каждое время года имеет здесь свой цвет. Весна — бело-розовая от цветущих садов. Лето — ярко-зеленое. Вода, разбегающаяся по бесконечным канавкам, не дает выгореть зелени даже в самую жаркую пору. Осень — золотисто-зеленая. Цвет золота придают ей не только желто-багряные листья, ярко горящие на фоне зеленых тополей, но и зрелые яблоки, груши, персики, виноград.

А зима — голубовато-белая, с коричневыми прожилками: цвета мягкого снега и голых веток. Но этот цвет держится недолго. Потянет по долине Струмы теплый ветерок с Эгейского моря, растопит в садах снег — и выглянет зеленая травка.

Обилие света, льющегося с чистых голубых просторов, делает краски еще более яркими.

Вот она, Кюстендилская котловина — фруктовый сад Болгарии! Только рамка этой чудесной картины не под стать ей. Хозяева-временщики — сначала турецкие завоеватели, а затем капиталисты — обезобразили их.

С голых, обезлесенных гор в пору ливневых дождей в котловину низвергаются бурые потоки, несущие землю и камни. В 1923 г. в селе Коняво, откуда мы любуемся сейчас видами, хлынувшие с гор потоки в течение пятнадцати минут уничтожили все посевы, разрушили много строений, причинили убыток в 15 млн. левов.

В последние годы крестьяне с помощью государства восстанавливают леса. То там, то тут видна молодая лесная поросль.

* * *

С давних времен славится Кюстендилская котловина своими садами. Здесь колыбель болгарского садоводства. Уже во II—III вв. на монетах, которые чеканились в Пауталин (так назывался тогда нынешний Кюстендил), изображались корзины, полные фруктов и винограда.

Развитию садоводства способствовали климатические и почвенные условия. Кюстендилская котловина невелика. Длина ее около 20 *км*, средняя ширина 6—7 *км*. Расположена она на высоте около 500 *м* над уровнем моря. Горы, окружающие котловину, защищают ее от холодных северных ветров и слишком горячих южных. Зато долина реки Струмы служит как бы каналом, по которому сюда проникают теплые и влажные воздушные массы из бассейна Средиземного моря.

Зима тут короткая, безморозная, весна ранняя, лето не знойное, осень теплая и продолжительная. Да и зимние дни нередко похожи на весенние — такие же ласковые и ясные. Небо над котловиной большую часть года чисто. Солнечного света здесь в изобилии. Река Струма и бегущие с гор потоки и речушки дают воду для орошения.

Что только не произрастает в этом благословенном уголке! Золотистые груши, будто тонкостенные сосуды, наполненные ароматным сладчайшим нектаром. Такую грушу можно не съесть, а выпить. Яблоки — от маленьких, продолговатых зелено-желтых, с порозовевшими бочками, до увесистых ярко-красных. Абрикосы величиной со средний персик и персики с крупное яблоко, покрытые пушком, смугло-румяные. Черешня золотистая, розовая и тем-

Кюстендилская котловина

ная, как глаза кюстендилской красавицы. Так и в песне поется: «Станкины очи черны, как черешня». Хороша синяя, точно изморозью покрытая слива. Много ее в здешних садах.

По склонам гор раскинулись виноградники, в низинах — плантации душистых табаков, ближе к воде — огороды.

* *
*

Щедра здешняя природа, но пользоваться всеми ее благами только теперь учится крестьянин. В одном из отчетов земельных органов Кюстендилской управы за 1923—1928 гг. читаем: «Отсталости нашего садоводства способствует отсутствие каких бы то ни было забот о фруктовом дереве и слабые знания в области научного садоводства. Молодое дерево от посадки и до самой

смерти, обыкновенно преждевременной, не видит никакого за собой ухода. Единственная забота нашего крестьянина-садовода — это собрать плоды, когда они уродятся».

Иное дело теперь. Возле города Кюстендила народная власть создала научно-исследовательский институт садоводства. Здесь на опытных участках выращиваются новые сорта плодовых деревьев. Работники института знакомят крестьян с научными методами ухода за садами.

Какие результаты получаются при сочетании науки с практикой, можно увидеть в садах трудового кооперативного земледельческого хозяйства села Рыждавица.

Расположено это красивое село в западном углу котловины, у выхода реки Струмы из Земенского ущелья.

* *
*

Любят в Болгарии сады. Фруктовые деревья растут около домов и во дворах, на виноградниках и вдоль дорог.

Однако в старой Болгарии садоводство стояло на весьма низком уровне. Нормальному его развитию мешали бесплановость и стихийность капиталистического рынка.

Когда закупку болгарских фруктов и ягод производили английские фирмы, они требовали больше клубники. Крестьянам пришлось уменьшить посадку фруктовых деревьев. Когда же английских купцов вытеснили фирмы фашистской Германии, болгарские крестьяне были вынуждены прекратить посадку клубники.

В селе Ковачевцы, где мы остановились по дороге в Кюстендил, нам рассказали, как здешние крестьяне под давлением рынка начинали разводить то одну, то другую сельскохозяйственную культуру. Только приспособились к бахчевым, а рынок стал больше требовать фруктов. Пришлось бахчи забросить. С открытием в Софии сахарного завода усилился спрос на сахарную свеклу. Занялись ковачевцы свеклой. Прошло несколько лет, и завод закрылся, так как центр свекловодства переместился в северные районы страны.

При народной власти садоводство начало развиваться планомерно и превратилось в одну из передовых отраслей сельского хозяйства.

Главная плодовая культура Болгарии — слива. Сливовые сады составляют более половины всех фруктовых насаждений. Экспорт болгарской сливы в свежем и особенно в сушеном виде весьма значителен. Идет она и на изготовление сливовой водки — сливовицы.

Все больше разводят сейчас яблонь, груш, абрикосов. В последнее время стали культивировать некоторые виды цитрусов и чай.

Закладка садов идет по всей стране. Правительство приняло меры к тому, чтобы к 1960 г. увеличить площадь под плодовыми по сравнению с 1951 г. в два раза, под клубникой и малиной — в четыре раза. Должно утроиться количество фруктовых деревьев вдоль дорог, во дворах городских домов и на усадьбах крестьян.

* *
*

Следует ознакомиться и с другой достопримечательностью Кюстендилской котловины — ее минеральными источниками. Для этого надо заехать в город Кюстендил, расположенный в южной части котловины, у склонов Осоговска-Планины.

Это уютный зеленый городок. Верхняя его часть прижалась к крутому осоговскому отрогу, носящему название Хисарлык.

Поросший соснами Хисарлык будто нависает над городом, прикрывает его своей сенью. Красивы и тенисты его аллеи — любимое место отдыха горожан. Живописны открывающиеся с вершины виды на котловину, на окружающие ее горы, на далекие громады Рилы и Пирина. Немыми свидетелями веков стоят на Хисарлыке остатки древней крепости Пауталии.

У подножия Хисарлыка бьет сорок источников горячей минеральной воды. Здешние источники и их целебные свойства были известны с очень давних времен, и именно около них возник и развивался город.

Рано утром мы покидаем гостеприимный Кюстендил. Солнце еще не показалось из-за гор, а Кюстендилская котловина уже ожила. В садах звенят песни, по дороге летят каруцы с нарядными сборщицами яблок.

Каруца! Она воспета в болгарской литературе, как тройка — в русской.

Каруца — это крестьянская повозка. В ее украшение мастер вкладывает всю фантазию. Есть каруцы величественные, как древние колесницы, или разрисованные, как елочные бонбоньерки. Одни похожи на старинные русские сундуки, узорчато окованные железом, другие напоминают огромную резную шкатулку.

По отделке и еще каким-то неискушенному глазу невидимым признакам местный житель узнает, откуда эта каруца, кто ее мастерил. Владелец повозки устилает ее дно ковром, воздвигает над ней балдахин, отороченный по краям цветной оборкой. В дни торжественных выездов стойки балдахина обвивают гирляндами цветов, свежей зеленью, в гривы коней вплетают яркие ленты.

Когда глянешь в праздничный день на сельскую дорогу, кажется, что по ней движутся огромные корзины с яркими цветами.

Вот такие каруцы нам и попадались. Навстречу им тянулись телеги, доверху нагруженные яблоками. Яблоки лежали горками возле деревьев, яблоками были наполнены целые штабеля ящиков. Яблоки были всюду, их аромат носился в воздухе.

Там, где мы останавливались, нам на прощанье дарили яблоки. Вспомнились строки болгарской поэтессы Лиляны Стефановой:

Если осень ветви яблонь
Ломит силой урожая
И в садах на кручах Струмы
Крепок меда аромат,—
У болгар такой обычай:
Человека провожая,
Оделить его. Да будет
Урожай опять богат!

Долина реки Струмы вывела нас к селу Невестино. Здесь река разлилась довольно широко.

Каменный, горбатый, с пятью арочными пролетами, с высокими перилами, мост словно несет на себе печать веков. Мост построен почти пятьсот лет назад.

Переправившись через Струму, мы распрощались с чудесной Кюстендилской котловиной.

СОФИЯ

По *А. Менеджикову* и др.

Столица Болгарии София находится в середине Балканского полуострова — в южной части софийской межгорной котловины, ограниченной с севера Балканским хребтом, а с юга горой Витоша. В Софии пересекаются три магистральные дороги: шоссе из Белграда на Стамбул, путь от Дуная к Эгейскому морю и путь от Черногорья к Адриатическому морю.

Когда самолет подлетает к Софии, то его пассажирам сразу бросаются в глаза зеленые купола церквей, высоко поднимающиеся над городом, утопающие в зелени широкие магистрали с едва приметными под их листвой зданиями.

София — древний город. Еще в VII в. до н. э. на его месте существовало поселение фракийцев. Во второй половине VI в. н. э. на Балканском полуострове появились славяне, которые, овладев городом, дали ему новое имя — Середец. Славянское имя точно определяло географическое положение города, занимавшего центральное место на полуострове. С образованием Болгарского царства Середец стал военной крепостью и очагом славянской культуры. С XIV в. город получает название София, в честь построенной здесь церкви святой Софии.

В 1386 г. Софию захватили турки. Какого расцвета достиг город к этому времени, можно судить по донесению турецкого полководца Лала Шахина султану Мураду: «Промысловых заведений в Софии много, они вырабатывают тонкие и толстые шерстяные и хлопчатобумажные ткани... София, окруженная лесами и горами, имеет в изобилии воду для нужд населения и многочисленного скота, которым так славится страна. Климат хороший, уме-

ренный и очень здоровый. Фруктов, всякого рода винограда там в изобилии. Торговля в городе достаточно развита, во все стороны от него вьются дороги, по которым снуют путешественники-торговцы, торговые караваны с различными товарами и изделиями, которые производят в Софии... София и софийская котловина представляет собой настоящий яблоневый сад...»

Турки по-своему стали перестраивать город. Все, что оставалось от византийского и славянского искусства — дворцы, бани, храмы, — было разрушено, а их строительный материал обращен на сооружение мечетей, мусульманских духовных школ, караван-сараев. Внешне город со своими многочисленными минаретами выглядел красиво. Но улицы в нем были узкие и кривые, мостовые грязные и изрытые ямами. Почти все дома в городе были маленькими, с плетеными стенами, обмазанными глиной, с крошечными оконцами и низкими дверями.

После освобождения от турецкого ига в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. София постепенно превращается в типичный капиталистический город. Центральная часть ее застраивается большими, многоэтажными домами обычного европейского типа. Здесь размещаются различные банки, агентства, торговые конторы, появляются крупные магазины. В кварталах, застроенных благоустроенными особняками, размещается буржуазия. По окраинам города хаотично громоздятся узкие и кривые улочки, застроенные маленькими домишками, лишенными элементарных удобств,— здесь ютилась городская беднота.

Во время второй мировой войны город подвергся большим разрушениям, и многие его жители остались без крова.

Пришедшее к власти 9 сентября 1944 г. правительство Отечественного фронта за немногие прошедшие годы сумело ликвидировать последствия войны и сейчас много усилий направляет на коренную реконструкцию города. Повсюду в городе вырастают целые кварталы новых, благоустроенных домов. В городе уже почти не осталось улиц, которых в той или иной мере не коснулась бы рука строителей. Но особенно сильно изменился облик старых рабочих кварталов, где выросло много новых фабричных корпусов, появились благоустроенные и красивые рабочие поселки с светлыми зданиями школ, клубов, детских домов, больниц. На месте пустырей выросли парки, скверы и сады.

Город просыпается рано. К шести-семи часам спешат на заводы рабочие, к восьми — служащие учреждений и учащиеся. Вечером, когда кончается рабочий день и спадает дневная жара, на улицах города много гуляющих, заполняются людьми кафе, сладкарницы (кондитерские), рестораны. Из открытых окон льются звуки музыки.

Повсюду на улицах попадаются продавцы цветов, которых много в Софии в любое время года.

София славится как курорт, в городе имеются минеральные источники, которые с незапамятных времен используются для ле-

чения. В живописном квартале пригорода Софии, Княжеве, расположенном у подножия Витоши, выходит холодный минеральный источник. Здесь когда-то располагались летние дачи софийской буржуазии. Сейчас здесь поселились трудящиеся; часть дач передана детским домам.

ЗАБАЛКАНСКИЕ КОТЛОВИНЫ

По *А. Стекольникову*

Красив уголок болгарской земли, заключенный между центральной частью хребта Стара-Планина и горной цепью Средна-Гора. Это Забалканские котловины, тянущиеся между двумя хребтами с запада на восток.

Направимся в путешествие по этим местам из столицы Болгарии Софии. Перерезав Софийскую котловину, дорога выходит к отрогам Стара-Планины, как болгары называют Балканский хребет. Слева от дороги видна гора Мургаш. Редко Мургаш ясно виден весь, от подножия до вершины. Чаще он окутан облаками, мглой и кажется оттого мрачным, хмурым. Потому и имя его происходит от болгарского слова мургав — смуглый. Известный болгарский путешественник П. Делирадев пишет: «Если случится быть на Мургаше в летнюю бурю или зимнюю вьюгу, уходите поскорее от его помрачневшего чела. В такие моменты он беснуется... Защиту найдете в густом лесу, да и то только в его глубине, ибо буря на Мургаше не только ломает ветви, но и валит вековые буки по краю леса».

* *
*

Дорога все больше и больше петляет. Начинается подъем на крутую, поросшую лесом горную седловину Гылыбец, за которой лежит первая и самая высокая забалканская котловина — Златицкая. С дороги видны живописно разбросанные внизу селения. Все вокруг словно покрыто ярким и пестрым ковром. Буйные речушки и шумные потоки, сбегающие с южных склонов Стара-Планины, и щедрое южное солнце дают жизнь обильной растительности.

Среди привычного горного пейзажа видно и нечто новое. Это сооружения Подбалканской железнодорожной магистрали, которая кратчайшим путем связала Софию с черноморским портом Бургас.

Тяжела прокладка железной дороги в горной местности. Строителям ее приходилось пробивать тоннели в каменной толще горных отрогов, перебрасывать через скалистые ущелья виадуки, вырубать в крутых склонах террасы для железнодорожного полотна, воздвигать высокие насыпи. Работы все уже закончены, и по магистрали открылось регулярное движение поездов.

Болгария. Сбор роз в Казанлыкской котловине

* *
*

Спустимся с гор и продолжим путь дальше на восток. Дорога сбегает к кряжистой перемычке, соединяющей два хребта: Стара-Планину и Средна-Гору. Это седловина Козница. Здесь был самый трудный участок строительства Подбалканской железной дороги. Строителям пришлось пробить в Коznице тоннель длиной в 5801 *м*. Летом 1951 г. самый длинный тоннель на Балканском полуострове был готов. В сооружении его огромную роль сыграла помощь Советского Союза.

С Козницы открывается вид на Розовую долину, образованную двумя котловинами: Карловской и Казанлыкской. Чудесен этот уголок болгарской земли. Здесь раскинулись плантации знаменитой казанлыкской розы. В мае, начале июня, когда розы

цветут, эта долина особенно хороша. Легкий ветерок далеко разносит тончайший аромат. В Розовой долине, защищенной от холодных северных ветров Стара-Планиной, разводят различные сельскохозяйственные культуры. Вот среди золота созревших хлебов раскинулись, точно синие озера, поля цветущей мяты. В воздухе носятся пряные запахи лаванды и герани. Блестят молодые листья прекрасных болгарских табаков. Среди полей стоят кущи огромных ореховых деревьев. На склонах гор — виноградники. В фруктовых садах зреют сливы, яблоки, груши, черешни, персики.

А вот и город, в котором родился классик болгарской литературы Иван Вазов.

Древнее поселение здесь существовало под названием Сопот много сотен лет. Турки назвали его Акче-клисе, что означает «Белая церковь». Город был назван так потому, что в нем когда-то стояла большая белая церковь. Под именем Бяла черква городок описан в известном романе Ивана Вазова «Под игом».

В 1950 г., в ознаменование 100-летия со дня рождения Ивана Вазова, Сопот был переименован в Вазовград.

Вазовград лежит в северной части Карловской котловины, у подножия Стара-Планины.

Благодатны природные условия Карловской котловины. Река Стряма, протекающая по котловине, неподалеку от Карлово сворачивает на юг. По ее долине в котловину свободно проникают с юга теплые воздушные массы. От холодных же северных ветров она надежно прикрыта высокой стеной Стара-Планины. Мягкий, теплый климат благоприятствует разведению теплолюбивых культур.

Именно в Карловской котловине наибольшее распространение получили эфиро-масличные растения: розы, герань, лаванда.

«Никогда мне не наскучит глядеть на Стара-Планину,— писал Вазов.— Здесь картина поразительна и величие зрелища изумительно. Здесь Стара-Планина без предгорья, без ступенек, без террас поднимается внезапно в небеса, голая, страшная, огромная. А на юге, за долиной реки Стряма, вздымается Средне-Гора. Это горы с мягкими формами, с прекрасными видами, но без величественности Стара-Планины. Особенно поражают леса — высокие, столетние!»

* *
*

Следуем дальше на восток. Перевалив возвышенность Стражата, попадем в живописный городок Калофер, который дал Болгарии пламенного проповедника и идеолога народной революции, великого революционера и поэта Христо Ботева. Как величайшую святыню оберегает болгарский народ дом Христо Ботева.

Изумительный вид открывается с высшей точки перевала Стражата на Стара-Планину. Отсюда видна самая высокая часть ее. Вдали гордо высится величайшая вершина хребта — гора Бо-

Плоские забалканские котловины хорошо выделяются в рельефе среди горных хребтов центральной Болгарии.

тев (Юмрукчал). Здесь Стара-Планина предстает во всем своем грозном величии. Круты и обрывисты ее склоны, бездонны пропасти, скалисты и неприступны стены темных ущелий.

На восток от вершины Ботев возвышается лесистая гора Русалка, где рождается веселая и шумная река Тыжа. Она бежит то по лесистым, пологим склонам, то врезается в теснину гор. Перед выходом в Казанлыкскую котловину, точно обрадовавшись лежащему перед ней простору, Тыжа низвергается сверкающим водопадом. Недалеко от этого места построена гидроэлектростанция, названная именем реки — «Тыжа».

В годы народной власти по всей Болгарии широко развернулось гидроэнергетическое строительство. Неподалеку от впадения Тыжи в Тунджу, у села Копринка, что в семи километрах западнее Казанлыка, сооружено одно из крупнейших водохранилищ —

имени Г. Димитрова. Путь реке Тундже здесь преградила плотина в 640 *м* длины и 40 *м* высоты. У самой плотины построена мощная гидроэлектростанция, которая дает энергию не только Казанлыку, но и многим другим прибалканским городам. За плотиной образовалось озеро с водной поверхностью до 8 *кв. км*. Воды озера орошают часть Казанлыкской котловины и, кроме того, отведены через тоннель, проложенный в недрах хребта Средна-Гора, в почти безводную Стара-Загорскую долину. Здесь, у города Стара-Загора, построена электростанция мощностью в 30 тыс. *квт*. Воды Тунджи оросили плодородную Старо-Загорскую долину, она превращается в район хлопководства, фруктовых садов и огородных культур.

* *
*

Всюду, на всем протяжении забалканских котловин, кипит свободный, радостный труд, изменяющий не только жизнь человека, но и облик самой болгарской земли.

Там, где вились горные тропы, проложены автомобильные трассы и железные дороги. На пустырях выросли корпуса завода фарфоровых изделий — красавца Казанлыкской котловины, как назвали его болгары. На пути своевольных горных рек встают плотины. Поля прорезают каналы. В горах Стара-Планины возникают новые угольные шахты. От села к селу тянутся электрические провода. Электрический свет появился ныне почти во всех селах Казанлыкской и Карловской околий, районов. Меняется и внешний вид сел. Всюду в селах вырастают высокие, светлые школы, клубы, читальни. Сюда пришла жизнь, полная счастья и надежд на еще лучшее будущее.

БОЛГАРСКИЙ ТАБАК

По *Э. Валеву*

В июле — августе в Восточных Родопах трудно определить окраску домов. Они выглядят не белыми, как обычно, а золотисто-желтыми или коричневыми. Лето на юге Болгарии — период сушки табака, и местные крестьяне не только выставляют рамы с листьями по обеим сторонам улицы, но и развешивают связки на стенах домов.

Болгарию часто называют страной роз за плантации казанлыкской розы. Однако славу ей принесли и небольшие коричнево-золотистые листья с тонкими жилками — табак. Основные табаководческие районы расположены на юго-западе Болгарии: в долине Струмы и ее притоков, в долине Марицы с прилегающими к ней склонами Родопских гор и, наконец, в «царстве табака» — Восточных Родопах.

Табак был завезен в Болгарию почти четыре века назад, но только в начале нашего столетия он стал играть важную роль в экономической жизни страны и ее экспорте.

Удобной для обработки земли в Пиринском и Родопском краях мало, да и почва бедна органическими веществами и влагой. На такой земле нелегко собрать богатый урожай пшеницы. Зато сочетание этих почв, мягкой зимы и долгого солнечного лета создает превосходные условия для выращивания высококачественных сортов табака.

На мировом рынке известен болгарский табак под названием «Джебел басма» — с небольшим содержанием никотина.

Сколько нужно труда, чтобы вырастить табак и сохранить его качество! Сушить табак нужно так, чтобы листья сохраняли приятный, тонкий аромат.

Ранней весной семена высевают в парники, а в мае высаживают рассаду в поле. Если на невысоком тонком стебле появляются вторичные побеги, «пасынки», их обламывают, чтобы растение на них не затрачивало слишком много питательных веществ и не снижалось качество листа.

Когда в конце лета зеленые листья начинают желтеть, крестьяне приступают к ломке. Листья обрывают в течение двух месяцев, по мере созревания. Сразу после сбора листья нанизывают на длинные шнуры, развешивают на рамах и выставляют сушить. Тогда все улицы сел буквально завалены табаком. В тени заборов сидят женщины и дети, они быстро накалывают на толстые длинные иглы табачные листья. В страдную пору, примерно с середины июля до середины сентября, собирают и сушат табак почти все члены семьи от мала до велика.

Из окрестных сел в город привозят высушенные листья. На складах их сортируют и упаковывают в стандартные кипы. Спрессованные кипы на длительное время закладывают в камеры для ферментации с температурой 40—50 градусов. Здесь из листьев удаляется лишняя влага и, кроме того, они под влиянием ферментов улучшают свои качества.

Когда весь табак упакован, начинается его путешествие в различные страны мира. В самой Болгарии, главным образом в Пловдиве, перерабатывается лишь 20—25% табачных листьев. Основная же масса табака в виде высушенных листьев вывозится в Германию, Чехословакию, Польшу и Советский Союз.

ПИРИН

По *А. Стекольникову*

Пиринский край — часть Македонии. Дольше всех других областей Балканского полуострова Македония находилась под жестоким турецким игом. Русские войска, принесшие после войны 1877—1878 гг. освобождение Болгарии, вырвали из рук ту-

рецких захватчиков и Македонию, но империалистические правительства Европы потребовали на Берлинском конгрессе 1878 г. возвращения Македонии под власть Турецкой империи.

Лишь через 34 года, в 1912 г., в результате первой Балканской войны, Македония была освобождена от турецкого господства. Но независимости и на этот раз она не получила. По Бухарестскому мирному договору 1913 г., которым завершилась вторая Балканская война, Сербия получила западную часть, так называемую Вардарскую Македонию, Греция — южную, Эгейскую Македонию, Болгария — небольшой район — Пиринскую Македонию.

Пирин — второй по высоте горный массив Болгарии. Расположен он в юго-западной части страны, между реками Места и Струма. Высшая его точка — Вихрен («Вершина бурь») (2915 *м*).

На склонах массива, в глубоких цирках, выдолбленных ледниками, лежит свыше 150 озер. Десятки рек, зарождаясь в дебрях массива, то низвергаются водопадами, то врезаются в каменные толщи. У подножия Пирина в горных расщелинах находятся горячие источники. Его недра богаты бурым углем и флюоритом.

Неохотно впускает Пирин в свое сказочное царство. Крутой он, скалистый, труднодоступный.

Много веков работала Струма, чтобы пробиться к теплому Эгейскому морю. Немало пришлось потрудиться и человеку. Дорогу себе он вырубил в каменном карнизе глубокого ущелья. Бежит по ущелью, буйно клокоча, река Струма, и наперегонки с ней мчится наша машина.

Но вот расступились горы, и дорога вышла в широкую долину. Наш проводник предложил свернуть с магистрали и посмотреть самый маленький город в Болгарии — Мелник.

Добраться до него стоило немало труда. Единственный путь, который ведет к городу по долине капризной мелникской реки, малоудобен. Дорога идет, прижимаясь к крутым горным склонам. Местами она завалена крупными валунами, того и гляди поломаешь машину... А после ливней в город и совсем не проедешь. Вода в реке сильно прибывает и с грохотом несется по каменистому руслу.

Мелник расположен в ущелье, по обеим сторонам которого поднимаются высокие, золотистые глинисто-песчаные скалы. В ущелье так тесно, что дома построены в несколько этажей. Нижний этаж из камня, верхний, сильно нависающий над первым,— из дерева. Окна с массивными железными решетками. Каждый дом — точно крепость. Типичный средневековый город.

Улиц в Мелнике нет. Люди ходят по сухим руслам горных потоков. Во время дождей связь внутри города и с окружающим миром прекращается.

В далеком прошлом Мелник был крепостью. Но славу ему принесла виноградная лоза. Отсюда шло густое, черное, извест-

ное всем Балканам «мелнишко вино». Через горы Пирина к нему тянулись «винарские пути».

Старики еще помнят те времена. Они показывают путешественникам вырубленные в горных склонах огромные хранилища вина и сокрушенно рассказывают о том, как гибла слава их города. Жадные до наживы предприниматели эксплуатировали лозу «на износ». Чудесная лоза истощалась, болела, и наконец филлоксера уничтожила ее. Из города уже нечего было вывозить, и заросли к нему «винарские пути». Еще в 1924 г. Мелник насчитывал 15 тыс. жителей, а ныне их всего около 500 человек. Осталась в нем лишь сотня домов.

В 30-х годах город был покинут властями. Околийский центр переместился из Мелника в село Свети-Врач, лежащее в плодородной долине Струмы. Когда в селе этом появились здания полиции, суда и управы, оно стало называться городом. А город-то, собственно, рождается только теперь. У него и имя ныне другое. Народное правительство Болгарии, чтя память пламенного македонского революционера Яне Санданского, присвоило городу его имя.

Слушая рассказ о городе Сандански, мы незаметно въехали в него.

Расположен Сандански в небольшой котловине на юго-западных склонах Пирина, у железнодорожной и шоссейной магистралей, ведущих из Софии к южной границе.

Рождением своим он обязан источникам минеральной радиоактивной воды. Об этом свидетельствует прежнее название местечка — Свети-Врач, то есть «святой исцелитель». Первые водолечебницы построили здесь древние римляне. Но со временем все пришло в запустение, и целебные воды использовались лишь в незначительной мере, только для нужд бани.

В годы народной власти произведен каптаж части минеральных источников, построена водолечебница.

«Мы хотим возродить былую славу нашего города,— говорили нам его жители.— Здесь будет замечательный курорт. Все условия для этого есть: целебная вода, горный воздух Пирина и мягкий средиземноморский климат долины Струмы».

Горячую минеральную воду — а ее здесь так много, что она образует целую речку — сейчас используют для обогрева теплиц. На юго-восточной окраине Сандански построен стеклянный городок из оранжерей. Одних только томатов выращивают в них за зиму свыше 100 *т*.

Жители города занимаются преимущественно земледелием. Выращивают табак, виноград, арахис. Земли вокруг мало, поэтому некоторым крестьянам приходилось на себе носить землю на каменистые бугры, чтобы посадить там картофель.

С образованием кооперативного хозяйства жизнь крестьян стала иной. Коллективный труд, машины, новая агротехника

дали возможность получать с той же площади более высокие урожаи.

Строительство — главная тема разговоров здешних людей. Но самым большим своим достижением местные жители считают сооружение Санданской оросительной системы. 130 тыс. декаров земли в Санданской и Петрической околиях получили воду из реки Пиринская Быстрица. Крестьяне нескольких десятков сел стали собирать вдвое-втрое больший урожай. Они говорят: «Без воды нет зажиточной жизни, без народной власти не было бы на наших полях воды. Теперь нам нет нужды заглядываться на каждую тучку, примостившуюся на вершинах Пирина, и гадать: принесет она дождь или унесет с собой наши надежды».

За девять лет народная власть затратила на мелиоративные работы в Пиринском крае почти в пять раз больше средств, чем буржуазия за все годы своего господства. В процентном отношении площадь орошаемых земель в Пиринском крае занимает первое место в стране.

У границ с Грецией приютился Петрич, город-сад. Сады тут всюду: в каждом дворике и на каждой площади, они поднимаются по склонам гор, окружают город со всех сторон. Яблоки, груши, абрикосы, черешни, винные ягоды, орехи, каштаны — чего только здесь не растет! Не было раньше лимонов, апельсинов, мандаринов, а сейчас их тоже выращивают.

Еще недавно лишь кое-где были видны персиковые деревья. Теперь тысячи их стоят в молодом саду кооперативного хозяйства. Два раза в году собирают петричане крупные золотистые плоды. В середине июня поспевает ранний сорт — «майский цвет». К концу октября готовы поздние сорта.

Землю используют тут очень экономно. В персиковом саду под молодыми деревьями растут арахис, овощи, хлопок. В междурядьях взрослых деревьев — клубника, зеленая фасоль, горох. Солнца на всех хватает.

Петричская околия издавна славилась каштановыми лесами. Однако за ними никто не следил: их уничтожали хищническими порубками, много деревьев гибло от болезней. Новые, настоящие хозяева при поддержке научных учреждений ныне возрождают каштановые леса.

...Из Петричской околии мы направились на восток, в город Гоце-Делчев. Дорога идет по узкому проходу в южных склонах величественного Пирина. Не всякая машина преодолеет эти крутые подъемы и стремительные спуски, не каждый шофер управится на головокружительных поворотах. И здесь жизнь. Казалось, выше и не забраться, а смотришь — среди скал прилепились две-три хижины.

Здесь мы услышали такой рассказ.

«Как-то путник, увидав волов, работавших на огромной высоте, спросил их владельца:

— Как ты привел сюда волов?

— Я принес их на руках, когда они были маленькими,— ответил горец».

Изумительно трудолюбив македонский крестьянин!

Вот и город Гоце-Делчев. Так назван ныне Неврокоп в честь известного македонского революционера Гоце Делчева.

Он точно прилепился к каменным громадам южного Пирина, этот маленький красивый город с мягким климатом. Жители заняты разведением табака. Летом дворы и стены домов увешаны снизками его листьев.

За последние годы облик города сильно изменился. Появились большие здания. Дом культуры, училище, больница, почтовая палата. Сооружены новые промышленные предприятия, табачные шилки, гидроэлектростанции.

...Из города Гоце-Делчев дорога на север идет по долине реки Месты, между склонами Пирина и Родоп. Примерно километрах в десяти от города долина превращается в узкое, мрачное ущелье.

В ущелье нас захватила гроза. Началась она неожиданно. Узкую щелку неба закрыла сизо-черная пелена. По ущелью пробежала холодная воздушная волна. Деревья вздрогнули, ветки их затрепетали. В ущелье спустился мрак, а затем огонь, не отдельные молнии, а массы огня. Почти одновременно удар грома потряс землю, и тут же полил дождь. Но это был не дождь в обычном нашем представлении, а сплошной поток воды, падавший с высоты.

В мгновение ока река вспухла, судорожно забилась о скалы. Потоки воды обрушивались с горных круч. И вот уже по дороге помчалась только что рожденная бешеная река. Казалось, она увлечет за собой и нашу машину.

Ущелье ревело, клокотало, бурлило, пенилось.

Тишина наступила так же неожиданно, как и была нарушена. Над головой открылась голубая полоска. Поток с неба прекратился. И только Места еще спешила протолкнуть через каменную теснину избыток воды.

Ехать дальше стало трудно. Не раз приходилось очищать дорогу от камней, сброшенных с гор водными потоками. Но нам, как говорил шофер, повезло: бывает, что камни разрушают шоссе, и тогда целыми днями можно сидеть в горах, ожидая восстановления пути.

Ущелье вывело в Разлогскую котловину, лежащую на высоте 840 *м*. Котловину окружают высочайшие горы Болгарии: Рила, Пирин и Родопы.

Здесь много разнообразных теплых минеральных источников. Возле них образовался курорт с водолечебницей, известный во всей стране.

Вскоре мы уже въезжали в Банско — интересный старинный городок. Построен он на большой дороге; по ней раньше шли торговые караваны от Эгейского моря до Дуная.

В шести километрах севернее Банско, на границе между Рилой и Пирином, стоит маленький, приветливый городок Разлог, околийский центр.

Лес являлся здесь главным источником существования. За гроши нанимались крестьяне на рубку леса, допотопным способом гнали деготь и развозили его в кожаных мешках.

До недавнего прошлого полагали, что земля здешняя разве только на то и способна, что рождать дикие сливы — джанки и дикие груши да рожь и кукурузу. Кое-где стали было разводить сады, сажать табак, лен, картофель. Но делали это ощупью, в одиночку. Крестьяне, вынужденные каждый на своем клочке добывать пропитание, использовали землю преимущественно под зерновые культуры. Только при народной власти сельское хозяйство стали переводить на высокопродуктивное и разнообразное производство. То, что не под силу было единоличному крестьянскому хозяйству, стало возможным для крепкого коллектива, поддерживаемого государством.

По всей Разлогской котловине зацвели яблони и сливы, на полях ее созревают табак, лен, клубника.

В Разлоге и крупных селах котловины появились лесопильные и фанерные заводы, мебельные фабрики. В горы на лесосеки проложены автомобильные и подвесные дороги.

Из Разлога наш путь лежит на восток, в Родопы.

ПО РИЛЕ

По *Ю. Демидову* и *М. Наумовичу*

В центре Балканского полуострова, на юго-западе Болгарии, выше всех горных групп поднимается величественный горный массив. Он царит над застывшим морем островерхих хребтов, над гребнями лесистых круч. Этот массив — легендарная Рила.

Вершина Рилы — пик Сталина — поднимается на высоту в 2925 *м* и превосходит Олимп (2917 *м*) и вершину Вихрен в Пирине (2915 *м*). Она является, таким образом, высшей точкой не только Болгарии, но и всего Балканского полуострова, всей Юго-Восточной Европы от Альп до Кавказа.

Сама Рила вместе с Родопским массивом является частью древнего ядра Балканского полуострова, частью так называемого Македоно-Фракийского массива. Рильские граниты поднимались горными цепями уже тогда, когда на месте Альп, Динарских гор и Кавказа еще плескались волны океана. Горы выравнивались, размывались, снова поднимались и снова размывались, образуя своего рода ступени, которые хорошо подчеркиваются здесь чередованием горной растительности. На первой ступени сейчас шумят широколиственные дубравы и буковые леса, на второй — темные хвойные леса, а третья покрыта зелеными коврами альпийских лугов.

Издали Рила со своими крутыми склонами и острыми зубчатыми гребнями выглядит как единое монолитное целое. Но если подняться на одну из ее вершин, можно увидеть, что ущельями и глубоко врезанными речными долинами она разрезана на четыре крупные части. Один из них с вершиной Сталин, с огромным скалистым амфитеатром цирка, в котором сверкают семь жемчужин — семь ледниковых озер. Массив расположен между долинами Бели- Искыра и Крива-реки и рядом горных котловин.

И сами ледниковые озера и скалистый цирк, в котором они расположены, являются следами последнего (четвертичного) оледенения, как и другие цирки и озера Рилы. Тогда граница вечных снегов лежала на уровне 2200—2300 *м*, на 700 *м* ниже, чем теперь, а с Рильских хребтов в речные долины сползали языки ледники.

Остальные горы Болгарии более низки, и оледенение их не коснулось. Только на Риле да еще в Родопах есть такие острые, неприступные, зубчатые гребни, цирки и ледниковые озера.

Путь на вершину Рилы идет вначале через прекрасный, светлый, широколиственный лес из дуба и бука, к которым примешивается южный ясень, клен и платан. Чем выше, тем больше бука; затем появляется ель. На высоте около 1000 *м* начинается густой хвойный лес, где гигантские, стройные сосны достигают 30—40 *м* в высоту. По обеим сторонам горного шоссе стоят зеленые стены векового соснового бора.

Но вот деревья расступаются, и шоссе выходит на поляну. Среди сосен мелькают красивые, светлые постройки дач, домов отдыха, санаториев. Это Боровец, один из самых известных в Болгарии горных курортов.

От Боровца горный путь, поднимаясь все выше, идет на юг, через вековой хвойный лес. Среди сосен и елей мелькают темные стволы европейской пихты. Густые ветвистые кроны сосен и елей по обеим сторонам тропы иногда сближаются так, что под их пологом всегда царит мрак.

В глубине леса, где редко бывает человек, крадутся волк и лиса, дикие кошки и рыси, бродит медведь. По солнечным полянам стремительно проносятся пугливые олени и серны, а кабаны взрывают в ложбине болотную почву.

Эти животные, сохранившиеся в густых лесах Рилы, давным-давно истреблены в Центральной Европе и редко встречаются в других уголках Болгарии.

Тропа идет все дальше вверх по долине горной речки Боровецкой Быстрицы. Речка вполне отвечает своему названию: шумным потоком, стремительно несется она по каменистому руслу, налетая с разбега на огромные камни, разбиваясь в миллионы сверкающих на солнце брызг и снова собираясь в мчащийся среди скал поток.

Все выше поднимается тропа по склону, и вот уже могучие лесные великаны отступают, сменяются низкими, приземистыми деревцами.

На высоте около 2 тыс. *м* сосна, ель и пихта уже не сплетаются над головой высоким сводом, а прижимаются к земле и вместе с карликовой ольхой, можжевельником и рододендроном образуют невысокую кустарниковую заросль — криволесье, через которое иной раз не так легко пробраться. Среди кустарников встречаются субальпийские лужайки с пестрым ковром цветов.

Горизонт раскрывается; теперь уже видно далеко вокруг. Впереди протянулась широкая долина Боровецкой Быстрицы. Когда-то по ней сползал ледник, который превратил узкую долину в широкую, придав ей корытообразную форму, а при отступлении оставил в ней поперечные каменные валы — морены. Через эти моренные валы и гранитные пороги и пробивается сейчас стремительная Быстрица на своем пути к Искыру.

Начиная с высоты в 2300 *м* выравненные пологие склоны гор покрыты обширными альпийскими лугами. Некоторые склоны поросли короткой щетинистой травой, другие в течение всего лета имеют сочную темно-зеленую траву, пестреющую ярко-красными, фиолетовыми и синими колокольчиками и другими цветами. На вершинах Рилы много альпийских растений, не встречающихся на других горных массивах Болгарии. На обильных горных пастбищах пастухи со своими лохматыми помощниками-собаками все лето пасут стада коров и овец.

Чем выше поднимается горная тропа, тем чаще на поверхность выступают гранитные глыбы, обломки скал. Появляются осыпи, и каменные потоки спускаются с крутых, скалистых обрывов в широкие цирки, где блестят серебристые озера и белеют нетающие снежники.

Тропа ведет из долины в горный амфитеатр. Вот блестит впереди первое, самое нижнее озеро, над ним другое, третье. А над серебристой гладью спокойных озер возвышаются могучие древние пики, украшенные сединами многочисленных снежников.

Здесь, на каменистом склоне, поросшем приземистыми сосенками и можжевельником, окруженном с трех сторон каменными осыпями, стоит туристская база, построенная у одного из озер на высоте 2400 *м*.

От базы тропа идет по краю огромного цирка. Она становится все у́же и то извивается между огромными гранитными глыбами, то скользит над обрывами. Вверху зазубренные, острые скалы, а внизу голубые озера. Тропа тянется через скалистые пороги, подпруживающие озера с севера.

Но вот последнее из семи озер — самое высокое на Балканах. Оно наполовину сковано льдом. У его краев даже в самое жаркое лето всегда сохраняется широкая кромка нетающего льда.

Никогда еще на памяти людей это озеро не оттаивало полностью, всегда на нем у берега сверкает ледяной полумесяц. Поэтому и называется оно Ледяным озером. Синеют воды его, блестит ледяная полоса и ослепительно сверкают окружающие озеро белые снежники, а высоко в голубой синеве неба вздымаются серые гранитные скалы.

Пройдя по каменной осыпи, тропа поднимается выше, на крутой, почти отвесный склон вершины. Путь становится уже опасным. Неосторожный шаг может повлечь за собой обвал. Отсюда подъем идет по острому ребру вершины. С обеих сторон зияют двухсотметровые обрывы. У непривычного человека тут иногда начинает кружиться голова. Но вот еще несколько усилий, и через четверть часа — вершина.

Здесь, на самой высокой точке Болгарии, расположена метеорологическая станция. Ее работники ведут регулярные наблюдения и дают прогноз погоды. Кроме того, они изучают снежники и озера, что имеет большое значение для гидроэнергетического хозяйства республики.

Чудесная панорама открывается с вершины. Внизу раскинулась могучая Рила, а вокруг теснятся вершины гор и цепи хребтов, сливаясь, исчезают в тумане на горизонте. Отсюда видны обширные Родопы, снежный Пирин, Витоша, Стара-Планина.

Вот она, Рила. Широко раскинулся лабиринт ее хребтов. Поросшие дремучими лесами или покрытые зелеными альпийскими лужайками горы чередуются с острыми голыми гребнями. Более десяти вершин Рилы поднимаются выше 2700 *м*.

Взор охватывает отсюда и скалистые цирки, и сверкающие озера, и альпийские луга, и дремучие хвойные леса, лучшие во всей Болгарии. «Зеленое золото» лесов — богатый источник необходимой в народном хозяйстве древесины. Уже учатся в Боровце в лесном техникуме будущие лесоводы и лесничие. Уже работают лесопилки в ближайших селах. Лучшие леса превращены в государственные заповедники. В недрах гор есть гранит, битуминозные сланцы, лигнит. Найдены следы оловянных, медных и цинковых руд и золото в речных песках. Все эти богатства принадлежат народу и используются для его блага.

ТРАГЕДИЯ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ

Е. Ермолаева

Полукругом с севера на юг протянулась в Ионическом море группа греческих островов: Итака, Кефаллиния, Закинф и другие.

Когда-то эти острова составляли единое целое с горными хребтами Балканского полуострова. Постепенно часть суши была раздроблена сбросами и опустилась в море. Так образовались Ионические острова с резко очерченными, обрывистыми берегами.

В центральной части островов поднимаются горные кряжи, сложенные главным образом известняками и сланцами, которые у берегов постепенно понижаются и переходят в равнины.

Обильные дожди и не очень жаркое солнце, плодородные почвы и мягкий, влажный климат (со средней температурой $+25°$ в июле и $+10°$ в январе) способствуют развитию здесь пышной растительности.

Много лет назад густые леса покрывали склоны гор Ионических островов. Вырубка деревьев и частые в этих местах пожары привели к полному истреблению лесов. Теперь тут лишь изредка видны группы сосен, одинокие дубы и кипарисы да местами сохранились вечнозеленые кустарники.

Острова, несмотря на близкое расположение друг от друга, отличаются по своим ландшафтам.

Высокие, отвесные, большей частью лишенные растительности скалы составляют характерный пейзаж острова Кефаллиния. В ясную солнечную погоду с моря хорошо видна вершина увенчивающей остров самой высокой в этом архипелаге горы Энос (1627 *м* над уровнем моря). На ней до сих пор сохранились развалины храма Зевса. Небольшие сосновые рощи раскинулись поблизости от вершины горы.

Кефаллиния, как и другие острова, остро испытывает недостаток пресной воды. Летом большинство речек и других источников воды иссякают, поля страдают от засухи,— потрескавшаяся известняковая почва, как решето, пропускает воду. Поэтому здесь повсюду можно встретить цистерны, бочки, различные хранилища для дождевой и талой воды. Если долго нет дождей, то воду для питья привозят с материка.

Чуть ли не единственной достопримечательностью острова являются две «морские мельницы», построенные в прошлом веке. Морская вода поступает по искусственному желобу на колеса мельниц и затем, через какую-нибудь сотню метров, исчезает в трещинах известняковой почвы.

В наиболее крупных долинах острова много виноградников, оливковых и фруктовых рощ.

На восточном берегу, у залива, находится главный город и порт Кефаллинии — Аргостолион. Отсюда вывозятся коринка, вино, оливковое масло и дыни.

Небольшой пролив отделяет Кефаллинию от гористого острова Итака. Почти обнаженные холмы, «годные лишь для пастбищ овец»,— так когда-то писал Гомер об Итаке, имеющей скудную растительность. Это описание соответствует и настоящему времени. Главное занятие жителей острова — разведение овец.

На острове много древних руин. До сих пор на Итаке сохранилось много названий, широко известных по приключениям гомеровского Одиссея.

Самым богатым из Ионических островов считается Закинф («Золотой остров»), славящийся своими виноградниками и пло-

дородными полями. На острове сохранились тенистые рощи, воспетые Гомером и Виргилием. Главный город, Закинтос,— старинный и красивый. Дома живописно лепятся на скале, на вершине которой высится древняя крепость.

Большая — западная — часть острова занята невысокими горами, почти лишенными растительности. Восточная часть — очень плодородная равнина, отделенная от побережья цепью холмов, поросших оливковыми рощами. В долине на аллювиальных почвах зреют апельсины, лимоны, миндаль, виноград. Больше всего здесь душистого винограда, который в сушеном виде (коринка) идет на экспорт; вывозят отсюда и различные фрукты и цветы.

* *
*

В 1953 г. ужасное бедствие постигло население Ионических островов. 11 и 12 августа два огромной силы подземных толчка сотрясли острова. Дома рушились, погребая под обломками сотни людей. Высоко в воздух поднялись столбы дыма и пыли. В нескольких местах из земли вырвалось пламя. Море бурлило и пенилось. Казалось, оно вот-вот поглотит землю. Начались пожары.

На острове Кефаллиния раскололась на две части вершина горы Энос. От другой горы отделилась и сползла в море огромная глыба. Второй подземный толчок до основания разрушил главный город и порт острова, Аргостолион, а также города Ликсурион, Сами и большое число деревень. Ливни и шквалы уничтожили на острове весь урожай.

В главном городе острова Закинф после землетрясения сохранилось лишь три здания. На острове Итака был разрушен город Вати и многие деревни.

Население островов тяжко страдало без медицинской помощи и продуктов, без воды, без одежды. Десятки тысяч людей жили под открытым небом на опустошенной территории.

Подземные толчки на островах ощущались более двух месяцев. В августе они были очень часты. С 11 по 23 августа было зарегистрировано более 240 подземных толчков. В конце августа три новых толчка разрушили последние дома на Кефаллинии. Сразу же после этого пронесся ураган и разразился сильный ливень. Потоками воды и ветром были снесены почти все временные жилища — палатки.

На островах погибло около тысячи человек и 10 тыс. было ранено. Из 125 тыс. населения почти 100 тыс. остались без крова. Больше всего пострадали острова Кефаллиния, Закинф и Итака.

Эпицентр землетрясения находился в Ионическом море. Но оно ощущалось очень сильно и на островах Средиземного моря.

Землетрясения на Ионических островах — довольно частое явление. Но катастрофы подобной силы они еще не знали.

ПО ГРЕЦИИ

Л. Величанский

В третичный период Балканский полуостров был спаян с Малой Азией древней сушей герцинского возраста — Эгендой. В конце третичного и в начале четвертичного периода произошли колебательные движения и мощные по своему размаху расколы и сбросы, по которым Эгеида погрузилась на дно моря, а Балканский полуостров расчленился на массивные глыбы, разделенные котловинами. Котловины и разделяющие их массивные средневысотные хребты чрезвычайно характерны для рельефа Греции. Ее берега образованы сбросами; выдающиеся в Эгейское море полуострова Халкидонский, Магнезия, Аттика, а также полуостров Пелопоннес — сохранившиеся от погружения участки суши. Остатками древней суши в Эгейском море являются острова Спорады, Киклады и др. Движения земной коры не закончились и в настоящее время, о чем свидетельствует наличие вулкана Санторин и частые землетрясения на берегах Греции.

* *
*

Аттика — юго-восточная часть материковой Греции — большим клином выдвинута в море.

Едем по плодородной долине Аттики. По обе стороны дороги — виноградники и поля. Собственно, это даже не поля, а нечто среднее между пашней и оливковой рощей. Кургузые, узловатые оливковые деревья рассажены на расстоянии 8—10 *м* одно от другого, а земля между ними вспахана и засеяна пшеницей. Часто встречаются деревья с жесткими, разлапистыми листьями. Это смоковница, или фиговое дерево. Плоды смоковницы у нас на юге называют инжиром или винной ягодой.

Некоторое время дорога идет по сравнительно ровной местности. Но вскоре начинаются холмы и невысокие горы. В цепи этих гор есть даже свой местный Олимп, но он в шесть раз ниже фессалийского Олимпа, снежная вершина которого поднимается на 2917 *м* над уровнем моря.

Миновав небольшой перевал, спускаемся к морю. Впереди — закопченный промышленный городок Лаврион. Лаврион и в древние времена был центром горнорудного дела. В период расцвета Афинского государства в рудниках Лавриона работало до 10 тыс. рабов, добывавших серебро и свинец. Кроме серебра и свинца, неподалеку от города имеются залежи железа с ценными примесями марганца, магнезита и хрома.

Недра Греции исследованы слабо. В различных частях страны обнаружены залежи ценных руд, бурого угля и большие запасы бокситов, из которых добывается алюминий, но разработка этих месторождений ведется в ничтожных размерах.

Проехав километров десять по живописному берегу моря, мы достигаем мыса Сунион — южной оконечности Аттики. Оставив машину у гостиницы, поднимаемся по тропе на холм, который с другой стороны обрывается в море 60-метровой отвесной стеной. На вершине скалы — остатки древнего храма Посейдона —

мифологического бога морей. Отсюда на три стороны простирается море.

...Другую поездку по Аттике мы совершили в северном направлении, на Парнис. Это гора, когда подъезжаешь к ней со стороны Афин, представляется малоинтересной. Кажется, что она лишена лесного покрова. Из упоминаний древних писателей известно, что горы Аттики и Беотии были покрыты дремучими лесами. Веками эти леса вырубались, а дожди смывали почву, не закрепленную древесными корнями. На голых, каменистых склонах уже ничего не росло. Сейчас только десятая часть территории страны покрыта лесами и кустарниками. Леса сохранились главным образом в малодоступных горах Западной Македонии, Этолии и Пелопоннеса.

Поднявшись по крутой, извилистой дороге, сворачиваем в ущелье, и картина сразу меняется. Оба склона ущелья заросли голубоватыми соснами и елями. Останавливаемся под огромными платанами у часовни, возле которой из вделанной в камень трубы бьет родник. В дупле одного платана могут свободно поместиться десять человек.

Дальше можно только идти пешком и за три-четыре часа можно подняться на вершину Парниса — самую высокую гору Аттики (1413 *м*). Все северные склоны горы и ее отрогов покрыты густым еловым лесом.

С вершины открывается замечательный вид на всю долину Аттики и на огромный остров Эвбею. В одном месте, возле города Халкиды, остров отделен от материка узким, всего в полтора десятка метров, бурным проливом. По преданию, в нем утонул великий мыслитель древности Аристотель.

ПО ДОРОГАМ ПЕЛОПОННЕСА

Пелопоннес — большой полуостров, составляющий примерно седьмую часть территории Греции. После сооружения судоходного канала через узкий Коринфский перешеек Пелопоннес фактически стал островом. С материком он соединен теперь только мостом через канал.

Мы проехали на автомашине около 60 *км* от Коринфа по берегу Коринфского залива на запад, в сторону города Патры. Довольно широкая полоса земли между морем и горами занята виноградниками. Здесь, как и во всем западном Пелопоннесе и в некоторых районах южной части полуострова, выращивают особый сорт винограда — коринку, само название которого происходит от Коринфа. Это мелкий черный виноград без косточек, который идет на сушку.

В местечке Диакоптон мы оставили машину и пересели в вагончик железной дороги, чтобы проехать до Калавриты — горного городка, получившего трагическую известность, после того как во время войны гитлеровцы расстреляли там поголовно всех

мужчин с 14-летнего возраста. Небольшой паровозик, какие у нас обычно именуют «кукушками», преодолевает крутой подъем, цепляясь ведущими зубчатыми колесами за такой же зубчатый средний рельс.

Дорога идет по ущелью небольшой горной речки. Часто рельсы проложены по уступам, вырубленным в отвесных стенах известняковых скал. Мы едем на юг, но одновременно подымаемся вверх, и поэтому растительность меняется, как если бы мы с необыкновенной быстротой продвигались с юга на север. Вечнозеленые растения сменяются листопадными, затем идет смешанный хвойно-лиственный лес, похожий на наши среднерусские леса. Не хватает только березы. Еще выше идет хвойный лес, а ближе к самым горным вершинам лежит полоса горных лугов, но наш поезд не взбирается так высоко. Точно так же меняются сады и поля. Сначала идут виноградники, затем поля пшеницы и кукурузы и еще выше — ячменя. Земли, пригодной для обработки, в горах немного, но зато здесь богатые пастбища.

Южная часть полуострова покрыта цепями гор и холмов, почти лишенных растительности. Лишь днища некоторых горных котловин покрыты оливковыми рощами и возделанными полями. А все вокруг лишено жизни...

КИКЛАДЫ

Примерно одну пятую всей территории Греции составляют острова, разбросанные в Эгейском, Ионическом и Средиземном морях. Среди них выделяются большие острова — Крит, Корфу, Лесбос, Хиос, Кефаллиния, Родос. Площадь самого крупного из них, Крита, 8400 *кв. км;* на нем проживает более 400 тыс. жителей. Есть небольшие острова, где живет несколько рыбачьих семей, и совсем маленькие, безымянные островки, куда опускаются только чайки.

Наиболее многочисленны острова Кикладского архипелага. Самый большой из них — Наксос. В Наксосе есть лимонные, апельсиновые и оливковые рощи, много фиговых и других фруктовых деревьев. Здесь сеют пшеницу и кукурузу. Остров известен еще тем, что там находится одно из самых богатых в мире месторождений ценного минерала — наждака. Недра соседних островов богаты другими ископаемыми: на острове Парос — замечательный мрамор, из которого скульпторы древности создали свои шедевры; на Китносе — серебро, на Серифосе — железо, на Аморгосе — бокситы.

В Южной части Киклад находится интересный островок — Санторин. Он вулканического происхождения и имеет подковообразную форму. Гавань, образуемая изгибом острова, не что иное, как кратер еще не совсем потухшего вулкана. В центре гавани — два островка: Мегали (Большой) Камени и Микра (Малый) Камени. Это следы последних извержений. Первый

островок возник из остывшей лавы в 196 г. до н. э., второй появился сравнительно недавно, в 1573 г. Горячие хлоронатриевые ключи также напоминают людям о том, что они живут на вулкане.

Жителей многих островов кормит море. Молодые служат матросами на греческих и иностранных торговых судах, старики выходят в море за рыбой, ребятишки ловят креветок и каракатиц.

«Что бы мы делали на наших бесплодных камнях, если бы не море?» — говорил мне один рыбак с острова Эгина.

АФИНЫ

По *М. Семенову* и др.

Дорога с аэродрома в Афины идет вдоль берега моря, сплошь усеянного тавернами, ресторанами, пляжами. Это набережная — излюбленное место отдыха и вечерних прогулок афинян, устремляющихся из душного города на берега бухты Фелерон.

Афины — столица Греции. Это большой город, в котором живет около 600 тыс. человек. Среди большого количества современных зданий здесь рельефно выделяются многочисленные памятники древности. Известно, что древние Афины славились на весь мир своей красотой, созданной бессмертным гением зодчих и художников и поистине титаническим трудом сотен тысяч рабов. Греки по праву гордятся своим прошлым, и поэтому акрополь с руинами храмов — главная достопримечательность, которую показывают в Афинах иностранным туристам. Мы поднимаемся по мраморным ступеням на высокий холм акрополя. Внизу остаётся обрамленный с трех сторон горами, залитый солнцем город.

Мы слушаем рассказ нашего гида о тех древних временах, когда был построен акрополь — укрепленный город на высоком холме, призванный защищать Афины от набегов врагов.

Входим в акрополь через Пропилеи — мраморную колоннаду огромных размеров. По обеим сторонам этой колоннады когда-то находились крытые галереи, стены которых были украшены произведениями великих художников. В самом центре акрополя возвышаются колонны и стены знаменитого храма Парфенон. Скульптурные украшения Парфенона были выполнены величайшим скульптором древности Фидием. Им же была изваяна из слоновой кости и золота огромная статуя богини Афины, стоявшая внутри храма. Первое впечатление — это необыкновенная легкость и величавая простота всего сооружения, удивительная гармония и изящество линий, сочетающихся с какой-то выразительной теплотой бело-желтого мрамора, который, кажется, на-

вечно впитал в себя сияние солнечных лучей. Парфенон покоится на высоком фундаменте в виде мраморных ступеней, а вокруг него — выжженная зноем трава, беспорядочно разбросанные глыбы мрамора, среди которых пламенеют алые маки. Можно часами стоять и любоваться красавцем-храмом — чудесным творением древнегреческих мастеров.

Время и люди были безжалостны к храму. Много раз он подвергался разрушению и разграблению. После завоевания Афин турками Парфенон был превращен в мечеть. Затем здесь находился пороховой склад. В 1687 г., во время войны с Венецией, в Парфенон попала бомба. Многие богатства Парфенона были вывезены в музеи Лондона, Парижа и Рима. Греки бережно хранят свою святыню. Подняты с земли колонны, водружены на фронтоны остатки скульптурных групп и украшений. Воздвигнутый 2400 лет назад Парфенон живет и сегодня. Там, где тянулась огражденная многометровой толщей стен дорога, соединяющая город-крепость с портом, теперь грохочут электрички. Выросли заводы и мастерские в кварталах ремесленников, ковавших оружие и утварь. У подножия храмов, где толпы афинян слушали раньше степенных глашатаев, мальчишки-газетчики выкрикивают новости, доставленные телеграфом.

Неподалеку от Парфенона поднимаются развалины миниатюрного храма Эрехтейона. Изящны его украшения: сквозь многие века дошли до нас тонкие лица женщин, их живые, трепетные руки, легкая драпировка одежды. Нельзя не восхищаться искусством художников древней Эллады, которые умели так «очеловечивать» мрамор, придавать ему такие совершенные формы.

С вершины акропольского храма смотрим на полукружие заросших травой трибун театра Диониса — самого древнего театра в мире, на пустынную площадку афинского форума.

В Афинах, расположенных на холмах, прилегающих к Акрополю и Ликанетосу, много прекрасных зданий, отделанных мрамором — самым дешевым здесь строительным материалом.

Много и так называемых «доходных» домов — стандартных зданий, где сдаются в наем меблированные квартиры. Их снимают чиновники, служащие торговых и промышленных фирм. Есть в городе и кварталы городской знати. Это район Психико. Среди вечной зелени стоят особняки финансистов и дипломатов, купцов и промышленников. Перед особняками — олеандры, клумбы с розами, кусты синевато-зеленых колючих кактусов. В садах зреют золотистые фиги, лимоны, апельсины, миндаль.

На асфальтированных, хорошо освещенных улицах нет обычной для города сутолоки. Лишь изредка пронесется автомобиль, промчится группа велосипедистов — и опять тишина.

Рабочий люд живет на окраинах. Одноэтажные каменные домики лепятся друг к другу. В этих домах нет многих элементар-

ных удобств. Воду приходится носить из колонок. Улицы часто не освещены. Автомобили и повозки поднимают клубы пыли, которая покрывает густым слоем крохотные оконца.

...Город просыпается рано. Солнце еще не выглянуло из-за окружающих Афины гор, а на улицах царит оживление. Открываются булочные, кафе, мясные и овощные лавки. Идут разносчики свежей рыбы и фруктов. Появляются ремесленники, готовые предложить свои услуги: наточить ножи, починить мебель.

Люди идут на работу. Многие спешат на электричку, чтобы отправиться в район порта, где сосредоточены основные предприятия.

Толпа очень пестра. Важно шествует священник в длиннополой рясе, навстречу ему бежит мальчишка-разносчик с корзиной. Из какого-то учреждения выпорхнули девушки, чтобы немножко размяться после долгого сидения за письменным столом. Много продавцов лотерейных билетов, газетчиков. На углу стоит пожилой грек, весь увешанный морскими губками. Рядом — ослик с корзинками, наполненными виноградом.

Вдоль тротуара расположились менялы. Они могут обменять греческие драхмы на любую валюту.

Сорокаградусная жара. Мужчины одеты в белые или голубые рубашки с короткими рукавами и светлые брюки. Женщины — в легких, открытых платьях.

В Афинах постоянно чувствуешь близость Востока. Трудно сказать, что именно придает городу этот восточный колорит,— может быть, мулы и ослики, запряженные в повозки, какие встречаются на улицах Стамбула, Каира и Дамаска, или сохранившиеся кое-где минареты мечетей — немые свидетели былого владычества Порты; может быть, наряд гвардейцев, стоящих на часах у королевской резиденции: ярко-красные фески, юбочки выше колен и войлочные туфли с загнутыми вверх носами; а скорее всего — присущий только Востоку, необычайно пестрый облик толпы: люди спешат куда-то, что-то гортанно выкрикивают, отчаянно жестикулируют... С двух часов, когда зной становится нестерпимым, жизнь в Афинах замирает. Закрываются двери магазинов, прекращается работа в учреждениях. Но вот повеяло вечерней прохладой, зажигаются огни реклам на Синдегеме, главной площади Афин. Она вся заставлена столиками. Угощения самые скромные: чашка кофе со стаканом холодной воды, иногда бисквит. Слышна музыка. На импровизированной эстраде выступают певцы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮЖНАЯ ЕВРОПА

Цветные вклейки:

8 р. 40 к.

УЧПЕДГИЗ • 1959